44 5/42

Ex Libris П. Семеновскаго
Книга-Ярь людского вѣка.
Нищихъ солнце. Все, что есть—
И въ просторъ земная вѣсть!
Гордость Богу человѣка,
А предвѣчной Теми-месть.

44 5/42

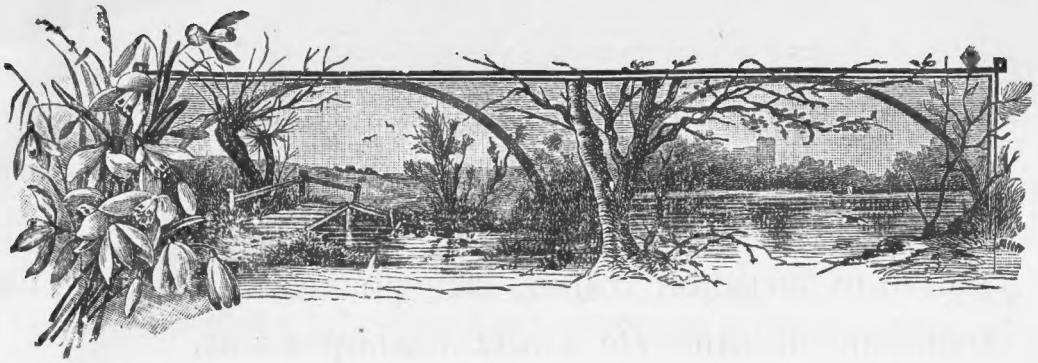
Д 5а 5/69
44 5/42

Д. И. ЭВАРНИЦКІЙ.

ПО СЛѢДАМЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литогр. и Фотот. П. И. Бабкина, Англійск. пр. № 28.
1898.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
3393
15-II-1929
БИБЛИОТЕКА



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ настоящій трудъ, авторъ находитъ нужнымъ сказать, что всѣ представленные въ немъ типы, сцены, встрѣчи и приключенія не измышлены имъ, а взяты прямо съ натуры, выхвачены изъ дѣйствительной жизни. Если тутъ и сдѣланы какія-либо измѣненія, то только въ отношеніи фамилій дѣйствующихъ лицъ и названій селъ или деревень. Авторъ уже около пятнадцати лѣтъ подъ рядъ разъѣзжаетъ по разнымъ мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскаго низового войска съ цѣлями археологическими, историческими и этнографическими. Научные результаты, добытые отъ такихъ поѣздокъ, изложены имъ въ соотвѣтствующихъ трудахъ—*Запорожье въ остаткахъ старины, Вольности запорожскихъ козаковъ, Исторія запорожскихъ козаковъ*, а живые типы, сцены и приклю-

ченія изображены въ настоящемъ трудѣ. Такъ какъ дѣло происходитъ въ мѣстахъ бывшаго Запорожья, и главныя дѣйствующія лица—всѣ потомки, по мужской или женской линіи, запорожцевъ, то и самое сочиненіе названо *По слѣдамъ запорожцевъ*.

Въ поискахъ за козацкими древностями.

ОСТАВИВЪ себѣ задачею серьезное изученіе исторіи запорожскихъ козаковъ, я не могъ довольствоваться изученіемъ однихъ только военныхъ подвиговъ запорожцевъ, а непремѣнно хотѣлъ представить себѣ, въ возможной полнотѣ, и всю внутреннюю жизнь ихъ: внутренняя жизнь народа даетъ возможность познать его духъ, его умственныя и нравственныя силы, его способность или неспособность къ культурѣ, наконецъ, его оригинальность и самодѣятельность. И мнѣ казалось, что однимъ изъ лучшихъ вспомогательныхъ средствъ для яснаго пониманія внутренней жизни того или другого народа должны быть тѣ культурные пережитки, которые народъ оставляетъ послѣ себя въ видѣ различныхъ предметовъ домашняго и военнаго обихода для послѣдующихъ поколѣній и которыя попадаютъ на храненіе въ общественные музеи и частныя собранія древностей. И такъ, я рѣшилъ обратиться къ частнымъ собраніямъ козацкихъ древностей. Но у кого можно видѣть собраніе козацкихъ древностей? Съ такимъ вопросомъ я обратился однажды къ бывшему въ городѣ Екатеринославѣ владыкѣ Ѳеодосію, который пріобрѣлъ въ ученомъ мірѣ нѣкоторую извѣстность изданіемъ матерьяловъ для исторіи и статистики бывшаго запорожскаго края. Владыка указалъ мнѣ на одного изъ богатыхъ и извѣстныхъ помѣщиковъ екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, составившаго

у себя большую коллекцію всевозможныхъ древностей, въ томъ числѣ и козацкихъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи. На того же помѣщика указали мнѣ и въ самомъ городѣ Новомосковскѣ.

И такъ рѣшено: я ѣду изъ Екатеринослава въ Новомосковскъ и изъ Новомосковска въ Кошенятовку, имѣніе помѣщика Ларіона Спиридоновича Куркуль-Запорожскаго. Куркуль-Запорожскій ведетъ свой родъ, по отцу, отъ какого-то татарскаго мурзы, а по матери отъ сѣчевого козака, по фамиліи Запорожскаго, и отъ извѣстнаго гетмана Даніила Апостола.

Изъ Новомосковска до Кошенятовки считается около 70 верстъ, и это разстояніе я рѣшилъ проѣхать въ одинъ день. Выѣхалъ я изъ Новомосковска при вполнѣ благопріятной погодѣ и совершенно бодрымъ и здоровымъ. На этотъ разъ мнѣ попался возница мрачный, угрюмый и необщительный. Лошаденки его измученныя полевыми работами, дѣйствовали очень вяло и подвигались впередъ очень медленно. Поднимая надъ ними высоко свой «батигъ», возница только помахивалъ имъ въ воздухѣ, но опускалъ его мимо лошадей. Изрѣдка онъ дернетъ возжей то праваго рыжей масти, то лѣваго вороной масти коня и пошлетъ то одному, то другому энергичное пожеланіе: «Но! А шобъ тоби нудно! Но! А шобъ тоби нудно»! Но оба коня, или давно уже привыкнувъ къ такимъ возгласамъ своего хозяина или вовсе не понимая его, только поводили своими обвислыми ушами, но шагу лишняго вовсе и не думали прибавлять. Оттого путь изъ Новомосковска до Кошенятовки не уменьшался въ моемъ воображеніи, а, казалась, какъ будто даже все болѣе и болѣе выросталъ и удлинялся. Къ тому же на небѣ, дотолѣ совершенно чистомъ и голубомъ, какъ бываетъ чиста и голуба лучшая порода бирюзы, стали появляться небольшія тучки, которыя потомъ, все болѣе и болѣе разростаясь, подъ конецъ заволокли все небо темно-сѣрой пеленой. Скоро изъ тучъ полилъ крупный и частый дождь, а вмѣстѣ съ дождемъ подулъ холодный сѣверовосточный вѣтеръ, и тутъ я на собственномъ опытѣ испыталъ, что значитъ ѣхать въ открытой степи въ дождь, при сильномъ вѣтрѣ, не имѣя у себя никакой сверху защиты и плестись шагомъ на затасканныхъ лошадяхъ. Дождь нѣсколько часовъ подъ рядъ, безъ перерыва, лилъ намъ за шею, не оставилъ у насъ ни единой сухой нитки и сдѣлалъ подъ нами, на днѣ ящика брички, настоящую лужу. А сильнѣйшій и порывистый вѣтеръ безжалостно

хлесталъ намъ въ лицо, обдавалъ насъ со всѣхъ сторонъ стужею и, казалось, проникалъ до самаго мозга нашихъ костей. Я долго и стоически переносилъ такую непогоду, но потомъ почувствовалъ у себя, за спиной, сперва легкій ознобъ, перешедшій потомъ въ сильнѣйшую во всемъ тѣлѣ дрожь. Чѣмъ дальше мы ѣхали — тѣмъ мнѣ становилось все хуже и хуже. Я пробовалъ было идти пѣшкомъ возлѣ брички, но вслѣдствіе страшной грязи и сильнаго вѣтра, сбивавшаго меня съ ногъ, не могъ идти по дорогѣ и вновь влѣзалъ въ мокрую бричку. Лошади наши или только еле-еле передвигали съ мѣста на мѣста свои ноги, или вовсе останавливались и отказывались идти впередъ. «Но! А шобъ тоби нудно»! печально выкрикивалъ мой возница, но это «но» теперь уже ровно никакого значенія не имѣло для его измученныхъ лошадей. Вотъ уже и вечеръ наступаетъ, вотъ уже и ночь начинаетъ обнимать насъ, а мы все ѣдемъ да ѣдемъ и дождь все хлещетъ и хлещетъ намъ въ лицо. Но всему же бываетъ конецъ; такъ наступилъ конецъ и безжалостно полосовавшему насъ дождю. Было уже около десяти часовъ ночи, когда дождь прекратился, и на небѣ стали показываться, но какъ-то робко и нерѣшительно, далекія, мелькавшія синенькими огоньками, звѣздочки. Показался было и молодой мѣсяцъ, но онъ былъ такъ юнъ и такъ блѣденъ, что не принесъ намъ никакой отрады. За то съ наступленіемъ ночи по всей степи потянуло такимъ хлодомъ и сыростью, что мнѣ совсѣмъ стало скверно. Я началъ весь дрожать какъ во время пароксизма сильнѣйшей лихорадки и почувствовалъ въ себѣ необыкновенный упадокъ силъ. Слабость моя была такъ велика, что я не могъ даже отъ страшныхъ коликъ въ бокахъ сидѣть въ бричкѣ и спустился съ нея на землю. Что такое произошло со мной? Ноги мнѣ не служатъ, руки мнѣ не повинуются, голова отказывается держаться на плечахъ, и я въ полномъ безсиліи ложусь на какой-то курганчикъ, одиноко стоящій у проѣзжей дороги и чувствую себя совершенно безпомощнымъ. Противъ меня стоятъ унылый и безучастно смотрящій въ одну точку возница и въ конецъ истомленныя его лошаденки. Пролежавъ нѣсколько минутъ на сырой и холодной землѣ, я, наконецъ, какъ бы въ первый разъ въ моей жизни созналъ, что дѣлаю себѣ тѣмъ страшный вредъ и, собравъ послѣднія силы, снова влѣзъ въ бричку и велѣлъ, какъ можно скорѣй, погонять лошадей впередъ. Лошади или отъ того, что нѣсколько отдохнули, или отъ того, что продрогли, стоя безъ движенія, пу-

стились впередъ легкой рысцой, благо и дорога пошла по длинному скату все внизъ и внизъ! Вотъ еще часъ времени и часъ усилія, и мы, наконецъ, пріѣхали въ село Кошенятовку. Уже поздно ночью въѣхали мы въ обширный дворъ какого-то постоялаго, построеннаго на помѣщичьей землѣ, но арендуемаго евреемъ Едва войдя въ комнату, едва успѣвъ перемѣнить мокрое платье на сухое, я тотъ же часъ упалъ на деревянный, безъ всякой подстилки, диванъ и моментально уснулъ.

Меня разбудилъ раннимъ утромъ медленный, но сильный колокольный звонъ, несшійся съ деревянной колокольни, что̀ на площади, и гулко раздававшійся по всему селу. Прійдя въ полное сознаніе и осмотрѣвшись кругомъ, я вспомнилъ, что то былъ первый день Троицы, и мнѣ жутко стало на душѣ, что я въ такой радостный и торжественный праздникъ нахожусь въ совершенно неизвѣстной мнѣ обстановкѣ и главное чувствую себя больнымъ. Желая доставить себѣ нѣкоторое развлеченіе, я собрался съ силами и вышелъ съ постоялаго двора съ цѣлью посѣтить храмъ. Тутъ я увидѣлъ прежде всего обширную площадь. Съ правой стороны на этой площади стояла деревянная, древней архитектуры, обсаженная кругомъ деревьями, обнесенная высокой оградой, симпатичная и невольно привлекавшая къ себѣ церковка; прямо, передъ глазами, виднѣлись высокія каменныя ворота съ фигурами бѣлыхъ львовъ, взнесенныхъ на самый фронтонъ воротъ, и деревянная на каменномъ фундаментѣ рѣшетка, а за воротами выдѣлялась деревянная изъ драни крыша обширнаго барскаго дома; въ линію съ главными воротами вытянулись длинный флигель и разныя господскія службы, крытыя соломой и камышомъ. Въ то время, когда я выходилъ изъ воротъ постоялаго двора, черезъ площадь «ды́бавъ» въ церковь, какъ то особенно бочкомъ, старенькій батюшка, небольшого роста, сухощавый, съ рыжевато-пепельной длинной бородой, въ золотыхъ очкахъ и съ высокимъ посохомъ въ правой рукѣ. При этомъ мнѣ такъ и вспомнилось стихотвореніе одного малорусскаго поэта:

Ды́бае ба́тюшка въ це́ркву й кахы́ка,
Ка́же винъ: слу́жба бъ то на́че моя невелы́ка,
Але́ жъ таки́ ста́ристъ мене кри́пко дійма́е,
Служу́ пьятый десятокъ—вже й сы́лы не ма́ю».

Побродивъ немного по площади, я, наконецъ, вошелъ въ церковь, уже вплотную наполненную всякаго возраста и состоянія

молившимися христіанами, и тутъ почувствовалъ, какъ будто по всему тѣлу моему пробѣжалъ какой-то особенно радостный и живой трепетъ: день Троицы, послѣ дня святой Пасхи, всегда, еще съ самаго ранняго дѣтства, былъ для меня особенно радостнымъ и желательнымъ днемъ... Возлѣ иконостаса, у рѣшетки, отдѣлявшей солею отъ помѣщенія для молящихся, вдоль всѣхъ стѣнъ, возлѣ обоихъ клиросовъ—вездѣ установлено было такъ называемое «клечанія», т. е. свѣжія съ вѣтвями и листьями, срубленныя въ лѣсу, молодыя деревья; весь полъ устланъ былъ пахучими сочными травами, и все это вмѣстѣ наполняло церковь пріятнымъ ароматомъ и поднимало всѣ чувства и религіозное настроеніе молящихся.

Выйдя изъ церкви и принявъ, на сколько было возможно, бодрый видъ, я направился черезъ площадь въ крытый камышомъ флигель, гдѣ помѣщался управляющій имѣніемъ, Вавила Николаевичъ Кувырковъ. Явившись къ Кувыркову и представившись ему, я сообщилъ о цѣли моего пріѣзда въ Кошенятовку и просилъ его доложить о томъ владѣльцу. Такъ совѣтывали мнѣ сдѣлать нѣкоторыя лица еще въ Новомосковскѣ, указывая на то, что Ларіонъ Спиридоновичъ Куркуль-Запорожскій слишкомъ важная въ губерніи персона и являться къ нему надо не спроста. Управляющій, выслушавъ мою просьбу, смѣрилъ меня съ ногъ до головы проницательнымъ и испытующимъ взглядомъ и прежде всего спросилъ, откуда я пріѣхалъ, какъ я нашелъ полевые хлѣба, покосы степныхъ тразъ, потомъ отъ хлѣбовъ и травъ онъ перешелъ къ овражкамъ и разнаго рода вредоноснымъ насѣкомымъ и подъ конецъ разразился цѣлымъ потокомъ негодованія противъ подлѣйшаго насѣкомаго «анисоплія австріяка»—онъ именно произносилъ «анисоплія», а не «анізоплія» австріяка. Я долго и смиренно слушалъ Вавилу Николаевича, но потомъ, воспользовавшись временною съ его стороны передышкою, спросилъ его:

— Такъ какъ же, Вавила Николаевичъ, не будете ли вы любезны отослать мою визитную карточку къ Ларіону Спиридоновичу и спросить у него, не можетъ ли онъ принять меня на нѣсколько часовъ?

— А, да-да да! Я и позабылъ, о чемъ вы просили... Отошлю-отошлю! Велю доложить «генералу», а тамъ прійметь ли васъ его превосходительство или не прійметь,—это ужъ не мое дѣло.

Поблагодаривъ Вавилу Николаевича за готовность доставить мою карточку «генералу», я оставилъ его въ покоѣ и вышелъ

отъ него съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что это великій философъ и самоуслаждающійся резонёръ, ошибочно носящій фамилію Кувыркова въ замѣнъ настоящей фамиліи «Анисоплія австріяка».

Отъ Вавилы Николаевича я снова вернулся въ постоялый дворъ и снова, въ ожиданіи отвѣта отъ «генерала», прилегъ на деревянный диванъ. Но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ вижу, кто-то вбѣгаетъ ко мнѣ въ комнату и спрашиваетъ: «Вы господинъ такой-то». «Я господинъ такой-то». «Генералъ просятъ васъ къ себѣ со всѣмъ вашимъ багажомъ». Не успѣлъ я сказать и двухъ словъ этому первому человѣку, какъ вбѣгаетъ ко мнѣ другой, а тамъ третій. Тутъ одинъ ведетъ меня за собой, другой беретъ мои вещи, а третій расплачивается съ моимъ подводчикомъ. «Но позвольте, позвольте! Я вѣдь и самъ могу моему подводчику уплатить».—«Никакъ нѣтъ, вамъ этого дѣлать нельзя: генералъ приказали изъ экономической конторы заплатить». Что за диво за такое? думаю себѣ, но повинуюсь во всемъ волѣ добраго генерала и иду въ домъ.

Пройдя черезъ ворота во дворъ, я увидѣлъ среди двора обширный кругъ, въ которомъ росли шелковицы, акаціи, китайская и русская сирень, масличное дерево и множество всевозможныхъ цвѣтовъ; по самой срединѣ круга я замѣтилъ на невысокой колонкѣ солнечные часы. Погода была на тотъ разъ, послѣ дождя предшествовавшаго дня, превосходная, и такъ какъ это было въ началѣ мѣсяца мая, то всѣ деревья и цвѣты находились въ полномъ цвѣтеніи и наполняли весь дворъ чуднымъ ароматомъ. Въ концѣ круга мнѣ бросился въ глаза прекрасный балконъ съ высокими каменными колоннами и съ двумя покоющимися на выступахъ балкона, каменными, широко раскрывшими свои пасти, львами. Поднявшись по ступенькамъ балкона, я увидѣлъ парадную дубоваго дерева дверь, съ рѣзьбой древняго стиля и съ гербомъ владѣльца, и черезъ ту дверь прошелъ въ большой барскій домъ.

Въ передней меня встрѣтила толпа лакеевъ, одѣтыхъ безукоризненно чисто, въ черные фраки, бѣлые жилеты, бѣлыя перчатки, при бѣлыхъ галстукахъ, и почтительно проводила въ залу. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ залѣ,—это желтыя колонны, поддерживавшія собой росписной потолокъ, и потомъ между колоннами длинный, стоявшій поперекъ залы, столъ, устланный бѣлоснѣжною скатертью и уставленный дорогой посудой—графинами, бутылками, рюмками, бокалами, вазами со вставленными въ нихъ

роскошными букетами дорогихъ цвѣтовъ. Очевидно, столъ былъ накрытъ для предстоявшаго завтрака послѣ окончанія обѣдни. Едва я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ дверей къ срединѣ залы, какъ ко мнѣ вышелъ на встрѣчу уже немолодой господинъ, въ бѣлыхъ массивной золотой оправы очкахъ и съ самой изысканной любезностью привѣтствовалъ меня. Это былъ Ларіонъ Спиридоновичъ Куркуль-Запорожскій. На видъ Ларіонъ Спиридоновичъ казался немного ниже средняго роста, крѣпкаго плотнаго сложенія, съ высокою богатырскою грудью, съ нѣсколько загнутою назадъ, какъ у всѣхъ низкорослыхъ людей, сократовскаго стиля головою, съ нѣсколько осиротѣвшей, отъ утраты волосъ, вершиной, съ крупнымъ носомъ и широкими ноздрями, указывающими на хорошія легкія и вмѣстѣ съ тѣмъ на горячность и вспыльчивость нрава, съ сѣдыми бакенбардами и съ гладко и тщательно выбритымъ подбородкомъ. Въ общемъ, какъ по манерамъ и по интонаціи голоса, такъ и по искренности и полному радушію Ларіонъ Спиридоновичъ производилъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Когда я назвалъ мое имя, отчество и фамилію, то оказалось, что Ларіонъ Спиридоновичъ уже давно зналъ меня по разнымъ моимъ газетнымъ и журнальнымъ статьямъ.

Ларіонъ Спиридоновичъ представилъ меня своей супругѣ и двумъ дочерямъ своимъ, изъ коихъ старшая поразила меня живостью своего характера и замѣчательною находчивостью; тутъ же меня познакомили со всѣми, бывшими на ту пору у Ларіона Спиридоновича, гостями и, наконецъ, съ мѣстнымъ батюшкой, отцемъ Парѳентіемъ. Когда подали кушанье, то я приглашенъ былъ сѣсть рядомъ съ домохозяиномъ и во все время завтрака долженъ былъ отвѣчать на разные съ его стороны вопросы и запросы археологическіе, историческіе, этнографическіе. Мнѣ выказывали самое сердечное расположеніе и самое усердное вниманіе и на перерывъ старались угостить разными явствами и питіями. Я былъ глубоко тронутъ такимъ рѣдкимъ радушіемъ хлѣбосольныхъ хозяевъ, но къ моему сожалѣнію едва только касался то того, то другого блюда, потому что чувствовалъ себя очень дурно и внутренне молилъ Бога только объ одномъ, чтобы поскорѣй окончился завтракъ. Вставъ отъ стола, я объявилъ хозяину, что чувствую себя нездоровымъ, вслѣдствіе простуды, схваченной мной въ пути, и добрый Ларіонъ Спиридоновичъ немедленно приказалъ отвести меня въ приготовленную комнату,

совѣтуя мнѣ дать себѣ полный отдыхъ и подкрѣпиться спокойнымъ и продолжительнымъ сномъ.

Едва я переступилъ черезъ порогъ указанной мнѣ комнаты, какъ силы мои совершенно покинули меня. Выдержавъ столь продолжительное напряженіе, я теперь сразу до того обезсилѣлъ, что безсознательно снялъ съ себя платье и безсознательно повалился на кровать. Сколько времени я былъ въ такомъ положеніи—не помню, но когда я пришелъ въ себя, то увидѣлъ трехъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, и тутъ же узналъ, что два изъ нихъ были врачи, а третій фельдшеръ. У меня нашли воспаленіе брюшины и воспаленіе кишекъ при сильно повышенной температурѣ и предписали строжайшую діэту.

Послѣ упорнаго, въ теченіи двухъ недѣль, лѣченія моя болѣзнь пошла на убыль, и я мало-по-малу началъ двигаться по комнатѣ и выходить на воздухъ. На третью недѣлю я чувствовалъ себя уже совсѣмъ хорошо, а потомъ мое душевное состояніе пришло въ полное равновѣсіе съ физическимъ.

Первый человѣкъ, на котораго я обратилъ мое вниманіе по выздоровленіи, это былъ приставленный ко мнѣ слуга, Остапъ Сердюкъ. Это своего рода неподражаемый типъ. Волосомъ черный, тѣломъ смуглый, съ большими усами, съ плохо выбритымъ подбородкомъ, медлительный, угрюмый, на видъ сухощавый, небрежный въ отношеніи костюма, Остапъ Сердюкъ былъ большой острякъ и юмористъ, какихъ можно видѣть только въ одной Малороссіи. Вотъ онъ является ко мнѣ утромъ съ тѣмъ, чтобы помочь одѣться мнѣ и потомъ убрать мою комнату. Прежде всего я слышу стукъ въ мою дверь.

— Можно! кричу въ отвѣтъ на стукъ.

— Доброго утра! привѣтствуетъ меня Остапъ.

— Спасыби! отвѣчаю я ему, сидя къ дверямъ спиной.

— Це ты, Остапе?

— А я жъ!

— Шо жъ ты жывы́й?

— Та на́че бъ то жывый, а о́бъ-тимъ то́го добре й не знаю.

— Добре не знаешъ?

— Тай не знаю.

— Ну, а шо жъ тамъ паны́ вже повстава́лы?

— Та де яки́ повставалы; а де яки ще сопуть.

— А барышня Евфросынья Прокóховна, экономка, всталы?

— Уже всталы, матàруса чаемъ напувають.

— Якóго тамъ матáруса?

— А того, шо зъ города, зъ Новомосковского, прыихавъ до генерала бамагу пысаты.

— Такъ може жъ нотаріуса, а не матаруса?

— Та воно одынъ бисъ, шо чортъ, шо чортяка, шо жидъ, шо жидяка.

— Одынъ то одынъ, та тилько якъ же ёго можно матаруса чаемъ напуваты? Напувають тилько скотыну, а не чоловика.

— Та хто напува скоты́ну, а баришня напувають матáруса: уже жъ воны якъ подадуть ёму стаканѝвъ пьять, або шисть пидъ рядъ чаю, та ще зъ молокомъ, або зъ лымоною, то хибà воны не напувають ёго якъ скотыну?

— Та воно то такъ! Ну, а Мыколай Мытровычъ уже всталы?

— Мыколай Мытровычъ всталы.

— Шо жъ воны роблять?

— Чешутця.

— Шо жъ имъ тамъ чесать, якъ у ныхъ на голови ни волоска, ни пенёчка нема?

— Отъ того жъ воны й чешутця, шо на голови ни волоска, ни пенёчка нема: думка така, шо якъ пошкребуть гребинцѐмъ по макушци, то може, хочъ гу́гля выросте, то все жъ такы буде за що зачепытьця; а теперь такъ, шо й воша по голови не пролизе, хибà пидкуешъ на вси на чотыри пидковы, то тоди, може, и пробижытця по лысыни.

— А генералъ уже выходылы?

— Ни, воны ще сыдять у кабанѐти.

— А управляющій десь, мабуть, уже по степу бига.

— Управляющій, якъ уставъ зъ постели, заразъ на ногы шкраблеты, а въ рукы вытрипасъ та лыверь тай гайдà у степъ.

Нужно сказать, что шкраблетами Остапъ называетъ штиблеты, вытрипасомъ—вытерпасъ, а лыверемъ—револьверъ.

Изъ всѣхъ «генеральскихъ» слугъ Остапъ Сердюкъ больше всѣхъ пришелся мнѣ по сердцу и по душѣ, но я все-таки оказался неблагодарнымъ по отношенію къ нему тѣмъ, что въ замѣнъ его родовой фамиліи Сердюка прозвалъ Матарусомъ, и съ тѣмъ прозвищемъ онъ пошелъ гулять по всему панскому двору и изъ двора по всему селу.

Другой человѣкъ, который обратилъ на себя мое вниманіе,—былъ докторъ Наумъ Ивановичъ Козодрыкъ. Флегматичнѣе, но и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣе и безобиднѣе этого человѣка трудно себѣ и придумать. Вотъ примѣръ его замѣчательной подвижности. На дворѣ стоитъ жаркій—прежаркій день. Возлѣ больницы, на деревянномъ обрубкѣ, сидитъ Наумъ Ивановичъ Козодрыкъ и о чемъ-то пріятно мечтаетъ. Къ нему подходитъ какой-то мужичекъ съ пузырькомъ въ рукѣ и, снявши шапку и поздоровавшись, проситъ его «всыпать» ему «ще такого ликарства, якъ сыпалы недилю тому назадъ одъ очей». Наумъ Ивановичъ медленно вскидываетъ на мужика свои глаза, медленно беретъ изъ его рукъ пузырекъ и очень медленно спрашиваетъ·

— Такъ чого тоби, хло́пче, треба?

— Та я до вашои мылости съ тимъ, шобъ всыпалы ликарствія,—крипко очи болять.

Наумъ Ивановичъ, выслушавъ просьбу мужика, томно опускаетъ внизъ свои вѣки и снова погружается въ пріятныя мысли. Мужикъ передъ нимъ стоитъ, Наумъ Ивановичъ въ сладкихъ мечтахъ сидитъ. Потомъ, какъ бы очнувшись отъ какой-нибудь, внезапно осѣнившей мысли, Наумъ Ивановичъ вновь вскидываетъ на мужика свои глаза и вновь переспрашиваетъ его, о чемъ онъ проситъ и чего ему собственно надо. Мужикъ вновь повторяетъ свою просьбу. Тогда Наумъ Ивановичъ посовается—посовается на одномъ мѣстѣ, какъ будто вотъ-вотъ встанетъ и пойдетъ въ больницу за лѣкарствомъ, но потомъ неожиданно вновь сядетъ на тотъ же самый деревянный обрубокъ и вновь погрузится въ глубокія думы. Наумъ Ивановичъ сидитъ, а мужикъ передъ нимъ съ пузырькомъ въ рукахъ стоитъ. Но вотъ Наумъ Ивановичъ рѣшился, наконецъ, и всѣмъ тѣломъ поднялся съ деревяннаго обрубка; но и тутъ на лицѣ его все еще видна нѣкоторая нерѣшительность, и Наумъ Ивановичъ точно самъ себя вопрошаетъ: «Чи мени йты, чи мени не йты»?... Но, наконецъ, онъ собирается съ силами, идетъ мѣрнымъ шагомъ, не торопясь, въ больницу, выноситъ оттуда лѣкарство и, вручивъ его мужику, отбираетъ въ замѣнъ того у него пустой пузырекъ, а самъ садится на другой конецъ обрубка и, тяжко-претяжко вздохнувъ, медленно произноситъ: «Фу, тай жарко! Якъ бы такы Господьославъ дождичку»!...

А то какъ-то позднею ночью спитъ беззаботно и сладко Наумъ Ивановичъ въ своей комнатѣ, поднявъ свистъ, сапъ и храпъ на

цѣлую половину флигеля. Вдругъ влетаетъ къ нему изъ барскаго дома одинъ человѣкъ, за нимъ другой, тамъ третій, будятъ его, тормошатъ, поднимаютъ съ постели, подаютъ ему сапоги, подаютъ сюртукъ. «Докторъ, докторъ, проснитесь! Младшая барышня крѣпко заболѣли, такъ генералъ проситъ васъ поскорѣй къ больной». Но Наумъ Ивановичъ и тутъ не измѣняетъ своей натурѣ: онъ не торопясь встаетъ съ постели, не торопясь одѣвается и совсѣмъ не торопясь выходитъ изъ флигеля. Проходитъ нѣсколько времени, и всѣ, кто услыхалъ о внезапно приключившейся болѣзни съ младшей барышней, съ нетерпѣніемъ ждутъ возвращенія доктора съ тѣмъ, чтобы узнать отъ него, какого рода та болѣзнь и насколько она серьезна. Вотъ, наконецъ, въ дверяхъ показывается и докторъ. Всѣ бросаются къ нему съ разными вопросами. Но онъ не спѣша входитъ въ комнату, не спѣша снимаетъ съ себя все по порядку платье, не торопясь и не отвѣчая никому на всѣ вопросы, складываетъ все платье на стулъ, подъ стулъ подбрасываетъ свои штиблеты, потомъ молча беретъ въ руки простыню, ложится на кровать, закутывается весь съ ногами и съ головой и повертывается лицомъ къ стѣнѣ. «Да скажите же, наконецъ, что тамъ случилось и чѣмъ захворала младшая барышня»?— «Змерзла»! отвѣчаетъ однимъ единственнымъ словомъ Наумъ Ивановичъ и, не долго думая, засыпаетъ. Что такое значило это слово «змерзла» и почему она среди лѣта «змерзла» — такъ и осталось для всѣхъ неизвѣстнымъ, пока на другой день всѣ не узнали, что младшая барышня гдѣ-то схватила лихорадку и среди ночи съ ней произошелъ лихорадочный пароксизмъ. Тогда только и стало всѣмъ понятно слово Наума Ивановича «змерзла». А то было и такъ: сидитъ однажды Наумъ Ивановичъ гостемъ въ какомъ-то семейномъ домѣ, куда собралась масса барынь и барышенъ. Зная особенность Наума Ивановича забираться въ самый отдаленный уголокъ, барыни и барышни вздумали вывести его на свѣтъ и цѣлой гурьбой обратились къ нему съ просьбой:

— Наумъ Ивановичъ, будьте нашимъ кавалеромъ!

— Якый зъ мене ка-ва-ле-ръ?

— Выйдите сюда,—будете насъ занимать.

— Я не вмію дамъ за-ни-ма-ть.

— Ну, такъ идите,—мы васъ будемъ занимать.

— Не-тре-ба!

Слово, «нетреба» произносится такъ медленно, такъ спокойно

и въ то же время такъ безобидно, что оно вызываетъ у всѣхъ дамъ только одинъ веселый смѣхъ и ни малѣйшей обиды.

Если Наумъ Ивановичъ получитъ отъ кого-нибудь дѣловое письмо, даже съ надписью «Весьма нужное», то онъ, не распечатывая, преспокойно кладетъ его въ карманъ и носитъ съ собой до тѣхъ поръ, пока отъ того письма останутся одни клочки. Тогда только по клочкамъ или онъ самъ или кто-нибудь другой прочтетъ ему неполное содержаніе письма. «Ахъ, бисъ ёго батькови, а я ей не знавъ, шо воно таке потрібне письмо»—«Якъ же жъ вы не зналы, Наумъ Ивановичъ, якъ на нёму и пидписъ бувъ унызу—Весьма нужное?» «Пиды жъ ты? Я й не додывысь... Ну, та байдужé! Усячина на свити бува!»...

Какъ вамъ послѣ всего этого покажется! Вѣдь это не единичный человѣкъ, а цѣлый типъ? Да, это полный типъ! Онъ такъ и прозванъ былъ мной «докторъ Тыпъ».

Къ такому доктору на диво подобранъ былъ и фельдшеръ, Юхымъ Юхымовичъ Голопупъ. Это человѣкъ низенькаго роста, плотненькій, съ небольшимъ брюшкомъ, безъ бороды, но съ тоненькими, кверху закрученными, такъ называемыми, поросячьими усиками, съ карими, небольшими, но лукавенькими, глазками; говорившій каждое слово съ большою осторожностью; въ отношеніи великихъ пановъ державшій себя только почтительно, безъ всякаго искательства, въ отношеніи мелкихъ пановъ державшій себя съ нѣкоторымъ гоноромъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства, извѣстный у простого народа подъ именемъ «ликарьця» или «дохторьця».

— Не знаете ли вы, Юхымъ Юхымовичъ, за что это стрѣляли въ Василія Васильевича?

Василій Васильевичъ—одно изъ важныхъ административныхъ лицъ въ кошенятовской экономіи, вызвавшій чѣмъ-то неудовольствіе со стороны одного изъ своихъ подчиненныхъ и чуть было не поплатившійся за то собственною жизнью.

Услыхавъ такой щекотливый вопросъ, Юхымъ Юхымовичъ впадаетъ въ глубокую задумчивость и, наклонивъ очень низко свою голову, въ тоже время подправивъ свои тоненькіе, какъ поросячій хвостикъ, усики и повертѣвъ передъ собой въ землѣ толстенькимъ цинкомъ или палочкой, дипломатично-уклончиво отвѣчаетъ:

— Собственно говоря, это неизвѣстно!...

— А не собственно говоря, Юхымъ Юхымовичъ?

— А не собственно говоря, о томъ не знаетъ никто.

— А давно-ли вы, Юхымъ Юхымовичъ, живете въ Кошенятовкѣ?

— Да давненько таки!

— А раньше того гдѣ же вы жили?

— Больше помижъ манéнькихъ панóвъ.

— Ну, гдѣ же лучше—помижъ маненькихъ или помижъ большихъ пановъ жить?

Собственно говоря, помижъ большихъ пановъ лучше жить, коли они дома живутъ: тогда одному, самому важéнному, пану шапку снялъ да й квитъ; а какъ большіе паны уѣдутъ въ Петербургъ, то тогда и мечись тутъ «якъ скаженый котъ»: управляющему шапку снимай, помощнику шапку снимай, конторщику и ключнику шапку снимай, а то такъ и берейтору шапку снимай. Однимъ словомъ, тутъ разведется тогда столькс пановъ, что хоть и совсѣмъ шапки не надѣвай, да на всѣ на четыре стороны головою кивай.

Пріѣхавши въ Кошенятовку на нѣсколько дней, я пробылъ въ ней вмѣсто того нѣсколько недѣль и за то время не только изучилъ всю коллекцію козацкихъ древностей, собранныхъ въ ней, но и изучилъ, понялъ и оцѣнилъ самого владѣльца ея, Ларіона Спиридоновича Куркуль-Запорожскаго.

Ларіонъ Спиридоновичъ Куркуль-Запорожскій пользуется широкой славой въ губерніи какъ большой хлѣбосолъ добраго стараго времени, какъ ходатай за маленькихъ людей передъ людьми, имущими силу и власть и какъ защитникъ обиженныхъ и угнетаемыхъ неправдой людской.

Всѣми хорошими качествами своей души Ларіонъ Спиридоновичъ обязанъ своей матери, Варварѣ Ильиничнѣ, которая, оставшись, послѣ смерти своего мужа, совсѣмъ молодою вдовой, всю свою любовь и всѣ свои заботы перенесла на единственнаго сына своего: она сама взростила его, сама воспитала, сама слѣдила за его образованіемъ и сама женила его на дѣвицѣ иностраннаго происхожденія родовитой фамиліи. Главною заботой, при воспитаніи сына, Варвара Ильинична поставила себѣ то, чтобы сохранить чистоту тѣла и души его, внѣдрить въ него чувство глубокой религіозности, сдѣлать его признательнымъ къ своимъ предкамъ, нерасточительнымъ, трезвымъ и положительнымъ, а

главное добрымъ и мягкосердечнымъ человѣкомъ. И Варвара Ильинична вполнѣ достигла того, къ чему стремилась. Получивъ отъ матери весьма крупное и вполнѣ благоустроенное имѣніе Кошенятовку, Ларіонъ Спиридоновичъ сохранилъ его цѣликомъ и вмѣстѣ съ имѣніемъ унаслѣдовалъ культъ къ своей матери и вообще ко всѣмъ предкамъ своимъ, даже къ самымъ вещамъ, оставшимся отъ нихъ. Если домъ его еще при дѣдѣ былъ покрытъ вмѣсто желѣза дранью, то тѣмъ же самымъ матерьяломъ онъ долженъ непремѣнно покрываться и теперь; если при дѣдѣ какой-нибудь изъ угловъ залы или гостинной занятъ былъ кресломъ, а не стуломъ, то въ томъ же углу должно непремѣнно стоять кресло, а не стулъ. Во всей губерніи, да и далеко за предѣлами ея, Ларіонъ Спиридоновичъ Куркуль-Запорожскій извѣстенъ какъ собиратель всякаго рода древностей, въ особенности козацкихъ: ведя свой родъ, по женской линіи, отъ гетмана Даніила Апостола и отъ какого-то сѣчевого козака Запорожскаго, Ларіонъ Спиридоновичъ изъ всѣхъ древностей самую большую страсть питаетъ именно къ козацкой старинѣ. Оттого-то деревенская обстановка его представляетъ собой смѣсь обстановки богатаго барина и истиннаго любителя и цѣнителя старины.

Этимъ-то и объясняется и то радушіе, съ которымъ встрѣтилъ меня Ларіонъ Спиридоновичъ тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Кошенятовку, и та привязанность его ко мнѣ, вслѣдствіе которой онъ рѣдко когда и на одинъ часъ разлучался со мной.

Вотъ наступило чудное раннее утро. Десять часовъ, и мы уже оба выбѣгаемъ на обширный балконъ, выходящій въ садъ, открывающій превосходный видъ на лужайку, на небольшое за лужайкой озеро и на далекій, въ перспективѣ, дубовый, идущій по берегу рѣки Орели, лѣсъ. Спустившись по ступенькамъ балкона внизъ, мы беремъ сразу влѣво и направляемся подъ тѣнью высокихъ, старыхъ и густолиственныхъ деревъ въ такъ называемое капище. Капище—это укромное и глухое мѣстечко, въ которомъ совершенно правильнымъ кругомъ установлены болѣе тридцати фигуръ каменныхъ бабъ и въ самой срединѣ круга положены двѣ надгробныя плиты съ начертанными на нихъ знаками восточныхъ письменъ. Тутъ какихъ только типовъ и какихъ только изображеній нѣтъ на каменныхъ фигурахъ!

Вотъ подходимъ мы къ самой изящной и самой граціозной изъ каменныхъ бабъ и нѣжно треплемъ ее по щечкамъ,— одинъ по пра-

вой, другой по лѣвой... Отъ граціозной бабы переходимъ къ самой колоссальной фигурѣ,—это фигура мужчины въ высокихъ сапогахъ, съ мечомъ у пояса, въ латахъ на груди, въ низкой восточнаго покроя шапочкѣ на головѣ.

— Эхъ, молодчина какой! Здравствуй такой сякой!

— А вѣдь должно быть, какой-нибудь половецкій ханъ,—какъ вы думаете?

— Не иначе, какъ ханъ, рѣшаемъ мы сообща и идемъ изъ капища дальше по кривой дорожкѣ и черезъ небольшой мостъ. За нами слѣдуетъ нашъ возлюбленный Сирко, простой дворняшка, но очень умный, страшно злющій и беззавѣтно преданный намъ песъ. Лишь только мы останавливаемся, останавливается и Сирко, лишь только мы начнемъ продѣлывать какія-нибудь манипуляціи—тоже начинаетъ продѣлывать и Сирко.

Отъ капища мы добираемся до лабиринта. Это настоящій садикъ-лабиринтъ, разбитый по точному рисунку древней египетской монеты съ изображеніемъ лабиринта и выведенный у берега одного небольшого озерка, въ сѣверо-западномъ углу обширнаго барскаго сада. Войдя въ лабиринтъ и проплутавъ по всѣмъ его ходамъ и переходамъ, мы поднимаемся по аллеѣ вверхъ, потомъ спускаемся внизъ, въ такъ называемую Ольгину долину, обходимъ вокругъ деревянную бесѣдку, стоящую въ самой срединѣ долины, отъ этой бесѣдки взбираемся на высокій, искусственно насыпной курганъ, на которомъ воздвигнутъ превосходный, далеко кверху поднимающійся и украшенный флагомъ, бельведеръ; отъ кургана пробираемся къ большому кругу, выведенному изъ древнихъ пушекъ и окруженному скрѣпой изъ желѣзныхъ цѣпей, и въ концѣ концовъ выскакиваемъ въ юго-западномъ углу сада, у такъ называемой Вѣриной бесѣдки, пріютившейся подъ тѣнью высокихъ и старыхъ деревъ. Тутъ мы входимъ въ самую бесѣдку и поражаемся необыкновеннымъ количествомъ, крупнаго размѣра, мухъ, слетѣвшихся сюда отъ дневной жары въ тѣнь.

— А мухоты! а мухоты! Посмотрите-ка, посмотрите, сколько ея налетѣло сюда!

— И въ самомъ дѣлѣ, тьфу, ты какая пропасть ея тутъ! Чуть ли не со всей Кошенятовки слетѣлись сюда, на совѣтъ нечестивыхъ!

Едва выходимъ мы изъ Вѣриной бесѣдки, какъ намъ попадается на глаза одинъ изъ «важэнныхъ» чиновъ при панскомъ дворѣ, помощникъ подпомощника дворника, совсѣмъ безобразный

на видъ, но сильный, коренастый и здоровый мужикъ, любимецъ генерала, Овсій, и генералъ бросаетъ ему на ходу вопросъ:

— Овсій, буде?

— Буде!

— Съ тимъ, шо буде?

— Съ тимъ, шо буде!

Это значитъ, что генералъ освѣдомляется у Овсія, будетъ ли на сегодня дождь, и Овсій увѣренно отвѣчаетъ, что дождь непремѣнно долженъ быть. Овсій считается у генерала первымъ астрономомъ во дворѣ, и если онъ попадется двадцать разъ генералу на глаза въ теченіи дня, то генералъ двадцать разъ не преминетъ спросить его: «Овсій, буде»? И Овсій всякій разъ, взглянувъ мимоходомъ на небо и какъ бы сообразившись тамъ съ различными примѣтами, увѣренно отвѣчаетъ генералу: «Съ тимъ, шо буде» Овсій хорошо знаетъ, что генералъ любитъ, когда перепадаютъ дождики, столь рѣдкіе въ степныхъ мѣстахъ, а потому и пророчествуетъ генералу всегда въ его тонъ, хотя пророчество его никогда или почти что никогда не оправдывается на самомъ дѣлѣ.

Обходивъ такимъ образомъ весь садъ, мы возвращаемся въ концѣ концовъ въ домъ. Тутъ я иду въ обширную, прекрасно подобранную, еще съ прадѣдовскихъ временъ заведенную библіотеку, гдѣ выбираю себѣ для чтенія нѣсколько рѣдкихъ книгъ; а Ларіонъ Спиридоновичъ идетъ къ себѣ въ кабинетъ и читаетъ тамъ евангеліе до 12 часовъ дня. Въ 12 часовъ дня звонятъ къ завтраку въ колоколъ, подвѣшенный къ стоящему среди двора столбу, и послѣ завтрака всѣ расходятся по укромнымъ куточкамъ сада, кто съ книгой, кто съ работой, а кто только съ собственными мыслями въ головѣ. Въ 6 часовъ звонятъ къ обѣду, который происходитъ или на одномъ изъ балконовъ дома, или же въ саду подъ роскошнымъ столѣтнимъ каштаномъ. Послѣ обѣда подаютъ нѣсколько открытыхъ, запряженныхъ четверикомъ, экипажей, и вся публика, дамы и мужчины, ѣдутъ другъ за другомъ въ степь для того, чтобы подышать чистымъ степнымъ воздухомъ и полюбоваться картинами заходящаго солнца въ степи. Къ вечеру всѣ возвращаются домой и, выйдя изъ экипажей, направляются прямо въ садъ, къ высокому бельведеру, стоящему на вершинѣ насыпного кургана, и поднимаются на самый верхъ, размѣщаясь тамъ по широкимъ деревяннымъ скамьямъ. Тутъ съ высоты бельведера, открывается превосходный и далекій видъ на все,

обширно раскинувшееся селеніе, на зеленѣющую, у лѣваго берега рѣки Орели, долину и на спокойно дремлющій въ ночной тиши вѣковѣчный обширный лѣсъ. Тишь да гладь да божья благодать!... Царственную тишину нарушитъ развѣ одинокій лай какой-нибудь деревенской собаки да молодецкая пѣсня какого-нибудь парубка, ѣдущаго въ лугу на конѣ и оглашающаго спокойный воздухъ раздольной и широкой пѣсней, которая такъ плавно и такъ вольно стелется по зеленой равнинѣ и невольно заставляетъ слушателей переноситься своимъ воображеніемъ въ далекое и безвозвратно чарующее прошлое. А на высокомъ и чистомъ небѣ въ это самое время мигаютъ и переливаются нѣжнымъ, сине-голубымъ, свѣтомъ милліоны милліоновъ звѣздочекъ и катятся и разсыпаются въ разныя стороны огненныя искры летающихъ по небу метеоровъ ..

Но вотъ вся публика шумно поднимается со своихъ мѣстъ и направляется къ вечернему чаю въ домъ. Въ десять часовъ уже всѣ встаютъ отъ стола и каждый идетъ въ свою комнату. Тогда всѣ входы въ домъ и всѣ выходы изъ него наглухо запираются, и тутъ настаетъ царство ночныхъ сторожей, коихъ дѣйствуетъ всегда десятка полтора, и они подъ каждыми воротами, подъ каждымъ окномъ, на каждой изъ главныхъ дорожекъ сада на всякіе лады и на разные способы стучатъ безъ перерыва своими колотушками и дѣйствуютъ такъ до самаго утра.

— А что не раскопать ли намъ какой нибудь курганъ въ степи?—спрашиваетъ «генералъ».

— И раскопаемъ, коли есть на то охота!... И вотъ объѣзжается имѣніе Ларіона Спиридоновича,— а имѣніе это заключаетъ въ себѣ всего лишь 25,000 десятинъ земли—и выбирается для раскопокъ нѣсколько самыхъ типичныхъ кургановъ. Нанимаются рабочіе въ числѣ 45—50 человѣкъ, разбивается возлѣ кургана палатка, и начинается работа.

Въ степи жарко-прежарко; движенія воздуха ни малѣйшаго: «Само пекло стоитъ тай годи»! На небѣ ни облачка, ни тучки, ни хмарочки. Все живое, находящееся въ степи, точно замерло и перестало вовсе существовать. Вотъ на высокомъ пригоркѣ сбилось въ кучку стадо овецъ, выдѣляющееся издали чернымъ пятномъ, какъ бы приросшимъ къ самой землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ собравшимъ къ себѣ цѣлое пекло огня. Вдали отъ стада овецъ виднѣется на горизонтѣ стадо коровъ; оно выдѣляется отдѣльными

сѣрыми пятнами, надъ которыми мрѣютъ широкія полосы ослѣпительно яркаго свѣта; то поднимаясь въ высоту, то расходясь въ ширь, онѣ дышутъ настоящимъ раскаленнымъ огнемъ, трепеща и переливаясь въ степи. А влѣво отъ стада коровъ, кажись, такъ близко, вотъ какъ близко, въ дѣйствительности же на разстояніи 10—12 верстъ, выдѣляется на далекомъ горизонтѣ двѣ высокія мельницы, которыя, поднявъ вверхъ по одному крылу, стоятъ въ полномъ безсиліи, какъ бы вовсе забывъ о своемъ назначеніи вертѣть крылья свои кругомъ. Еще лѣвѣй отъ мельницы, по тотъ бокъ широкой и низкой балки, поднимается вверхъ небольшая рощица, зеленѣющая купкою своихъ деревъ; она спокойно стоитъ, не шевелясь ни единымъ листомъ, подъ страшно знойными лучами солнца и, изнемогая отъ спеки, невольно тянется своими вѣтками къ землѣ. Вдоль глубокой балки, по широкой и твердой дорогѣ, медленно тащится тяжелая арба съ сѣномъ, запряженная парою сѣрыхъ и рослыхъ воловъ, а на самомъ верху арбы лежитъ въ полномъ безсиліи погоничъ, прикрывши свое лицо отъ солнца широкимъ соломеннымъ брилёмъ. Вездѣ полное затишье, полная апатія и полное бездѣйствіе. Если кто и нарушаетъ это сонное царство, то одна только хищная птица — шулика: мощно распластавъ свои широкія крылья, она царитъ въ высокомъ поднебесьѣ и, то стоя въ воздухѣ совершенно ровно и совершенно неподвижно, то поднимая одно крыло повыше, и другое опуская пониже, она зорко всматривается въ траву съ тѣмъ, чтобы выискать себѣ какую-нибудь живую добычу; видимо она вовсе не чувствуетъ страшнаго зноя въ степи и вотъ-вотъ ударитъ грудью въ землю, вотъ-вотъ схватитъ своими мощными когтями несчастную ящерицу и унесетъ ее въ поднебесную высоту. Фу, вотъ спека, такъ спека! Ну, просто таки палитъ огнемъ!

Вслѣдствіе такого страшнаго зноя рабочіе еле-еле шевелятъ своими лопатами; главный надсмотрщикъ надъ ними, по части распорядительности работъ, Ѳедоръ Кугай, слегка понукаетъ лѣнивыхъ разными крылатыми словцами; самъ археологъ лежитъ въ палаткѣ на малорусскомъ «кылыму» и читаетъ книгу; тутъ же на небольшомъ столикѣ развернута тетрадь, куда время отъ времени заносится дневникъ раскопки кургана; наружи возлѣ палатки, стоитъ съ открытой головой, бѣлый, но въ широчайшихъ шароварахъ, дидъ. Ему отданъ приказъ служить непосредственно «пану»,

быть, такъ сказать, его личнымъ адъютантомъ. Все идетъ по порядку: рабочіе получаютъ хорошую задѣльную плату, питаются хорошею пищей, но съ нетерпѣніемъ ждутъ только одного, «якъ бы такы паны скорійше докопалысь до золотóи кобылы, шобъ мужикамъ достався хочъ хвистъ».

— Э, до тіеи кобылы копать ще симъ день и тры дни...

Но вотъ по дорогѣ, пролегающей вблизи кургана, сунется валка чумаковъ. Ѣдетъ она мимо кургана, видитъ такое дивное дѣло, какъ раскопка могилы, останавливается на мѣстѣ, и тутъ три человѣка отдѣляются отъ валки и идутъ на курганъ.

— Поздоровъ, Боже, вамъ!

— Поздоровъ, Боже, и вамъ!

— Це вы копаете?

— Копаемо! А вы идыте?

— А мы идымо!

— Шо жъ вы везете?

— Веземо хуру! А вы шо копаете?

— Копаемо золото!

— Яке жъ тамъ у гàспида золото, якъ выкыдаете черепкы та маслакы?

— Эге! Черепкы та маслакы! Ты думаешъ, звидкиля цей панъ прыихавъ, шо копà?

— А звидкиля?

— Зъ Петенбурху,—онъ звидкиля! А хибà тамъ дурни люде, шо будутъ издыть сюды копаты черепкы та маслакы? Не стало тамъ своихъ черепкивъ та маслакивъ! Винъ оце копа та кладе соби въ кешеню золото, а тоби покажетця черепокъ. Чувъ?

— Чувъ!

— Такъ отъ тожъ и знай!

И чумаки, не говоря ни слова, спускаются съ кургана и молча направляются прямо къ палаткѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ уже протянулъ было руку къ двери съ тѣмъ, чтобы отворить ее и, вѣроятно, разспросить у самаго пана, чего именно онъ хочетъ добыть въ курганѣ. Но тутъ выскакиваетъ изъ-за палатки грозный стражъ дядъ и кричитъ на него:

— Ты куды? Ичъ якый прыёмный!

— А шо тамъ у тебе за птахъ у палатци сидыть?

— Птахъ! Тутъ самъ панъ сыдять, — бамагу пышуть! Геть звидциля!...

И чумаки, опять не говоря ни слова, поворачиваютъ назадъ и идутъ къ своимъ возамъ, потянувъ за собой длинные батоги по землѣ. А дидъ, вполнѣ проникаясь сознаніемъ того, что панъ «бамагу пышугь», тихо, едва слышно, удаляется за палатку и строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы проѣзжающіе по шляху люди не особенно «торохтилы по дорози» во избѣжаніе нарушить спокойствіе пана. «Не торохты! не торохты,--хай тоби грець, — тутъ самъ панъ бамагу пышуть!» кричитъ дидъ съ азартомъ, уже издали завидя несущуюся по дорогѣ, мимо палатки, какую нибудь мужицкую бричку.

Но раскопка идетъ своимъ чередомъ, и рабочіе вдругъ докапываются до деревяннаго сруба въ самомъ низу кургана. Къ «генералу», въ усадьбу, посылается верховой съ извѣстіемъ объ открытіи какого-то загадочнаго сруба. Немедленно, по такому извѣстію, летитъ «генералъ» въ прекрасномъ ландо, запряженномъ четырней бѣлыхъ лошадей и, расправивъ свои бакенбарды въ разныя стороны, пышно подкатываетъ къ кургану. Всѣ рабочіе снимаютъ съ головъ своихъ шапки и принимаются усиленно копать. Поздоровавшись съ рабочими, «генералъ» усаживается въ приготовленный для него стулъ возлѣ открытаго сруба и проситъ разбирать его. Всѣ мужики, почитая высокій рангъ «генерала», соблюдаютъ глубокое молчаніе. Но вотъ ковыляетъ по степи какой-то «прохожающій» сторонній дидъ. Не имѣя никакого понятія о «генералѣ», но въ тоже время видя такое необыкновенное дѣло, какъ раскопка кургана, онъ, недолго думая, подходитъ къ нему, взбирается на самый высокій боковой гребень его, смотритъ сверху внизъ на пановъ и кричитъ:

— Паны, здорови булы!

— Здоровъ бувъ, диду! Шо доброго скажешъ?

— Скажу вамъ, шо не тутъ вы копаете!

— А дежъ бы намъ копать?

— Копать бы вамъ у Нешкребивци!

— А шо жъ у тій Нешкребивци есть?

— Шо у тій Нешкребивци есть? Тамъ есть могыла и поверхъ тій могылы золотый орелъ сида, а въ середыни ій дванадцять ставныкивъ стоять, въ тихъ ставныкахъ дванадцять свычóкъ горыть, а пидъ ставныкамы дванадцять пицтоливъ лежыть, а пидъ тимы пицтолямы дванадцять бочокъ зъ золотомъ закопано. Такъ отъ де бъ вамъ копать!

Чого жъ ты, диду, самъ не копаешъ, якъ знаешъ, шо тамъ дванадцять бочóкъ зъ золотомъ заховано?

— Эге, мени очи повылазють, — бо тамъ таке заклятіе лежыть, шо хто выкопа, то у того й очи повылазють на лобъ.

— А якъ же у насъ очи повылазютъ на лобъ?

— Вамъ ничого, —вы паны!..

Дружный взрывъ хотота былъ отвѣтомъ со стороны рабочихъ и самого «генерала» на такія слова. Долго этотъ хохотъ, какъ подожженный порохъ, то тамъ, то сямъ прорывался и тѣмъ съ большей силой, что мужики должны были сдерживаться въ присутствіи «генерала». А между тѣмъ виновникъ этого хохота, «прохожающій» дидъ, давно уже отъ кургана ковылялъ по степи. Всѣ рѣшили что должно быть дидъ «бувъ зъ мухою въ голови», что приподнесъ панамъ такой отвѣтъ.

Скоро за дѣдомъ уѣхалъ въ усадьбу и «генералъ». Всѣ люди почувствовали себя совершенно свободными, и тутъ начались шутки, остроты, прибаутки, тѣмъ болѣе, что все это я самъ всегда и вездѣ весьма охотно поощрялъ.

— Пане, шо я васъ хотивъ спытать?—обратился ко мнѣ одинъ рыжей масти мужичекъ.

— А шо ты хотивъ мене спытать?

— Я хотивъ васъ спытать, чи богато вы получаете жалуванія.

— Тысячу карбованьцивъ! отвѣтилъ я на угадъ.

— Не маненьке й жалуванія! Чувъ, Грыцько?

— Чувъ!

— А якый на васъ чинъ?

— Археологъ!

— Не маненькій же й чинъ! Архангелъ! Чувъ, Грыцько?

— Чувъ!

— А якъ же вы копаете,—одъ царя?

— Одъ царя!

— Одъ самого царя?

— Одъ самого царя!

— Одъ правытельства?

— Одъ правытельства!

— Одъ самого правытельства?

— Одъ самого правытельства!

— Одъ самисенькаго?

— Одъ самисенькаго!

— Отъ то яке дурне правытельство!

— Якъ такъ?

— А такъ: могылы копаты, такъ воно е, а ховражкивъ изъ норъ выгоняты, такъ ёго нема,—невоспотребнымъ диломъ занимаетця...

Ховражки или суслики составляютъ большое бѣдствіе на югѣ Россіи для крестьянъ, и потому для правительства, по понятію мужика, первою заботою должно быть истребленіе сусликовъ, а не копаніе какихъ-то могилъ.

Проходитъ еще нѣсколько дней. Раскопка кургановъ попрежнему продолжается. Вотъ перепало два-три теплыхъ дождичка, и и всѣ стали надѣяться на хорошій урожай. Вслѣдствіе этого коегдѣ стали раздаваться голоса о прибавкѣ поденной платы, но такъ несмѣло, одними лишь намеками.

— Чи добрымъ оце мы диломъ занимаемось, шо могылы копаемо? Може, за те Богъ и урожаю не дае, шо мы выкыдаемъ изъ могылъ хрестіянськи кисткы такъ, шо ажъ шумлять.

— А чи знаешъ же ты, шо мы копаемо? вмѣшиваюсь я въ такой разговоръ.

— А шо?

— Скэхву (т. е. скиѳовъ).

— Шо жъ воно за скэхва така?

— Та це така, шо вона не вмывалась, Богу не молылась, церкóвъ не знала и безъ штанивъ ходыла.

— Отъ така вона подлюка?

— Отъ така жъ вона и есть падлюка!

— Ну, такъ маслуй же іи лопаткàмы, колы такъ!

Доброе настроеніе снова возстановляется и работа продолжается съ прежней поденной платой.

Но вотъ и мнѣ самому, наконецъ, надоѣло копаться въ землѣ. День уже склоняется къ вечеру, и жаръ спалъ болѣе, чѣмъ на половину. Я выхожу изъ палатки и кричу своимъ рабочимъ:

— Хлопци, годи вже копать!

— А шо буде?

— Кидайте лопаткы́, збирайтесь въ кружóкъ та спивайте мени писѐнь.

— А вы жъ намъ за ввесь упругъ запышыте плату?

— За ввесь запышу!

— Хи, яке добро! Збирайтесь, хлопци, дядькы́, и вы, диды́, давайте пану письни́ спивать!

Тотъ же часъ составляется обширный кругъ. Я сажусь въ самую средину круга, прямо на землю, и прошу, чтобы мнѣ «заспивали» такую пѣсню, отъ которой бы у меня «прямо за серце ухопыло». «Значить, треба спивать старэннои писни, козацкои, запорожскои... Почынай ты, Дмытро». И Дмытро начинаетъ.

И вотъ въ дикой, безкрайной и необъятной степи, покрытой сплошь бѣлымъ, какъ морская пѣна, слегка колеблющимся и слегка наклоняющимся то въ одну, то въ другую сторону, высокимъ ковылемъ, разливается могучая, широкая, далекая и чарующая пѣснь. Въ той пѣсни говорится, какъ молодой козакъ, застигнутый въ безлюдной степи тяжкой «пригодой», т. е. внезапной болѣзнью, неимѣющій при себѣ никакого роду, разстается съ тѣломъ и съ душой.

«Ой, упавъ козакъ, упавъ-помира́,
А въ того жъ коза́ка тай роду нема́;
Ой, упавъ же винъ, упавъ тай лежыть,
Нихто жъ ёго не спытае, шо въ ёго болыть».

Болѣзнь, страшная болѣзнь, постигшая въ степной пустынѣ козака, тяжкія физическія и душевныя страданія, испытываемыя имъ отъ той болѣзни, мысленное прощаніе со всѣми милыми и близкими его сердцу людьми, наконецъ, грустный похоронный звонъ, которымъ даютъ знать гдѣ-то въ чужомъ городѣ объ отшедшей въ вѣчность козацкой души—все это такою грустью ложится на мою душу и такою острою болью отзывается въ моемъ сердцѣ, что я, сидя въ кругу пѣвцовъ, какъ бы самъ на себѣ переживаю мои послѣдніе дни: у меня сами собой, вопреки всѣмъ съ моей стороны усиліямъ, льются изъ глазъ жгучія слезы и все текутъ, все безъ перерыва текутъ по моимъ щекамъ... А Дмытро все «выводитъ» пѣсню, а хоръ все подхватываетъ послѣднія слова Дмытра, и могучая пѣсня льется по степи безъ конца, безъ краю, стелется по высокому и волнующемуся ковылю, то какъ бы догоняя его, то какъ бы отставая отъ него, сливается безраздѣльно со степнымъ вольнымъ и вѣчно гульливымъ вѣтеркомъ, отдается далекимъ эхомъ у высокихъ могилъ и потомъ, постепенно ослабѣвая и постепенно понижаясь и замирая, теряется въ концѣ концовъ гдѣ-то далеко-далеко..,—дальше, чѣмъ кончается самый горизонтъ неба и земли... И что за могучій голосъ у этого Дмытра? Какъ выставитъ это онъ свою богатырскую грудь впередъ, какъ закинетъ назадъ голову да какъ зальется-зальется, такъ дивишься

и необыкновенной мощи этого человѣка, дивишься и замѣчательно мелодичному и нѣжному голосу его, дивишься и той глубокой, ласкающей слухъ, проникающей въ сердце и поднимающей душу, самой мелодіи пѣсни...

— Ну, й голосъ же у тебе, голубчику мій, чудовый!

— Э, пане, у нёго ще роскишнійшъ бувъ голосъ, якъ винъ гулявъ парубкомъ, а теперъ и половыны того голоса нема.

— А де жъ винъ дивсь?

— Жинка взяла; якъ женывсь, такъ бильшу половыну и голоса стерявъ,—воны таки ти жинкы!

Но отъ пѣсенъ я снова возвращаюсь къ раскопкамъ Чѣмъ дальше я копаю курганы, тѣмъ тѣснѣе становятся мои отношенія къ рабочимъ, и подъ конецъ я дѣлаюсь у нихъ своимъ человѣкомъ. Вѣсть о раскопкѣ кургановъ, о хорошей платѣ, которая давалась рабочимъ, расходилась далеко отъ мѣста нашихъ раскопокъ, и ко мнѣ потянулись съ разныхъ сторонъ мужики, предлагая свои рабочія руки. Вотъ сидишь, бывало, вечеркомъ, послѣ окончанія дневныхъ работъ, у своей палатки и видишь, тянется къ кургану партія какихъ-то прохожихъ. Поровнявшись съ палаткой, партія останавливается и спрашиваетъ:

— А чи тутъ той гробокопатель. чи винъ анжаниръ, чи винъ мэхэныкъ, чи винъ землемиръ, чи Богъ его зна, якъ ёго и велычать,—той шо могылы копа?

— Тутъ! а на шо винъ вамъ?

— Та оце хотили бъ стать до нёго на роботу, якъ бы тилько винъ прынявъ насъ.

— Ни, не прыйме, бо у нёго уже и такъ багато народу.

— Та, може, якъ бы вы сказалы ёму, то й прынявъ бы?

— Ни, съ тимъ, шо не прыйме.

Мужики не вѣрятъ, идутъ разыскивать «настоящого гробокопателя», но тутъ натыкаются на моего дида-адъютанта, который и объявляетъ имъ, что «отожъ той панъ, що сидять у блюзи, коло палаткы, и есть настоящій архангелъ». Тогда мужики снова подходятъ ко мнѣ и, снявъ уже шапки, просятъ—и какъ усердно просятъ! — чтобы я принялъ ихъ на работу. Хоть по двадцать копѣекъ въ день, лишь бы имъ стать на работу. И становятся они въ концѣ концовъ на работу, и работа отъ того быстро спорится.

Иногда, вмѣсто мужиковъ, подъѣдутъ къ кургану въ экипажѣ какія нибудь барыни или барышни, никогда не видавшія раскоп-

ки кургановъ, но сильно заинтересованныя этимъ дѣломъ. Подкативъ къ палаткѣ и видя предъ собой запыленнаго и загрязненнаго человѣка, въ блузѣ, безъ пояса, въ большихъ сапогахъ и въ круглыхъ темнаго цвѣта очкахъ, барыни обращаются къ нему съ вопросомъ:

— Скажи, любезный, гдѣ тотъ господинъ, который копаетъ курганы?

— Не могу знать, сударыни: должно быть, гдѣ-нибудь по тотъ бокъ кургана.

Объѣхавъ кругомъ курганъ, барыни узнаютъ отъ того-же дида-адъютанта, «что онъ тожъ въ окулярахъ самый архангелъ и есть», снова возвращаются къ палаткѣ, извиняются передъ «архангеломъ» въ своей невольной ошибкѣ и зато выслушиваютъ отъ него подробный разсказъ о томъ, какъ надо копать курганы и что найдено уже въ разрытыхъ курганахъ и потомъ, вполнѣ довольныя объясненіями, уѣзжаютъ домой.

Но вотъ, наконецъ, всѣ курганы, опредѣленные къ раскопкѣ, разрыты, и я возвращаюсь въ селеніе. Мнѣ подаютъ изъ ближайшаго панскаго хутора, управляемаго Ёсыномъ Ёсыповичемъ Овцеводскимъ, маленькую бричку доисторическихъ временъ и допотопнаго устройства, запряженную парой очень почтеннаго возраста лошадей, и я ѣду одинъ, безъ кучера, отъ мѣста раскопокъ къ усадьбѣ Кошенятовкѣ. На полпути я обгоняю какого-то дядька, идущаго въ туже Кошенятовку пѣшкомъ и тотъ же часъ вступаю съ нимъ въ разговоръ.

— Здоровъ тоби, дядьку!

— Здорови вамъ, пане!

— Де це ты йдешъ?

— У Кошенятовку! А вы де йдете?

— Тежъ у Кошенятовку.

— А звидкиля?

— Изъ Нéхворощи! Сидай, дядьку, якъ шо хочешъ, пидвезу.

— А чомъ же и не хотить?

И дядько усаживается рядомъ со мной и продолжаетъ начатый разговоръ.

— Це вы, мабуть, йдыте до нашого генерала на поклонъ?

— Якъ то такъ на поклонъ?

— А такъ: тутъ скилько есть по окрузи панивъ, то вси издять до нашого генерала на поклонъ.

— Чого жъ то воны издять до нёго на поклонъ?

— У царя обида!

— Онъ чого!

— Тогожъ!

Послѣднія слова—«у царя обида»—дядько произноситъ съ такою таинственностью и съ такою многозначительною миной на лицѣ, приблизясь почти къ самому уху моему, что я ясно и воочію убѣждаюсь, какъ важенъ и обаятеленъ въ глазахъ сосѣдей «генералъ», обѣдающій у царя.

У такъ называемаго стараго сада я спускаю съ брички моего случайнаго спутника, а самъ ѣду прямо въ господскій дворъ. Меня встрѣчаетъ Остапъ Матарусъ и съ откровенностью безъискуственнаго и непосредственнаго человѣка объявляетъ мнѣ, что ему очень скучно было безъ меня, пока я находился на раскопкахъ могилъ: «Годи вже довбатысь вамъ у тихъ могылахъ,—ось у насъ ярмарокъ заходе на сели». И точно, по пріѣздѣ въ усадьбу, я узнаю, что село Кошенятовка готовится къ весьма важному событію, годовой ярмаркѣ, въ день Петра и Павла, іюня 29 дня.

Уже за три, за четыре дня до Петра и Павла въ селѣ Кошенятовкѣ дѣлаются на обширной площади, противъ церкви и помѣщичьяго двора, разныя приготовленія: вкапываются въ землю столбы, воздвигаются отдѣльныя лавочки, разбиваются цѣлые ряды, устраиваются маленькія яточки. Всѣмъ этимъ дѣломъ орудуютъ старшина, староста, сотскіе и главнымъ образомъ урядникъ Петро Абрамовичъ Пасишный, лицо весьма важное и весьма вліятельное въ селѣ Кошенятовкѣ, удостоенное монаршей милости въ видѣ большой серебряной медали для ношенія на шеѣ. Ко дню Петра и Павла въ Кошенятовку съѣзжается масса народа изъ екатеринославской, полтавской, харьковской, таврической губерній, разныхъ званій, состояній и народностей: малороссовъ, великороссовъ, нѣмцевъ, жидовъ, цыганъ, болгаръ, армянъ. И Боже мой, сколько тутъ товару попривозится, сколько тутъ живности повыставляется, сколько скота попригоняется!

Ярмарка въ селѣ—это не то, что ярмарка въ городѣ: въ городѣ она совершенно пропадаетъ и совершенно теряется въ городской сутолокѣ; въ городѣ и безъ того каждый день ярмарка. Въ селѣ же это событіе важное, событіе выдающееся, событіе даже чрезвычайное. Ярмарки въ селѣ ждутъ и старые, и малые, и мужчины, и женщины и изъ женщинъ въ особенности дивчата.

Дѣтвора за полгода, даже за цѣлый годъ готовится къ ярмаркѣ: получивъ отъ «крещеного батька за кутью на святый вечеръ» или отъ пана за «посыпанье» на новый годъ одну или двѣ, а иногда и три копѣйки, мальчуганъ бережно завертываетъ свой огромный капиталъ въ тряпочку, тайкомъ отъ всѣхъ зарываетъ его куда-нибудь въ землю подъ завалинку или же въ садку подъ яблонькой и ждетъ—не дождется того радостнаго и счастливѣйшаго дня, когда въ село понаѣдутъ купцы на ярмарку съ сладкими пряниками,, сахарными конфетами, превкусными рожками, брусиками и медянниками, чтобы промѣнять свои завѣтныя денежки на ни съ чѣмъ несравнимыя лакомства. Но хорошо было бы, кромѣ лакомствъ купить мальчугану Димускѣ на ярмаркѣ какой-нибудь глиняный свистуньчикъ или узорчатую сопилочку, тогда эхъ! и позавидовалъ бы Димускѣ сосѣдній хлопчишка Захарько!... Парубки уже мечтаютъ о другомъ: какъ бы имъ, послуживъ у пана или у нѣмца а то такъ и у богатаго купца, заработать десятокъ или два рублей и на тѣ деньги купить добрые чоботы, хорошую чумарку, узорчатый шерстяной поясъ, вишневаго цвѣта съ кожанымъ, непремѣнно кожаннымъ, а не бумажнымъ, козырькомъ картузъ, плетеный для лѣтнихъ работъ брыль, а то такъ и смушковую, для зимней поры, шапку, и если останутся отъ той покупки серебряныя или мѣдныя деньги, то купить еще пряниковъ, конфетъ, солодкихъ рожковъ для того, чтобы угостить ими, при случаѣ, «чорняву, или биляву» дивчину, сердечную зазнобу молодцеватаго парубка. Дядькѝ мечтаютъ о томъ, чтобъ повыгоднѣе продать великовъ, конячекъ, свинью, бычка или телѝчку, потомъ въ аккуратъ расплатиться со всякими податьми, на оставшіяся деньги купить жинкѣ какой-нибудь подарокъ и самому выпить съ пріятелемъ «доброго могарычу въ веселой корчемкѣ». Дѣвòча порода, какъ уже въ малыхъ лѣтахъ, такъ еще больше того въ большихъ, одного страстно желаетъ—побольше купить себѣ нарядовъ, т. е. стричóкъ или ленточекъ въ косы, яркаго ситцу на спидныцю, намыста зеленаго, желтаго и голубого на шею, квитóкъ и шумихи для вѣнковъ на голову, наконецъ черевичковъ на подковкахъ «зъ скрыпомъ та зъ рыпомъ». При этомъ маленькія дивчатка стремятся къ такимъ нарядамъ безъ всякой особой цѣли, а взрослыя дивчата видятъ въ томъ также и средство къ тому, чтобы понравиться и прельстить своимъ нарядомъ парубковъ, которыхъ онѣ при своихъ матеряхъ да при батькáхъ вотъ какъ не выно-

сятъ, но на которыхъ онѣ на самотѣ, гдѣ-нибудь въ церкви, или на улицѣ, а еще того пуще «въ темному вишневому садочку» вотъ какъ заглядываются и какія ласковыя словечки своими «коралловыми губоньками» шепчутъ: «И козаченьку любый мій, и голубчику мій, и лебедыку мій, и соколыку сызоперый мій»... Молодицы ждутъ ярмарки съ тѣмъ, чтобы продать пивня или курку, а то такъ и порося, масла или полотна, а себѣ купить кубового ситцу на спидныцю или парчи на очипокъ, но не съ тѣмъ, чтобы прельщать молодыхъ хлопцивъ, а съ тѣмъ, чтобы больше нравиться своимъ «чоловикáмъ». Необходимо также—и какъ еще необходимо!—молодыцѣ купить глиняный горшочекъ и поливьяную мисочку для борщу, желтой или красной глины для подмазки печи и прысьбы къ большимъ праздникамъ годовымъ, лёну для тонкаго полотна на рукава: для сорочки, «Пидтячка и изъ плоскони збредé, а рукавця треба бъ зъ лёну зробыть». Да и чего ей еще не треба? Треба бъ и сальця купить, чтобы «йнколы» вкинуть въ борщъ; треба бъ и рыбки-таранухи десяточекъ-два для спасовскаго поста захватить; треба бъ и солонинки взять, чтобъ «колы неколы» свою душу поскоромить да и чужого человѣка въ праздникъ угостить. А ужъ чего прежде всего треба—такъ это хлопчакáмъ по прянику да по свистунцу, а дивчаткамъ по конфеткѣ да по рожевой стёжкѣ купить! Это уже положительно треба! А то прійдетъ молодица домой, а дѣтвора и вцѣпится ей за спидныцю: «Дай мамо пряныцька, дай, мамо, канахветыка», тутъ она выйметъ всю свою лакомую покупку изъ-за пазухи и обдѣлитъ ею малую челядь свою.

Такъ вотъ отчего желательна та ярмарка для всѣхъ деревенскихъ обывателей.

И идутъ и ѣдутъ они на нее со всѣхъ концовъ. Тутъ-то сценъ, тутъ-то типовъ, тутъ-то разговоровъ—батюшки мои! Вотъ взойдите на площадь, присмотритесь ко всѣмъ да прислушайтесь къ говору людскому,

Вотъ длинный рядъ, установленный съ обѣихъ сторонъ разною деревенскою посудой. Прежде всего бросается въ глаза цѣлая гора горшковъ, мисокъ, полумисокъ, макотеръ, кухликовъ, жаровень и т. п. За однимъ изъ вороховъ такого товара стоитъ высокаго роста, съ небольшими сѣдыми усами, въ широкихъ шароварахъ, заложенныхъ за голенища шкаповыхъ чоботъ, въ поношенномъ на головѣ картузѣ, сухощавый и строгій дидъ. Сколько важности написано у него на лицѣ, сколько сознанія того, какой

драгоцѣнный товаръ лежитъ передъ нимъ! На низкія привѣтствія, обращенныя къ нему, онъ едва киваетъ головой, на всякія заискиванія онъ едва однимъ-двумя словами кого-нибудь удостоитъ подарить. Вотъ подходитъ къ такому диду молодичка, аккуратненькая, нарядная, немного кокетливая. Она долго перебираетъ всю разложенную на землѣ посуду, облюбовываетъ себѣ одинъ горшочекъ и заискивающимъ голоскомъ спрашиваетъ у дида:

— Дидусь, за дви копійкы занесты?

— За тры копійкы занесешъ! отвѣчаетъ ей преважно дидъ.

— Дидусь, та винъ же маненькій!

— Беры велыченькій!

— Дидусь, та винъ же трошкы худенькій!

— Беры крипкенькій!

— Дидусь, уважте такы за дви!

— Буде винъ у тебе и за тры. Я й такъ побожому. То ему настояща цина пьятакъ, а я вже побожому отдаю за тры.

Но молодичка, найдя такую цѣну слишкомъ высокой для себя, отходитъ къ другому продавцу.

Ниже дида гончара стоитъ дядько гребенщикъ. Передъ нимъ лежатъ деревянные гребни, гребенки, дныща, веретена. Этотъ продавецъ еще важнѣе перваго. Вотъ подходитъ къ нему незначительный панокъ и мягкимъ голосомъ спрашиваетъ его:

— Звидкиля васъ сюды Богъ прынисъ?

— Зъ—пидъ Охтырки!

— Шо жъ воно за Охтырка за така?

— Городъ такый,—не що!

— А зъ села якого жъ вы?

— Кажу зъ—пидъ Охтырки тай уже!

— Мабуть десь важэнный городъ?

— А вже жъ шо важэнный!

Тутъ на лицѣ дядька столько сказывается величія отъ того, что онъ изъ «важэннаго» города и столько снисхожденія, если даже не презрѣнія, къ захудалому панку, смиренно стоящему передъ нимъ, что самъ дядько кажется недосягаемымъ гигантомъ, а панокъ—жалкою мурашкой. Но дядько, съ такой гордостью отвѣтившій на вопросъ панка, небрежно бросаетъ и ему съ своей стороны вопросъ.

— А вы жъ самы звидкиля есть?

— Я?

— Э-э жъ, вы! Онъ не говоритъ «эге», а говоритъ «э-э», потому что такъ гораздо важнѣй.

— Я зъ Петенбурху!

— Зъ Петенбурху? удивленно переспрашиваетъ дядько.

— Зъ Петенбурху! снова повторяетъ панокъ.

Тутъ роли неожиданно перемѣняются: какъ ни важенъ городъ Охтырка, но городъ Петербургъ даже и въ представленіи дядька все-таки важнѣй, и потому онъ волей-неволей перемѣняетъ свое обращеніе въ отношеніи панка и, спустивъ высокій тонъ на обыкновенную ноту, сознается ему, что онъ изъ села Водолагъ,—«положымъ тоже неманэньке село!» что товаръ его, по нынѣшнимъ плохимъ временамъ, очень плохо идетъ и провозъ его въ далекую даль «коштуе» столько, что не стоитъ и всѣхъ, сдѣланныхъ на него, затратъ.

Еще ниже дядька гребенщика стоитъ дядько, продающій крейду, т. е. мѣлъ для мазки хатъ. У ногъ его лежитъ цѣлая груда крейды, у самого же у него вся «пыка», т. е. все лицо, вымазано мѣломъ.

Шо жъ це воно таке? Для чого це ты вымазавсь крейдою тай стоишъ, якъ той святый.

— Хиба не бачыте для чо́го? Це выставка така, шобъ кожный бачывъ, шо я крейду, не друге шо, продаю,—отъ шо!...

За горшечнымъ рядомъ идетъ продуктовый рядъ. Тутъ продаютъ сало, масло, творогъ, яйца, цыбулю, чеснокъ, сливы, груши и тому подобный товаръ. Вотъ возлѣ воза, полнаго сушеныхъ грушъ, стоитъ человѣкъ и выкрикиваетъ: «По груши! По груши»!... Къ нему подходитъ дядько лѣтъ около 35 и лаконически спрашиваетъ.

— По чому видро?

— По двадцять! также лаконически отвѣчаютъ ему.

— А по пьятнадцать зъ верхомъ? То-есть по пятнадцать копѣекъ съ надсыпкою на верхъ.

— А якъ по пьятнадцять, то хай буде й такъ!

— А цыбэрка буде моя?

— Хай буде й твоя!

— А верхъ добрый выведешъ?

— Выведу, якъ жиноче веретено, — та тилькы, якъ ты таку цыбэрку зъ такымъ верхомъ додому понесешъ?

— А якъ я ій понесу? Сяду у тебе коло воза, верхъ увесь ззимъ, а те, шо зостанетця, додому понесу.

И дядько, уплативъ пятнадцать копѣекъ за ведро грушъ «зъ верхомъ», садится возлѣ воза продавца и начинаетъ ѣсть груши; ѣстъ до тѣхъ поръ, пока количество грушъ не сравнялось съ вѣнцами цыбарки, и тогда снимается съ мѣста и преспокойно съ оставшимися грушами идетъ домой.

Въ этомъ же ряду давно уже вертится какая-то бабенка съ краснопёрымъ пѣтухомъ, котораго она носитъ подъ мышкой и предлагаетъ «охотнику» купить у нея «пивня».

— Шо ты, молодыця, носышься тутъ зъ пивнемъ? Уже якъ продаваты, такъ продавала бъ курку, а не старого пивня! остритъ надъ бабенкой какой-то весельчакъ.

— Эге, курку! Курка й соби здастця! задорно отвѣчаетъ бабенка и скрывается въ толпѣ.

А вотъ по ряду, гдѣ продаются шапки, брили и картузы, пробирается высокаго роста съ длинными, густыми черными усищами, въ какомъ то неопредѣленномъ на головѣ шлыкѣ, уже совсѣмъ не молодой, но увѣренный въ своемъ достоинствѣ дядько. Онъ видимо кого-то ищетъ изъ продавцовъ, зазирая черезъ головы людей, толкающихся взадъ и впередъ по этому же ряду. Вотъ онъ, наконецъ нашелъ того, кого такъ давно искалъ.

— Здрастуйте, господынъ Грякъ!

— Здрастуйте, господынъ Шпакъ!

— А шо въ вашимъ гамазыни для мене шапка есть?

— Есть! Выбирайте яку любля!

— Ну, оця скилькы просе за сéбе?

— Карбованця!

— А полтынныка не визьме вона?

— Ни, це дило не вкыпыть!

Отвѣтъ произносится такъ рѣшительно и такъ безапеляціонно, что «господынъ» Шпакъ, должно быть, человѣкъ столь же рѣшительный, какъ и самъ «господынъ» Грякъ, немедленно отходитъ въ другую сторону, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы искать себѣ уже не Гряка, а какого нибудь Сороку или Горобця.

А въ ряду, гдѣ повыставлены деревянныя лопаты, желѣзные заступы, большія, среднія и малыя кадочки, дубовыя съ толкачами салотовки—тамъ свои продавцы и свои покупатели. Вотъ возлѣ кучки деревянныхъ лопатъ давно уже стоитъ и давно переворачиваетъ сверху до низу товаръ мѣстный панъ дьякъ, сѣдой, сухощавый и мощеобразный на видъ, съ длинной косичкой на-

зади, въ новомъ, ради праздника, нѣсколько просторномъ не по фигурѣ подрясникѣ. Это Илья Хведоровичъ Сливицкій, когда то въ дни далекой молодости, славившійся своимъ веселымъ нравомъ, который приводилъ его не разъ то въ «Капернаумъ», то въ «Кану галилейскую», а теперь утвердившій за собой репутацію великаго знатока церковнаго устава и глубокаго и тонкаго истолкователя брюсовскаго календаря. О, это знаюка, великій знаюка! Онъ и самому отцу Парѳентію, «якъ колы, то подъ нисъ пынхвы пиднесе», онъ давно бъ уже и «попувавъ», такъ нельзя ему черезъ то, что онъ «другу жинку держитъ», т. е. что на второй женѣ женатъ. Онъ замѣчательно удачно предсказываетъ (по Брюсу!) погоду на каждый день, а также заранѣе объявляетъ, въ какой странѣ и когда именно родится «мудрѣйшій царевичъ или великій завоеватель принцъ»... Илья Хведоровичъ давно уже усердствуетъ возлѣ кучки лопатъ, въ который разъ онъ уже переворачиваетъ ее, въ который разъ онъ беретъ въ руки то одну, то другую лопату, но никакъ не можетъ выбрать по своему вкусу: то ему нужно пошире, но чтобы она вмѣстѣ съ тѣмъ была и «замашна»; то ему надо потолще, но чтобы она была и легка. А главный секретъ состоитъ въ томъ, что продавецъ «цурувавъ» за лопату 25 копѣекъ, а Илья Хведоровичъ давалъ ему 15 и только послѣ цѣлаго часа торга сдѣлалъ прибавку въ пять копѣекъ. Такая неуступчивость съ одной стороны и стойкость съ другой доводили и продавца и покупателя чуть ли не до изнеможенія, и когда все это окончилось бы—неизвѣстно, если бы въ этотъ торгъ не вмѣшался проходившій мимо «панокъ», тотъ самый, который велъ бесѣду съ гребенщекомъ: уважая Илью Хведоровича за его глубокую начитанность въ святомъ письмѣ и еще больше того за тонкое пониманіе брюсовскаго календаря, онъ подарилъ ему новенькій бумажный рубль и тѣмъ разрубилъ Гордіевъ узелъ между Ильей Хведоровичемъ и продавцомъ. Послѣ этого Илья Хведоровичъ скоро сошелся съ тугимъ продавцемъ и съ неописанной радостью понесъ лопату домой, пробуя ее на пути то правою, то лѣвою рукой и тѣмъ желая убѣдиться, «чи вона замашна, чи вона незамашна, чи вона важка, чи вона неважка». «Отъ цежъ и выбралы, Илья Хведоровичъ, лопату, такъ лопату! Це така, шо вже сама буде кыдать... Здорови булы»! «Здорови»! «На ярмарку»? На ярмарку...»

Въ томъ же ряду, но нѣсколько въ глубь, повыставлено множество всякихъ размѣровъ скрынь или деревянныхъ росписныхъ

сундуковъ. Тутъ главнымъ образомъ торгуются батьки и въ особенности матери, которые имѣютъ взрослыхъ дочерей и готовятъ приданое имъ. При покупкѣ скрыни главное вниманіе обращается на то, чтобы она была росписана яркими красками и изукрашена цвѣтами, какъ на крышкѣ, такъ и на бокахъ, въ особенности же спереди, чтобы она была окована крупными полосками желѣза, чтобы она имѣла замокъ съ громкимъ и протяжнымъ звономъ и чтобы подъ ней были колеса для свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто, а внутри былъ бы небольшой «прискрыночокъ» для иголокъ, нитокъ, намыста, коралловъ и тому подобныхъ мелкихъ вещицъ. Самыми цѣнными скрынями считаются тѣ, которыя сдѣланы въ «губерніи», т. е. въ самомъ городѣ Екатеринославѣ. Вотъ возлѣ одной такой скрыни давно уже, чуть ли не съ самаго ранняго утра, торгуются «чоловикъ и его жинка»; уже нѣсколько разъ они то приступали къ продавцу, то отступали отъ него, дѣйствуя то совмѣстно, то порознь другъ отъ друга. Они давно уже и во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣли скрыню, и пробуя крѣпость желѣзныхъ петлей, и прислушиваясь къ звону замка, и осматривая прочность деревянныхъ колесъ, и любуясь яркостью красокъ и фигурностью цвѣтовъ. Уже нѣсколько разъ они и перекатывали скрыню съ одного мѣста на другое, нѣсколько разъ и переворачивали ее съ одного бока на другой и нѣсколько разъ ставили ее «на попа»—скрыня и такъ, и сякъ выходила хоть куда, да одна бѣда: продавецъ слишкомъ «велыку суму цуруваъ» за нее, а именно: «ажъ висимъ карбованьцивъ зъ четвертакомъ».

— Та уступить такы, земляче, хочъ одынъ карбованьчикъ, спасыби вамъ.

— Неможно, ни якъ неможно! Бо ця скрыня,—самы бачыте,—роблена не де, якъ у губерніи.

— Та мы бачымо, добре бачымо, а все жъ такы, слухайте, земляче, усе жъ такы скостить шо-небудь зъ восьмы! Молода буде за васъ и лягаючи и вставаючи Бога молыть. Скости такы, господынъ купецъ, спасыби вамъ!

— Шо жъ якъ неможно! Я бъ и радъ, такъ скрыня жъ губернська: у самому Катерынослави роблена. Онъ пидить до того дядька,—у того скрыни зъ Крылова, то той и дешевше вамъ виддасть.

— А шо жъ ты думаешь на счетъ Крылова? Крыловъ тоже не поганый городъ, а скрыни въ нему роблятця таки, шо, може,

краще й губернськыхъ скрынь. Ось идить сюды лышень, паниматко, то я вамъ покажу таку скрыню, шо не тилько въ губерніи, а й во всій имперіи не найдете такои.

Но паниматка хорошо знаетъ, что одно купить «дочци» скрыню «губернську и другое купить скрыню «негубернську», — слава совсѣмъ не та: о губернской скрынѣ будетъ знать все село, и это можетъ послужить приманкой для богатыхъ жениховъ. И потому торгъ за «губернську» скрыню снова возобновляется и снова длится два-три часа. Наконецъ, скрыня куплена и торжественно перекатывается прямо съ ярморочной площади домой. Каждый встрѣчный, идя на ярмарку или возвращаясь съ нея, увидя перекатываемую черезъ площадь скрыню, непремѣнно остановится, осмотритъ скрыню со всѣхъ сторонъ, спроситъ о цѣнѣ, похвалитъ краски, похвалитъ удивительно разрисованные на ней цвѣты, выслушаетъ, какъ звонко звонитъ въ скрынѣ замокъ, пожелаетъ будущей молодой, столько счастья, сколько можетъ вся скрыня вмѣстить въ себѣ, и потомъ послѣ всего того отойдетъ прочь, а купившіе катятъ свою скрыню домой еще съ большимъ торжествомъ. У самыхъ воротъ паниматку встрѣчаютъ сосѣди и сосѣдки, также осматриваютъ скрыню со всѣхъ сторонъ, также удивляются замѣчательнымъ на ней цвѣтамъ и замѣчательному звону замка: «Отъ скрыня, такъ скрыня! Та ще й на колесахъ! Та ще й съ прыскрынкомъ! Теперъ такъ, шо, Марьянко, хочъ за королевича замижъ выходь»...

А между тѣмъ ярмарка идетъ своимъ чередомъ. Люди пока еще не убываютъ изъ нея, а все прибавляются. Рано вскочившее въ тотъ день солнце поднялось уже довольно высоко и вступило во всѣ свои права. Сообразно съ этимъ и ярмарка развернулась во всю ширь и оттого на ней становилось все многолюднѣй и шумнѣй. Вотъ въ одномъ ряду площади слышно, какъ жиды, жидовки и жидинята, крича, картавя и гарькавя на всякіе голоса, надрываются до упаду, зазывая подъ свой навѣсъ дивчатъ, молодицъ и пожилыхъ бабъ и предлагая имъ разные ситцы, платки, квитки, стричкй, очипки, панчохи и тому подобныя вещи женскихъ одѣяній и убранствъ. Въ другомъ ряду изъ цѣлаго моря разнообразныхъ голосовъ отчетливо раздается голосъ продавца кабановъ и свиней, который божится-клянется, въ ротъ землю кладетъ для того, чтобы увѣрить покупателя въ необыкновенныхъ свойствахъ своихъ свиней, изъ коихъ одна два раза въ годъ даетъ по 15, а

другая по 18 поросятъ; а кабанъ, если поднимется на задніи лапы, такъ станетъ по плечи «отъ тому высокому жандарму Андрію, що стереже генеральскій двиръ». При этомъ свиньи, привязанныя за одну или за двѣ ноги къ возамъ и безцеремонно подталкиваемыя покупщиками, кричатъ благимъ матомъ на всѣ ряды; свиньямъ вторятъ пронзительнымъ и неистовымъ крикомъ поросята, уложенные подъ возами въ мѣшкахъ. Изъ третьяго ряда несутся задорные и дикіе крики цыганъ, которые обступили толпой цѣлый гуртъ лошадей и всѣ разомъ, на всякіе голоса, кричатъ, галдятъ, машутъ руками, передергиваютъ плечами, всячески хуля и ни во что ставя лошадей продавцевъ и беззастѣнчиво расхваливая собственныхъ заѣзженныхъ и затасканныхъ клячъ; для этого они быстро вскакиваютъ на своихъ коней верхомъ и тутъ же съ гикомъ и крикомъ носятся, какъ оглашенные, по ярморочной площади и потомъ вызывающе и со свойственнымъ имъ цыганскимъ выговоромъ кричатъ: «А що, земляче, яка коняка! Та така одна моя більшъ стое, нижъ твоихъ тры! Та ця коняка въ саме пекло вскоче, ще и назадъ выскоче! Та вона за тры дни и трехъ охапкивъ сина не зъисть. Це така коняка, шо вона въ мене однимы кизяками годуетця! Ось дывысь, ось дывысь»! И цыганъ для доказательства того, что его коняка одними кизяками годуется, поднимаетъ съ земли конскій кизякъ и суетъ его своему коню въ ротъ. Конь, пріученный къ тому заранѣе, беретъ въ ротъ кизякъ и преспокойно его жуетъ. «Отъ то бисовы цыганы, чому тилько воны не навчать своихъ коней, абы тилько нашого братчика обдурять»!.. Въ четвертомъ ряду, стоитъ сплошной безпрерывный и густой гулъ: тамъ продаютъ и покупаютъ воловъ. Тутъ уже не прытью надо удивлять, а удивлять тѣмъ, чтобы волы были крѣпки на ногу, тверды на рогъ, тащили пудовъ 60 клади, ѣли очень мало сѣна и были бы друзьями-товарищами хозяину. «Тутъ, чоловіче й волы тутъ уже й волы: и простори, тай подывысь же ты самъ, у якому тили воны. Це таки волы, шо тилько имы хаты перевертать: якъ на кого сердытый, то зачепы хату канатомъ, а до каната пидведы оцихъ воливъ, то вона тилько шелесне уверхъ. Тутъ, сказать тоби, дядьку, и волыкы! тутъ же и волыкы! Оцей сирый круторогый винъ, такъ винъ чуе, чимъ ты и дышешъ, чого ты й хочешъ,—не вилъ, а друзяка! Навалы на нёго хуру, а самъ лягай у середыну воза тай спы якъ у хати на печи: винъ и чорного за собою поведе и тебе до дому привезе; а якъ прыиде пидъ

ворота, то стане та ще й зареве: уставай, бачъ, хозяину, ось до дому прыбулы! Одно слово, вилъ такый, шо онъ якый!» Зато ужъ и торгуются здѣсь! Вотъ тутъ-то именно, а не гдѣ въ другомъ мѣстѣ и сложилась поговорка: «Торгуются якъ за вола». Сколько разъ покупщикъ подходитъ къ продавцу и сколько разъ онъ отходитъ отъ него! Сколько разъ продавецъ клянется, что его волы стоютъ не менѣе, какъ двѣсти карбованцевъ «на молодця» и сколько разъ покупщикъ разувѣряетъ его, что за нихъ и сто карбованцевъ такъ и то много дать! Сколько разъ они хлопаютъ другъ друга по рукамъ и сколько разъ осматриваютъ воловъ, пробуя каждаго изъ нихъ и за рога и за копыта, дергая и за хвостъ, и за уши, «чи не сухоребрый вилъ бува, чи твердый у нёго ригъ, чи надежни копыта, чи цупкый хвистъ, чи гарячи вуха». Они и уговариваютъ другъ друга, и усовѣщеваютъ, и ублажаютъ при чемъ одинъ называетъ другого товарищемъ, землячкомъ, другой величаетъ перваго сябромъ, кумкомъ и все-таки не сойдясь въ цѣнѣ, расходятся прочь. «Хай его грець визьме! Тилько руку набылы, такъ шо и не вдержышъ, а воливъ такъ и не купылы!.. Но зато ужъ если сойдутся, то тутъ бьютъ полу объ полу, бросаютъ свои шапки на землю, крестятся на всѣ на четыре стороны широкимъ крестомъ, кладутъ на спину воловъ комки сырой земли съ тѣмъ, «щобъ воны здорови та гладки булы», высказываютъ другъ другу самыя благія пожеланія и въ концѣ концовъ, разсчитавшись вочистую, непремѣнно идутъ въ корчму запивать могарычъ: безъ могарыча нѣтъ и дѣлу конца «старьци костурямы миняютця, тай то могорычъ пьютъ, а тутъ же жъ чоловикъ та продавъ другому пару воливъ,— не шутка»! Но и это еще не все: продавецъ, получивши отъ покупателя деньги, непремѣнно долженъ бросить ему въ полу «срибный золотый», т.-е. серебряную двадцатикопѣечную монету, потому что иначе волы не пойдутъ новому хозяину въ руку, и только послѣ всего этого «сваты» расходятся въ розь.

А вотъ въ самой срединѣ площади, куда сходятся концами всѣ торговые ряды, воздухъ громко оглашается рѣзкими и высокими голосами нищихъ слѣпцовъ и ихъ хлопчаковъ-мѣхоношъ. Слѣпцы и мѣхоноши надрываютъ свои голоса, вытягиваютъ всѣ жилы и всѣ мускулы на шеѣ и на лицѣ, выводя духовныя пѣсни и «сальмы», т.-е. псалмы про страшный судъ, про праведнаго Лазаря, про злую «хортуну» обѣднѣвшаго богача: «Та якъ бувъ я багатъ, то всякъ мени радъ, якъ ставъ я харпакъ—всякъ каже дуракъ; та прощай увесь мыръ,—

я пиду въ монастырь! Я кости ссушу, а душу спасу. Та лежы, моя кисть, лежы не двыжы! Лежы не двыжы, страшного суду жды! Страшный судъ прыйде—всимъ дило найде». Свое душераздирательное пѣніе слѣпцы, по обыкновенію, сопровождаютъ громкой и рыпучей игрой на «реляхъ», т.-е. на деревянныхъ съ нѣсколькими струнами и съ круглыми валиками лирахъ. И православные люди, проходящіе мимо слѣпцовъ, слезно умиляются отъ такихъ божественныхъ «сальмъ» и тутъ же опускаютъ въ чашечки, поставленныя передъ слѣпцами прямо на землѣ, свои трудовыя денежки—кто копеечку, кто двѣ, а кто и три... «Оцей слипець найбильше всихъ грае: яку хочешъ, таку и загра, а найчище Лазаря гра»...

А поодаль отъ круга слѣпцовъ стоитъ съ открытыми дверями и веселая корчма. Ее густо и со всѣхъ сторонъ облѣпили, какъ облѣпляютъ пчелы ульи въ ходкій майскій день, дѣды, дядьки и парубки. Изъ глубины ея слышатся тонкіе звуки симпатичной сопилочки и любимаго украинцами музыкальнаго инструмента бубна: «Ду-ду-ду! ду-ду-ду! ду-ду-ду!!! Ду-ду-ду-ду-ду-ду!» Уже издали слышно, какъ подъ звуки бубна кто-то молодецки отдираетъ такого трепака, отъ котораго дрожитъ полъ, дрожатъ стекла, дрожатъ стѣны корчмы. «Эхъ, штаны мои, шаровары, та ще й дома трое!»—«Тай бреше жъ собачій сынъ: одни, якъ есть, тай ти позычени!..» «Ой, ты, дядьку Мусію, чи бачывъ ты чудасію? Якъ попова кобыла поросята водыла, поросятокъ прывела! а имъ исты не дала, поросята пыщать—воны исты хотятъ, воны исты схотилы та знялыся—полетилы, та знялыся-полетилы, на дубъ-дерева силы. Ой, ты, дядьку Мусію, чи бачивъ ты чудасію? Якъ у поли мужыкъ штаньмы рыбу ловывъ, штаньмы рыбу ловывъ тай медведя зачепывъ, ой, нуда-ну-да-ну-да тай медведя зачепывъ...» Вотъ изъ корчмы выходятъ подъ руку два задушевныхъ пріятеля. Пошатываясь въ разныя стороны, одинъ въ правую, другой въ лѣвую, они медленно выбираются на дорогу и, еле-еле ворочая заплетающимися языками; продолжаютъ вести раньше того начатую бесѣду.

— Кумъ, кумъ! Слухай сюды, кумъ! Я ему пиднесу, я ему, тому Завирюси, покажу... Я... я чоловикъ строгый, я ему... кумъ, слухай сюды, кумъ! Я ему по-ка-жу; я ему съ тимъ, шо пиднесу...

— А, це ты впьять изъ корчмы,—трясьця тоби въ печинкы! Неожиданно налетаетъ на «строгого чоловика» его любая жиночка. А полотно де дивъ, шо я дала тоби продать?

— Продавъ!

— А гроши куды сховавъ?

— У корчму!

— Чи не ты жъ зарикавсь, чи не ты жъ запрысягавсь, шо до вику не пидешь у корчму?

— И зарикавсь! И запрысягавсь! Такъ шо жъ якъ ти гроши та дуже кругли! Якъ идешъ мымо корчмы, такъ сами и котятця туды!

— Такъ ось я жъ тоби докажу, такъ ось я жъ тоби покажу, такъ ось я жъ тоби пиднесу-пиднесу!..

И «любая жиночка» начинаетъ подносить своему «строгому чоловику» кулаки и въ спину, и въ затылокъ, и въ бока. Но «чоловикъ» какъ будто и не слышитъ ничего, что преподноситъ ему жена, точно видя передъ собой не жену, а ничтожнаго комара.

— Кумъ, слухай сюды, кумъ!..

Но кума уже давно и слѣдъ простылъ: завидя жиночку своего любезнаго куманька, онъ собралъ всѣ свои слабыя силы и «швыденько» свернулъ влѣво отъ корчмы и потомъ скоро скрылся въ глубинѣ своего двора.

Вдругъ ко всему этому гаму, крику, визгу, шуму, стону, говору и гулу прибавляется еще протяжный и рѣзкій звонъ, несущійся съ панскаго двора: «То благовистятъ у генерала на обидъ».

И такъ, прощай, роскошная ярмарка, со всѣми твоими дидами, дядьками, молодичками, парубочками и дивчатками! Я оставляю тебя надолго, можетъ быть даже навсегда!..

...Прошло пять дней, какъ пять часовъ, со времени достопамятной ярмарки, и я долженъ былъ покинуть дорогую моему сердцу Кошенятовку. Мнѣ подали къ главному парадному балкону хорошій экипажъ, запряженный четверкой лошадей. Когда я, сердечно простившись съ дорогимъ владѣльцемъ Кошенятовки, сѣлъ въ экипажъ, то меня три раза обвезли вокругъ устроеннаго среди двора цвѣтника. Хозяинъ, стоя на балконѣ съ открытой головой всякій разъ, когда лошади подвозили меня подъ балконъ, радостнымъ голосомъ привѣтствовалъ меня: «А, здравствуйте, дорогой Димитрій Ивановичъ! Очень радъ, очень радъ видѣть васъ у себя! Прошу пожаловать къ намъ еще и еще!..» И такъ до трехъ разъ, и только послѣ третьяго раза кучеръ направилъ лошадей къ воротамъ, и нашъ экипажъ выскочилъ со двора. Это дѣлалось по данному заранѣе приказанію домохозяина для того, чтобъ пріятный ему гость не забывалъ и на будущее время его домъ.

Уже за барскимъ садомъ мои лошади обогнали какой-то возъ, прикрытый сверху дранымъ рядномъ, въ который была запряжена толстая, какъ бочка, рыжей масти, съ длинною, густою и всклокоченною гривой, старая кобыла, и я увидѣлъ на возу, въ старенькомъ подрясникѣ, въ широкомъ брылѣ и съ сѣдой косичкой, Илью Хведоровича, мѣстнаго пана дьяка. Онъ везъ со двора въ поле навозъ и, примостившись на кончикѣ воза, подложивъ подъ себя клочекъ сухой соломы, чувствовалъ себя, повидимому, въ самомъ радужномъ настроеніи, потому что не спѣша, протяжно и съ большимъ воодушевленіемъ пѣлъ начало духовной пѣсни: «Всемырную сла-а-а-ву отъ человѣкъ прозя-а-а-бшую и-и-и-и...» Но! А и лукава жъ у мене оця бисова кобыльчина! Но!..»

— Прощайте, дорогой Илья Хведоровичъ!

— Прощайте, добрый панъ! На станцію?

— На станцію, Илья Хведоровичъ!

— Пріѣзжайте ще въ нашу Кошенятовку!

— Пріѣду, непремѣнно пріѣду!..

Черезъ два-три часа я уже былъ у станціи Перещепиной, а тамъ черезъ два съ половиной дня и въ Петербургѣ.

Въ поискахъ за фамильными документами.

ОДНО время меня сильно занималъ вопросъ о томъ, гдѣ и въ какомъ количествѣ росли въ бывшихъ запорожскихъ владѣніяхъ лѣса. Какъ и гдѣ добыть свѣдѣнія о лѣсахъ? Естественнѣе всего было бы обратиться къ древнимъ картамъ и планамъ Украйны и Запорожья, какіе дошли до нашего времени, и найти на нихъ отвѣтъ на данный вопросъ. Но просмотрѣвъ всѣ такіе планы и карты, я нашелъ въ нихъ слишкомъ общія указанія, а потому для полученія болѣе подробныхъ, рѣшился обратиться къ спеціальнымъ геометрическимъ планамъ XVIII вѣка, какіе въ большинствѣ случаевъ имѣются въ экономіяхъ крупныхъ, среднихъ и даже нерѣдко мелкихъ владѣльцевъ. Для этого нужно было сдѣлать въ извѣстномъ направленіи объѣздъ отъ одного владѣльца къ другому, спросить у каждаго изъ нихъ старые планы имѣнія и пересмотрѣть всѣ помѣтки, какія обыкновенно дѣлаются на нихъ. Еслибы такіе планы оказались сочиненными даже и въ XIX вѣкѣ, то все таки въ нихъ будутъ повторены всѣ указанія плановъ и предшествовавшаго XVIII вѣка. Такіе планы интересны еще и въ томъ отношеніи, что, кромѣ указаній о количествѣ десятинъ пахотной земли и лѣсныхъ угодій, доставшихся въ собственность тому или другому владѣльцу, они даютъ также указанія и на то

кому изъ запорожскихъ козаковъ въ извѣстной мѣстности, до паденія Сѣчи, принадлежалъ данный участокъ земли.

Мое вниманіе прежде всего заняла сѣверная область Запорожья, между двумя лѣвыми притоками Днѣпра, текущими паралелльно другъ другу, Орелью и Самарью, область, бывшая предметомъ нескончаемыхъ и всегда жаркихъ споровъ между запорожскими козаками съ одной стороны, и гетманскими съ другой. Эта окраина по справедливости считалась у запорожцевъ самою богатою изъ всѣхъ областей ихъ обширныхъ владѣній, потому что имѣла въ себѣ множество озеръ у береговъ названныхъ рѣчекъ и нѣсколько тысячъ десятинъ прекраснаго корабельнаго, черной и хвойной породы, лѣса. Въ эту-то мѣстность, гдѣ нѣкогда у запорожцевъ были паланки, самарская, орельская и протовчанская, а теперь новомосковскій уѣздъ, екатеринославской губерніи, я въ одно изъ лѣтнихъ каникулъ и направился. Посѣтивъ много большихъ, среднихъ и малыхъ имѣній и вездѣ встрѣтивъ полную готовность со стороны владѣльцевъ и владѣлицъ служить мнѣ всяческими указаніями, я, наконецъ, направился въ одну изъ приорельскихъ деревень, принадлежавшую нѣкоей помѣщицѣ Онисьѣ Степановнѣ Кулябкѣ, слывшей во всемъ уѣздѣ за очень скупую, подозрительную и необщительную особу.

— Теперь куды жъ це мы зъ вамы посу́нымось? спросилъ меня мой кучеръ, Михайло Нызькый, уже сдѣлавшій со мной довольно много и въ разныхъ направленіяхъ объѣздовъ и переѣздовъ и при всемъ томъ нисколько не устававшій отъ того; напротивъ, стремившійся все впередъ и впередъ.

— А куды жъ? До Онисьи Степановны Кулябки, онъ куды!

— Ну, тамъ не буде нияко́го дила.

— Чомъ такъ?

— А ось самы побачыте, чомъ такъ.

— Ну, та зайхаты жъ тре́ба.

— Та якъ тре́ба, то й тре́ба.

И мой возница, какъ бы для полной убѣдительности того, что «заихати» дѣйствительно «треба», хлеснулъ своихъ лошадей, которыхъ онъ называлъ «кабаньцями», такъ какъ онѣ, по малости роста и по откормленности, дѣйствительно походили на кабанцовъ, и мы быстро покатили по направленію къ деревнѣ Нечипайловкѣ.

Не доѣзжая деревни, мы увидѣли въ степи множество скирдъ

сѣна, уцѣлѣвшихъ еще отъ прошлаго и даже запрошлаго лѣта, и я узналъ, что всѣ они принадлежатъ владѣлицѣ Нечипайловки, какъ и множество стоговъ пшеницы, недавно свезенной въ помѣщичій токъ. Вдали отъ господскаго тока, на ровной и покрытой травою степи, мы увидѣли также необозримыя стада овецъ, охранявшіяся двумя старыми чабанами съ четырьмя хлопцами—подпасками и шестью «кудлатыми, ухатыми, мордатыми и лапатыми» псами. При въѣздѣ въ самую деревню намъ перешла, поперекъ пути, дорогу какая-то рябая баба, и мой возница, сплюнувъ въ ея сторону отъ негодованія, энергично выругался.

— А шобъ тоби понызче пупа чортивъ купа.

— То за шо жъ такъ?

— А за то, шо счастя намъ перебигла. Це вже такъ, що хочъ вертайсь назадъ.

— Ни, вже катай упередъ!

И мы подъѣхали къ воротамъ усадьбы. На встрѣчу намъ, изъ воротъ, вышелъ гуртъ рослыхъ сѣрой или, говоря по мѣстному, сивой масти, на диво откормленныхъ воловъ; вслѣдъ за волами быстро пронесся со двора въ степь черезъ ворота табунъ молодыхъ, крѣпкихъ и выхоленныхъ лошадей. Весь дворъ оказался обнесеннымъ деревянными, ладно и какъ бы заново сдѣланными, сараями и деревяннымъ же и высокимъ заборомъ. Въ концѣ двора, противъ воротъ, стоялъ длинный, въ одинъ этажъ, тщательно выштукатуренный и тщательно выбѣленный, крытый желѣзомъ и выкрашенный ярко-зеленой краской помѣщичій домъ или, какъ тамъ обыкновенно говорятъ, «будынокъ». За «будынкомъ» книзу тянулся прекрасный тѣнистый садъ, а за садомъ свѣтлой полосой извивалась тиховодная рѣчка Орель. Ко всему этому, въ разныхъ куткахъ двора, масса домашней птицы, какъ то: куръ, гусей, утокъ, индюковъ, цыцарокъ, наполнявшихъ весь панскій дворъ разными голосами и криками. Словомъ, по всему видно было, что въ такомъ уютномъ уголку живетъ очень хорошая хозяйка, окруженная всѣми удобствами деревенской жизни и пользующаяся оттого во всемъ идеальнымъ довольствомъ.

Подкативъ подъ самое крыльцо, я сошелъ съ брички, поднялся по деревяннымъ ступенькамъ на деревянное же крыльцо и очутился у парадной двери. Такъ какъ дверь была наглухо заперта извнутри, то я ждалъ до тѣхъ поръ, пока мой кучеръ не добился того, что меня впустили въ домъ. Войдя черезъ переднюю въ

просторную, но довольно грязную, очень мрачную и непривѣтливую гостинную, я не нашелъ въ ней никого изъ хозяевъ и потому и тамъ долженъ былъ ждать нѣсколько времени, пока, наконецъ, ко мнѣ не вышла сама владѣлица дома и всего имѣнія. Это была уже далеко не молодая, средняго роста и средней плотности особа, на видъ спокойная, съ большимъ самообладаніемъ, съ нескрываемымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, съ нѣсколько прищуренными и какъ бы впивающимися въ собесѣдника маленькими сѣраго цвѣта глазками, одѣтая въ какое-то допотопнаго покроя платье, прикрытое сверху длинной росписной, также довольно древнихъ временъ шалью. Прежде чѣмъ выдти въ залу, она долго и таинственно съ кѣмъ то шушукалась за дверью, отдѣлявшую залу отъ внутреннихъ покоевъ, и только послѣ нѣкотораго времени вошла ко мнѣ, раскрывъ передъ собою дверь въ залу.

Я представился хозяйкѣ, назвавъ свое имя, отечество, фамилію, званіе и цѣль пріѣзда. Хозяйка попросила меня присѣсть на стулъ у стола, сама же, занявъ мѣсто противъ стола на диванѣ, выразила желаніе вторично услыхать мою фамилію и цѣль моего къ ней пріѣзда. Удовлетворивъ ея желанію, я обратился къ ней съ покорнѣйшею просьбою показать мнѣ ея владѣльческіе планы для того, чтобы узнать по нимъ количество десятинъ лѣса данной мѣстности въ прошломъ столѣтіи. Самая невинная моя просьба, по первому же требованію и тотчасъ исполнявшаяся другими владѣльцами, повергла Онисью Степановну въ крайнее недоумѣніе, и она, прикусивъ свою нижнюю губку, впала въ глубокое раздумье. Наступила та неловкая пауза молчанія, какая обыкновенно приводитъ просителя въ смущеніе, тѣмъ болѣе непріятное, чѣмъ отказъ въ его просьбѣ неожиданнѣе. Видимо Онисья Степановна внутренно боролась сама съ собой и, услыхавъ, можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни, подобную просьбу, не знала, какъ ей на нее и отвѣтить. Однако, чувство предосторожности, свойственное ея натурѣ, взяло верхъ надъ другими соображеніями, и Онисья Степановна на мою просьбу очень мягко и даже, можно сказать, очень нѣжно отвѣтила мнѣ.

— Видите, голубчику мой, я женщина слабая, сырая, и меня всякъ, кто и не захочетъ, можетъ обидѣть.

Я сталъ увѣрять Онисью Степановну, что совершенно чуждъ того, чтобы обижать кого бы то ни было; что моя цѣль состоитъ единственно въ томъ, чтобы добыть необходимыя для научныхъ

интересовъ свѣдѣнія безъ всякой мысли нарушать чьи бы то ни было законныя права на собственность.

— Вѣрю вамъ, голубчику мой, вполнѣ вѣрю; но если бъ вы знали, сколько теперь на свѣтѣ развелось коварныхъ людей? Вотъ хоть бы мой сосѣдъ, Семенъ Петровичъ Малявка! Всѣ люди, какъ люди, а это такой нерукотворэнный злодій, такой нерукотворэнный злодій, что вы себѣ и представить не можете! Засудился онъ, видите ли, со мной съ тѣмъ, чтобы отнять у меня часть лужэчка моего, приснаго, законнаго, дѣдизнаго лужэчка. Я и туда, я и сюда, я ему и права давности, я ему и родовыя бумаги, я ему и купчія крѣпости, такъ куда тамъ: мой да и только! Что жъ вы думаете, голубчику мой, я тогда сдѣлала? Недолго думавши, приказала моему кучеру Ермолаю запречь пару конячекъ въ тарантасъ и отвести меня до ближайшей станціи желѣзной дороги. Сѣла я, голубчику мой, въ вагонъ, котораго раньше того никогда и не видала, сѣла со страхомъ и трепетомъ, осѣнила себя крестомъ да и покатила прямо въ Петербургъ. Какъ пріѣхала я это въ Петербургъ, да прямо въ сенатъ, къ самымъ, что ни на есть старшимъ сенаторамъ. Тутъ я имъ и давай излагать свое дѣло, и давай излагать, а потомъ какъ взяла въ руки законы, какъ развернула да какъ прочитала ихъ господамъ сенаторамъ, такъ они всѣ только ахнули отъ удивленія: «Ну, сударыня, вы хоть и женщина, а дѣйствуете совершенно по-мужски»!.. И съ тѣмъ, голубчику мой, что выиграла свое дѣло, а Семену Петровичу, извините за мое слово, кукишъ на постномъ маслѣ поднесла.

Тутъ Онисья Степановна Кулябка, какъ бы для большей наглядности дѣла, сложила изъ трехъ перстовъ своей правой руки извѣстную всему человѣчеству фигуру и энергично протянула вправо отъ себя, по направленію къ Семену Петровичу Малявкѣ...

И что же вы думаете, голубчику мой, унялся послѣ того мой безбожный сосѣдъ? Ничуть нѣтъ! Онъ проложилъ черезъ мой же лужэчокъ дорогу да и давай гонять по ней свой скотъ въ степь. Такъ и меня жъ Господь умудрилъ! Я съ самаго ранняго утречка, какъ только благословится на свѣтъ, выйду на мой лужэчокъ, разложу середъ дороги коврикъ да и лежу себѣ на немъ: тутъ ужъ ему или вертайся назадъ домой или переѣзжай черезъ меня. Но и онъ, стервоносъ, тоже не дуракъ: терпѣлъ-терпѣлъ, а потомъ что же бы вы думали, измыслилъ? Подъѣхалъ со своими харцызами, взялъ за всѣ четыре угла мой коврикъ да вмѣстѣ со

мной и снесъ съ дороги, а самъ и проскочилъ, куда ему нужно. Ну, я жъ ему за то и «отместила»: посадила вмѣсто себя бабу, и та ему показала на коврѣ такой театръ, что онъ съ тѣхъ поръ уже за десять верстъ объѣзжалъ мой лужокъ... Мелашка! Мелашка! Принеси-ка мнѣ скамеечку подъ ноги! Ну й прислуга жъ теперь! Чистые разбойники, что въ Муромскихъ лѣсахъ; все бъ имъ красть да бѣжать, а не то, чтобъ за господами присмотрѣть да за ихъ интересъ постоять... Такъ вотъ какъ я, голубчикъ мой, съ моимъ сосѣдомъ-то, Малявкою, разочлась.

— Да, вы Онисья Степановна, просто таки геніальная женщина.

— Э, голубчику мой, какая тамъ гыніяльная,—это вы просто мнѣ куклименты говорите, во всемъ томъ одинъ Господь: Господь умудряетъ слѣпыхъ, Господь возводитъ низверженныхъ. Вотъ я женщина слабая, сырая, и всеблагій Богъ умудрилъ меня.

— Такъ какъ же, достойнѣйшая Онисья Степановна, на счетъ документиковъ, нельзя ли ихъ въ самомъ дѣлѣ посмотрѣть?

— Да я, право, голубчикъ, и сама не знаю, есть ли они теперь у меня на лицо, или нѣтъ. Думаю, что гдѣ нибудь находятся въ судѣ... Да, они таки точно въ судѣ... Мелашка! Мелашка! Ахъ, какая теперь стала подлая прислуга!.. Мелашка! Прійди ка сюда да заложи мнѣ подушечку за спину, а то какъ-то у меня сегодня спину разломило, ужъ не къ дождю ли?.. Ну, что же ты стоишь, какъ очумѣлая! Заложи подушку, говорю тебѣ, за спину, да смотри шаль то, шаль мою не помни».

Мелашка, босоногая, заспанная, грязная съ особеннымъ специфическимъ запахомъ, только ей одной свойственнымъ, какъ-то робко и подобострастно исполнила приказаніе своей барыни и немедленно удалилась изъ залы, оставивъ послѣ себя характерный запахъ.

Чтобы замять какъ-нибудь разговоръ о документахъ, я перешелъ къ другой темѣ, для чего спросилъ Онисью Степановну о древностяхъ.

— Нѣтъ ли у васъ, достойнѣйшая Онисья Степановна, какихъ-нибудь древностей: оружія козацкаго, посуды какой-нибудь, платья— вѣдь вы живете въ такихъ замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстахъ.

— Какія у меня, голубчику мой, могутъ быть древности! Я, хотя особа и запорожскаго званія, но въ древностяхъ, голубчикъ мои, ни

не понимаю. Вотъ на моей землѣ какъ-то мужички нашли металическую вазу, такъ я продала ее одному тутъ господину, который собираетъ древности, за 300 рублей, да боюсь, что очень продешевила.

— Какая же это ваза?

— Охъ, и не спрашивайте, родной мой: столько въ ней было мѣди, столько мѣди, что и вымолвить страшно... Боюсь, что крѣпко продешевила.

— Если въ самомъ дѣлѣ въ вашей вазѣ было много мѣди да еще, поди, и были поверхъ ея какія-нибудь изображенія, то вы точно таки продешевили.

— Вотъ подите же! Извѣстно, я женщина простая, слабая. Тутъ Онисья Степановна, впала въ полное отчаяніе, и чтобы вывести ее изъ этого состоянія, я вновь обратился къ ней съ вопросомъ.

Вотъ, Онисья Степановна, ѣдучи къ вамъ, я видѣлъ на вашей степи какой-то древній каменный крестъ съ надписью,—кажется, надъ могилою какого-то козака. Не позволите ли, почтеннѣйшая Онисья Степановна, сдѣлать мнѣ раскопочку подъ тѣмъ крестомъ,—авось тамъ найдутся какія-нибудь козацкія древности.

— Ахъ, Боже мой, какіе вы страхи разсказываете? Да развѣ это можно?

— Можно, Онисья Степановна, я имѣю на то разрѣшеніе.

— А кому жъ тѣ древности будутъ принадлежать?

— По закону вамъ.

— А правительство до нихъ не касается?

— Нѣтъ, это неотъемлемая собственность владѣльца.

— Ну, ужъ Богъ съ ними, съ тѣми древностями,—я боюсь и думать о томъ, чтобы кости христіанскія тревожить.

Снова наступила минута молчанія, которую на этотъ разъ нарушила уже сама Онисья Степановна.

— А скажите, родной мой, какъ же это надо копать курганы?

На такой вопросъ я сообщилъ Онисьѣ Степановнѣ всѣ пріемы раскопокъ кургановъ; и она нѣсколько разъ переспрашивала меня о различныхъ мелочахъ, касающихся раскопокъ, а потомъ неожиданно предложила мнѣ такой вопросъ.

— Скажите же, голубчикъ мой, не даетъ ли правительство средствъ владѣльцамъ для раскопокъ кургановъ?

— Даетъ, Онисья Степановна, но въ такомъ случаѣ оно отбираетъ всѣ найденныя древности уже себѣ. Да вы бы, достой-

нѣйшая Онисья Степановна, сами на свои средства сдѣлали раскопку.

— Какія тамъ, родной мой, у меня средства! Я въ такомъ «крутыческомъ» положеніи что чистая бѣда: тутъ возьму—туды отдамъ, тамъ возьму — сюды отдамъ, да такъ и крутюсь... Насъ, голубчичокъ мой, было у родителя цѣлыхъ шесть дочерей и одинъ сынъ, и у покойничка былъ такой порядокъ, что на всѣхъ шесть дочерей только и была одна пара башмаковъ свинячей кожи; когда же у насъ случался балъ,—а балы таки у насъ бывали,—то вотъ это одна сестра надѣнетъ башмаки, выйдетъ въ залъ, протанцуетъ съ кавалеромъ, и сейчасъ-же скрывается въ другую комнату, тамъ передастъ башмаки другой сестрѣ; другая также выйдетъ въ залъ, протанцуетъ и также скрывается изъ залы; послѣ второй въ тѣхъ же башмакахъ выходитъ третья; да такъ по очереди въ однихъ тѣхъ же башмакахъ и перетанцуютъ всѣ шесть, а уже послѣ танцевъ башмаки на весь вечеръ достаются одной старшей сестрѣ: она одна и расхаживаетъ въ нихъ съ кавалерами по залѣ, а младшія въ другой комнатѣ сидятъ да только въ щелочки черезъ двери на кавалеровъ смотрятъ... А ежели батюшка разщедрится было да купитъ какой-нибудь дочери отдѣльные башмаки, то она должна беречь ихъ больше, нежели собственныя подошвы: «Собственную подошву разрѣжешь, убытка отцу не принесешь, а подошву въ башмакѣ разорвешь—убытокъ отцу принесешь»... И все это черезъ что, голубчикъ мой? Черезъ недостатки отца. А вы думаете что я богаче моего отца? Что у меня есть земля, такъ это и богатство? Что теперь земля? Теперь только и можетъ жить тотъ, у кого есть свободный капиталъ. Земелька растетъ только подъ дождь, а процентики съ капитала безъ дождика еще лучше ростутъ: тогда заемщики сами прійдутъ къ вамъ, да еще сколько разъ накланяются вамъ, пока вы соблаговолите деньжишекъ въ займы дать... Будь у меня свободный капиталъ, вы думаете, что я не раскопала бы какой-нибудь могилы на моей землѣ? И раскопала бы, такъ не откуда деньжатокъ взять...

При этихъ словахъ Онисьи Степановны мнѣ невольно вспомнились и скирды сѣна, и стога пшеницы, и необозримыя отары овецъ, и гурты воловъ, и табуны лошадей, и наконецъ, множество птицы, составлявшихъ безраздѣльную и неотъемлемую собственность Онисьи Степановны.

Но Онисья Степановна продолжала тянуть свою жалобную ноту.

— Да и то сказать вамъ, это дѣло очень трудное, надо самой наблюдать за всѣмъ, а то вѣдь, сами знаете, какой теперь народъ сталъ. Зулусы, настоящіе зулусы! Все растащутъ и ничего увидѣть не дадутъ. А самой наблюдать—нужно здоровье имѣть. Мое же здоровье, охъ, какъ плохо! какъ плохо! и послѣдней свинарьци такого не желаю...

Нужно, наконецъ, сказать, что Онисья Степановна старалась говорить по литературному, но часто закидала помалороссійски, и потому у нея вмѣсто «свинаркѣ» выходило «свынарьци», т. е. той самой послѣдней изъ рабовъ, которая пасетъ свиней.

Нечего и говорить о томъ, что такая жалоба со стороны Онисьи Степановны на слабость своего здоровья нисколько не соотвѣтствовала дѣйствительности. Но, не желая выставлять себя неблаговоспитаннымъ человѣкомъ, я старался, слушая Онисью Степановну, выразить на моемъ лицѣ живѣйшее сочувствіе несчастной, угнетаемой тяжкими недугами, страдалицѣ.

— А не знаете ли вы, голубчикъ мой, кому бы мнѣ продать старые журналы да газеты, — ихъ у меня такъ много, что я незнаю, куда мнѣ ихъ и дѣвать.

— А развѣ вы, Онисья Степановна, такъ много читаете?

— Нѣтъ, это читалъ мой родной, братъ кромѣ того онъ выписывалъ и «Отечественныя записки», и «Современникъ», и «Дѣло», и «Вѣстникъ Европы», и «Голосъ» и нѣсколько столичныхъ газетъ, а теперь когда онъ умеръ, такъ я все и думаю, кому бы это всѣ его книги распродать. Можетъ быть, и вы купили бы что-нибудь для себя.

— Нѣтъ, достойнѣйшая Онисья Степановна, я этого товара не покупаю,—съ этимъ вамъ нужно обратиться въ столицу къ кому-нибудь изъ букинистовъ.

— Къ какому-же именно изъ букинистовъ?

— Да ихъ тамъ многое множество.

— Обманутъ, подлецы, непремѣнно обманутъ! Вотъ развѣ обратиться къ господину Грецюку?

— А кто жъ этотъ господинъ Грецюкъ?

— Это тотъ, что газету издаетъ въ Москвѣ Грецюка.

— Ахъ, это, вѣроятно, господинъ Гатцукъ, а не Грецюкъ.

— Да это все равно, голубчикъ мой: Грецюкъ, Гарцюкъ или

Грацюкъ,—я вотъ выписываю его газету и онъ, вѣроятно, не откажетъ мнѣ сбыть всѣ мои книги кому-нибудь изъ московскихъ букинистовъ. Какъ вы думаете, не обратиться ли мнѣ къ нему съ письмомъ?

— А чтожъ попытайтесь, Онисья Степановна, вѣдь попытка— не пытка, а спросъ не бѣда.

— Вотъ и еще братецъ оставилъ мнѣ наслѣдство: цѣлые вороха своего платья и обуви; что съ ними дѣлать—я и въ толкъ себѣ не возьму: дорого спросить—никто не возьметъ, а дешево— жалко отдать; такъ я, знаете, сама кое-что донашиваю, что только можно мнѣ носить.

— Какъ же это такъ?

— А такъ: вотъ въ зимнее время надѣну на себя братца моего чулки, обую сапоги, накину халатъ, да по всѣмъ комнатамъ дома и гуляю, и, знаете, я нахожу, что это и очень тепло и очень удобно, да и, наконецъ, зачѣмъ же, голубчикъ мой, платью даромъ-то пропадать? А? Не правду ли я говорю?

— Конечно, Онисья Степановна, конечно! Но какъ же вы распоряжаетесь братниным бѣльемъ!

— Да кое-что оставляю въ такомъ видѣ, какъ оно и у него было, напримѣръ нижнее бѣлье, а кое-что передѣлываю на свой женскій полъ. Что жъ тутъ подѣлаешь? Вотъ если-бы кто-нибудь далъ за него хорошую цѣну, я бы съ большимъ удовольствіемъ продала,—вы, родненькій мой, не хотѣли бы чего-нибудь пріобрѣсти? Оно какъ разъ бы къ вашему росту пришлось.

Нѣтъ, достойнѣйшая Онисья Степановна, къ сожалѣнію, я не занимаюсь покупкой бѣлья, какъ не занимаюсь покупкой и старыхъ книгъ, и я думаю, что тутъ уже не поможетъ вамъ и вашъ Грецюкъ.

— Жаль, очень жаль, а такого бѣлья, какъ бѣлье моего брата, рѣдко поискать.

Было уже около часу дня, а между тѣмъ у меня во рту до этого времени и крошки хлѣба не было; въ желудкѣ уже поднимался девятый валъ. Было бы совершенно напрасно разсчитывать на гостепріимство Онисьи Степановны, такъ какъ мнѣ хорошо было извѣстно, что у Онисьи Степановны очень рѣдко подаютъ гостямъ даже чай; если же и подаютъ, то пять разъ испитой и завариваемый въ шестой разъ. И потому я, поднявшись и распростившись съ любезной хозяйкой самымъ вѣжливымъ образомъ, удалился ни съ чѣмъ изъ ея привѣтливыхъ покоевъ

Затворивъ за собой парадную дверь и очутившись на крыльцѣ, я увидѣлъ у крыльца какого-то человѣка, который загородилъ мнѣ дорогу и не давалъ возможности спуститься по ступенькамъ внизъ. Я спросилъ человѣка, что ему отъ меня надо, но человѣкъ не отвѣчалъ ни слова на мой спросъ и только какъ-то странно, не то робко, не то вызывающе, смотрѣлъ на меня.

— Что это за фигура такая?

— Та це глухо-нимый,—винъ такъ соби ходе «безъ послѣдствій», отвѣтилъ мнѣ на вопросъ мой же кучеръ, сидѣвшій на передку своей брички и давно уже поджидавшій меня у крыльца.

— Кажешъ такый, шо ходе безъ послѣдствій?

— Такый, шо ходе безъ послѣдствій. Ну, а вы жъ якъ зъ пани Кулябкою?

— Тай я, братику мій, такъ шо безъ послѣдствій.

— А шо чи правду я казавъ, шо не буде дила?

— Правду, козаче! Теперь сидаймо въ брычку тай гайда̀.

И съ этимъ бричка наша быстро покатила со двора, оставляя за собой цѣлое облако пыли. Сидя въ бричкѣ и взявшись за бока, я хохоталъ до умору; мой кучеръ, глядя на меня и помнутно оборачиваясь то ко мнѣ, то къ своимъ лошадямъ, также смѣялся безъ устали. Я хохоталъ какъ отъ всей сцены, происшедшей между мной и Онисьей Степановной, такъ и отъ того, что я выѣхалъ отъ нея «безъ послѣдствій». И въ самомъ дѣлѣ, всякій человѣкъ, бывая гдѣ-нибудь, непремѣнно или самъ оставляетъ какія-либо послѣдствія, или же отъ другихъ воспринимаетъ тѣ или другія послѣдствія; я же на этотъ разъ и не оставилъ никакихъ послѣдствій, и уѣхалъ безъ послѣдствій.

— Ну, теперь же куды направымось?

— Теперь думка до Царенка.

— До Царенка?! Какъ-то особенно удивленно переспросилъ меня мой возница.

— До Царенка! А шо?

— До якого жъ? Тутъ ихъ два Соловья-Розбійныка!

— А до того, шо въ лису живе?

— Якъ шо до то́го и́хаты, то треба браты доброго кійка!

— А для чо́го жъ того кійка̀, якъ винъ мене самъ до сѐбе зазывавъ, та ще й казавъ, шо покаже и могылы, и планы, и лисы.

— Покаже винъ вамъ такого, шо вы зъ роду й не бачилы. Це такый у насъ мэхэныкъ, шо противъ нёго и во всій губерніи такого нема.

— Якый же винъ у васъ мэхэныкъ?

— А отъ якый: винъ та его братъ, якъ жилы умисти, то выроблялы таке, шо хто ёго зна й яке: визьмуть оце бочку, зроблють въ неи два кранты, одынъ въ одному дни, другой въ другому дни, нальютъ у ту бочку горилки, поставлють ии мижъ двома лижкамы; та одынъ лежыть на своему лижку, точе черезъ крантъ горилку та пье, а другый лежыть на своему лижку, точе черезъ крантъ горилку та пье. А потимъ якъ напьютця, то давай балачку весты.

— А шо, каже меньчій, якъ бы я бувъ хранцузськымъ королэмъ, тимъ, шо Москву бравъ.

— Куды тоби къ чортячому батькови буты королемъ!

— Якъ?

— А такъ! Ось якъ бы я бувъ королэмъ?

— Куды тоби къ нечистій матери буты королемъ?

— Такъ ты такъ старшого брата чтышъ? Такъ ось яжъ тоби лясь! лясь! лясь!

И давай бытьця. Бьютця-бьюця, а тоди давай мырытьця.

— Ну, братику, тай набывъ же ты мени пыку!

— А хиба крипко?

— Дуже крипко!

— Ну, такъ давай же мырытьця! Выпьемо!

— Выпьемо!

И знову лягаютъ на лижко, той на своему, а той на своему, и знову точуть черезъ два кранты горилку та пьють. Пьють-пьють, тоди шо робыть? Достануть дви обычайкы, постановлють ихъ у ризныхъ горныцяхъ, одынъ въ одній, а другый въ другій, понамостють туды пуху, поскыдають зъ себе те, шо у мужыкивъ носытця на очкурахъ, а у панивъ на гудзыкахъ, повлазять въ обычайкы тай давай, не знать, шо вытивàть! Одынъ сыдыть та сокоче пивнемъ—«Ко-ко-ко-ко»! А другый сыдыть та шавкае селезнемъ—«Хававъ-хававъ-хававъ-хававъ»!.. Тоди вже подають имъ кожному по здоровенному графиняци горилки, и воны до тыхъ пиръ ии пьють, покы въ обычайкахъ и не поснуть. Такъ отъ таки воны, ти Соловьи-Розбійныкы, шо замистъ гниздъ на дубахъ, та въ обычайкахъ сыдять!

— Веселый же, я бачу, воны и народъ!

— Утишный народъ! А якъ самы побачете, то скажете ще й не те!

Принявъ къ свѣдѣнію все сказанное моимъ возницей, я все-таки рѣшилъ отъ деревни Нечипайловки проѣхать къ селу Чер-

тополохову, составляющему собственность владѣльца Алексѣя Алексѣевича Царенка.

Промчавшись нѣсколько десятковъ верстъ по широкому и гладкому шляху и порядочно истомившись отъ голода и продолжительности пути я, подъ конецъ дня, увидѣлъ на возвышенномъ берегу рѣки Самары большой и очень хорошій барскій домъ и круто свернулъ къ нему съ дороги. Такъ какъ уже совсѣмъ стемнѣло, то во всѣхъ окнахъ дома виднѣлись яркіе огни. Сползши кое-какъ съ брички и расправивъ свои наболѣвшіе отъ продолжительнаго сидѣнія члены, я медленно поднялся на крыльцо дома. Поднявъ совершенно механически голову кверху, я увидѣлъ надъ входной дверью полукругъ большихъ лѣпныхъ буквъ и, пробѣжавъ его глазами, прочелъ слѣдующія слова: .«*Входь якъ додому*» . Эта лаконическая, но въ высшей степени характерная и много обѣщавшая надпись, сразу ободрила меня, и я смѣло перешагнулъ черезъ порогъ дома и сразу очутился въ обширной передней. Но тутъ моимъ взорамъ представилось нѣчто такое, чего я отъ самаго моего рожденія и до того момента никогда не видалъ. Предо мной стоялъ огромнѣйшаго роста и обширнѣйшихъ размѣровъ, съ черной бородой и съ большими темнокарими выпуклыми глазами мужчина, весь, какъ есть весь, какъ Адамъ первозданный, съ ногъ до головы, нагой, и возлѣ него непомѣрной высоты рыжей масти, съ закарлюченнымъ кверху хвостомъ псище. При видѣ такой картины я невольно оторопѣлъ и попятился было назадъ.

— А, почтеннѣйшій Димитрій Ивановичъ! Очень радъ, очень радъ васъ видѣть у себя! Прошу пожаловать!

Это привѣтствіе сказано было громко, сильно и отчетливо и принадлежало не кому иному, какъ самому Царенку. Что это съ нимъ, подумалось мнѣ, или онъ пьянъ или съ ума сошелъ? И какъ мнѣ тутъ быть? Принимать ли приглашеніе такого домохозяина, или же бѣжать отъ него вонъ? Разумѣется бѣжать! Но какъ же бѣжать противъ ночи да и на чемъ бѣжать? Вѣдь лошади мои сдѣлали въ одинъ день столько десятковъ верстъ... И такъ, волей неволей нужно было покориться судьбѣ и приглашеніе принять.

Войдя изъ передней въ обширнѣйшую залу и бѣгло взглянувъ на всю ея обстановку, я также и здѣсь увидѣлъ нѣчто достойное удивленія: вокругъ всей залы, вдоль всѣхъ стѣнъ, разставлены были

широкія деревянныя лавки и всѣ тѣ лавки устланы были малорусскими плахтами и килимами; другой мебели, кромѣ лавокъ, въ залѣ не было никакой. На лавкахъ валялось нѣсколько человѣкъ, и молодыхъ, и уже довольно пожилыхъ.

— Это все мои приказчики,— рекомендую вамъ: одинъ по конной части,—никто лучше его не сможетъ ни купить, ни продать коня, а надуть—такъ онъ и самого цыгана на кривой обойдетъ; другой по воловьей части—самый первый плутъ во всемъ уѣздѣ; третій по хлѣбной части,—мошенникъ, какихъ свѣтъ еще не рождалъ; четвертый по лѣсной части,—самому лѣшему нюхательнаго табаку или тертаго хрѣна подъ носъ поднесетъ. Пятый, шестой, седьмой, осьмой, девятый и десятый—все прохвосты и пройдысвиты, а всѣ вмѣстѣ аспиды и василиски, которые ждутъ только того момента, когда я подохну и начну смердѣть, чтобы захватать въ свои цѣпкія лапы все, что тутъ есть въ домѣ, и бѣжать вонъ безъ оглядки изъ него.

Слушая всѣ эти лестные похвалы и эпитеты, никто изъ присутствовавшихъ приказчиковъ ни словомъ, ни выраженіемъ лица не показывалъ ни обиды, ни негодованія; напротивъ того, всѣ принимали слова своего патрона съ веселой усмѣшкой и игривостью.

Изъ залы Царенко перешелъ въ гостиную, и тамъ я увидѣлъ цѣлую компанію мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, весьма почтенныхъ и приличныхъ, вполнѣ благовоспитанныхъ и образованныхъ, которые нисколько не смущались слишкомъ откровеннымъ костюмомъ домохозяина и, поздоровавшись со мной, продолжали горячіе споры о текущихъ земскихъ дѣлахъ, при чемъ старались не отставать другъ отъ друга въ гомерической попойкѣ. Оказалось, что самъ Царенко составлялъ крупную единицу въ цѣломъ уѣздѣ и всѣ дѣла его, что называется, вертѣлъ вокругъ своего пальца.

— Нептусь за мною! крикнулъ громовымъ голосомъ Царенко на своего гиганта-пса и изъ залы вышелъ на открытый балконъ, въ садъ.

— Это что же у васъ?

— Это у меня садъ; за садомъ рѣка Самарь, а за Самарью огромный и вѣковѣчный лѣсъ, подобнаго которому вы не найдете не только въ уѣздѣ, а даже во всей губерніи.

Царенко на этотъ разъ сказалъ правду, и никогда ни раньше, ни послѣ того я не видалъ болѣе крупныхъ и обширныхъ лѣсовъ во всей Екатеринославской губерніи, какъ лѣса самарскіе. Обхо-

дивъ весь садъ и заглянувъ во всѣ его закоулки, налюбовавшись вдоволь тихой и прозрачной рѣкой Самарью, я поспѣшилъ вернуться къ дому съ тѣмъ, чтобы поскорѣе утолить мучившій меня голодъ и поскорѣе получить возможность отдохнуть отъ продолжительнаго и томительнаго пути. Но увы! къ ужину пригласили меня уже далеко за полночь, а ко сну я отошелъ только къ свѣту. Царенко задавалъ своимъ соратникамъ по земскимъ дѣламъ такой пиръ, отъ котораго, казалось, ходилъ ходенемъ весь домъ и содрогалась вся земля, на которой стоялъ этотъ гайдамацкій вертепъ. Хозяинъ всѣмъ и во всемъ подавалъ примѣръ: онъ пилъ буквально за десятерыхъ, а ѣлъ за восьмерыхъ. Его друзья передавали мнѣ за фактъ, что онъ можетъ съѣсть за одинъ разъ 60 варениковъ и можетъ выпить, для осажденія варениковъ, столько же огромныхъ чарокъ водки. Тѣ же друзья Царенка разсказывали, что однажды онъ былъ въ гостяхъ у кого-то изъ своихъ сосѣдей, увидѣлъ тамъ старинный прекрасной работы кубокъ и сталъ просить хозяина подарить ему рѣдкую вещь. Хозяинъ долго не уступалъ, а потомъ согласился, но съ условіемъ, если Царенко выпьетъ подъ рядъ три бутылки коньяку. Тогда Царенко, взявъ въ одну руку всѣ три бутылки, а въ другую кубокъ и, ставъ среди гостиной, выпилъ сперва одну бутылку, выйдя въ переднюю, выпилъ другую, потомъ, сѣвъ въ сани,—а дѣло было зимой,—выпилъ третью, затѣмъ повалился на бокъ и какъ вихрь умчался домой...

Такъ вотъ въ такой-то вертепъ и къ такому-то герою и занесла меня судьба.

На слѣдующій день, по пробужденіи отъ сна, я почувствовалъ себя такъ скверно, что пришелъ къ положительному рѣшенію бѣжать изъ села Чортополохова вонъ. Но едва только я освѣдомился о моемъ человѣкѣ, какъ мнѣ сказали, что онъ уже давно отпущенъ и уже давно выѣхалъ изъ села. Итакъ я оказался въ плѣну и въ плѣну не сиренъ-красавицъ, а страшнаго Соловья-разбойника. Не имѣя никуда выхода изъ Чортополохова, я прожилъ поневолѣ въ немъ нѣсколько дней и за это время успѣлъ достаточно присмотрѣться и оцѣнить его замѣчательнаго владѣльца.

Начать съ того, что Царенко несомнѣнно сильная натура и человѣкъ далеко недюжиннаго ума. Не получивъ никакого образованія и не имѣя никакихъ связей, онъ тѣмъ не менѣе съумѣлъ забрать въ свой мощный кулакъ всѣхъ большихъ и малыхъ дѣятелей уѣзда и какъ хотѣлъ, такъ и орудовалъ ими.

О Царенкѣ, какъ человѣкѣ замѣчательно находчивомъ и замѣчательно способномъ, ходитъ масса различныхъ разсказовъ не только въ уѣздѣ, но и во всей губерніи: нѣтъ такого, самаго тяжелаго и самаго затруднительнаго положенія, изъ котораго бы Царенко не вышелъ полнымъ героемъ и побѣдителемъ. Если у Царенка скопится нѣсколько экстренныхъ дѣлъ, то онъ ложится, совершенно нагой, на диванъ, призываетъ къ себѣ нѣсколько человѣкъ писарей и тутъ же въ одно и тоже время, но въ различной формѣ, диктуетъ отношенія, просьбы и предписанія: одному въ судъ, другому въ банкъ, третьему въ канцелярію губернатора, четвертому въ земскую управу. Если Царенку нужны экстренно двѣ-три тысячи рублей денегъ, а дома ихъ не оказывается и не у кого перехватить, то онъ недолго думая, сядится въ экипажъ, вихремъ приносится въ городъ, подъѣзжаетъ къ какой-нибудь хлѣбной конторѣ, является къ управляющему и, объявивъ себя землевладѣльцемъ такого-то уѣзда, предлагаетъ конторѣ купить у него нѣсколько тысячъ пудовъ пшеницы, которой у него въ дѣйствительности на тотъ разъ вовсе и нѣтъ и не предвидится. Контора принимаетъ предложеніе крупнаго землевладѣльца, выдаетъ продавцу задатокъ и проситъ его въ извѣстный срокъ доставить товаръ наличностью. Но Царенку нужно было получить только одинъ задатокъ. Черезъ недѣлю или черезъ двѣ онъ съ такимъ же шикомъ подлетаетъ къ конторѣ и заявляетъ управляющему, что такъ какъ въ данное время цѣна на хлѣбъ уже нѣсколько понизилась, то невыгодно ли будетъ конторѣ взять свой задатокъ обратно; ему же самому выгода отъ того будетъ та, что онъ оставитъ полностью у себя весь хлѣбъ для вновь открытаго на собственной землѣ водочнаго завода. И контора, довольная такимъ оборотомъ дѣла, съ удовольствіемъ принимаетъ назадъ свой капиталъ. Еще съ большимъ удовольствіемъ уходитъ изъ конторы Царенко, такъ какъ ему нужно было перехватить денегъ только на недѣлю или на двѣ и не больше того. Иногда Царенко хватаетъ на свою удочку денежныхъ тузовъ, употребляя для того совершенно иной пріемъ. Вотъ онъ совершенно выбился изъ денегъ и никакъ не можетъ достать не только тысячи, а даже и одной сотни рублей. Тогда онъ запрягаетъ въ карету шестерикъ прекрасныхъ лошадей, беретъ съ собой двухъ ливрейныхъ лакеевъ, пріѣзжаетъ въ какой-нибудь городъ, останавливается въ самой лучшей гостинницѣ, занимаетъ 5 — 6 комнатъ, дѣлаетъ визиты важнѣйшимъ тузамъ города, открываетъ у себя пріемы по самымъ раз-

личнымъ дѣламъ и, потомъ объявивъ о какомъ-нибудь чрезвычайно прибыльномъ предпріятіи, находитъ для своего дѣла и компаніоновъ и капиталъ... Практикуетъ Царенко для добыванія денегъ и такіе пріемы: ни съ того, ни съ сего распуститъ слухъ о находкѣ гдѣ-нибудь, не то въ сенатскомъ, не то въ монастырскомъ архивѣ, документовъ бывшаго нѣкогда въ Малороссіи наказнаго гетмана Павла Полуботка, который будто бы оставилъ огромное, въ 20 милліоновъ, наслѣдство въ какомъ-то голландскомъ банкѣ на извѣстный срокъ, и теперь, по истеченіи срока, капиталъ долженъ поступить въ руки наслѣдниковъ завѣщателя. Гдѣ хранится такой документъ—знаетъ только одинъ Царенко. И вотъ къ нему летятъ отовсюду и предложенія и деньги отъ родственниковъ завѣщателя на выручку капитала изъ голландскаго банка. А этого ему только и надо...

Но большею частью Царенко обходится и безъ такихъ крайнихъ средствъ: онъ хорошо знаетъ натуру и жида, и нѣмца, и русскаго дворянина: обращаясь къ жиду съ просьбой о займѣ денегъ, онъ напоминаетъ ему, что если тотъ не дастъ денегъ, то не получитъ и стараго долга; обращаясь къ нѣмцу, онъ грозитъ ему, что если нѣмецъ откажетъ ему въ кредитѣ, то увидитъ передъ собой вмѣсто живого мертвый Царенка трупъ; обращаясь къ русскому дворянину, онъ дѣйствуетъ на его благородныя чувства и подаетъ надежду оказать ему помощь въ какихъ-нибудь земскихъ дѣлахъ.

Подобною находчивостью Царенко и побѣждалъ всѣхъ. Но кромѣ того для господства надъ другими Царенко располагалъ и чисто внѣшними данными, всегда обаятельно дѣйствовавшими и дѣйствующими на толпу. Обладая колоссальнымъ ростомъ, страшною физическою силой («винъ пійма́е вовка за вуха тай держыть»), красивою наружностью, громовымъ голосомъ, сильнымъ воображеніемъ, находчивымъ умомъ и рѣдкою, можно сказать, до наглости, смѣлостью, Царенко представлялъ собой того библейскаго «льва рыкающаго», котораго люди, ради собственной безопасности, или старались ублажать всякими уступками, или старались обходить стороной ради цѣлости своихъ боковъ. Этотъ герой являлъ собой яркій примѣръ анахронизма: онъ ошибкою родился двумя вѣками позже, и дѣйствуй Царенко въ XVII, а не въ XIX вѣкѣ, онъ былъ бы несомнѣнно кошевымъ атаманомъ во всемъ Запорожьѣ. Недаромъ же по предкамъ онъ былъ запорожецъ! Теперь же его сила, его умъ и изобрѣтательность или тратились по мелочамъ,

или же выражались въ уродливой и даже пошлой и звѣрской формѣ. Такъ, стремясь къ разнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, Царенко устроилъ у себя какой-то «трепельный» заводъ, въ которомъ добывалъ никому ненужный пепелъ для чистки мѣдной посуды и разсылалъ безплатно пачки этого пепла во всѣ концы собственной губерніи и далеко за предѣлы ея. Но бѣда не въ заводѣ самомъ по себѣ, а бѣда въ томъ, что Царенко насильно сгонялъ въ свой заводъ и старыхъ и малыхъ своего села и заставлялъ ихъ съ самаго ранняго утра и до самой поздней ночи, въ страшно душной, тѣсной и пыльной атмосферѣ, работать за самую ничтожную плату, старшимъ отъ 15 до 20 копѣекъ въ день и младшимъ отъ 5 до 10 копѣекъ за 16 часовъ. И несчастные крестьяне, имѣющіе жалкій земельный надѣлъ, постоянно нуждающіеся въ землѣ и потому связанные по рукамъ и по ногамъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, къ тому же большимъ воротиломъ въ уѣздѣ по земскимъ дѣламъ, волей неволей исполняли всѣ его не только заурядныя, но даже и самыя дикія требованія. Не зная ни въ чемъ препоны, Царенко требовалъ отъ всѣхъ крестьянъ самаго усерднаго себѣ почитанія, и горе тому несчастному мужичку, который, при проѣздѣ Царенка по селу, не вскочитъ на ноги, не сниметъ съ головы шапки и не привѣтствуетъ добрымъ здоровьемъ «Его Высокородія». На такого человѣка Царенко бросается съ ногайкой въ рукѣ и полосуетъ его по чемъ попало до тѣхъ поръ, пока несчастная жертва, обливаемая собственною кровью, не упадетъ на землю и, валяясь у ногъ человѣка-звѣря, не вымолитъ себѣ пощады.

Но вотъ Царенко отъ попоекъ и дикихъ расправъ переходитъ къ совершенно другимъ дѣламъ: онъ начинаетъ рыть курганъ, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы найти въ немъ сокровища. Роетъ упорно нѣсколько дней подъ рядъ, но курганъ такой величины, что раскопка его хватитъ еще на нѣсколько дней. И у барина, и у рабочихъ энергія уже начинаетъ ослабѣвать. Тогда Царенко, воспользовавшись образовавшеюся въ курганѣ, отъ верху и до низу, глубокой трещиной, выхватываетъ изъ своего бокового кармана толстый бумажникъ со всѣмъ наличнымъ, заключающимся въ немъ капиталомъ, и бросаетъ его въ глубокую щель для того, чтобы такъ или иначе не отстать отъ кургана и волей неволей докопать его до конца. И онъ дѣйствительно докапываетъ. Но о результатахъ своихъ раскопокъ разсказываетъ столько небылицъ, что подъ конецъ и малое дитя отказывается вѣрить ему.

Отъ раскопокъ кургановъ Царенко переходитъ къ ѣздѣ на тройкѣ лошадей. Для этого ему подаютъ нарочно сдѣланный и крѣпко окованный желѣзомъ возокъ, запряженный тройкой самыхъ бѣшенныхъ и неудержимыхъ лошадей. Царенко садится въ возокъ и несется сперва по шляху, а потомъ прямо по степи съ такимъ гикомъ и крикомъ, съ такимъ шумомъ и гамомъ, что православные люди, завидя издали мчащуюся по степи тройку вороныхъ лошадей, въ ужасѣ бросаются въ сторону отъ нея и, творя крестное знаменіе, молятъ Бога пронести страшную бурю мимо нихъ. А Царенко, одѣтый помалороссійски, въ широчайшія синія шаровары, въ бѣлую съ мережками, и съ алой стежкой сорочку, опоясанный яркокраснымъ, заткнутымъ концами назадъ, поясомъ, въ сивой смушковой на бекрень шапкѣ, летитъ по степи, какъ страшный сказочный богатырь, не переводя духа, не видя впереди себя людей и не чуя подъ собой земли. И что всего удивительнѣе, такъ это то, что Царенко, влѣзая въ свой экипажъ, никогда въ немъ не сидитъ, а непремѣнно сляжетъ на бокъ и въ такомъ положеніи скачетъ во весь духъ.

Но этого мало. Царенко дѣлалъ еще и такъ: прикажетъ подать тройку лошадей, пригласитъ съ собой кого-нибудь изъ пирующихъ съ нимъ гостей, сядетъ въ возокъ, распалитъ лошадей какъ львовъ, потомъ поднимется съ мѣста, броситъ возжи за дугу и дастъ полный просторъ взбѣшеннымъ лошадямъ, которыя бѣгутъ, куда попало сломя голову. Въ такой прогулкѣ сопровождалъ Царенка однажды какой-то мѣстный батюшка, усердный поклонникъ Бахуса, и, выскочивъ изъ экипажа въ страшную минуту, когда лошади подбѣжали къ какому-то оврагу, жестоко поплатился своей физіономіей. Проскакавъ такимъ образомъ два-три часа по степи, Царенко возвращается назадъ и съ тѣмъ же гикомъ и крикомъ подкатываетъ подъ крыльцо своего дома А въ домѣ его давно уже ждетъ толпа тѣхъ же, съ прибавкою новыхъ, гостей. И вновь начинается гомерическая попойка и тутъ же попутно производится дикая надъ кѣмъ-нибудь расправа. Вотъ Царенко нашелъ, что поваръ дурно приготовилъ какое-нибудь кушанье. Онъ выскакиваетъ изъ-за стола, бросаетъ въ столовой гостей, а самъ бѣжитъ въ поварскую и начинаетъ тамъ таскать за волосы повара. Изъ поварской слышатся крики, самая непристойная брань, лязгъ ножей и вилокъ, стукъ разбиваемой посуды.

Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ сценъ я больше не въ силахъ былъ оставаться у Царенка. Не смотря на то, что Царенко, пообѣщалъ подарить мнѣ всѣ найденныя имъ въ курганѣ очень цѣнныя, золотыя и серебряныя, древности съ условіемъ только еще нѣсколько времени прогостить у него, я все-таки твердо рѣшилъ бѣжать отъ него, объявивъ ему, что мнѣ необходимо выѣхать въ такое-то село и просилъ его дать мнѣ для того лошадей. Послѣ долгаго сопротивленія Царенко, наконецъ, уступилъ, и слѣдующимъ днемъ, утромъ, я рѣшилъ оставить его домъ. Мы пожелали доброй ночи одинъ другому и разстались навсегда.

Раннее утро. Мягкій свѣтъ только что началъ прорываться черезъ легкія занавѣски, спущенныя надъ окномъ моей комнаты. Я всталъ съ постели и изъ своей комнаты вышелъ въ залу, а изъ залы пробрался въ переднюю. Тутъ черезъ раскрытую дверь, ведшую изъ передней въ кабинетъ, я увидѣлъ на широкомъ турецкомъ диванѣ спящимъ, въ совершенно откровенномъ костюмѣ, Царенка и возлѣ него лежащимъ съ передней лапой, закинутой на грудь хозяина, страшнаго Цербера-Нептуся, и мнѣ почудилось, будто передо мной два необъятныхъ, дышащихъ огнемъ, вулкана. Выйдя изъ передней, я очутился на каменномъ крыльцѣ и тутъ вспомнилъ о надписи, сдѣланной надъ главной входной дверью — «Входь якъ додому». А «выходь» какъ? невольно я спросилъ самъ себя. А «выходь» какъ тать. И я ушелъ какъ тать... Захвативъ съ собой свой походный чемоданчикъ и верхнее платье, я спустился внизъ, къ правому берегу Самари и сталъ всматриваться въ рѣку. Самарь, окутанная легкимъ утреннимъ туманомъ, тихо покоилась въ своемъ живописномъ ложѣ, окаймленная по обоимъ своимъ берегамъ высокими, стройными и густолиственными деревьями, и отдавала пріятною влагой; легкіе водяные пары, отдѣлявшіеся отъ рѣки, садились на мое лицо, на руки и дѣлали влажными мои волосы, выбившіеся изъ-подъ шляпы. Въ одной изъ небольшихъ ложбинъ я увидѣлъ бричку, запряженную парою лошадей и, влѣзши въ нее, велѣлъ человѣку выѣзжать на проселочную дорогу. Проѣхавъ нѣсколько времени по проселочной дорогѣ, мы выскочили на открытый шляхъ и къ вечеру того же дня были уже далеко отъ села Чортополохова, оставшагося въ моей памяти навсегда.

Мнѣ на моемъ вѣку больше не пришлось видѣть Царенка, но объ удивительныхъ дѣяніяхъ его приходилось слыхать не разъ. Въ

особенности удивителенъ былъ, по разсказамъ, его конецъ. Какъ-то раннею весной, когда въ рѣкѣ Самари особенно много было воды, переправлялся черезъ нее паромъ, переполненный людьми. Дойдя до средины рѣки, паромъ началъ тонуть. О томъ узналъ Царенко и немедленно бросился спасать людей. Проработавъ въ рѣкѣ нѣсколько часовъ, по самое горло въ водѣ, Царенко схватилъ жестокую простуду, которая перешла потомъ въ скоротечную чахотку. Царенко сдѣлался подъ конецъ изъ необъятнаго толстяка необыкновенно худъ. Зная о томъ, каковъ предстоитъ ему исходъ, Царенко нисколько не унывалъ, и уже за нѣсколько минутъ до своей кончины потребовалъ себѣ графинъ водки и большую рюмку. Наливъ полную рюмку водки, онъ взялъ ее въ руку, подержалъ нѣсколько минутъ въ рукѣ и потомъ, снова поставивъ рюмку на столъ, трагически произнесъ: «Иное дѣло хотѣть и иное дѣло мочь» и съ этими словами склонилъ голову и бездыханнымъ повалился на диванъ.

Три неожиданныя встрѣчи.

ВЪ 1883 году, въ одинъ изъ іюльскихъ знойныхъ дней, ѣхалъ я на парѣ бойкихъ обывательскихъ лошадокъ, запряженныхъ въ такъ называемую нѣмецкую бричку, имѣющую видъ длиннаго ящика съ придѣланнымъ къ ней дышломъ напереди и съ широкой колыской наверху. Путь мой лежалъ отъ села Дибривки, александровскаго уѣзда, къ селу Славгороду, того же уѣзда. Впереди на моемъ пути, лежали большое село Покровское, деревня Богодаръ, село Николаевка и за ними нѣсколько небольшихъ одинокихъ и удаленныхъ отъ дороги поселковъ и хуторковъ. Все это обширное пространство степи нѣкогда составляло часть вольностей или владѣній запорожскихъ козаковъ и входило въ кальміускую паланку, т. е. область или уѣздъ. Степь отъ страшнаго лѣтняго зноя частію совсѣмъ лишена была травы и совсѣмъ почернѣла, тамъ, гдѣ по ней уже прошелся острый плугъ; частію все еще покрыта была травой, тырсой или ковылемъ, тамъ, гдѣ плугъ не касался степи, но пожелтѣла, выцвѣла и сдѣлалась совершенно безжизненна и суха. Вслѣдствіе этого и лошади и сами путники, отъ зноя и полнаго степного безвѣтрія, чувствовали себя какъ бы угнетенными и подавленными. Къ счастью, однако, солнце мало-по-малу уже стало «сбиваться» къ западу, и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ еще часъ-два пройдетъ, и тогда для насъ настанетъ нѣкоторое облегченіе. Я сидѣлъ въ такъ называемомъ креслѣ или колыскѣ, попросту сказать, люлькѣ, навѣшенной при помощи толстыхъ ремней на стѣнки брички. и слегка

покачивался изъ стороны въ сторону, наклоняясь то правымъ, то лѣвымъ бокомъ на ту или другую сторону брички. Покойное сидѣніе и жаркій воздухъ убаюкивали меня. Передо мною, на передней дощечкѣ, сидѣлъ возчикъ, типичный новороссійскій хохолъ, бѣлокурый, съ длинными, уже довольно посивѣвшими, такъ называемыми «дротяными» усами, съ короткой, давно не бритой, щетинистой бородой, съ остриженной вплотную круглой головой, въ широкихъ темнаго цвѣта шароварахъ, надѣтыхъ поверхъ бѣлой съ мережками сорочки и опоясанныхъ суконнымъ зеленаго цвѣта поясомъ, въ большихъ «постолàхъ» на ногахъ и въ высокой барашковой на головѣ шапкѣ, не смотря на лѣтнюю жару. И выраженіе лица, и отрывочныя, бросаемыя какъ бы на ходу и вскользь замѣчанія моего возчика, носившаго фамилію Чернаго, сразу давали мнѣ понять, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ не безъ юмора. Онъ давно уже обращался ко мнѣ то съ однимъ, то съ другимъ вопросомъ, но я, находясь въ полубодрственномъ, въ полудремлющемъ состояніи или вовсе не отвѣчалъ ему, или отвѣчалъ, но не впопадъ. Вотъ перебѣжали мы одну балочку, тамъ другую, тамъ третью и, наконецъ, вскочили въ обширное и многолюдное село Покровское, раскинувшееся вдоль праваго возвышеннаго берега рѣки Волчей, или Волчьихъ-Водъ, и помчались по широкимъ чистымъ и кое гдѣ, то тамъ, то сямъ, усаженнымъ желтыми акаціями, улицамъ. Вотъ мы очутились и у веселой корчмы, главнѣйшимъ указателемъ которой была пустая фляжка, надѣтая на высокій, воткнутый въ соломенную крышу, шестъ, слегка качавшаяся отъ воздуха и какъ бы тѣмъ самымъ зазывавшая къ себѣ людей, проѣзжающихъ мимо нея.

— Пане, а пане, шо я вамъ хочу сказать?

— Кажы, якъ шо есть, шо казать.

— Вы не знаете, якъ я страждàю видъ жывота?

— Нп, не знаю! А якъ ты страждаешъ видъ жывота, то ты бъ побувавъ у дохтуря Цыганка, то винъ бы тебе и пидличивъ.

— Я й бувъ у нёго!

— Шо жъ винъ тоби сказавъ?

— Шо винъ мени сказавъ? Чуднѐ сказавъ! Ты, каже, хлопче, не чимъ другымъ не можешъ выличиться, якъ горилкою: якъ будешъ ихать мымо корчмы, такъ и не мынай. Отъ шо винъ мени сказавъ! Чудный дóхтурь!

— Прямо шо чудны́й! Ну, якъ винъ тоби такé сказавъ, то пидвертай уже до корчмы...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы, оставивъ пріятную корчму, двинулись въ дальнѣйшій путь. Переѣхавъ въ бродъ каменисто-песчаное дно рѣки Волчьихъ-Водъ, мы очутились въ деревнѣ Гнидиной и потомъ вновь покатили по широкому шляху, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись бѣленькія, чистенькія крестьянскія хатки, сложенныя изъ такъ называемаго лимпачу, т. е. необожженнаго на половину съ соломой, на половину съ землей, кирпича, и поверхъ кирпича тщательно смазанныя «крейдой» и подведенныя внизу, по прысьбамъ, «жовтогорячей» глиной.

— Ну, якъ же теперь твій жывитъ?

— Теперъ такъ, шо хочъ у Москву, а бо ще й дали! Одно слово, теперъ зовсимъ байдужé!

— Тоби байдужé, а мени такъ шкóда?

— Видъ чóго вамъ шкóда?

— Видъ пропа̀сныци, чи видъ хыньди: уже скилько день сыдыть у мене внутри, и ниякъ я ій не выжену звидтиля.

— Одъ пропа́сныци? Хи, одъ пропасныци я таке слово, знаю шо якъ тилькы скажете, такъ тутъ ій и ка̀пець: завтря жъ, або пислязавтря ій и аминь.

— А яке жъ тамъ таке слово ты знаешъ?

— Одъ пропа́сныци треба девьять разъ пидъ рядъ, не отдыхаючи прочытаты ось яки слова: «Ишовъ чоловикъ на святу недилю та найшовъ девьять лошакивъ, изъ девьяты стало висимъ, изъ восьмы симъ, зъ симы шисть, изъ шисты пьять, изъ пьяты чотыри, зъ чотырехъ тры, изъ трехъ два, изъ двохъ одынъ, а зъ одного ни одного; такъ якъ у того чоловика не стало лошакивъ, такъ шобъ у раба божого (имя рекъ) не стало болисти. Дай, Боже, рабу божому (имя рекъ) жовту кисть та червоное мнясо».

— Та ты, бачу, знаючій чоловикъ!

— Та де що розумію!.. Ось тутъ богдаровськый панъ такъ усе изде що лита на тепли воды кота изъ жывота выгонять, а якъ бы винъ давъ мени карбованьця тры грошій, такъ я бъ ему скорійше того кота выгнавъ, нижъ тепли воды! Такъ бы одразу и занявча̀въ! У нёго ще кажуть. и ремонтысъ есть у нози. и противъ то́го я знаю средство, абы тилько на ти тры карбованьци та ще карбованьцивъ пьять прыбавывъ.

— Шо жъ воно за китъ такый у животи? Чи не катаръ?

— Та, може, й катарь, якъ попанському казать!

— А ремонтысъ?

— А ремонтысъ це така болисть, що видъ неи рукы та ногы ломе.

— А яки жъ противъ ихъ средства есть?

— Сперше всего заплатыты мени три карбованьця! Це перше средство, а тамъ уже я знайду, якъ треба дило робыть.

— Чомъ же ты не дойдешъ зъ твоимъ средствомъ до пана?

— Эге, туды не моя талія!..

— А, може, ты ще яке небудь средство знаешъ противъ якои хворобы?

— Та де що розумію!

— А шо жъ ты розуміешъ?

— Та отъ якъ заварювать одъ жывота со́няшныци, то тутъ треба таки слова казать:

«Лежы́ть соба́ка сере́дъ доро́гы
Роскы́дала вси чоты́ри но́гы,
Струснѐтця—здвыгнѐтця—
Все лы́хо мынѐтця».

А якъ бабы личять отъ жывота та зава́рюютъ со́няшныци, то воны уже прыговарюють и́накъ:

«Ходыла я по горахъ та по долынахъ,
Носыла го́рщыкъ на вы́лахъ,—
Го́рщыкъ увирве́тця тай розибьетця,
А съ тебе все лыхо мынетця,
Съ твого жывота та въ другый жывитъ,
Туды мене позовуть, та й тамъ мени дадуть».

— А якъ жыдъ захворае, такъ для того есть ище и́нчи слова.

— А яки жъ для того уже слова?

— А ось яки́:

«Бигъ песъ черезъ панськый овесъ,
Якъ не ва̀дыть овсу, такъ и жыдови псу».

Оце и вси слова, тилькы кажы ихъ потыхеньку соби пидъ нисъ; а винъ, той жыдюга, зива та заплющае очи, а винъ зива та круте головою, та ще за те и карбованця дасть... Це воно и выходе, якъ тамъ кажуть, набалакала-наговорыла, дайте жолобчастого Даныла, свердлыты-вечеряты, казавъ батько-полудрабокъ.

— Ну, якъ ты такый знаючій чоловикъ, то, може, ты знаешъ ще й те, чого ця ричка та зветця Вовчымы-Водамы.

— Чого ця ричка зветця Вовчымы-Водамы? Не иначе, якъ одъ вовкивъ: тутъ, мабуть, колысь вовкы-сирманы водылысь, по

чагарныкахъ та по тернахъ, якымы тутъ позаросталы, отъ хочь бы у пана Мыхэя, берегы ціеи ричкы. Теперъ то на кожного вовка чоловикъ сто, або й бильшъ людей, а колысь воно було на кожного чоловика сто, або й бильшъ, вовкивъ. То видъ ныхъ, може, й ричка ця прозвалась Вовчымы-Водамы.

— А чого жъ то у васъ село зветця Гныдынымъ?

— То вже одъ якогось запорожця Гныды, такого, шо, мабуть, паршывый та мыршавый бувъ, на гныду схожій. Тутъ теперъ панъ живе, одъ того жъ такы Гныды поколиніе; тилькы винъ себе зве Гнѣдинъ, а народъ всетаки по старому велычà — Гныда тай Гныда. Винъ за крипосне право та скилькы перепоровъ своихъ людей, шобъ не смилы казать Гныда, а казалы бъ Гнѣдинъ, такъ де тамъ! Гныдою такъ и зоставсь! А ото якъ уже мужыкы выйшлы на волю, такъ одынъ гныдивськый чоловикъ, такый, шо чумакувавъ десь у Крымъ по силь, вернувшысь додому зъ дорогы прыйшовъ до пана тай каже: «Оце я, паночку, чумакувавъ у Крымъ та бачивъ тамъ по дорози вашого родыча»·—«Якого»? пыта панъ.—«Та пана Вошу». Побачивъ мене тай пыта: «Ты звидкиля, чоловиче»? — «Изъ Гныдыній», кажу, пане. «А, це звидтиля, де мій ро́дычъ жыве, панъ Гныда? Ну, такъ скажы жъ ему, шо кланяется ему Воша»...

— И шо жъ тому чоловику за таку рэчъ одъ пана було?

— А шо? Выгнавъ у поты́лыцю одъ себе тай бильшъ ничого!. А то якось цей же такы панъ та выихавъ до царьского смотру,— винъ бувъ такый высокый та здоровый и въ гвардіёнахъ колысь служывъ. Выихавъ тай стоить у полку. Ажъ ось пидъизжа до нёго царь Мыколай Павловычъ. Баче, шо такый бравый охвыцерь стоить, тай пыта ёго: «Какъ хвамылія»? А винъ мовчить и ничого не каже,—соромытця своеи хвамыліи. «Какъ хвамылія»? зновъ пыта царь. А той уже зовсимъ обрябивъ и ни словечка не каже, а тилько стоить та трусытця. Тутъ пидбига до царя якыйсь полковныкъ, держыть ему пидъ козырёкъ тай каже: «Гныда, Ваше Императорское Величество!» Царь подывывсь-подывывсь тоди на Гныду тай каже: «Какая, однако-жъ, огромная Гнида»!...

Послѣ этихъ словъ мой возница сильно оживился, передернулся съ боку на бокъ, потянулъ къ себѣ возжи, ударилъ по лошадямъ длиннымъ кнутомъ, и наша бричка помчалась по твердому, какъ камень, и гладкому, какъ скатерть, шляху. Справа отъ

шляху тянулась синей лентой рѣка Волчьи-Воды, впереди, поперекъ шляха, вилась рѣчка Гайчуръ, тихо катившая свои воды въ Волчью, а въ живописномъ уголку, при сліяніи этихъ двухъ рѣкъ, показывалась на пригоркѣ небольшая усадебка помѣщика Михеева, Богодаръ.

Уже усадебка была совсѣмъ вблизи, когда съ нами случилась весьма обыкновенная, но и весьма непріятная въ дорогѣ исторія: у насъ сломалась ось въ бричкѣ. Такъ какъ поправка брички требовала значительнаго времени, то я оставилъ своего возницу на мѣстѣ, а самъ пѣшкомъ отправился въ Богодаръ. Было уже совсѣмъ темно, когда я добрался до панской усадьбы и подошелъ къ старому запущенному дому. Тутъ я увидѣлъ, что въ одной половинѣ панскаго дома собралось цѣлое сборище парубковъ и дивчатъ, нанятыхъ въ панскую экономію на лѣтнія работы. Такъ какъ дѣло было подъ праздникъ, то въ занятой половинѣ дома было и весело и шумно. Уже издали слышались гулъ и веселые клики. Парубки и дивчата собрались вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы попѣть и поплясать и «пожартовать» между собою. При видѣ, однако, «пана» компанія сперва было стихла; но потомъ, когда этотъ «панъ» заговорилъ «козацкою мовою» и назвался «своимъ чоловикомъ», то парубки и дивчата скоро пришли въ себя и дали просторъ своей волѣ и своей удали. Ничего подобнаго и никогда раньше мнѣ не случалось видѣть. Что за музыка? Что за танцы? Что за парубки-молодцы? Что за дивчата-кра̀лички?... На лежанкѣ, у печки, сидитъ дядько Ѳома Провора, человѣкъ слѣпой; онъ играетъ на «сопи́льци»; возлѣ Проворы сидитъ парубокъ Иванъ Нетреба; онъ бьетъ въ бубенъ; за Нетребою сидитъ хлопецъ Василь Котъ; онъ стучитъ въ заслонку. Музыканты ударили сперва козачка. Компанія стоитъ и какъ бы нѣмѣетъ отъ восторга, какъ бы набирается духу, чтобы потомъ пуститься въ адскій плясъ, «А ну, хло́пци! А ну, хло́пци! А ну, хло́пци»!... Но хлопцы все стоятъ и не двигаются съ мѣстъ. А между тѣмъ забористая музыка несомнѣнно дѣйствуетъ на нихъ; больше того, она давно уже подмываетъ молодцовъ къ пляскѣ, но только нѣтъ такого смѣльчака, который бы всѣмъ другимъ начало показалъ... Но вотъ одинъ молодецъ не выдержалъ. Онъ громко свистнулъ, выскочилъ на средину хаты, вдругъ перебросился черезъ голову, ударилъ ладонью по землѣ, потомъ сталъ на ноги и пошелъ выдѣлывать разные «выхылясы», показывать разные «выкрутасы», и выбивать

«гопакà». То онъ шелъ все «бокомъ та скокомъ», то присѣдалъ внизъ и ударялъ обѣими руками по землѣ, то вновь становился на ноги и, взявшись въ боки, свистнувъ молодецки, стукнувъ нога объ ногу, ударялъ такого трепака, что вокругъ него пыль поднималась столбомъ, земля звенѣла звономъ... И потомъ вдругъ и неожиданно онъ остановится на одномъ мѣстѣ, обкрутнется самъ вокругъ себя на одной ногѣ, присядетъ на корточки, замететъ своими безмѣрной величины штанищами пыль и снова пойдетъ выбивать, и снова пойдетъ выбивать трепака, да такого трепака, отъ котораго у всѣхъ зрителей невольно духъ захватываетъ. «Фу, ты, бисивъ сынъ! Це чортъ, а не парубокъ»... И посмотрѣть на этого паробка? Чортъ знаетъ, что за черевики на немъ! Это жалкіе осметки, а не обувь: ни каблуковъ, ни подошóвъ, пальцы видны, а стукнетъ онъ ими, пріударитъ, такъ кажется, что на каждой ногѣ у него по десяти-пудовому желѣзному молотку. А шаровары на парубкѣ? Вѣдь это выдумать надо подобныя: онѣ широки, какъ степь, глубоки какъ море. Въ нихъ смѣло войдетъ три куля пшеницы или полсотни арбузовъ. Что складокъ на нихъ! Что дегтю! Что пыли!... Но вы посмотрите еще, что за картузъ на парнѣ?! Это не картузъ, а блинъ, настоящій блинъ! Онъ начинается на самомъ остромъ мѣстѣ макушки, а кончается на шеѣ, ниже ворота сорочки. Ни козырька, ни околицы! Блинъ, таки настоящій блинъ! Но за тожъ и сорочка у козака! То шила ему «дивчина, билява Устя, съ тонкúмъ якъ тополя, съ гнучкúмъ, якъ молодà берèза, станомъ». Она все искусство употребила на то, чтобы угодить «своèму Захарькови». И вышла та сорочка на диво: «зъ мережками, зъ блакитною стежкою, зъ цяцькованными лыховками»... «Ай, козакъ Захарько! Отъ козакъ, такъ козакъ! Оцè танцюра, такъ танцюра!... Цей и батька своró, Ковалевщенка, превзойшовъ»!... Ану, хлопци, ще ціеи»!... И музыканты ударили метелицы. Вся молодежь заволновалась. Теперь всѣ дивчата и парубки побрались за руки и начали круговую пляску. Сколько прелести, сколько граціи здѣсь было! Тамъ «чорнобрыва» Марьяна плыла, какъ плаваетъ «ýтинка» тамъ дробно выбивала танецъ своими миніатюрными ножками Доманя—«сéрденько, манéнька якъ перепилочка, легéнька якъ перúночка»; тамъ Онúся—«лáстивочка», съ чорными глазками, стыдливая, вся зардѣвшаяся, какъ красная маковка, поводила своими «рученятами» и мѣрно отчеканивала своими ножками, обу-

тыми въ простые, но очень изящные и ловкіе черевички; а вотъ Лукія, дѣвка большая и рослая выступала такъ нескоро, но зато очень степенно и важно, напоминая собой одну изъ величественныхъ богинь олимпійскаго цикла и представляя изъ себя лакомый кусокъ для молодыхъ парубковъ... «Ай дивча́та! Вотъ такъ дивчата! Одно слово, дивча́та»!... Это кричалъ мой кучеръ, который уже успѣлъ исправить бричку, поѣхалъ въ слѣдъ за мной и теперь очутился въ хатѣ; оставивъ своихъ лошадей у окна, онъ вскочилъ въ хату, врѣзался въ средину пляшущихъ и въ чемъ былъ—въ высокой шапкѣ, въ кожаныхъ постола̀хъ на ногахъ и съ длиннымъ кнутомъ въ рукѣ — пустился въ присядку, присвистывая своими губами и понуривъ на бокъ свою уже посивѣвшую голову:

«А-ну, грай! А-ну, грай!
Отъ закину заразъ ногы ажъ за спи́ну,
Шобъ свитъ здыву́вався, якій я удався!...

...Должно быть, долго продолжались эти пляски; уже мы оставили панскій домъ, уже далеко отъѣхали отъ него, а гулъ все слышался изъ него, а музыка все гудѣла и гудѣла и свистъ все раздавался и раздавался... Теперь все забылъ я: и степь широкую, и рѣку раздольную и козаковъ-запорожцевъ, одни парубки—лихачи, да дивчата-чорнобрывы стояли у меня передъ глазами, одни они мерещелись мнѣ... Эхъ, благодатный край! Что за природа, что за воздухъ, что за ширь, что за народъ, что за танцы удалые!...

Но вотъ мы проѣхали село Николаевку, миновали нѣсколько небольшихъ поселковъ и хуторовъ и приблизились къ Славгороду. Вотъ мы у станціи; раздался свистокъ; десять минутъ, и поѣздъ пойдетъ. Расплатившись съ человѣкомъ, наскоро захвативъ свои вещи, я моментально вскочилъ въ вагонъ и черезъ нѣсколько часовъ, но безъ всякихъ приключеній, прибылъ въ городъ Екатеринославъ.

Прошло восемь лѣтъ со времени случившагося со мной приключенія въ деревнѣ Богодарѣ, у рѣчки Волчьихъ-Водъ. За восемь лѣтъ много воды ушло въ широкомъ Днѣпрѣ и въ тихой рѣчкѣ Волчьей. Много перемѣнъ произошло въ теченіи этого времени и въ моей печально-скитальческой жизни. За это время я успѣлъ уже исходить весь Крымъ, изъѣздить половину Кавказа, посѣтить далекій, въ Бѣломъ морѣ, Соловецкій монастырь,

ознакомиться съ Западнымъ краемъ, заглянуть въ Царство польское, побывать въ Закаспійскомъ краѣ, Туркестанѣ и въ Персіи. Много за это время измѣнилось и въ моемъ умѣ, и въ моемъ сердцѣ, а Запорожье все-таки милѣе всего было мнѣ на свѣтѣ, и туда попрежнему неслись всѣ мои мысли и всѣ мои завѣтныя мечты. «Какъ-то тамъ, думалось мнѣ, въ томъ завѣтномъ Запорожьѣ, попрежнему ли колышется отъ тихаго степного вѣтерка и низко стелется по землѣ бѣлый блестящій ковыль? Попрежнему ли тамъ тихо катятъ свои свѣтлыя воды рѣчки Гайчуръ и Волчья? Попрежнему ли плыветъ надъ этими рѣчками ярко-золотое солнышко и, смѣясь, купается въ ихъ чистыхъ водахъ, заливая своими лучами ихъ темно-зеленые берега, мѣстами опушенные высокимъ камышомъ, мѣстами усѣянные огромными глыбами гранитныхъ скалъ? Попрежнему ли въ тѣхъ мѣстахъ выступаетъ, ночною порой, въ необъятной тверди небесъ неисчислимое число тихо мерцающихъ сине-голубыхъ звѣздъ? А въ безмѣрномъ пространствѣ степей попрежнему ли высокія могилы да буйные вѣтры ведутъ свой таинственный разговоръ о давно минувшихъ, но славныхъ подвигахъ степныхъ богатырей?..

И вотъ, подавляемый такими вопросами, помчался я «на тыхи воды, на ясни зори, у край веселый, мижъ мыръ хрещеный».

Это было въ 1891 году, также въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ это время я ѣхалъ по направленію уже отъ Славгорода къ деревнѣ Богодару. И на этотъ разъ солнце палило безъ милосердія. Но наканунѣ выпалъ обильный дождь, и потому въ воздухѣ не чувствовалось того степного зноя, какой въ ней обыкновенно чувствуется въ дни продолжительныхъ засухъ и при совершенно неподвижной атмосферѣ. Лошадки мои быстро бѣжали по твердо-грунтовому шляху, на которомъ въ тотъ разъ не было и признаковъ пыли, снесенной дождемъ предшествовавшаго дня, а нѣмецкая бричка плавно катилась по гладко убитой дорогѣ, звонко «поцуцокивая», какъ выразился мой возница, своими новыми стальными осями и новыми колесами со вставленными въ нихъ желѣзными втулками. Миновавъ нѣсколько хуторковъ, поселковъ и помѣстій, мы выскочили на возвышенный кряжъ, съ котораго открывался видъ на рѣчку Гайчуръ и на симпатичную, по ту сторону рѣчки, усадебку владѣльца деревни Богодара, Михеева, и потомъ быстро скатились съ отлогаго кряжа къ самому мосту, перекинутому отъ одного къ другому берегу рѣки. У моста мой кучеръ пріостано-

вилъ лошадей, и я сошелъ съ брички для того, чтобы пройтись по мосту пѣшкомъ. Перейдя весь мостъ, я увидѣлъ, за перилами его, сидящимъ на землѣ, съ подогнутыми ногами, съ опухшимъ животомъ, слѣпого — нищаго, который держалъ въ своихъ рукахъ деревянную росписную чашечку и, наклоняясь низко всей головой къ землѣ, жалобно взывалъ: «Дайте, православни люды, копіёчку! подайте, божіи люды, слипéнькому копіёчку»!... Я раскрылъ свой кошелекъ, досталъ изъ него монетку и приблизился къ нищему съ тѣмъ, чтобы подать ему мою лепту. Всматриваясь въ черты лица нищаго, я уловилъ въ нихъ что-то мнѣ давно знакомое, но никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда я видѣлъ этого человѣка. А онъ все продолжаетъ кивать головой и такимъ слабымъ и жалкимъ голосомъ, бередящимъ душу и проникающимъ глубоко въ сердце, продолжаетъ просить о милостынѣ.

— Откуда ты, чоловиче божій?

— Изъ Богдара, пàночку.

— Изъ Богдара, кажешъ?

— Изъ Богдара, оцёгò, шо тутъ зáразъ на гори, за ричкою

— А якъ же тебе звуть, чоловиче божій?

— Захарькомъ звуть, пáночку, Ковалевщенкомъ.

— Господы Боже! Та це жъ ты, Захарько, шо колысь тутъ же такы...

— А вы хто жъ такый, пáнычку?

— Я—Дмытро Ивановычъ! Памьятаешъ, якъ колысь отутъ, у панській хати, мы умисти гулялы?...

Несчастный слѣпецъ отъ такого моего отвѣта вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ своимъ, вновь переспросилъ мое имя и горько-прегорько заплакалъ... Я до того былъ пораженъ всей этой, внезапно происшедшей сценой, что не нашелъ у себя ни единаго слова, чтобы утѣшить несчастнаго страдальца. Я стоялъ точно окаменѣлый на одномъ мѣстѣ и только дивился тому, что сдѣлали лѣта съ дорогимъ мнѣ по воспоминанію человѣкомъ.

«Охъ, лúта, лúта, що вы творитѐ»?

Прошло восемь лѣтъ, и совершенно здоровый, бравый парубокъ, отчаянный танцоръ и неистощимый весельчакъ превратился въ раслабленнаго, съ опухшимъ лицомъ, раздутымъ животомъ и и трясущимися руками слѣпого нищаго. И вотъ онъ, бѣдняга, все плачетъ и плачетъ и никакъ не можетъ, не смотря на всѣ видимыя съ его стороны усилія, остановить слезъ своихъ. «И

звидкиля ци слёзы берутся у мéне? Слипый же я и очей не мàю, а слезы, дывысь, якъ течуть»!

— Та шо жъ зъ тобою сталось, мій голубчику, шо ты слипы́й та слабы́й зробывсь? спросилъ я, наконецъ, его, подавивъ въ себѣ чувство страшной горести.

— Та шо? Бодай бы и не казать шо!..

И тутъ слѣпецъ разсказалъ мнѣ, какъ у него однажды, въ особенно знойный и яркій лѣтній день, во время возки хлѣба со степи въ токъ, заболѣли внезапно глаза. Сперва, они, однако, болѣли не такъ сильно, а потомъ все сильнѣе и сильнѣй, и зрѣніе его становилось все слабѣе и слабѣе. Прибѣгалъ онъ къ помощи и бабы-знахарки, и какого то деревенскаго лѣкаря и, наконецъ, земскаго врача, но все было напрасно: ни отъ кого не получилъ онъ ни помощи, ни облегченія и подъ конецъ сдѣлался совершенно слѣпымъ. Къ тому же онъ схватилъ жестокую лихорадку, которая мучила его въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ кь ряду и перешла въ водянку. Живя однимъ дворомъ и одною хатою съ роднымъ братомъ, человѣкомъ жестокимъ по натурѣ и ограниченнымъ по уму, онъ очутился въ полной зависимости отъ него и терпѣлъ не только укоризны, но даже тяжкіе побои отъ него за то, что не помогалъ ему въ хозяйствѣ; сдѣлался лишней обузой въ семьѣ и даромъ занималъ помѣщеніе. И что же служило помѣщеніемъ бѣдняку? Такимъ помѣщеніемъ была печь, на которой несчастный страдалецъ валялся даже въ самые жаркіе дни лѣта, чтобы согрѣть свои члены отъ угнетавшей его жестоко лихорадки.

— Ну, шо жъ та ди́вчына, билява Устя, шо десь рядомъ съ тобою жила, та кохала тебе?

— Дивчина Устя? Моею жинкою стала и диточокъ трёхъ прыдбала, та тилькы и вона черезъ мене слаба́ та хы́ла стала, тай диткы мои яки́сь несчастни та вбоги выйшлы. Горе окру́гъ мене! якъ есть горе и бильшъ ничо́го! Я хочъ бы такъ, шобъ и вме́рты мени́, такъ крипко жалко покынуть маненькыхъ диточокъ.

Дѣйствительно, несчастный человѣкъ очутился кругомъ въ горѣ, въ страшномъ, безысходномъ горѣ, и я безсиленъ былъ чѣмъ либо помочь ему. Вынувъ жалкую кредитку изъ своего кармана, я думалъ хоть этою ничтожною подачкою оказать ничтожную помощь бѣдняку. Но слѣпецъ, принявъ отъ меня одною рукой подаяніе, другой перекрестившись скорымъ крестомъ, неожиданно заявилъ, что слѣдующимъ днемъ онъ отправится пѣшкомъ въ село

Покровское и тамъ «наймётъ» батюшку отслужить молебенъ, что онъ давно уже собирался сдѣлать это, но до сихъ поръ не могъ исполнить по неимѣнію у себя денегъ.

Такое неожиданное заявленіе со стороны несчастнаго бѣдняка не менѣе поразило меня, какъ и самое превращеніе его изъ молодого и сильнаго парубка въ слабаго и жалкаго нищаго.

Вотъ живой примѣръ терпѣнія и вѣры, вѣры и терпѣнія! мысленно сказалъ я самъ себѣ и съ этимъ оставилъ слѣпца сидѣть у моста, а самъ двинулся въ дальнѣйшій путь.

Позднею осенью того же года возвращался я обратно мимо деревни Богодара на Гуляйполе. Погода была унылая, наводившая тоску на сердце и вызывавшая въ головѣ грустныя мысли. Моросилъ мелкій и холодный дождикъ. На передкѣ моей брички сидѣлъ осовѣлый хлопецъ Грыцько Дереберя и вяло понукалъ своихъ лошадей съ тѣмъ, чтобы засвѣтло добраться намъ до Гуляйполя, главной цѣли на тотъ разъ моего путешествія. Вотъ и Богодаръ. Вотъ и печальное возлѣ Богодара кладбище; а на кладбищѣ виднѣется свѣжая, только что выведенная могила, съ бѣлымъ еще не почернѣвшимъ отъ времени крестомъ и съ навѣшанной на крестѣ хусткою, трепещеюся отъ вѣтра вокругъ креста. Впереди по дорогѣ плететея по воду какая то древняя бабуся. Увидя проѣзжающихъ, она становится въ сторону, чтобъ не перейти дорогу съ пустыми ведрами, и низко кланяется.

— Здорови, бабуся!

— Здорови, паночку!

— Спасыби, шо не перейшлы намъ зъ пустымы дорогу!

— Ни за вищо дякуете.

— Кого це у васъ Господь прыбравъ, шо хрестъ новый стоить та ще й хустына округъ хреста мотаетця?

— Захарька Ковалевщенка!

— Захарька Ковалевщенка?

— Эге жъ! Тутъ такый слипый чоловикъ бувъ...

Словно ножомъ острымъ полоснулъ меня такой отвѣтъ бабуси... Такъ вотъ гдѣ твой конецъ, нѣкогда веселый парубокъ, а потомъ жалкій нищій! Не выдержалъ бѣднякъ, не вытерпѣлъ, оставилъ скорбный міръ и нашелъ себѣ иную юдоль, «идеже ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная»... Пусть же надъ прахомъ твоимъ земля перомъ лежитъ!..

—Грыцько!

— А шо?

— Чи доидымъ мы сегодня до Гуляйполя?

— А чомъ же намъ и не доихать?

— А дорогу добре знаешъ?

— Якъ свою кышеню!

— Ну, такъ погоняй же коней!

И вотъ мы ѣдемъ все дальше и дальше, торопясь и поспѣшая пріѣхать къ мѣсту, пока дождикъ не перешелъ въ настоящій дождь. Но вмѣстѣ съ нами поспѣшаетъ и дождикъ, а съ нимъ повѣваетъ и степной вѣтерокъ.

— Грыцько?

— А шо?

— Чи такъ мы идымъ?

— Будь бы шо такъ, а объ тимъ хто ёго зна.

— Якъ же воно такъ, шо раньше витеръ намъ дувъ у спыну, а теперь у бикъ?

— А ось ще трошкы проидымъ, то й побачымъ, чи воно такъ, чи воно не такъ.

Ѣдемъ дальше, все поспѣшая впередъ. Но вмѣстѣ съ нами поспѣшаетъ и дождикъ. Теперь онъ уже перешелъ въ сильнѣйшій дождь. Небо давно уже заволоклось мрачными тучами и сдѣлалось темнѣе преисподней. Гдѣ-то, пока еще вдали, грохочутъ раскаты грома и развертывается во всю ширь неба ослѣпительная молнія. А мы все плетемся и плетемся и невѣдомо въ какихъ мѣстахъ. Вдругъ наша бричка накренилась на бокъ, и мы неожиданно полетѣли внизъ, накрывшись сверху ящикомъ брички. Все, что было съ нами въ бричкѣ — арбузы, булки, овесъ въ мѣшкѣ, сало, ножъ, сѣно, чемоданъ съ вещами, коврикъ—все это свалилось на насъ цѣлымъ грузомъ и расползлось про между насъ. Наши же кони, порядочно истомленные ѣздой, остановились на мѣстѣ какъ вкопанные и точно спрашивали насъ, что же со всего этого дива можетъ выдти въ концѣ концовъ. И такъ, кони наши стоятъ, а мы лежимъ.

— Грыцько!

— А шо?

— Чи ты жывый?

— Жывый! А вы жывi?

— Жывый!

— Грыцько!

— А шо?

— Чи ты не поламавсь?

— Ни, а вы?

— И я ни! Давай вставать.

— Давайте.

И вотъ мы дѣлаемъ попытку выкарабкаться изъ подъ ящика, но увы! никакъ не можемъ этого сдѣлать: ящикъ слишкомъ тяжелъ для насъ. И снова мы лежимъ, а кони наши спокойно стоятъ, дождь же льетъ какъ изъ ведра.

— Та треба жъ такы, скилькы не лежи, а треба вставать!

— Тай треба такы!

И вотъ я кое какъ съ превеликими усиліями выкарабкался изъ подъ ящика; но Грыцько, одѣтый въ тяжелую свиту и обутый въ большущіе чоботы, съ огромной шапкой на головѣ, никакъ не можетъ выползти изъ подъ ящика. Пробую поднять бричку кверху, никакъ не подыму: она слишкомъ тяжела для меня одного и къ тому жъ нужно подымать ее противъ какой то горы. Еще и еще нѣсколько усилій, и бричка чуточку приподнялась, а въ тотъ моментъ выползъ изъ подъ нея и Грыцько. Вдругъ передъ нами веркнула молнія и въ слѣдъ за ней раздался страшный ударъ грома.

— Эге, я теперь знаю, куды мы заихалы?

— А куды?

— У Нехвельдову.

— Шо жъ воно далеко одъ нашого шляху?

— Та верстовъ висимнадцять узяды въ бикъ.

— Добре жъ ты й дорогу знаешъ, Грыць!

— Знавъ колысь, а теперь уси пáморокы витбыло.

Между тѣмъ молнія еще сильнѣе блеснула намъ въ глаза, и мы увидѣли всю обстановку, окружавшую насъ: справа у насъ крутой и глубокій обрывъ, слѣва широкій и длинный прудъ, а впереди узенькая гребелька, съ которой мы и оборвались къ самому устью пруда. Возьми лошади наши еще три-четыре аршина влѣво, и мы бы попали какъ есть въ самый прудъ.

— Ну, теперь, Грыць, шо жъ мы будемъ робыть?

— А шо? Я выведу коней по гребли, а тамъ сядемъ тай дали поидымъ,—теперь я уже дорогу такъ добре знаю, якъ свій очкуръ въ штаняхъ, шо якъ схочу, то й на памьять намацаю.

— А може бъ намъ краще до нимцивъ заихаты та у ихъ и переночувать?

— Э, тутъ таки га́спидськи нимци жывуть, шо не тилько насъ, а и само́го Христа не пустють переночувать.

Провозившись нѣсколько времени, ощупы́вая пальцами траву, мы розыскали всѣ наши вещи, даже до перочиннаго ножа, уложили все попрежнему въ бричку, потомъ медленно сползли съ гребли и, наконецъ поднялись въ открытую степь. Но тутъ на встрѣчу намъ подулъ такой вѣтеръ, отъ котораго даже лошади воротили въ сторону свои головы. Нѣтъ, надо намъ, во чтобы то ни стало, гдѣ нибудь ночевать! Но Грыцко и тутъ выручилъ меня изъ бѣды: онъ обнадежилъ меня, что не болѣе, какъ черезъ «хвылыну» мы будемъ возлѣ хутора «куркули́въ» и тамъ можемъ заночевать; а что этотъ хуторъ не такъ далеко отъ насъ, Грыцько протянулъ пальцемъ въ открытую степь и указалъ на мигавшій гдѣ-то далеко въ степи огонекъ. Но въ ровной степи такой огонёкъ виденъ иногда за добрый десятокъ верстъ. Тѣмъ не менѣе я положился на опытность Грыцька, и мы направились къ хутору «куркули́въ». Куркулями называютъ въ Новороссіи выходцевъ изъ другихъ губерній, покупающихъ въ степяхъ небольшіе участки земли и заводящихъ небольшіе хуторки, такъ что названіе «куркуль» не есть собственное, а нарицательное и означаетъ собой пришлеца. Такъ вотъ къ такимъ то куркулямъ и направился мой Грыцько Дереберя. Ѣхали мы часъ, а навѣрно три четверти часа, пока наконецъ прибились къ двумъ хатамъ какого то безызвѣстнаго хуторка и остановились возлѣ той, гдѣ свѣтился желтый въ окнѣ огонекъ.

— Стукайсь, Грыць, у викно та просысь, шобъ пустыли ночувать.

Грыцько подошелъ къ окну и сталъ слегка стучать въ него пальцами.

— Хто тамъ такый? послышался слабый окликъ изъ хаты.

— А якъ намъ, пане, казать, хто мы таки?

— Кажы—мыровой суддя,—скорійшъ впустятъ.

— Мыровой суддя!

— А яка ему хвамылія?

— А яку сказать хвамылію?

— Кажи—Гладки́й!

— Мыровый суддя Гладки́й.

— А звидкиля Богъ несе?

— А якъ казать, звидкиля насъ Богъ несе?

— Кажы зъ Покровськóго!

— Зъ Покровського Богъ несе.

Скоро послѣ этого скрипнула дверь, и къ намъ вышелъ какой-то немощной старикъ, безъ шапки, не смотря на проливной дождь. Онъ объявилъ намъ, что готовъ бы насъ съ большою охотой пустить переночевать, но его постигла великая бѣда: у него только что померла жена, и теперь возлѣ нея онъ, старикъ, да его взрослая, но «слабáя» дочь... Но, если ужъ намъ нужно спрятаться отъ дождя, то мы можемъ помѣститься въ холодной хаткѣ черезъ сѣни отъ той, гдѣ покойница лежитъ. Что же было дѣлать? Не оставаться же намъ подъ проливнымъ дождемъ? И такъ волей-неволей пришлось принять предложеніе старика и идти въ холодную хатку на всю ночь.

Грустная картина видѣть убитою горемъ семью вслѣдствіе потери ею дорогого человѣка. Но еще грустнѣе и еще тяжелѣе видѣть это въ глухой степи, среди убогой обстановки и при полномъ безлюдьи. Тутъ только и людей, что ветхій лѣтами отецъ да «слабая», т. е. больная отъ природы его дочь и больше никого, съ кѣмъ бы можно было имъ страшное горе свое раздѣлить За тожъ и оплакиваютъ они свое горе, въ особенности дочь! Она страстно припадаетъ къ холодному тѣлу матери, жарко цѣлуетъ похолодѣвшія ея уста, льетъ ручьями горькія слезы и, сжавъ крѣпко свои руки, произноситъ на распѣвъ цѣлое причитанье надъ своей «ненькою». И какое это возвышенное и поэтичное причитаніе!

«Ой, ненько моя ридненька, зозуленько, сыван голубонько! На що жъ ты мене нещасну бросыла, на́ що жъ ты мене, моя ненько, безщасну покынула? Чи я свое щастя въ недилю проснидала, чи я свое щастя въ пьятныцю проспива́ла? Доля моя безщасна, доля моя безталанна! Мынулася моя доля и воля безъ моеи ненькы ридненькои. Не стало моеи зозуленькы,— никому теперъ мене пожалуваты, никому теперъ зо мною ласкового словечка сказаты. Встань, моя матинко, встань, моя рідная! Прикажы мени, мамочко, що робыты, промовъ слово ласкове, промовъ слово прывитлыве! Не чуешъ ты, моя родытелько, не чуешъ мене, моя ридненька! Отходылы твои ниженькы, одробылы твои рученькы, оддывылысь твои оченькы. Не чуешъ, моя ненько, прогнивалась. Занимылы твои губонькы, заплющылысь твои оченькы, закрипылысь твои реченькы. Що жъ ты такъ крипко на мене розгнива-

лась, що не хочешъ мени, моя ненько, и словечка промовыты? Що жъ ты мени, моя нене, не казала, звидкиль намъ тебе выглядаты? Изъ якои стороны и колы намъ тебе въ гости ждаты? Чи къ Риздву? Снигомъ занесе! Чи къ Велыкодню? Водою залье! Чи къ Святій недилоньци? Травою заросте! Якъ не будешъ къ Мыколи, не будешъ николы. Такъ вси твои тро́пкы и дорожкы заростуть. Колы буде зозуля куваты, я буду ій пытаты, чи не бачила сыва зозуленька моій ненькы ридненькои. Скажи ій, зозуленько, якъ мени тошно, якъ мени гирко безъ ненькы жыть: хто мене завыдыть, той мене, сиротоньку, й зобидыть. А зозуленька не буде всіеи правды казаты... Ой, ненько моя ридненька, на ще жъ ты, моя ненько, мене безщасну покынула? Дежъ мени, моя нене, теперъ щастя шукаты? Чи мое щастя въ огни згорило, чи въ води потонуло, чи мое щастя витромъ роздуло? Ой, ненько жъ моя голубонько, не покыдай же мене сыротою!!...»

Убогая обстановка, страшное горе, раздирающія душу слова причитанья потрясли меня до глубины, до самаго основанія. Я всю ночь не могъ сомкнуть ни на одну минуту своихъ глазъ, то прислушиваясь къ словамъ причитанья, которыя я уже зналъ наизусть, то ловя ухомъ страшный вой вѣтра и раскаты грома, бушевавшіе въ открытой степи. И въ такую погоду, Господи ты Боже мой, такое горе людямъ! «На смерть та на родынкы немае годынкы»—припомнились мнѣ слова, наканунѣ этого дня слышанныя мной отъ одного старика въ заѣзжемъ дворѣ. Плачъ и стонъ слышались въ хатѣ всю ночь, но буря и громъ съ полночи стали постепенно смолкать и къ утру прекратились совсѣмъ. Чуть только разсвѣло, какъ мой Грыцько застучалъ бричкой возлѣ оконъ; я тужъ минуту захватилъ съ собой свой чемоданъ, простился съ убитымъ горемъ старикомъ, сѣлъ въ бричку и направился въ Гуляй-поле, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній утромъ того же дня.

Слѣпой баянъ Ѳома Провора.

ТО хочетъ знать духовную сторону жизни простого народа, т.-е. кто хочетъ слышать стародавнія народныя пѣсни, сказки, преданія, пословицы, присловья, тотъ обращайся прежде всего къ старикамъ и старухамъ и отъ стариковъ и старухъ прежде всего къ слѣпцамъ. Слѣпецъ, заслоненный отъ солнечнаго свѣта, лишенный общенія съ видимымъ міромъ, создаетъ внутри себя особый свѣтъ и особый міръ. Большинство слѣпцовъ, въ замѣнъ потери чувства зрѣнія, вознаграждается сильнымъ развитіемъ чувства слуха, памяти, музыкальныхъ способностей и творческаго воображенія. Слѣпецъ, да еще тотъ, который «вѣштастця по свиту», нерѣдко представляетъ собой цѣлое сокровище богатѣйшаго и самаго разнообразнаго духовнаго матерьяла. Надо только умѣючи къ нему подойти, а главное надо съ нимъ сжиться, надо внушить ему къ себѣ довѣріе и вызвать расположеніе. Для этого приходится иногда лишать себя необходимыхъ, такъ называемыхъ, культурныхъ удобствъ жизни, приходится иногда и спать съ нимъ вмѣстѣ въ одной хатѣ, отдавать себя на съѣденіе тѣмъ же насѣ-

комымъ, которымъ зачастую и поневолѣ отдаетъ себя слѣпецъ, приходится раздѣлять съ нимъ его жалкую и скудную трапезу и иногда выпивать съ нимъ самую «поганющую гориляку», отъ которой глаза лѣзутъ на лобъ рогомъ и душа наружу просится. Но зато только при такихъ условіяхъ и можно что-нибудь «выудить» отъ слѣпца и подѣлиться добытыми матеріалами съ тѣми людьми, которые, интересуясь внутреннимъ міромъ простолюдина, сами не могутъ стать къ нему, на сколько это необходимо, въ близкія отношенія. Изъ всѣхъ слѣпцовъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться на моемъ вѣку, болѣе всего памятенъ мнѣ слѣпецъ Ѳома Васильевичъ Провора, живущій въ деревнѣ Богодарѣ, Екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда, имѣніи помѣщика Ѳ. И. Михеева. Ему теперь около 55 лѣтъ. Это человѣкъ выше средняго роста, съ лысой головой, довольно большого объема и оригинальной формы—то, что называется въ Малороссіи «голова—якъ коробка». Такая голова вмѣщаетъ въ себѣ очень много мозга и, сколько позволяетъ заключить личный опытъ, отличается пытливымъ умомъ. Отъ природы онъ очень опрятенъ и именно вслѣдствіе своей всегдашней склонности къ опрятности онъ бреетъ у себя усы и бороду и дѣлаетъ это самолично, разумѣется, наизусть, по памяти. Родился Ѳома Провора зрячимъ, но сдѣлался слѣпымъ вслѣдствіе несчастнаго случая, происшедшаго съ нимъ еще на шестой недѣлѣ отъ рожденія: мать его, натопивъ какъ-то очень жарко печку, положила ребенка на печь, гдѣ насыпано было для просушки просо, а сама ушла изъ хаты на «панщину», оставивъ ребенка на попеченіе маленькой дочки своей. Дочка, скоро послѣ ухода матери, убѣжала на рѣчку купаться; ребенокъ же, проснувшись отъ жары, сталъ кричать и копошиться во всѣ стороны, отъ чего горячее просо понабилось ему въ ротъ, въ уши и въ глаза. Когда мать прибѣжала съ «панщины», то она смогла очистить ребенку только ротъ и уши, съ глазами же, не смотря на всѣ ея старанія, рѣшительно ничего не могла сдѣлать, и они начали у ребенка гноиться и гноиться и подъ конецъ совершенно выгнили. Такимъ образомъ, ребенокъ сталъ совершенно слѣпымъ, не имѣя вовсе, кромѣ глубокихъ впадинъ, и признаковъ глазъ, такъ что, по собственнымъ словамъ слѣпца, онъ «хорошенько и не роздывывся ни на батька, ни на матирь...» Мальчикъ выросъ, сталъ здоровымъ и даже красивымъ парубкомъ, но такъ и остался неженатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остался въ дерев-

нѣ Богодарѣ, при панскомъ дворѣ, отказавшись разъ навсегда отъ мысли брать на плечи «торбу» и идти по міру «христорадничать». Это занятіе, т.-е. «христорадничанье», Ѳомѣ Проворѣ всегда казалось противнымъ, и онъ находилъ, что лучше быть послѣднимъ изъ рабовъ, нежели бродить по міру и протягивать руку за подаяніемъ: онъ слишкомъ гордъ для такого низкаго дѣла. Къ тому же онъ страстно любитъ свой уголокъ, гдѣ «Гайчуръ сходытця зъ Вовчею», и ни за какія блага міра не хочетъ разстаться съ нимъ. Зато онъ дальше своего Богодара и дальше ближайшаго къ нему села Покровскаго нигдѣ на всемъ своемъ вѣку не бывалъ. Проживъ столько времени въ Богодарѣ, онъ отлично изучилъ каждую канавку и каждый камешекъ и всегда ходитъ и по двору, и къ рѣкѣ, и въ садъ, и въ лугъ, и въ лѣсъ, что за лугомъ, безъ палочки и безъ поводатыря. Зная всѣ закоулочки Богодара, онъ знаетъ и всѣхъ обитателей его, какъ живущихъ, такъ и давно сошедшихъ въ могилу. Въ послѣднемъ отношеніи Ѳома Провора представляетъ собой настоящую ходячую лѣтопись, и стоитъ только мысли его навести на прошлое, какъ онъ разскажетъ всѣ мельчайшія подробности жизни и всѣхъ пановъ, которые перебывали въ Богодарѣ до настоящаго пана, и всѣхъ слугъ, которые при панахъ состояли. Но этого мало, Ѳома Провора знаетъ массу преданій на каждую рѣчку, на каждую балочку, на каждый шляхъ, что́ съ той или другой стороны подходитъ къ Богодару; онъ знаетъ множество сказокъ, множество всякаго рода сказаній, прибаутокъ, пословицъ, наконецъ, онъ прекрасно поетъ народно-малорусскія пѣсни и еще лучше того играетъ на «сопильци». «Скрыбку та гармонію нечистый выдумавъ, а сопилочку... Э, у сопилочку самъ святый Петро гравъ»... Такого тонкаго артиста, такого граціознаго виртуоза игры на «сопильци», какъ Ѳома Провора, врядъ ли найти въ цѣломъ уѣздѣ, а, можетъ быть, даже и во всей губерніи. И вся-то цѣна его сопилкѣ — три, только три копѣйки! Но что онъ на ней только высвистываетъ, какія только онъ на ней выводитъ трели—этого ни передать, ни разсказать нѣтъ никакой возможности: для того нужно послушать самого артиста-виртуоза. То протянетъ онъ задушевно-мелодичную козацкую пѣсню; то ударитъ по сопилкѣ шестью пальцами и хватитъ козачка, зорьку, катерынку, полтавочку, либо горлыцю, комаря, цыганочку, то «ушкваритъ» закаблукы, жидивського трындыка, метелицю; то протянетъ какую-нибудь «божественную»; то выведетъ-и какъ выведетъ—кацапскую

Сашеньку, которую онъ только что, наканунѣ, слыхалъ отъ захожаго русскаго человѣка и которую уже во всѣхъ тонкостяхъ выводитъ на своей «сопильчиночкѣ». Игра на сопилкѣ для Ѳомы Проворы составляетъ не развлеченіе только, но высокое и ничѣмъ другимъ незамѣнимое удовольствіе и наслажденіе: онъ вкладываетъ въ нее всю свою душу, всѣ свои мысли, всѣ свои чувства. Тутъ онъ становится выше самого себя, тутъ онъ поистинѣ поднимается на степень артиста и забываетъ весь міръ, забываетъ свое горькое одиночество, свою нищету, забываетъ даже то страшное «слѣпое» горе свое, которое въ другое время даетъ ему себя знать въ каждый моментъ и на каждомъ шагу.

Въ тихую лунную ночь, когда все въ деревнѣ поуспокоится и отойдетъ ко сну, когда гуляющіе всегда до поздней поры парубки и дивчата разбредутся съ улицъ по домамъ, когда рѣчки степныя погрузятся въ тихій и легкій полусонъ, когда даже степные кузнечики прекратятъ свою задорную трескотню и когда луна уже высоко-высоко «подобьется подъ ясніи зори» и зальетъ своимъ свѣтомъ всю вольную степь, тогда Ѳома Провора вылазитъ изъ большого, сдѣланнаго надъ дверьми конюшни, слухового окна, спускаетъ внизъ свои ноги, беретъ въ руки свою сопилочку и начинаетъ тихо и протяжно насвистывать какую-нибудь пѣсенку. И заунывный мотивъ той пѣсенки идетъ на встрѣчу сонной рѣчки, сливается съ легкимъ шелестомъ высокаго, стоящаго по берегамъ рѣки камыша, доносится до небольшой берестовой рощицы, выдѣляющейся чернымъ пятномъ у праваго берега рѣки, падаетъ на вершины близко стоящихъ высокихъ могилъ и потомъ теряется гдѣ-то далеко-далеко, въ безгранично вольной и безгранично широкой степи... Сопилочка свиститъ сперва тихо, но потомъ свистъ ея все усиливается и усиливается; самъ игрокъ все чаще и чаще перебираетъ своими пальцами и все сильнѣе и сильнѣй оживляется. Иной человѣкъ уже и выспится, уже нѣсколько разъ поднимется со своего ложа, а Ѳома Провора все насвистываетъ да насвистываетъ и чѣмъ дальше, тѣмъ свистъ его поднимается все выше и выше и воодушевленіе его растетъ все сильнѣе и сильнѣе. «И колы цей Хома спыть тилькы»? спроситъ иной человѣкъ, долго прислушиваясь къ игрѣ Ѳомы Проворы.—«Э, тожъ тилькы ёму, бидоласи, и втиха, шо програе на сопилочци та повеселыть душу свою музыкою»...

Но вотъ сопилочка стихла, наконецъ, и на смѣну ея раздались изъ рощи дивныя трели соловья, этого единственнаго и неподра-

жаемаго артиста-виртуоза, но не въ царствѣ людей, а въ царствѣ птицъ. Соловей также забывъ весь міръ, забывъ самого себя, весь отдается своему пѣнію, и его плѣнительные, его граціозные, его дивные и очаровательно-нѣжные переливы голоса стелятся по той же широкой степи, падаютъ на туже полудремлющую рѣку, отдаются у тѣхъже величавыхъ и вѣчно молчаливыхъ могилъ и потомъ, постепенно уходя и постепенно отдаляясь отъ пѣвца, становятся все менѣе и менѣе слышны и подъ конецъ совершенно исчезаютъ въ необъятномъ морѣ безграничныхъ степей и въ прохладныхъ струяхъ плавной и вольной рѣки...

И спорятъ два истыхъ соловья между собой, и спорятъ до тѣхъ поръ, пока на небосклонѣ не займется утренняя заря...

Кромѣ игры на «сопильци» Ѳома Провора страстно любитъ и пѣсни. «Такымъ уже, мабуть, зародывсь спивлывымъ. Оце зимою яки заметы, якый холодяка! Рукы поклякнуть, ногы позамерзають, а тутъ же жъ чи ходышъ по сугробахъ, чи тягнешъ солому на грубку, а на думци у тебе яка небудь писня: «Та нашъ панъ отаманъ по табору ходе, та по табору ходе, коня въ рукахъ воде». Хто ёго зна, може, воно за ци письни й грихъ, а тилько парубкамъ та дивчатамъ воны дуже до вподо́бы: тутъ у насъ одна дивчина жыла̀,—брава така була! поворова дочка. Такъ вона оце, якъ заспиваю я бувало, писню: «Та якъ выйду за ворота, та лугы та болота, та якъ выйду за новіи, а трава зеленіе, та трава зеленіе, мое серденько ные, ные—понывае, а шо мылого не мае»; такъ, кажу, якъ заспиваю я цю письню, то вона обхопе мене обома рукамы за шыю, слуха-слуха, а дали́ й каже: «И шобъ я тоби, Хомушка, якъ бы ты молодымъ бу́въ, за цю письню сказала и шобъ я тоби зробыла»!..

И такой восторгъ «дивчыны» отъ пѣсенъ Ѳомы Проворы совершенно понятенъ: въ пѣснѣ, какъ и въ игрѣ на «сопильци», Ѳома Провора изливаетъ все свое горе, пѣсней онъ выражаетъ всѣ свои душевныя муки, передаетъ всѣ свои сердечныя тревоги. Пѣсня для него не забава только, а настоящая жизнь, гдѣ онъ видитъ живыхъ людей, слышитъ ихъ разговоры, вникаетъ въ ихъ мысли, понимаетъ ихъ чувства. Больше всего приходятся по сердцу Ѳомѣ Проворѣ пѣсни грустнаго тона и широкаго размаха; это тѣ пѣсни, которыя теперь уже отходятъ въ область преданій, и которыя поются только людьми «старынного заповиту».

Вотъ, бывало, сижу я въ ночное время, при раскрытыхъ окнахъ, въ комнатѣ, и пишу что-нибудь, сидя лицомъ къ столу и оборотившись спиной къ дверямъ. Прямо изъ раскрытыхъ оконъ дома открывается далекая перспектива на степь, на курганы, на пролегающую мимо кургановъ дорогу, темной полосой тянущуюся по степной равнинѣ. Чистый, наполненный ароматомъ степныхъ травъ, воздухъ врывается черезъ раскрытыя окна въ небольшую комнатку и всю наполняетъ ее собой. Позади меня тихо, едва слышно, отворяются двери и чрезъ тѣ двери въ комнату входитъ Ѳома Провора.

— А шо, вы все шкряботытé?

— Усе шкряботю!

— Мабуть такъ, шо все про запорозцивъ?

— Та, мабуть, такъ, шо все про запорозцивъ!

— А не чулы жъ вы оціéи письни?

— А якои тамъ письни?

«Породыла мате сына Васыля,
А испородывши выгудувала,
А выгудувавши тай изростыла,
А изростывши тай ёженыла.
Та взяла невисточку не до любовы,
Та не билее лыченько, не чорни бровы.
Посылае сына та въ путь-дорогу,
Молоду невисточку полоты лёну:
«Не выполышъ лёну—не йды додому,
Стань же ты въ поли хочъ былыною,
Тонкóю высокою кучирявою».
Якъ прыихавъ сынъ Васыль зъ пути-дорогы,
Та вклонывся матери нызько ю ногы:
«Ой, шо-жъ то я бачывъ же въ поли былыну,
Тонкую высокую кучирявую».
«Ой, возьмы ты, сынку, гостру сокырку.
Тай изрубай, сынку, та ту былынку,
Тонкую высокую кучирявую»!
Якъ поихавъ сынъ Васыль рубать былыны,
Та якъ кынувъ сынъ Васыль гостру сокыру,
Та якъ кынувъ вперше винъ, кынувъ-прокынувъ,
А вдрýгый разъ кынувъ винъ, кынувъ не вдарывъ,
А въ третій разъ кынувъ винъ-заговорыла:
«Не бый мене, мыленькій, я твоя мыла,
Це жъ твоя матусенька такъ наробыла,
Шо я въ поли стала та былынонька
Тонкàя высокая кучирявая».

— Такъ чу́лы, кажу, цiéи писни?

— Ни, не чувъ и не знаю! Спивай, я ii заразъ же и на голосъ запышу.

Ѳома Провора садится на карточки, упершись спиной въ стѣну, вынимаетъ изъ рукава своей сорочки сопилочку и начинаетъ въ нее свистѣть и послѣ каждаго свиста выводить пѣсню на голосъ. Я записываю слова и замѣчаю мотивъ пѣсни. Но странное дѣло: лишь только цѣвецъ дойдетъ до того мѣста пѣсни, гдѣ говорится, какъ былинка вздрогнула и заговорила, такъ неожиданно и разрыдается: тутъ онъ и сопилочку свою изъ рукъ выпуститъ и пѣть перестанетъ и одно только то и дѣластъ, что слезы рукавомъ сорочки вытираетъ, и тутъ же самъ себя стыдитъ и уговариваетъ: «Отъ то! Дывысь, писню спива тай плаче! Хочъ бы шо путне, а то писню»!.. И снова, оправившись отъ слезъ, Ѳома Провора начинаетъ съ самаго начала или, какъ онъ говоритъ, съ краю, свою пѣсню, насвистывая на сопилкѣ и выводя ее на голосъ. И снова, дойдя до того же самаго мѣста, противъ своей воли и противъ желанія, рыдаетъ, и рыдаетъ какъ малый ребенокъ. «Шо це таке? Отъ то козакъ, такъ козакъ! А ще, кажуть, прадидъ мій бувъ запорожець! Добрый запорожець, шо одъ писни плаче! Тьфу ты на самого себе! Хочь бы жъ очи булы, а то и очей зовсимъ нема, а плачу... Ну, слухайте жъ дали; берить въ рукы перо та выводьте»... Я беру въ руки перо, но самъ чувствую, что у меня руки дрожатъ отъ волненія. Ѳома Провора бодрится, поднимаетъ тонъ выше и запѣваетъ: Гей, та породыла мате сына Васыля, а испородывшы выгудувала»... Но на этотъ разъ онъ и до половины пѣсни не доходитъ, и я слышу по тону голоса и по неровному свисту сопилки, что онъ снова не выдержитъ.

— Слухай, Хома, шо я тоби скажу: хай уже цю писню ты выведешъ мени на голосъ у другый разъ, а теперь затягны мени якои небудь або запорозькои, або гайдамацькои.

И Ѳома Провора затягиваетъ мнѣ новую пѣсню. И такимъ образомъ сколько пѣсенъ попало ко мнѣ въ мою записную книжку отъ Ѳомы Проворы! И какихъ пѣсенъ! Какъ только онъ начнетъ выводить голосомъ какую-нибудь пѣсню, какъ только онъ протянетъ ее на своей сопилочкѣ, такъ я уже и слышу, что то стародавняя, неподражаемая и ни съ чѣмъ несравнимая пѣсня. Много и цѣлыхъ часовъ и цѣлыхъ дней, веселыхъ и грустныхъ (большею частью грустныхъ) провелъ я съ Ѳомой Проворой, заслу-

шиваясь его игрой на «сопильци» и упиваясь его мелодичными и за душу хватающими пѣснями, но никогда я не видалъ его плачущимъ отъ другой, кромѣ приведенной, пѣсни. Почему эта, именно эта пѣсня растрогала до слезъ Ѳому Провору — мнѣ осталось совершенно неизвѣстнымъ: я не сталъ своими разспросами бередить его больной души, самъ же онъ на этотъ счетъ всегда оставался подобно рыбѣ нѣмъ.

Кромѣ пѣсенъ сколько Ѳома Провора знаетъ преданій и всевозможныхъ разсказовъ! Разсказываетъ онъ положительно неподражаемо и оттого въ высшей степени интересно. Много можно найти на Украйнѣ, въ разныхъ захолустныхъ ея уголкахъ, разсказчиковъ—баяновъ, но далеко не всякъ изъ нихъ одаренъ даромъ передавать свои разсказы въ такихъ художественныхъ образахъ, съ такой живой мимикой и съ такимъ неподдѣльно-веселымъ юморомъ, какъ это передаетъ и изображаетъ Ѳома Провора. Мало того: Ѳома Провора разсказываетъ не только художественно, но и оригинально.

— У якомусь царстви, у якомусь государстви була царивна, така начытана, така напысана...

— Якъ же то напысана? Хиба такъ можно казать?

— А чомъ же неможно? Якъ кажуть начытана, то повынни казать и напысана.

— Ну, добре: «Такъ начытана, такъ напысана»...

— Такъ така, кажу, начытана, така напысана, шо онъ яка! Зробыла вона соби корабель, изгрузыла его грузомъ, сила въ нёго тай гайда̀ по морю, по окіяну. Тутъ де не взялась буря! Якъ пидхопыла вона той корабель та якъ х-у-р-к-н-у-л-а! тай выкынула ажъ у Гамазонське царство... А якъ вы тамъ запысалы?

— А ось якъ: Тутъ де не взялась буря! Якъ пидхопыла вона той корабѐль та якъ хуркнула!..

— Не такъ!

— А якъ?

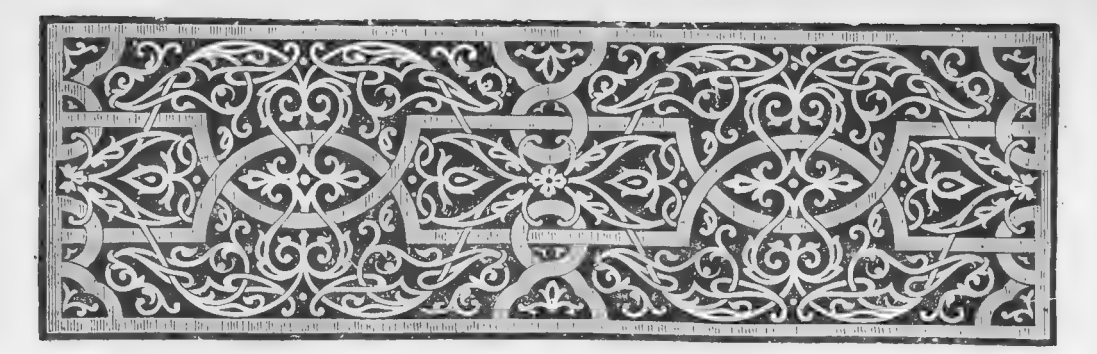
— Де не взялась буря! Якъ пидхопыла вона той корабель та якъ х-у-р-к-н-у-л-а! тай выкынула ажъ у Гамазонське царство!

Разсказчикъ именно добивается того, чтобы записыватель такъ же раздѣльно и съ такой же интонаціей и удареніемъ записалъ «хуркнула» и другія подобныя слова, какъ произносилъ онъ самъ. Тогда только, по его словамъ, сказка и будетъ записана «настоящимъ манiромъ».

У Ѳомы Проворы если какой-нибудь змій, такъ уже настоящій змій: «Винъ жаръ исть, вугалемъ с..е, а изъ вухъ дымъ иде; тилько забáче кого, заразъ зубы выскале, рота роззяве, и не пидступай! А хоромы у нёго такí, шо чорты́ ёго батька знають! Кругомъ коты морськи муркóчуть, пташкы въ садахъ щебечуть. А собачня? И губати, и кудлати, и мордати, и вухати, и лапати... А царивéнъ! а князивéнъ'.. Ось-ось богатырь змія посяде; ось-ось змій богатыря посяде! Ажъ тутъ де не взялась царíвна! Якъ лынýла змію окропу, такъ винъ такъ и отетеревивъ!.. Писля тóго царевычъ якъ ударывсь у велыкый сонъ, то проспавъ ажъ скилькы тамъ день... Потимъ того сивъ на коня тай пошумивъ; осидлавъ коня кришкéнько, самъ сивъ чопкéнько тай подавсь». У Ѳомы Проворы мошенникъ—не мошенникъ, а «мытець»; одѣваться—не одѣваться, а «капыруватьця»; юноша—не юноша, а «юнашъ»: «ось выходе до неи молодый юнашъ»; компанія—не компанія, а «капелія»; даромъ—не даромъ, а «подурному»; уже—не уже, а довольно или «годи»: «такъ сáме тай уже» (т. е. тай годи); у него не выпросить горилкы, и «выхвоськать»; не всякая всячина, а «сарапатня» или «всяка рàзнисть»; не покраснѣла, а «зашарилась»; не разсердился, а «заярывся»; не подбираться, а «пидмощуватьця до жинкы»; не ударить кого нибудь по уху, а «зачелябить», не побитый пулями, а «скулябляный»; не дѣвíчъ-вечиръ, а «дывы́-вычиръ»; не заручились, а «порукались»; не пообтесался человѣкъ, а «охмолóставсь: помижъ людей ставъ бувать, той охмолóставсь трошкы, а то бувъ такый паты́ка та машту́ла, шо йказать ничого». У Ѳомы Проворы «коняка не пишла въ руку одъ того, шо за нею зажалковано», т. е. что хозяинъ, продавши коня, сталъ жалковать о томъ, что продалъ его; у него царь, прежде чѣмъ войти въ простую хату или лавочку, «скыдае зъ себе свое Велычество», а выходя изъ хаты, «зновъ надивае на себе Велычество»; у него идутъ не гуртомъ, а «лусомъ»; работаютъ не понедѣльно, а «потыжéнно», не налѣзли въ хату, а «нашéвкалысь»; у него одинъ человѣкъ хочетъ прямо получить гроши, другой хочетъ только ходить побиля (около) грошíй, а третíй—«и грошíй и побиля грошíй». Если Ѳома Провора говоритъ про какую-нибудь Гапку, то та «скаженои собакы Гапка якъ пидтыкалась, якъ пидсмыкалась... Та, бодай же тебе, Гапко, якъ же ты насъ пидневи́дала»! У него если вода въ рѣкѣ, то «вода якъ серебро»; а если степь или лѣсъ, то непремѣнно «дрем-

лывый лисъ, сонлывый степъ». У него царевна не наѣхала, а «налучила на скелю» и не заплакала, а «ударылась у велыкый плачъ»; хмарка не нахмарила; а «хмарка засмутылась». Сказку онъ большею частью оканчиваетъ такъ: «Задавъ пыръ на ввесь мыръ, и я тамъ бувъ, а не бачывъ того ажъ ни якъ».

Все это вмѣстѣ, и пѣсни, и сказки, и различныя сказанія, могли бы составить отдѣльную, довольно объемистую по размѣрамъ книгу, но я здѣсь приведу лишь одни бытовыя сказанія Ѳомы Проворы, да и то изъ множества ограничусь двадцатью пятью, болѣе или менѣе характерными по своему содержанію.



Дурно́му ни въ людяхъ ни дома.

Бувъ соби́ оды́нъ чолови́къ, Хома́, ä въ нёго жи́нка,—хороша прехоро́ша, ä до тіе́и жи́нкы та ходы́въ полюбо́вныкъ. Отто́ разъ прыйшо́въ винъ тай ставъ коло́ сине́й Хомыно́и ха́ты, а соба́ка, Муха, и зага́вкала на дво́ри А Хома́ лежы́ть на печи́ безъ штанивъ, у проси тай каже: «Держы́-держы́, Му́сю, äбо́ я и въ ха́ти не боюся»! А жи́нка лежы́ть на подушка́хъ тай гово́ре: «Отъ, чолови́че, якы́й ты сми́лый»!—«О, жи́нко, я ще й зъ печи́ зли́зу та кры́кну». Уста́въ зъ пе́чи тай крычыть: «Держы́-держы́, Му́сю, äбо́ я и въ ха́ти не боюся»! — «О, чолови́че, якы́й бо ты сми́лый»! «О, жи́нко, я ще й и въ си́ны вы́йду та тюкну»! Вы́йшовъ у си́ны тай гука́: «Держы́-держы́, Му́сю, äбо я и въ синяхъ не боюся»!—«Оцѐ-жъ такы́, чолови́че, якы́й ты сми́лывый»! «О, жи́нко, я ще й на двиръ вы́йду та кры́кну». Вы́йшовъ тай тюлюка... Оттò ти́лько шо вы́йшовъ винъ на двиръ, а тутъ полюбо́вныкъ шасть у си́ны тай схова́всь! А жи́нка хрёпъ дверы́ма тай засу́нулась!.. Хома́ и зоста́всь на дворѝ, бо́сый, безъ штанивъ, у в-одній соро́чци, ä моро́зъ хреще́нськый, такы́й, шо ажъ трещи́ть. Шо тутъ каза́ты? Сюды-туды́, ніякъ не вли́зе въ ха́ту. «Дай пиду́ пидъ викно́ та покрычу́ жиньци, шобъ видчыны́ла». Отто́ прыхо́де тай крычыть: «Жи́нко, видчыны́»! А жи́нка лежы́ть на подушка́хъ въ обнимочку зъ москалемъ тай пыта́: «Хто

амъ такы́й»? — «Та я жъ, Хо́ма твій»! «Цуръ тобі́ пекъ! Мійт Хо́ма до́ма, ось биля бо́ка лежы́ть». «Шо це за лыха́ годы́на»? ду́ма собі́ Хома́: на́че-бъ то и моя ха́та, ажъ, бачъ, выхо́де, шо не моя; чи це на ме́не на́слано, чи це мене́ сатана́ обморо́чила. Дай пиду́ я та посчита́ю ха́ты зъ кра́ю, чи не знайду́ своёи». Отъ пишовъ и счыта́: «Оце́ Грыцько́ва ха́та, оце́ Стецько́ва ха́та, оце́ кумына́, оце́ Хомына́... Жи́нко, видчины́»!—«Хто тамъ такы́й»? «Та я жъ, Хо́ма твій»!—«Цуръ тобі́ пекъ! Мій Хо́ма, дома ось биля бока лежыть»! «Шо це за лы́хо? Це мене́ и прямъ сатана́ обморо́чила... А ну дай зновъ пиду́, та посчыта́ю ха́ты зъ кра́ю». Пишо́въ и впьять счита: «Оце́ Грыцько́ва хата, оце́ Стецько́ва ха́та, оце́ кумына́, оце́ Хомына́... Жи́нко, видчыны»! — «Та хто тамъ такы́й»? «Та я жъ, Хо́ма твій»!—«Та цуръ тобі́ пекъ! Мій Хо́ма до́ма, ось биля бо́ка лежыть»! «Отъ це лы́хо! Шо тутъ каза́ты? Дай пиду́ до ку́ма до Петра́ та попросю ёго́, хай мене́ до ха́ты до мое́и доведе́». Отъ и пишо́въ. Прыхо́де до ха́ты ку́ма Петра́ тай крычи́ть: «Кумъ, здоро́въ бувъ!»—«Здоро́въ! А хто ты такы́й»? «Та я, Хома́, кумъ твій».—«А, це ты, Хо́мо»? «Я, ку́ме».—«Чого́ жъ це ты ни́чью хо́дышъ?» — «Та чого́? Вы́йшовъ я изъ ха́ты тай заблуды́въ, та теперъ и не знайду́ ніякъ свого́ двора́; такъ оце́ прыйшовъ до те́бе, шобъ ты запомі́гъ моёму го́рю: вы́йды, спасы́би тобі́, та доведы́ мене́ до ха́ты». Той кумъ Петро́ вы́йшовъ; ды́вытця на Хому́, ажъ винъ завсі́мъ роздягнутый та щей безъ штаны́въ. «Та це ты, ку́ме, босый»?—«Та бо́сый! «Та ще й въ одній соро́чци»? — «Ув-одній соро́чци». «А, лы́шечко! Та ты жъ заме́рзнешъ, по́кы я тебе́ доведу́». — «Такъ шо-жъ мини́ каза́ты»? «А отъ шо: сида́й мерщі́ на ме́не.—я тебе́ довезу́»— «Ну й ну»! Отто́ сивъ Хома́ на ку́ма на Петра тай пойхалы воны́. Добра́лысь до Хомыно́и хаты; кумъ Петро́ за́разъ пидъ викно́ тай гука́: «Кума́, здоро́ва була́»! — «Здоро́въ бувъ! А шо ты таке́ есть»? «Я Петро́, кумъ твій!»— «А шо тобі́ тре́ба, ку́ме?»—«Та шо? Визьмы свого́ Хо́му, ато́ заме́рзне». — «Шо ты. ку́ме, мій Хо́ма дома, ось биля бо́ка лежыть; ось озвы́сь. Хо́мо». «А хто тамъ такы́й»? гукну́въ полобо́вныкъ на такы́й са́мый го́лосъ, якъ голосъ Хомы́. Слу́ха Петро́, такъ таки́ якъ есть го́лосъ Хомы́. «Шо жъ це воно́ таке́ сыдыть на мени́»?—«Та то, ку́ме, сатана́! Ось полапай ёго́, якъ шо волоха́те, такъ то небезпро́менно сатана́»! Лапну́въ кумъ Петро́, ажъ воно́ волоха́те... Якъ кы́нетця жъ тоді́ Петро́ видъ викна́, якъ хо́кне зъ се́бе Хому́ та давай тика́ть.

Бижы́ть та хры́стытця: «А, Го́споды Су́се Хрысте, це жъ менѐ сатана́ ӧсидла́ла»... Зоста́всь упьять Хома́, бо́сый, въ одній соро́цци на моро̀зи. Стоявъ-стоявъ, ӓ дали́ наду́мавсь тай пишо́въ спа́ты у хливъ. А въ хливи́ лежа́въ бага́й; винъ пидибра́всь пидъ бугая, тай засну́въ. Отто́ чуть ста́ло розвыднятьця на дво́ри, а жи́нка вже й вы́пустыла изъ хàты полюбо́вныка, ӓ самà пишлà по́-двору тай ту́же за Хомо́ю: «Голо́вонька жъ моя бѝдная, голо́вонька моя бесча́сная! Немà жъ могò хозяина та нема́ жъ мого́ пора́днычка!».. А Хомà ось и выхо́де изъ хлива́. «Де це ты бувъ»?— «А хибà ты не зна́ешъ де? Я вчо́ра до те́бе сту́кавъ-сту́кавъ, а видъ те́бе ни слу́ху, ни ду́ху». «Шо ты? Богъ зъ тобою»! Я за тобо́ю усю ничъ вы́бигала и по дво́ру и по задви́ркахъ и по ву́лыцяхъ, а тебе́ на́че злы́день злыза́въ».—«Ды́вно мини́, а я усю ничъ просту́кавъ у тебе́ пидъ викно́мъ, а ты одно́: «Мій Хòма до́ма, ось биля бо́ка лежы́ть»... Такъ я пишо́въ у хливъ, пидгорну́всь пидъ рябо́го бугая тай засну́въ». «Шо це ты ка́жешъ»? — «А шо?» «Такъ ты пидъ бугае́мъ ночува́въ»? — «Пидъ бугае́мъ». «Ахъ, ты скаже́на соба́ка! Шо жъ це ты наробы́въ»?—«Та шо жъ я тамъ наробы́въ»? «А то, шо ты тепе́ръ ти́льный, — отъ шо»! Дава́й ёго́ ла́яты та прыгова́рываты: «Ахъ, побы́ла бъ тебе́ лыха́я годы́на та несчасльива! И шо теперь каза́ты зъ тобо́ю? Чи ты зна́ешъ, шо ты тепе́ръ ско́ро бу́дешъ телы́тьця?.. Ну, отъ же шо я тобѝ скажу́: иды́ ты у чужу́ сло́боду та тамъ и телѝсь, а въ своїй слободи и сла́вы не набира́йсь». Та знову дава́й ёго́ ла́ять та прычи́туваты. «Та хай грець твоёму батькови! Я й пиду́ на чужу́ сло́боду, абы ты ти́лькы не ла́ялась»... Отъ и зибра́всь Хомà. Узявъ мише́чокъ, хли́ба въ мише́чокъ, тай пишо́въ на чужу́ сло́боду телы́тьця. Идѐ собѝ та йде, та все по́лемъ та яра́ми, шобъ страмѝ не набыра́тьця, ажъ гулькъ, на доро́зи лежа́ть шматкы́ чоловѝчого ти́ла: вовкы́ прохо́жого розирва́лы. Го́лова́ о́дали, рукъ зовси́мъ нема́, а но́гы у чобо́тяхъ, заморо́жени. Ды́вытця Хомà на чо́боты—до́бри. «Дай визьмѝ собѝ, воны́ здаду́тця». Узявъ тай пишо́въ да́ли, у сло́боду. Прыхо́де у слободу и давà́й просы́тьця у люде́й ночува́ты, бо булò, бачъ, уже пи́дъ-вечиръ. Упроха́вся до одного́ мужыка́. Ба́чуть хозяинъ та хозяйка, що винъ кри́пко намо́рзся тай ка́жуть ёму́: «Лизь, чоловѝче, на пичъ та тамъ собѝ и ӧбигрійсь». Хома поли́зъ на пичъ та, до́вго не думаючи, и захри́пъ тамъ. А тимъ хозяивàмъ та Богъ давъ у ночи́ пры́быль: коро́вка отелы́лась, а моро́зъ бувъ сы́льный, телятко й ӧбмѐрзло.

Хозяинъ и ка́же: «А що, жи́нко, унеси́мъ ёго́ въ ха́ту та поло́жымъ на пичъ». — «А що жъ? унесимъ»! Унеслы тай положы́лы на печи́, якъ есть биля Хомыно́го бо́ка. А Хома́ соби́ спыть и не чу́е, шо биля нёго лежы́ть теля. Прокынувсь ажъ у глупу́ (глухую) ши́вничь, лапъ! ажъ коло́ нёго теля. «Господы Су́се Хрысте!.. Якъ же це я отелы́всь, шо й не чувъ»? Пола́павъ коло́ себе—мо́кро. «Такъ и есть отелы́всь... Ну, одна́че, сла́ва тоби́, Бо́же!».. Та скорійшъ зъ пе́чи та ша́пку въ оха́пку, а кожу́хъ на пле́чи та давай, Богъ, но́гы видъ тыхъ хозяи́въ... Та такъ швы́дко вдравъ, шо й чо́боты зъ чолови́чимы нога́мы забу́въ на пичи́... Чуть свитъ, а хозяинъ и хозяйка уже́ й прокы́нулысь. Прокы́нулась та за́разъ на пичъ, щобъ подывы́тыця на теля. Туды́, а тамъ теля есть, а чолови́ка, шо спавъ, нема́,—одни́ чо́боты зъ нога́мы. Що це за лыха́ годы́на? Та це, жи́нко, на́ше теля прохо́жого чолови́ка зъи́ло! Шо тутъ каза́ты»? — «Та шо жъ тутъ, чолови́че, каза́ты? Бижы скорійшъ до попа»!.. Поби́гъ чолови́къ до попа́, розказа́въ ёму́ про всю ока́зію. а пипъ вы́слухавъ тай ка́же: «Це у васъ анты́хрыстъ народы́вся! Тре́ба ёго́ скорійшъ убы́ты, а то винъ и насъ уси́хъ пои́сть, та тре́ба-бъ убы́вшы те теля, и ха́ту освяты́ты».—«Ну шо жъ? якъ убыты, то и вбыты». Отто́ убы́лы ёго швыде́нько, закопа́лы въ землю, а ха̀ту освяты́лы. А Хоми́ й байдуже́: мерщи́ чвала́ соби́ додо́му. Прыйшо́въ додо́му та скорійшъ у ха́ту та до жи́нкы свое́и. «Ну, жи́нко, моль́ысь Богу: я отелы́всь! Та ще якъ? Такъ, шо й не чувъ».—«Шо жъ тоби́ Богъ давъ, чолови́че, чи бычка́, чи телы́чку»? «Та я бъ тоби́, жинко, и сказа́въ, такъ и самъ не зна́ю, шо воно̀ тамъ таке́ й е».—«Охъ, ты, ёлопе. ёлопе, божеви́льна го́лово! Не зна, що у нёго и найшло́сь... Якъ бы ты бувъ путяцій чолови́къ, то узявъ бы ёго додо́му, отъ бы намъ и кори́сть». Давай ёго ла́яты, давай ёго кореныты, ажъ у ви́чи ли́зе. Та го́ди тоби́ ла́ятыця: ну, я пиду́ озьму́ свое́ теля».—«А якъ же ты ёго̀ ви́зьмешъ, розу́мна ты, го́лово»? «Та якъ? Пиду́ тай озьму́; прыйду́ туды́, де ночува́въ тай скажу: виддайте мое теля, бо я у васъ ночува̀въ тай отелы́вся». — «Тютю, дурны́й! Хиба̀ жъ такъ мо́жно? Ты прыйды́ туды́, де ночува́въ, стань пидъ воритьмы́ тай мычы: «Му-му-му»!.. А теля почу́е тай оби́зветця до те́бе, отъ тоди́ ты ёге́ и беры́». Отъ Хома узявъ мише́чокъ, хли́ба въ мише́чокъ тай пода́вся. Прыйшовъ у село, найшовъ тамъ той двиръ, де ночува́въ, положы́въ голову на воро́та тай давай мыча́ть. Мычи́ть тай мычыть, а теля все не

одзыва́етця. Колы́ цѐ выхо́де хозяинъ двора́ тай пыта ёго: «Чого́ ты тутъ, мужыкъ, мычышъ»?—«Та чого́? Я тутъ у васъ недавно ночува́въ тай о́телы́вся на печи́, гакъ тепе́ръ жи́нка прысла́ла мене́, шобъ я взявъ у васъ свое теля».—«А, такъ це ты»? «Я».—«Ну, иды́ жъ ты у ха́ту, такъ мы тоби́ и виддамо́ твое́ теля». Хома здуру́ и пишо́въ. Отъ ти́лько шо винъ на пори́гъ, а тутъ якъ ухопылы ёго за шерсть та якъ почалы́ кулачыты, шобъ не робы́въ сла́вы людямъ та не лякавъ ихъ. Кула́чылы-кулачылы, тро́хы печинькы́ не видбы́лы; по́ты ёго́ вчылы́, покы́ Хома якось не вы́рвався изъ рукъ та не втикъ изъ хаты. Якъ вы́хопывсь изъ хаты та тоди́ дава́й Богъ но́гы: насы́лу зъ душе́ю втикъ. Прыхо́де додо́му, до своёй жи́нкы, а вона́ ёго́ и пыта: «Ну, шо, чолови́че, узявъ свое теля»?—«Хай тебе́ побье́ лыха́ годы́на съ твои́мъ телямъ». Тепе́ръ я зна́ю, шо то воно́ за теля такѐ було».—«Тю-тю на те́бе! Вѐрзе не знать що; сказано—«дурному ни въ людяхъ, ни дома», то такъ воно й есть.

Чоловикъ на роботи у чорта.

Жывъ чолови́къ у одного́ су́ккыного сына молодо́го па́на. Тяжко тому чолови́кови було́; на робо́ту панъ пиднима́е рано и му́че робо́тою страше́нно. «Дай-ка пиду́ я къ чорту пороблюсь», каже чолови́къ. Отъ и пишо́въ. Иде́, ажъ ды́вытця, чортъ и́де у шестерыку́ въ колясци. «Здоровъ»! — «Здоровъ»! «Найма́ишься»? — «Найма́юсь»! «А шо берешъ»?—«Сто четверте́й хли́ба та сто карбо́ванцивъ гро́шый на годъ». Договоры́лысь, пойхалы. Прывозыть ёго́ чортюга́ у таки хоро́мы, шо чорты́ ёго ба́тька зна́ють! «Ну, прыкащыкы́, ка́же чоргъ, оце́ нанявъ я соби́ чолови́ка, та тро́шкы до́рого давъ».—«А за ски́лькы»? «За сти́лькы и за сти́лькы»... «Оце́-жъ жывы́ у ме́не, чолови́че, не вмыва́йсь и Богу не молы́сь». Жывѐ той чолови́къ. И, добре́нна ёму́ жысть пишла́! На сни́дання гори́лка, на обидъ гори́лка, на вече́рю гори́лка. Жывъ-жывъ той чолови́къ, обры́дло ёму ничо́го не ро́блячи. «Шо це за

жыть чортяча, шо безъ робо́ты»!—«Эге, тоби́ ще ци́лый ми́сяць тре́ба поправлятьця, а тоди́ вже за робо́ту бра́тьця, каже чортъ. Прожы́въ чолові́къ ще мисяць. «Ну, теперъ и за робо́ту»! Далы́ ёму́ коня тай ка́жуть: «Беры́, чолові́че, оцёго́ коня та возы́ имъ дро́ва та топы́ пичъ». И ставъ чолові́къ возы́ты дро́ва та топы́ты пичъ. Возывъ-возы́въ, колы́ кы́нувсь, ажъ винъ пе́кло то́пыть, а тамъ-же-жъ, у тому пе́кли, тихъ душъ, що кыплять у смоли́!... Якъ поба́чывъ винъ те, та якъ хво́сне коня, а кинь и пырыкы́нувсь у старо́го пана, того́, що колысь ору́дувавъ цимъ са́мымъ чолові́комъ та катува́въ ёго Перекы́нувсь кинь тай розказа́въ чолові́кови, якъ то тамъ, у пе́кли, пога̀нымъ панамъ дово́дытця, тай дава́й прохаты ёго́, шобъ винъ и сы́нови ёго́ запобигъ объ тимъ сказа́ты. «А тепе́ръ, каже, уда́рь мене́ лозы́нкою, то я упьять ста́ну коне́мъ». Уда́рывъ той чолові́къ пана лозы́нкою, и панъ зновъ перекы́нувсь у коня. Чолові́къ упьять во́зыть дро́ва та вуга́лля та пидсма́лює пе́кло. Служы́въ-служы́въ, тры дни до го́ду не дослужы́въ тай каже: «Ну, отпустить-же мене, бо я не мо́жу бильшъ служи́ты вамъ» «Ну шо-жъ? Якъ не мо́жешъ, то й не служы». Дають «ему хли́ба, стано́влють ёму́ пляшку гори́лкы, дають срибло-зло́то. «Не хо́чу я вашого ни срибла, ни золота, бо воны́ про́кляти». Воны́ тамъ довай гнивы́тьця на нёго. Ба́че винъ, шо воны́ гнивлятця, змивъ у плато́чокъ те срибло та зло́то та и взявъ зъ собою. Снаряды́лы воны́ ёмы коре́ту, запрягли́ ше́стеро ко́ней, винъ шурхъ! тай пойхавъ. Прыизжа́ додому, прыно́се жинци гро́ши, колы жи́нка якъ глянула, а винъ и на чолові́ка несхожый,—чо́рный якъ чортъ! Геть и прогна́ла ёго́ видъ се́бе. Пишо́въ тоди чолові́къ до сестры́; сестра́ якъ поба́чила ёго́, прывита́ла, посадыла, обмы́ла, обхаючила. Отдыхну́вши у сестры́, подавсь винъ до свого́ молодо́го пана тай розказа́въ ёму́, якъ ёго́ ба́тько на пе́кло дро́ва та вуга́лля во́зе. Той, выслухавшы все, роздава́въ свое му́щество ны́щымъ, а зе́млю подарува́въ на це́ркву, и якъ уме́ръ, то вже ёму не доста́лось такъ, якъ ба́тькови возыты дро́ва на пе́кло.

Запорожець та мертвякъ.

Якось ишóвъ запорожець побиля кла́довыща тай зайшовъ на гробкы́. Ды́вытця—стоить хрестъ. Пидійшовъ винъ до хреста, вы́ннявъ изъ-за халявы рижокъ тай сту́ка имъ объ хрестъ; сту́ка та ще й прыговорюе: «Покойнычкы-старычкы, а-ну-лышъ вставайте, у рижкы́ постукаемъ, табачку понюхаемъ».—«А давай, колы́ шо есть»! озва̀лось шось сзади запорожця. Обернувсь козакъ назадъ, колы глядь, ажъ воно мертвякъ! Замистъ очей—ямкы, и замистъ носа—дирка. Простягъ кы́кты до запорожця тай каже: «А давай-давай, колы́ шо есть нюхаты»!... Запорожець неро́бкого десятка бувъ. «На, каже, нюхай»! Посту́калы въ рижокъ, понюхалы. Тоди́ мертвякъ и каже: «Ну, ходи́мъ же теперь зо мною».—«Ходимъ», каже запорожець. Отъ и пишлы́. Прыйшлы на слободу, пидійшлы до першои хаты. Ды́вытця мертвякъ на хату, ажъ тамъ перехре́щено. А то, бачъ, якъ люде лягають спаты, то хрыстять викна та двери, шобъ нечыста сыла въ хату не влизла. «Ни, сюды́ не йдимъ,—тутъ перехрещено». Пишлы до другои хаты. Подывы́всь мертвякъ и каже: «Ни, и сюды не йдимъ, бо й тутъ перехрещено». Пишлы до третёи. «И сюды́ не йдимъ, тутъ тежъ перехрещено». Прыйшлы до четвертои. Мертвякъ и каже. «О-сюды йдимъ,—тутъ не перехрещено». Увійшлы́ у хату, а тамъ лежытъ дытына у колысци, а на столи́ стои́ть пивъ-видра горилкы. Мертвякъ заколовъ дытыну, наточывъ видро крови тай сивъ за стилъ. Сивъ и запорожець. Сыдять и пьють: запорожець горилку, а мертвякъ кровъ. Сыди́лы воны, сыдилы, ажъ покы повыпывалы—мертвякъ видро крови, а запорожець пивъ-видра горилкы. «Ну, отдведы жъ теперъ мене туды, де взявъ», каже мертвякъ запорожцю. Запорожець повивъ. Отъ прыйшлы воны до кладовыща; найшовъ мертвякъ ту могылу, звидкиля вылизъ, тай давай лизтывъ гробъ; самъ пирну́въ тай запорожця за каптанъ ухопывъ,—хотивъ и ёго за собою утягты́. Ба́че запорожець, шо лыхо та шаблею якъ сиконе́ по каптану́, то такъ пола и зосталась у зубахъ мертвяка: пишовъ мертвякъ зъ полою на той свитъ.. Якъ бы не одирвавсь запорожець, такъ мертвякъ бувъ бы втягъ и ёго въ гробъ. Прыхо́де у ра́ньци запорожець до козакивъ, а воны́ й пытають его: «А де це ты бувъ»? А винъ и каже: «Отака́ та

онъ яка мени прычта була». Воны не повирылы ёму,—повелы до кошового. Прыйшовъ запорожець до кошового, розсказавъ ёму про свою прычту. Кошовый тежъ не йме ёму вíры. «Шо жъ, каже тоди козакъ, якъ шо мени не вирыте, то одкопайте могылу того мертвяка та подывитця на нёго, то, може, й повирыте». Пишлы воны до кла́довыща, одкопалы мертвяка, дывлятця, ажъ воно такъ: лежыть винъ у гробу и полу въ зубахъ держыть та ще й посмíхуетця. Тоди повирылы. Отъ такъ-то не займа́й мертвякивъ! Це въ старовыну́ було. Тоди мертвякы ходылы, а теперъ уже не ходять, бо ихъ заклынають; тоди и чортíвъ бильшъ було, а теперъ воны въ Омерыкы десь провалылысь.

Якъ чоловикъ клада соби найшовъ.

Визъ чоловикъ бублыкы тай щастя соби найшовъ, — мишокъ грошый: чорты́ загубы́лы, якъ по па́нову душу ездылы. Иде додому тай ду́ма, чи сказаты жиньци, чи ни: якъ сказаты, то вже не вмо́вче, а розблягузка; якъ не сказаты, побаче гроши, буде допытуватьця, де взявъ. Якъ бы ёго зробыть шохъ-мохъ?.. А отъ хиба́ шо: сплету́ ій вмисти зъ правдою брехню. Отъ то прыихавъ додому тай ка́же: «Ну, жинко, я соби щастя найшовъ». — «А яке́, чоловиче?» «Та яке? Михъ грошій! Ихавъ я по степу, а тутъ якъ зайшлы тучи, якъ зайшлы тучи, спе́рше бублыкова, та такъ и розсыпалась бублыкамы; а по́тимъ якъ зайшла кизяко́ва, якъ зайшла кизяко́ва, та такъ и розсыпалась кизякамы, а зъ неи михъ грошій бу-бухъ! та прямо мени́ на визъ».—«А я й не бачила, моя годы́но, такыхъ тучъ». «Не ба́чыла, ажъ воны́ справди есть. Та ты лучче отъ шо: мовчы та никому не кажы, а то и въ судъ потягнуть, и гроши одберу́ть.—Та, Боже мій! та, батю мій! Та хиба́ жъ я тоби́ ворогъ? та чи я жъ тоби́ не дружына вирная? та чи ты жъ мене не знаешъ? та чи я жъ тебе?..» «Ну, то-тожъ гляды». Отъ вона мовчала-мовчала, не вте́рпила, побигла до сусиды тай розблягу́зыла: «Оце жъ моя сестрычко, мій чоловикъ та найшо́въ мишокъ грошій».—«Та де жъ винъ? та якъ же винъ?» «Та якъ? Я тоби́ скажу, та ты

тилько мовчи и никóму не кажы!»—«Та хибá жъ я тоби нéприятель? та хибà ты мене, сестрычко, не знаешъ? та хибà менí первынá отъ тебе слухать? «Ну, то-то жъ гляды!» — «Такъ якъ же винъ найшовъ? «Та якъ? Ихавъ по степу, а тутъ якъ нахмарыло та якъ зайшлá туча, сперше бублыкова, а пòтимъ кизякова, а зъ тíéи тýчи прямо ему въ визъ михъ грошíй»!.. Отъ одна по òднíй, одна́ по òдній, якъ отò сорока сорòци, ворона ворони, то такъ и ти жинкы. Дíйшла чýтка до станового, чи тамъ до справныка. Ось бижыть винъ на тройци та ще й зъ колокольчыкомъ. «Де тутъ той чоловикъ жыве, шо мишокъ грòшíй найшовъ»?—«А ось тутъ, кажуть, ваше благородíе». «Ты мишокъ грошíй найшовъ»?—«Ни, пане, я и знаты не знаю, и вúдаты не видаю». «Якъ же ты знаты не знаешъ и видаты не видаешъ, якъ твоя жинка казала»? — «А якъ вона, ваше благородíе, казала? «Вона казала, шо якъ ихавъ ты степомъ, а тамъ зайшла туча, сперше бублыкова, а потимъ кизякова, а зъ неи михъ грошíй тоби на визъ». «Та помылуйте, ваше благородíе, якí жъ такí тучи бублыковы та кизякòви бувають? Де жъ воно̀ такé дыво въ свити есть? То воно̀ въ неи вúгадкы таки! Вонà у мéне божевíльна»... Розшушукавъ тоди становый, шо воно и спрàвди вúгадкы, сивъ на тройку тай подàвсь соби геть. А чоловикъ той жыве та пожывае та добро нажывае.

Сравни Драгоманова, Малорусскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, 173.

Чудóва коробочка.

Бубъ собí одúнъ биднякъ, такúй биднякъ, такúй уже биднякъ, шо й íсты у нёго немà чого́. Вúпрохавъ винъ у якогось чоловíка коро́бочку жыта тай шишóвъ молóты. Змолóвъ, идè додóму, ажъ ось пиднявсь вíтеръ и вúвiявъ усé изъ коро́бочкы. Прыйшовъ чоловíкъ зъ порóжнею коро́бочкою додóму, а жинка якъ побáчыла ёго̀, якъ ухопе качалку тай давàй ею качалкувáть свого чоловика. Одкачалкувáла тай вúгнала зъ дóму. Вúйшовъ винъ на шляхъ тай плáче. Ось идè вúтрова мáте. «Чого̀ ты, чоловíче, плáчешъ»?—«Та чого́ я плачу? Того̀ и того̀». Узялá его́ вúтрова мáте, повелá до

Бога. «Дай ёму, ка́же, Господы, шо не́будь тако́, шобъ винъ мигъ жи́ты».—Шо-жъ ёму́ да́ты? На, та дай ёму́ оцю коро́бочку. А якъ захо́че винъ и́сты, то хай ти́лькы ска́же: «Коробочко, дай мени́ и́сты». Узявъ той чолови́къ коробочку, прыйшо́въ додому. А жинка якъ поба́чыла его́ та впьять за кача́лку... Чоловикъ той, недо́вго ду́маючи, сивъ за стилъ тай ка́же: «Коро́бочко. дай менѝ исты»! Хи!—тутъ, по ёго слову, чого́ ти́лькы изъ тіёи коро́бочкы и не вы̀скочыло! И печёне й варёне, и жа́рене й шма́лене... А шо вже тіёи гори́лкы, шо того уже́ вына̀, шо тихъ меди́въ, шо тыхъ пыви́въ, такъ и каза́ты ни́чого. Наи́всь-напы̀всь чолови́къ, лигъ спа́ты. Ба́че жи́нка таку́ сто́рію тай собѝ ка́же: «Коро́бочко, дай мени́ исты»!... И ій тежъ вы̀скочыло... Наи́лась-напыла́сь, ляглà спаты. Отто́ жыву́ть воны̀ день, жыву́ть ты̀ждень, жыву́ть и ми́сяць. Десь узялы̀сь паны̀: и́дуть на тро́йци та ще й зъ колокольчыкомъ. Уи́халы у село, де жывъ той чолови́къ зъ своею жинкою, остановы̀лысь тай дава́й ла́годытыця, шобъ оби́дать. Ба́че те жи́нка тай ка́же чолови́кови: «Пиды̀-лышъ, чолови́че, та поклы̀чь до насъ оти́хъ пани́въ оби́даты». Винъ и пишо́въ; пишо́въ и дава́й заклыка́ть до се́бе пани́въ. Дывлютця на нёго паны̀ тай ка́жуть мижъ собо́ю: «Шо тамъ у нёго за обидъ таки́й? Хиба̀ пидты̀ та подывытыця»? Отъ и пишлы. Прыйшлы̀, силы за стилъ. А чолови́къ и ка́же: «Коро́бочко, дай-ка намъ и́сты». Тутъ воно́ якъ выскочило звидтиля, ба́тю мій! Чого̀ тамъ и небуло̀?... Пои́лы ти паны̀, попылы̀, полега́лы спа́ты. Ляглы и чоловикъ та жинка спаты. То паны чи спалы, чи не спалы, уже й прокынулысь, а чоловикъ та жи́нка ше сплять. Тодѝ паны̀ и ка́жуть мижъ собо́ю: «Дава́й укра́дьмо у ихъ оцю коробочку, а имъ дру́гу поста́вымо».—«Давай». Узялы̀ тай и счекалы. Отò якъ хозяинъ та хозяйка вста́лы, то паны̀ подякувалы ихъ тай подалы̀сь. Ось прыйшовъ ве́чиръ; жи́нци захоти́лось и́сты. Отъ вонà взяла коробочку, поставыла ій на стилъ тай ка́же: «Коробочко, дай менѝ и́сты»! А жъ зъ неи ничо́го й не выхо́де. «Коробочко, дай менѝ и́сты»! А зъ не́и зновъ ничо́го невыхо́де. Якъ ухопы̀ла-жъ вонà кача́лку тай давай чолови́ка ею качалкува́ть. Бы̀ла-бы̀ла та тоди и ка́же. «А ну, прохàй ще ты»! Ставъ винъ прохáть и въ нёго ничо́го невыхо́де. Пишо́въ тоди́ упьять чолови́къ на шляхъ тай зновъ пла́че. Идѐ Божа мате. «Чого ты, чолови́че, плачешъ»?—«Та того-то и того̀». «Ходи́мъ зо мною». Пишлы̀. Прыйшлы̀ до Бога, а Божа мате и каже: «Дай ёму́, Бо́же, чого-не́будь тако́го, шобъ ёго заспоко́ить».—«Чого̀-жъ тобѝ да́ты,

чоловíче»? «Та дай менѝ, Боже, такé, шобъ менѐ жúнка боялась». Богъ и давъ ёмý бочóночокъ. «Оцѐ-жъ тобѝ, чоловíче, бочóночокъ; возьмы̀ та бережы̀ ёгó; а якъ хóчешъ, шобъ тебѐ жúнка боялась, такъ ты тúлькы скажы: «Зъ бочóночка та на мою жúнку»! Узявъ чоловíкъ той бочóночокъ, прыйшовъ додому; а жúнка дывытця на нёго тай пытà: «А шо це ты прынúсъ, такы̀й-сякый»?—«Бочоночокъ»! «А шо зъ цёго бочòночка? Ты-бъ прынѝсъ, собачій сы̀ну, корóбочку! Де твоя корóбочка»?... Та впьять за качáлку. Бáче чоловíкъ, шо лыхо, тай кáже тодѝ: «А-ну, зъ бочóночка та на мою жинку»! Тутъ якъ вы̀скочыло воно́, якъ зачало́ ѝ духопéлыты, якъ зачалò гатыты та кулáчыты!... Такъ вонà и Христóмъ и Бóгомъ давáй прохáты чоловѝка, шобъ винъ переставъ. «Ну, теперъ зъ моéи жúнкы та въ бочóночокъ»! Перестáло воно́. Тоди взявъ той чоловѝкъ бочóночокъ тай подàвсь до пàна, шо вкравъ у нёго корóбочку. Прыйшóвъ до пàна тай кàже: «Оддáй менѝ, пáне, мою корóбочку, бо ты у мéне обѝдавъ тай обикрáвъ менѐ.— «Якýю такýю корóбочку? И знáты не знáю и вѝдаты не вѝдаю. «А, такъ ты такъ?.. Зъ бочóнка та на ворюгу пана»!.. Тутъ якъ выскочило воно́ зъ бочóнка, якъ почало́ того́ пана лупыты, якъ почало́ вчúты, такъ винъ згадáвъ и бáтька свого и мáтиръ; оддавъ чоловѝкови ту корóбочку, а самъ навтикачà!.. Тоди прынѝсъ чоловѝкъ той корóбочку додóму, сивъ за стилъ тай кáже: «Корóбочко, дай менѝ ѝсты»! Тутъ якъ выйшло зъ нéи и печéного, и варéного, та такóго, шо, бáтю мій!... И стала тодѝ жинка почытàты своró чоловѝка, а чоловѝкъ жывé собѝ, не зна ни биды ни гóря, тилько коробочку вже подальше прыхохулюе.

Съ чóго забагáтивъ бидный чоловикъ.

Несе чоловíкъ пáску, а назýстричъ ёмý два стрáнныкы. «Здоровъ, чоловíче»!—«Здоровъ»! «Давáй у трёхъ розгивлятьця»! — «А шо вы такé есть»? Я Богъ зъ святымъ Петромъ». — «Не дамъ, бо скúлькы я васъ не просю, вы менѝ не даетé, не дамъ и я вамъ». Идѐ чоловикъ дáльше; стричáетця ёмý одынъ стрáннык. «Здоровъ, чоловíче»!—«Здоровъ»! «Давáй у двохъ

розгивлятыця». — «А шо ты такé есть»? «Я, кáже, смерть». — «Давàй, бо я знаю, шо ты скýпо не берéшъ, а кого попадéшъ, того̀ й дáвышъ». Сúлы — розговилысь. Пидняла́сь тодѝ смерть зъ землѝ тай пытà чоловíка: «А шо, чоловѝче, чи у тéбе бáтько та мáте е»? — «Ни, немà». «А браты̀ та сестры е?— «Та братъ е, а сестры̀ нема». «А шо винъ у тéбе багáтый»? — «Та винъто багáтый и йдýже такы̀ багáтый». «Шо-жъ винъ тобѝ помогà»?— «А якъ-же? Уже я у нёго бравъ-бравъ, тай ни́куды, а оцé пидý одроблять, — молотыты, або-що». «Такъ ты отъ шо: якъ пúдешъ до нёго молотыты, то я тобѝ поможý, а беры̀ зъ нёго те, що за чóбитъ упадé. Якъ заберéшъ те, що за чобитъ упадé, то й посíй ёго̀; а якъ посíешъ, уро́де тобѝ пшеныця, а якъ бýде у тéбе ім̀ купувàты братъ, то ты ім̀ и продàй». Ото̀ побала́калы тай розíйшлысь: смерть пишла́ на городы̀ та на сéла, а чолови́къ той пишóвъ до своёго брата. Прыйшовъ тай каже: «Здоровъ, брàте»! — «Здоро́въ»! «Давàй я тобѝ пороблюсь». — «А шобъ ты мени робывъ»? «Та хочъ пшеныцю помолотывъ бы». — «А якъ молотыты, то й молоты». «Такъ отъ же що: я тобѝ всю пшеныцю помолотю, а шо впадé за чóбитъ, то буде моé».—«Дóбре, молоты». Вернýвсь той чоловикъ додóму, узявъ зъ собою жинку тай пишóвъ до брата молотыты. На первый день розчыстывъ тикъ, на дрýгый убывъ ёго, а на третíй давай молотыты, — молóте, а жинка ёму помогà. Молотывъ-молотывъ, ну, мóже, тамъ за день пивъкóпы, абó копý змолотывъ. Напàдало ёмý за чóбитъ, мóже, штукъ дèсять, абó зъ двàдцять зéренъ. Наробывшысь пишóвъ чоловѝкъ додóму. Колы̀ це за одну́ ничъ такъ и ляснула цѝла скырдà на токý багàтого брата, — якъ катъ ім̀ взявъ: и змолóчена, и стóптана, и въ ворошóкъ злóжена. На дрýгый день чоловѝкъ упьять прыйшóвъ молотыты; помолотывсь день, узявъ те, що за чóбитъ упàло, пишовъ зновъ додóму, а на трéтій день прыхóде, а въ токý ще бѝльшъ намолóчено. Такъ недѝль за̀-дви скырдъ дванàдцять змолотывъ; назбирàвъ собѝ зернà зъ манéсеньку коробочку, мóже, ще й меншъ, тай пишóвъ сіяты. А багàтый братъ бàче те все тай кàже своёму сынови: «А пойдь, сынку, поможы дядькови сіяты та подывысь, якъ винъ изъ тíéи корòбочкы увéсь степъ свій засіе.» Прыйшлы̀ дядько съ племѝнныкомъ у степъ. Дядько сіе, а племѝнныкъ ёмý помогàе. Якъ заходывся жъ винъ сіяты изъ тíéи корòбочкы, якъ заходывсь, та ввесь день сіявъ, а въ корòбци ще й зостàлось. Писля тòго якъ уродыла у нёго

пшыньыця, чысто якъ щѝтка: иде́ та й йде́, а у бага̀того якъ сѝла въ землѝ тай сыдыть. Отъ бага̀тый братъ пойхавъ у степъ, глянувъ на свою пшыньыцю, ажъ вона уся такъ и пропа̀ла; глянувъ на бра̀тову, а вона̀, якъ золото выльскуетця. Дава̀й тодѝ купува̀ты у бѝдного бра̀та ныву. Стургува̀всь — купывъ, а свою ныву ему́ одда̀въ. Ажъ ось иде́ Господь съ святымъ Петромъ по ца̀рыни. Дывытця святый Петро́ на ту пшеныцю тай пыта̀ Го́спода: «А чія це така̀ пшыньыця, Господы»? — «А, це того̀ чоловѝка, що не давъ намъ розговѝтьця». «Высушы ёму̀ ій, Господы». Господь и высушывъ. По̀тимъ пишлы дощѝ, такѝ дощи, шо у бѝдного чоловѝка на бра̀товій ныви зновъ уродыла така̀ пшыньыця, якъ золото. Иде́ упьять Господь съ святымъ Петро̀мъ. «А чія це пшыньыця, Го̀споды»? — «А це-жъ того̀ чоловѝка, шо не давъ намъ розговѝтьця». «Высушы ёму̀, Го̀споды».— «Э, ни! Неха̀й уже и ёму̀ бу́де, бо у нёго дито̀къ бага̀цько» Отто̀ выколосылась та пшеныця; тре́ба ій и убыра̀ты. Пойхавъ чоловѝкъ у степъ, а вона̀ уже ажъ похылылась. Прыихавъ винъ додо̀му тай ка̀же жинци: «Ну, жѝнко, тай пшеныцю жъ намъ Богъ посла̀въ! Тѝлькы якъ ій збира̀ты»? — «Та якъ, чоловѝче? Есть у насъ де́сятеро дите́й та насъ двое, зро̀бымо дванадцять во̀зыкивъ тай бу́демъ возыты». Отъ и скосылы ій, дава̀й возыть. Во̀зять тай во̀зять, во̀зять тай во̀зять, та навозылы ій стѝлько, шо ба̀тю мій! Онъ скѝлькы! Дава̀й тодѝ молотыты. Намолотывъ той чоловѝкъ, набравъ—навіявъ мишо̀къ, повіязъ, змоло̀въ, по̀тимъ спикъ и понісъ святыть па̀ску на Велыкъ-день. А Господь зъ святымъ Петро̀мъ стоять ныщымы на цвынтари. Чоловѝкъ той пидійшо̀въ до це́рквы тай дава̀й роздава̀ты мылостыни. Узявъ Господь, узявъ и святый Петро; такъ Господь ивъ благополу́шно, а святый Петро похыбну́всь. «Ахъ, яка̀ у цёго чоловѝка мылостыня туга̀, шо я ажъ похыбну́всь. Хто винъ такый, Господы»? — «А це-жъ той, шо не давъ намъ торѝкъ розговѝтьця». «Такъ це винъ»? — «Винъ». «Ну, неха̀й-же тепе́ръ ёму̀ щастыть, мо̀же винъ добрійшій бу́де». Отъ такымъ-то манѝпромъ той чоловѝкъ и розбага̀тивъ.

Безъ Бога не до порога.

Робывъ чолови́къ каюкъ, ажъ ось иде́ Богъ. «Здоро́въ, чолови́че»! — «Здоровъ». «Шо ты, чолови́че, ро́бышъ»?—«Каюкъ»! «Якъ Богъ дасть, то й бу́де каюкъ». «Та тутъ и безъ Бога выдко, шо бу́де каюкъ». Робы̀въ—робы̀въ, переверну́въ на коры̀то. Иде́ Богъ. «Здоро́въ, чолови́че»! — «Здоро́въ»! «А шо ты ро́бышъ»?— «Коры̀то»! «Якъ Богъ дасть, то й бу́де коры̀то». — «Та тутъ и безъ Бога вы̀дко, шо бу́де коры̀то». Робы̀въ—робы̀въ, переверну́въ на ваганы̀. Иде́ упьять Богъ. «Здоровъ, чолови́че»! — «Здоро́въ». «Шо ты ро́бышъ»? — «Ваганы̀». «Та якъ Богъ дасть то й бу́дуть ваганы̀».—«Та тутъ и безъ Бога вы̀дко, шо будуть, ваганы̀». Робы̀въ—робы̀въ, переверну́въ на полонныкъ. Иде́ упьять Богъ. «Здоровъ, чолови́че»! — «Здоровъ»! «Шо ты ро́бышъ»? — «Поло́нныкъ»! «Та якъ Богъ дасть, то й бу́де поло́нныкъ». — «Та тутъ и безъ Бога выдко, шо бу́де поло̀нныкъ». Робы̀въ — робы̀въ, переверну́въ на ло́жку. Иде́ Богъ. «Здоровъ, чолови́че»!—«Здоровъ». «Шо ты ро́бышъ»?—«Ло́жку». «Та якъ Богъ дасть, то й бу́де ло́жка».—«Та тутъ и безъ Бога вы̀дко, шо бу́де ложка». Робы̀въ — робы̀въ, переверну́въ на верете́но. Иде́ упьять Богъ. «Здоровъ, чолови́че»! — «Здоровъ»! «Шо ты ро́бышъ»? — «Верете́но». «Та якъ Богъ дасть, то й бу́де веретѐно».—«Та тутъ и безъ Бога вы̀дко, шо буде верете́но». Робы̀въ — робы̀въ, переверну́въ наконе́ць то́го на шпы̀чку. Иде́ упьять Богъ. «Здоровъ, чолови́че»! — «Здоровъ»! «Шо ты ро́бышъ»? — «Шпычку»! «Якъ Богъ дасть, то й бу́де шпы̀чка». — «Та якъ бы-то Богъ давъ»! Якъ сказа́въ винъ таки слова, то таку́ шпы̀чку удра́въ, шо ажъ зъ трёма́ рижка́мы!

Щыра любовъ.

Выйшла одна ди́вка за па́рубка за́мижъ; та вже такъ ёго̀ кре́вно любы̀ла, такъ любы̀ла, шо онъ якъ! Отъ разъ и пыта̀ ёго, де у нёго душа́. «Моя душа у рогачѝ». Вона̀ озолоты̀ла той рога́чъ, поста́выла ёго̀ на по́кути тай дава́й ёму молы̀тьця. Ды̀вытця

винъ на неи тай каже: «Э, ни, моя душа у кочерзи́». Озолотыла вона̀ кочергу̀, поста́выла на по́кути и давай молытьця кочерзи́. «Э, ни, моя душа у лопа́ти». Озолотыла вона̀ лопа́ту тай поста́выла на по́кути та впьять дава̀й молытьця. «Та на́-що це ты ро́бышъ»?—«Э, Боже мій, тамъ-же твоя ду́шечка, а я жъ тебе́ люблю, то я на те́бе довжна́ Богу молытьця». «Э, ду́ра, ду́ра безсере́жна! Моя душа та тобѝ и не прыснытця, де вона́ и есть! Моя душа у водяній козѝ, а въ козѝ полёвый заяць, а въ за́йцеви ка́чка, а въ ка̀чци яйце́,—отъ де моя душа! Якъ почу̀ла вона́, де ёго̀ душа́, и дава́й пидку́плювать охо́тныкивъ, шобъ воны убылы ту ка́чку. Воны и вбылы—убылы тай прынеслы те яйце́ ій. Вона́ узяла́ яйце́ та якъ уда́ре ёго́ объ зе́млю, а чоловикъ той тилькы бу-бухъ! Такъ и вмеръ. Отъ якѝ ци жинкы!

Дуже розумный чоловикъ.

Задумавъ чоловѝкъ ясла сплесты. Наволѝкъ у хату палокъ та хворосту́ тай плете́. «Жинко, каже, чи такъ»?—«Такъ-то, такъ, та зъ хаты якъ»? А винъ соби́ плете тай плете та все пыта: «Жинко, каже, чи такъ»?—Такъ-то, такъ, та зъ хаты якъ»? А винъ соби плете, тай плете. «Жинко, каже, чи такъ»? — «Такъ-то такъ, та зъ хаты якъ»? Изпливъ чоловикъ ясла, колы кынувсь, ажъ воны изъ хаты не вылàзють. «Оце́ матери́ ёго чортъ»! Давай тоди́ жинку кореныть та лаять, на́че бъ то вона тому вынувата була́. Ла́явъ—лаявъ, тоди́ давай роспручувать те, шо спливъ. Розпрутывъ, на двиръ выволикъ та на двори уже и спливъ. Ду́же розу́мный чолови́къ!

Якъ треба и якъ нетреба казать.

Ишовъ якось чоловикъ зимнёи добы шляшкомъ та дорожкою, а тутъ пиднялась ху́га. Ишовъ винъ, ишовъ тай зблудывсь. Дывытця, середъ степу стоить хатка. Кругомъ усе чысто заме́тено снигомъ, а вона стоить соби тай байдуже. Прыдывляетця чоловикъ, ажъ у хатци свитытця. Пидійшовъ винъ до тіеи хаткы,—баче двери. Одчынывъ двери, увійшовъ у сере́дыну, дывытця, ажъ тамъ коло стола сыдять два якись-то старыкы, сидѝ—сидѝ, наче те молоко, сыдять и читають кныжечкы̀. «Пустить, старычкы, у хатку поночувать». — «Иды, чоловиче божій, ночуй». Отъ той чоловикъ, сивъ на лави тай сыдыть, а старычкы коло стола читають кныжечкы. Чыталы воны, чыталы, потимъ всталы изъ-за стола, давай кашу варыть у печи. Зварылы кашки въ горщечку манюсюренькому,—такому, шо й дывытця ни на що. Поставылы той горщечокъ на стилъ тай кажуть тому прохожающому чоловику: «Сидай, чоловиче божій, за стилъ, та ижъ кашу». Той подывывсь на горщечокъ тай дума соби: «Шо тутъ таке исты»? Одначе сивъ за стилъ и давай исты. Ивъ-ивъ, а воно й циле; наився добре, а воно все такы циле. Ото зъ тимъ, шо й лягать спаты. Колы ось одынъ старычокъ выйшовъ изъ хаты, подывывсь тамъ сюды-туды та зновъ въ хатку. «А шо тамъ на двори»? Пыта ёго другый старычокъ. «Та тамъ боже божество»! А воно тамъ мете та бье таке, шо й свита не выдко. Ось выйшовъ изъ хаткы и чоловикъ. Подывывсь та скорійшъ у хатку. «Казалы, шо тамъ боже божество, ажъ воно чортъ его й носа выткне»! Тилько шо сказавъ винъ таки слова, якъ де ти й старычкы, де та й хатка подилысь!.. Иде по степу другый чоловикъ. Ось пиднялась хуга. Дывытця винъ, середъ степу стоить хатка и въ тій хатци свитъ мыготыть. Пидійшовъ винъ до хаткы, одчынывъ двери, увійшо̀въ у середыну, баче тамъ коло стола сыдять два старычкы, сывы-пресыви, и чытаютъ кныжечкы̀. Помолывсь винъ на образы, поклонивсь старычкамъ, ставъ коло порога тай каже: «Пустить, божи старычкы, прохожого чоловика переночувать».— «Ночуй», кажуть воны ему, а самы все сыдять та читаютъ. Сидилысыдилы, потимъ загорнулы кныжечкы̀, и давай кашу варыть. На-

варылы кашкы у манюсюренькому горщечку таї поставылы ёго на стилъ. «Сидай, чоловиче божій, за стилъ та ижъ кашу». Перехрестывсь той чоловикъ на иконы, сивъ за стилъ тай давай исты; исть соби тай исть; ивъ-ивъ, а воно й циле. Наивсь, выйшовъ изъ хаткы, подывывсь у степъ, а воно мете, а воно бье та дме. «Ну, шо тамъ робытця у степу»? Пытають у чоловика старычкы.—«Та тамъ таке, шо й свита божого не выдко, и якъ ёго у Бога и йты»? «А для чого жъ тобы йты? Лягай соби въ хатци тай спы, а въ раньци встанешъ, то зъ Богомъ, куды тоби треба, и йды». Такъ винъ, той чоловикъ, усю ничъ въ тій хатци и проспавъ, а въ раньци вставъ, подякувавъ старычкамъ тай подавсь туды, куды ёму треба було йты.

Якъ чоловикъ высыжувавъ лебедятъ.

Бувъ соби одынъ чоловикъ, такый ледащый, такый уже ледащый, шо й хвоста коту не завьяже; а жинка у нёго така до роботы палкà, така уже палкà, шо и въ день робе и въ ночи не спыть та все объ роботи дума. Отъ то прыйшлы якось жныва. Чоловикъ и дума, якъ бы ёго зробыть такъ, шобъ у степъ не йты. «Жинко»!—«А шо»? «Ты не знаешъ, яка дорога птыця лебедь»?—«Ни, не знаю, чоловиче». «А я оце бувъ у базари, въ городи, такъ бачывъ, якъ тамъ одынъ панъ та сто карбованьцивъ давъ за двохъ лебедивъ».—«Отъ якъ»! «Такъ саме! Такъ оце я отъ шо думаю».—«А шо»? «Иды ты въ степъ, а я сходю у базарь, куплю лебедячыхъ яець та сяду ихъ высыжувать, а тамъ якъ высыдю лебедятъ, то черкóну таки гроши, шо онъ яки»!—«Ну, шо жъ? Якъ ти лебедѝ таки дороги, то купуй та высыжуй, а я буду робыты сама у степу». Отъ той чоловикъ поихавъ у базарь, купывъ лебедячыхъ яець, прывизъ ихъ додому, зробывъ обычайку, помостывъ въ неи мнягкенькои соломкы, поклавъ у соломку яйця, знявъ зъ себе штаны, сивъ тай сыдыть на лебедячыхъ яйцяхъ, сыдыть та ще й квокче. А жинка робе въ степу. Ось прыходе вона зъ степу додому тай крычыть: «Лебедю мій, лебедю»! — «Ду-ду-ду»!

«Истонькы тоби дать»?—«Ту-ту-ту!» То вона накорме-напое ёго, а сама впьять у степъ. А винъ наистця-напьетця, розгорне въ обычайци солому, зниме зъ себе штаны, сяде тай дрима. Ось жинка упьять прыходе изъ степу и впьять гука: «Лебедю мій, лебедю»!—«Ду-ду-ду»! «Истонькы тоби дать»?—«Ту-ту-ту»! Упьять вона напое-накорме ёго, а сама въ степъ. Якъ ось иде по степу москаль. «Здрастуй, малотка»!—«Здрастуйте, господа служба»! «Что сама рабатаишь? аль мужа нѣтъ»?—«Та винъ-то есть, та, не вамъ кажучи, якъ ти лебеди на води, такъ и винъ, сыдыть у хати та лебедятка высыжуе». «Какъ такъ»? — «Та такъ та онъ якъ! Теперъ дуже дороги лебеди, такъ винъ хоче высыдить лебедятъ та продать». «Вотъ какъ»!—«Такъ же, служывый, такъ»! «А гдѣ же онъ сидитъ?»—«Та отамъ, господа служба, и тамъ». «А какъ же его спрасить»? — «Та треба сказать: лебедю мій, лебедю, истонькы тоби дать, то винъ и озветця». «Гм! Надо на такое диво посмотрѣть!»—«Тай посмотрить»! Отъ и пишовъ москаль. Прыходе у слободу, находе двиръ того чоловика, уходе у хату тай крычыть: «Лѣбидю мой, лѣбидю»! — «Ду-ду-ду»!—«Ѣстоньки тибѣ дать»?—«Ту-ту-ту»! одвича чоловикъ тай вылазе изъ обычайкы. Тутъ якъ ухопывъ же его москаль у рукы, якъ почавъ чистыть по голій с...и, а малахаяка у него кепська! Якъ почавъ чистыть!.. Якъ почавъ!.. Якъ вырвався жъ той чоловикъ изъ рукъ москаля та въ степъ до жинкы. Жинка баче таке дыво тай крычыть: «Шо це ты, чоловиче? А якъ же лебедячи яечка»? — «Протухлы, жинко, такъ я и покынувъ ихъ геть»... А де тамъ у гаспида протухлы? Винъ его, той москаль, такъ отхондожывъ, шо чоловикъ днивъ зъ три не мигъ и дочеркнутьця до того мисца, чимъ сыдять.

Шо буде якъ жинци дать власть.

Була у одного чоловика жинка пьянюга, така пьянюга, шо увесь день сыдыть у шынку, а прыйде додому, заразъ чоловика быть. Отъ якось пишла вона въ шынкъ тай сыдыть тамъ. Якъ ось по земли идуть Господь зъ святымъ Петромъ,

идуть тай балакають. Святый Петро и каже: «Для чо̀го це, Боже, зроблено такъ на свити, шо чоловикъ керу́е надъ жинкою, а не жинка надъ чоловикомъ».—«Такъ треба», каже Господь. «Це жъ воно обыдно жинци, Господы; хочъ бы такъ, шобъ на одынъ вечиръ ій волю дать». — «Ну, нехà̀й буде по твоему, — побà̀чымъ, шо выйде зъ то̀го». Отъ побалакалы и пишлы дальше. Шлы-шлы тай прыпизнылысь—тре́ба десь и поночувать. Пидійшлы̀ до хаты того чоловика, шо жинка ёго сыдила въ кабаци, тай просятця: «Пусты насъ, чоловиче, переночувать». — «Я бъ то васъ, люде добри, и пустывъ, такъ у ме́не жинка крипко зла: якъ пры̀йде зъ шынку, то бы̀тыме и мене и васъ». «Та пусты, уже жъ якъ-не́будь перетерпымо».—«Хиба̀ уже пидъ прыпичокъ полизыте»?— «А якъ пидъ прыпичокъ, то й пидъ прыпичокъ». Отъ то увійшлы̀ воны въ хату, зализлы пидъ прыпичокъ тай лежать,—Господь лигъ пидъ стинку, а святый Петро зъ краю. Скоро-недовго ось прыбигла додому и жинка. Якъ розшумилась вона, якъ розшумилась та за чоловика: давай ёго лупыты. Была-была, была-была, покынула. Тоди гулькъ пидъ прыпичокъ! та якъ закрычить: «А ну, свиты сюды, сучій сыну! Бачъ, собачій сынъ, ще й ночувальныкивъ пусты̀въ! Постой же, я ще й за ночувальныкивъ твоихъ озьмусь»! Якъ узяла вона того, шо зъ краю, святого Петра, якъ узяла его! Была-была, побыла объ нёго всю палку тай выбигла на двиръ. Тоди святый Петро и каже: «Дозволь, Господы, мени пидъ стинку лягты, може такы вона перестане мене быть». Отъ Господь лигъ зъ краю, а святый Петро пидъ стинку. Якъ ось жинка зновъ ускочила въ хату, ускочила тай каже: «Ну, теперь дай-ка озьмусь ще за того, шо пидъ стинкою, бо цёго, шо зъ краю, добре вже набы̀ла». Та впьять за Петра. Якъ узяла̀ его быты, якъ узяла! Была-была, была-была, уморылась, упала тай заснула. «Ну, оце й жинка, каже святый Петро, набыла мени бокы такъ, шо я й не здышусь». — «А шо теперъ знаешъ, на-що воно зроблено такъ, шо чоловикъ керуе надъ жинкою, а не жинка надъ чоловикомъ? Якъ даты ій таку власть, то бытыме вона не тилькы чоловика, а и всихъ святыхъ».

Сравни Драгоманова Малороссійскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, 129.

Русалка та коваль.

До одного коваля ходыла замистъ дивкы та русалка, а винъ думавъ, шо то натурална дивка. Тамъ и спыть винъ зъ нею, и цилуе, й мылуе. Якъ отъ то якось иде побиля кузни по воду спражня дивка, така жъ лыцемъ, така жъ и постаттю, якъ и та русалка. Кузнець пидбига до тіеи дивкы та черкъ зъ плечей коромысло зъ видрамы! «Шо це ты сказывсь, чи що? Хиба я тоби яка»?—«А ты жъ до мене ходышъ ночувать»? «Хай твоему чорты батькови! Я тебе и знать не знаю, и видать не видаю». Кузнець той баче таку сторію тай одступывсь отъ дивчины. А та русалка все ходе до него и ходе. Такъ винъ якъ зажовкъ, якъ зажовкъ, такъ и на чоловика не схожій. «Шо це ты жовтый такый ставъ»? пытають его люде. Винъ мовчавъ-мовчавъ, а тоди давай прызнаватьця. «До мене, каже, шось ходе, та не розберу, хто».—«Та може, жъ ты знаешъ, хто ходе». «Та ходе до мене дивка, а хто іи й зна, яка». Отъ ти люды давай засидать ту дивку. Узялы у черепочкы ладану, вугалля, роспустылы той ладанъ по хати тай засилы по викнахъ, по даху, коло дымаря, а вона саме у дымарь до него и влитала. Такъ воны якъ засилы, якъ засилы тай піймалы. А потимъ якъ зачалы коло неи ходыть, якъ зачалы ходыть тай звиничалы ихъ. Отъ то одгулялы свадьбу. «Ну, теперь, каже молода, поидымъ до моего батька въ гости».—«Поидымъ». «Гляды жъ, якъ не буде мени, а ты одно-мовчи». Отъ поихалы воны. Прыихалы, а тамъ стоить домъ, такый домъ, шо тилько фи! Тутъ заразъ якъ понабигало до ихъ чортивъ!! Колы ось уходе самый страшенный рогань, таки рогы, шо ажъ за луткы зачепляютця. Якъ почалы воны іи щипать, якъ почалы воны на неи плювать, харькать, выськрякы кыдать. А той рогань якъ чмыхнувъ на ныхъ, такъ воны вси такъ и оступылысь, такъ и всчухлы. Ось выходе чортыця тай каже: «Ну, сидайте, диты, исты. Оце ижьте, оце ижьте, а цёго не займайте,—це погане». Наилысь воны, попылы, погулялы, тоди зачалы ихъ дарыть. Далы имъ чотыри вузлыкы, цалы коня. «На тоби, зятю, оцёго коня, та гляды жъ не кажи на него тпрру». Узялы вони те все, узялы тай поихалы. Ихалы-ихалы, ось коло дому кинь спиткнувсь, а той зять забувсь та якъ крыкне на коня тпрру, а той кинь зробывсь ченцемъ. «А, спасыби

тоби, чоловиче добрый, шо ты мене на свитъ вызволывъ! То жъ я возывъ у чортивъ и дрова, и вугалля, и писокъ, и всяку всячину, а теперъ я ставъ ченцемъ». Такъ винъ пишовъ у ченьци, а воны давай зносыть зъ воза ти вузлыкы, шо имъ подарувала чортыця. То воны, ти вузлыкы, булы таки, шо одно вынесло на визъ, а це вже зробылысь таки, шо насылу у трёхъ постаскувалы. Та такъ воны соби и сталы жыть та пожывать.

Зъ святымъ Мыколою не шуткуй.

Зибралысь якось у хату до сынья́ного чоловика та до жинкы хлопци та дивчата, пидъ Мыколая, тай заходылысь грать та танцювать. «Господы, поможы намъ переграть»!—кажуть музыканты. «Господы, поможы намъ перетанцювать!» кажуть хлопци та дивчата. Якъ почалы грать, якъ почалы грать та танцювать, ажъ покы уже и свичка згорила. Жинка тоди й каже: «Та годи вже грать, бо завтря годовый празныкъ заходе». А чоловикъ каже: «Та хай грають, завтря празникъ, то ничого робыть». Якъ почалы воны упьять грать, якъ почалы танцювать! Докы воны гралы, докы воны танцювалы, покы свичкы погорилы. Тоди взялы воны свичку одъ святого Мыколая тай зновъ граютъ,—ти грають, а ти танцюють. Ось де не взявсь у хати старычокъ, явывсь старычокъ тай каже винъ жинци: «Выйды, жено, звидциля изъ дитьмы». То вона й выйшла. Якъ вона выйшла, тутъ заразъ двери и винка и въ синякъ, и въ хати такъ и позамурувалысь: де взялась та цегла, де взялось и те каминня. А воны все граютъ та все танцюютъ, ажъ почорнилы. Якъ замурувалысь двери та викна, тутъ розступывся самъ собою вуголъ. То отъ то батькы та матери прыйдуть до тіеи хаты та давай заступать, шобъ піймать своихъ парубкивъ та дивчатъ та вызволыть ихъ хочъ черезъ вуголъ изъ хаты. Такъ шо жъ бо? Піймають которого тамъ зъ ныхъ, а винъ перекынетця у рыбу та такъ и трипаетця у рукахъ, та впьять у хату черезъ вуголъ та впьять грать та танцювать. Та такъ и гратымуть та танцюватымуть ажъ до страшного суду.

Изъ чого кукушка, ластивка та соловейко.

Чи вы знаете изъ чого кукушка, ластивка та соловейко?— Воны изъ людыны. У одніеи матери була одна дочка и пишла вона якось купатьця. Прыйшла до ричкы, роздяглась, положыла одежу тай давай плавать по ричци. А тутъ изъ ричкы вилизъ вужъ тай лежыть на одежи дивчины. Ось вона покупалась, вылазе изъ ричкы, дывытця, ажъ на іи одежи вужъ. Вона ухопыла ломаку та съ тимъ, шобъ гнать его ломакою. А той вужъ и каже до неи: «Пидешъ за мене замижъ? Якъ пидешъ, то злизу; якъ не пидешъ—лежатыму». Вона мовчала-мовчала, а дали ниде дитьця,—одежи не дае,—тай каже: «Пиду». Отъ то одяглась, прыйшла додому, розсказала матери: «Я, каже, замижъ за вужа пиду».—«Якимъ маниромъ»? пыта мате. «Такымъ—то и такымъ». Ну, шо тутъ казать! Давай воны запыратьця, давай замыкатьця. Позапыралысь, позамыкалысь. Колы це лизе до ихъ гаду-гаду! Усе лизе, усе лизе, усе лизе! Повлазылы въ хату; узялы ту дивку; ото взялы дивку и подалысь. Нема іи годъ, нема й два. На третій годъ прыходе вона до матери въ гости зъ двома дитьмы, дочечка и сынъ. Отъ то погостювала у матери тай собыраетця додому. А мате ій и каже: «Останься, переночуй, та тоди й пидешъ». Ну, вона и зосталась ночувать. «Ну, якъ же ты спрашуешъ своего чоловика, якъ прыходышъ додому»? пыта іи мате. А ось якъ: «Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене». То винъ выйде, а я й пиду. Отъ то дочка спыть, а мате встала раненько, взяла сокыру тай пишла до ричкы, пишла тай каже: «Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене! Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене! Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене!» Винъ и выйшовъ. Вона черкъ! тай одрубала ему голову, одрубала тай пишла додому. Якъ ось прокынулась дочка; умылась тамъ, поснидала, попрощалась зъ матерью, пишла до ричкы. Прыйшла до ричкы тай каже: Осыпе, Осыпе, выйды до мене, озьмы мене». И вдруге, и втрете такъ, ажъ винъ не выходе. Дывытця вона, голова на води плавае, и ричка красніе. Тоди вона й каже: «Будь же ты теперъ, сынокъ, соловейкомъ, а ты, дочко, будь ластивочкою, а я буду кукушкою». Тай порозлиталысь: мате кукушкою, дочка ластивочкою, а сынъ соловейкомъ.

Сравни Драгоманова Малорусскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ 1876, 8.

Яки бувають инколи парубкы.

Найшлы соби дивчата пусту хату та кожну ничь и збыраютця туды на гульбыще. Тамъ у ихъ усяка усячина: скрыбкы та бубны кажнои ночи. Отъ то прыйшлось имъ складатьця на заговыны, на Пилыпивни. То воны понаносылы сала, масла, ковбасъ, горилкы, наварилы варенои, сыдять тай хлопцивъ ждуть: «Колы бъ такы хлопци до насъ прыйшлы»! Ну, тутъ скоро-недовго хлопци и прыйшлы, у брылянхъ, у жупанахъ, у каптанахъ. Посадылысь воны за стилъ, позакурювалы трубкы, тай сыдять, сыдять тай курють. Якъ ось одна дивка взяла винякъ у рукы та давай вымитать хату. Мете хату та гулькъ пидъ лавку, ажъ тамъ пьять хвостивъ тырчить. Вона зляквулась, а выду й не подала. Пидмела хату та тоди потыхеньку сказала другій дивчини, а друга третій. Шепу-шепу тай повтикалы изъ хаты, тобъ то на двиръ, а тамъ тикать. Покынулы усе свое и печене, и варене, и жарене. А одній дивци не сказалы. Такъ ти чортячи парубкы якъ заходылысь коло неи, якъ заходылысь, якъ заходылысь, та покы коло неи ходылы, покы не залоскоталы на смерть сердешну. А те все печене та жарене поруйнувалы, на свынячу барлу перевелы. Отъ на другый день прыйшлы люде у хату, колы та дивка лежыть сыня-сыня сердешна. Такъ ии узялы тай загреблы у землю.

Хто найвирнійшій у чоловика другъ.

Ишовъ якось одынъ чоловикъ по-биля болота, ажъ тамъ на кѵпыни сыдыть чортъ; сыдыть и не бачe шо сзади его крадетця вовкъ, шобъ ухопыть та зъисты его. Ось-ось пидкрадетця та хапне, ось-ось. «Бережысь, чорте, тебе хоче зъисты вовкъ»!.. Той тоди чортъ шубовть! та въ калюжу. «Ну, спасыби жъ тоби, чоловиче, за те, шо ты мене спасъ одъ вовка! Приходь до мене завтря на це саме мисто, я тоби дамъ мишокъ золота, та тилько отъ шо: беры зъ собою самого вирнійшого друга, якый у тебе есть». Отъ той чоловикъ вернувсь додому тай давай самъ соби

думаты, хто у нёго есть самый вирнійшій другъ. Думавъ-думавъ, усихъ перебравъ: и брата, и сестру, и всю ридню, а дали й каже: «Хто-жъ найвирнійшій другъ, якъ не жинка? Жинка»... Узявъ винъ жинку тай пишовъ зъ нею до того болота, а тилько для чого и шо—того ій не сказавъ. Прыйшовъ тай давай ждать. Ждавъ-ждавъ, уже й сонъ его клоне, а чортъ все не выходе на кўпыну. «Знаешъ шо, жинко? Положу я тоби голову на колина, а ты мени поскай у голови». Отъ и положывъ винъ голову. Лежавъ-лежавъ тай заснувъ. Колы ось иде чортъ. Узявъ винъ мишокъ золота, скынувсь такымъ молодцэмъ, бравымъ та красывымъ, шо онъ якымъ! тай иде побиля жинкы. Вона якъ глянула на нёго, такъ и занимила. Пидійшовъ винъ до неи тай каже: «Хочешъ, шобъ я бувъ твій? Ось у мене есть мишокъ грошій, винъ буде увесь твій, буду и я твій,—хочешъ?—«А якъ же чоловикъ»? «Убый ёго!»—«Такъ нема ножа»! «А ось тоби и нижъ». Тутъ якъ вынувъ винъ ножаку, оттэтакый ножака! тай подавъ ій. Вона взяла того ножа та якъ замахнетця имъ по горлу чоловика! А чортъ тоди: «Мужыкъ, прокыньсь, ось тебе жинка хоче вбыть»!.. Чоловикъ и проснувсь. «Я жъ тоби казавъ, шобъ ты узявъ зъ собою найвирнійшого друга, а ты кого жъ оце зъ собою взявъ? Ну, теперъ мы зъ тобою квитъ: ты мене спасъ одъ вовка, а я тебе спасъ одъ жинкы, а за золото вже выбачай».—«Такъ скажи жъ по крайній мири, каже вже тоди чоловикъ, хто у мене есть найвирнійшій другъ».—«А отъ той Рябко, шо гавкае у тебе на двори»...

Сравни Драгоманова Малорусскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, 59—61.

Немудрящій Хома и премудри кацапы.

Живъ соби у лису одынъ чоловикъ, Хома. Ажъ ось идуть по тому лису дванадцять, чи ажъ пьятнадцять чоловикъ руськыхъ. Идуть тай находять Хому; прыходють до него и кажуть: «Здрастуй, хазяинъ»!—Здорови вамъ, прохожи»! «А што мы тибѣ скажемъ»?—«А шо вы мени скажете»? «Какое бъ ты намъ далъ на ночлегъ мѣстушка, штобъ у насъ не было крайнява, а то мы баимся

разбойниковъ». — «Добре, я вамъ найду таке мисто, — идить за мною». Прывивъ ихъ, найшовъ муравнякъ здоровлящій тай каже: «Отъ тутъ, колы хочете, лягайте, тутъ не буде у васъ крайнёго». Воны й полягалы. Якъ розыгрився жъ той муравнякъ, якъ понализла имъ комашня, якъ понализла имъ комашня, и въ штаны и побиля штанивъ, и даже въ с . . . ы, и въ к . . . ы! Ну, отъ воны повставалы, обтрушуютця тай кажуть: «Ну, й сукинъ же сынъ етотъ хахолъ, что завелъ насъ въ комашню. Да ето што? Вотъ надо яще и платить яму!... Спасиба тибѣ, хазяинъ, за то, што ты указалъ намъ такое хорошае мѣстушко! Какъ тибя, хазяинъ, зовуть»?—Хома! «Спасиба тибѣ, Хома, за мѣстушко, што насъ покусано».—«Э, тожъ я невынуватъ: якого прохалы, такого и давъ»... Ну, далы ему по рублыку за ночлигъ и отъ то давай иты. Баче Хома, шо воны вже собыраютця йты, піймавъ десь сороку, вынисъ ии изъ хаты, вынисъ изъ хаты тай носыть. «Што ето у тибѣ, Хама»?—«Сорока». «Што жъ она можетъ дѣлать?»—«А шо вона можетъ дилать? Колы хочете-купить ии та пустить у Расѣю. то вона скаже вашимъ жинкамъ, шобъ усе було готово до Покрова: покамисть вы прыйдыте, то й буде такъ: и напечено и наварено. Отъ шо вона можеть дилатъ, а теперъ ходимте до мене въ хату та будемо обидать». Воны й пишлы. Пишлы, повбыдалы, купылы у него ту сороку тай давай ии пускать; пускають и приказують: «Ляти ты, сорока, да ляти жъ ты въ нашу старану, накажи ты, сорока, да накажи жъ ты жонкѣ маёй и кумушкѣ накажи, штобъ они сподѣвались меня къ Покрову́ и наготовили всего-то всего»!... «И моей жонкѣ накажи»! «И моей жонкѣ да кумушкѣ накажи»... Отъ то й пишлы воны соби. Прыходють къ Покрову додому, у свою кацапську сторону, заразъ же й пытають: «Што ты, жана, здорова-жива?—«Да здорова-жива». «Што жъ ты приготовила всяво»?—«А какъ бы я приготовила всяво, коли я й не знала, когды ты и домой прійдешь»? «Какъ же ты не знала, когда я домой прійду, коли мы купили сороку у хахла да пустили ее въ нашу старану́, штобъ донесла тебѣ вѣсточку объ насъ».—Да я ее и видать не видала, и слыхать не слыхала». «А, подлецъ Хама, вотъ подвелъ подъ монастырь . . . . . ! Ну, погоди жъ ты, дойдемъ мы до тибя! Дойдемъ и убьемъ». Ну, перезимувалы воны у своій кацапській сторони и пишлы до Хомы. Прійшлы весною упьять у той лисъ, де живъ Хома. А винъ уже про те и прочувъ. Прыставывся мертвымъ и веливъ закопать себе у яму. Жинка и

закопала ёго въ землю, закопала въ землю и пропустыла ёму дирочку, шобъ дыхать. Узявъ винъ соби швайку тай сыдыть тамъ, у могыли. Отъ кацапы прыходять до Хомынои жинкы тай кажуть: «Здорова, хозяйка»!—«Здорови, прохожи»! «А гдѣ жъ твой Хама»?—«Э, винъ уже третій день якъ умеръ».—«Ну, коли жъ такъ, то мы пойдемъ на его могилку да хоть п . . . . . ъ. Вотъ подлецъ обдулъ насъ»! А якъ же винъ обдувъ васъ»?—Да вотъ такъ и такъ... Отъ и пишлы. Це одынъ знявъ штаны, сидае на могылку. Тутъ Хома якъ шпыгоне ёго швайкою въ с . . . у! Винъ якъ пидскоче: «Вотъ с . . и, с . . и да й подскочишь»!.. Прыходе другый. Скыда штаны—сидае. Винъ и цёго якъ шпыгоне швайкою въ с . . . у, то той якъ пидскоче. «Вотъ с . . и, с . . и да й подскочишь»!.. «Ну, сукинъ сынъ, хоть г . . . а и понаштрыкалъ, такъ зато ужъ по . . . . и». Ну, отъ повставалы и йдуть. «Ну, теперь пойдемъ у шинокъ поминать Хаму». Прыходять у шинокъ, а Хома уже й тамъ. «Здоровъ табѣ, Хама»!—«Здорови вамъ!» «А ты жъ памёръ? Мы жъ на твою могылку ходылы . . . . . ».—«Хай вамъ загладыть! Ходылы вы, та тилько не на мою могылу. «Ну, теперь мы тибя утопимъ». Узялы ёго, зъязалы, укынулы у мишокъ, прывозять уже до другого шынку. «Ну, таперь сперва выпьимъ, а потомъ повеземъ утопимъ». Увійшлы у шинокъ. А шинкарь, жыдъ, визьмы тай выйды изъ шынка на двиръ. А Хома лежыть у мишку та нибы собі, плаче. «А цуишъ, цого ты тутъ плачешъ»?—«Та везуть мене царювать та панувать, а я того ничо̀го не знаю». «Цуисъ, завьязи мене у мишокъ, я все знаю; на тоби сто карбованыцивъ грошій та вылазь изъ мишка, а мене завьязуй». Винъ и вылизъ, а жыда завьязавъ. Ажъ ось кацапы выходять изъ шынка, узялы той мишокъ, повезлы ёго до ричкы тай и вкынулы ёго у воду. А жыдъ тилько буль-буль. «Вотъ тибѣ, подлецъ Хама, штобъ ты насъ не обманывалъ»! А Хома давно вже сыдыть у шынку. Ось и кацапы идуть у шынкъ, идуть помынать Хому, а Хома уже й тамъ. «Здрастуй, Хама»!—«Здорови, кацапы»! «А мы жъ тебя утопили»!—«Э, чортового батька мене утопыте»! «А мы жъ тебя везли».—«Ни, то вы не мене, а жыда». «А што онъ говорилъ, какъ мы его кидали»?—«Та винъ булькотивъ та казавъ, шо даватымуть ему серебро та золото, а винъ буде брать саме золото, саме золото». «Ну, знаешь што, братецъ? Возьми ты насъ да повяжи да повкидай въ рѣчку, тамъ мы будемъ брать и серебро и золото». Такъ винъ узявъ ихъ, повьязавъ, позапыхавъ у мишкы,

повкыдавъ у ричку тай потопывъ, а самъ узявъ ихъ коняку та визъ тай прыихавъ додому та десь и теперъ жыве соби та пожыва, не зна ни биды, ни горя.

Яки есть на свити чорты.

Чорты скризь шевкаютця; воны не то що въ хату, а и въ церкву забыраютця: пипъ соби запы́суе грихи людей, а чорты соби запысують, та отъ то якъ уже заспивають харувымську, то тоди воны геть повтикають изъ церквы. А найбильшъ усёго воны водятця у води та въ степу. Воны, якъ отъ то святытця вода, такъ выходять изъ воды. Такъ тоди бабамъ запрещають, шобъ воны недили дви не мылы сорочокъ у ричци, а то чрезъ то чорты зновъ повлазють у воду. А одна жинка, отъ то скоре́нько писля Хрещенія, пишла до ричкы праты сорочкы́. Пере́ вона ти сорочкы́, ажъ дывытця—сунетця с - - - - ю изъ очерету страшелезный дидуга та прямо у ополонку бультыхъ! Чуть ту й жинку не звалывъ зъ нигъ. Вона тоди прыйшла додому тай розсказуе сусиди. «Оце я, моя голубочко, пишла на ричку праты сорочечкы, — тамъ сорочечкы дви, чи тры, може, и взяла, тай перу соби; колы це изъ очерету сунетця с - - - - ю старелезный дидуга та прямо у воду бультыхъ»! — «Отъ тожъ, сестро, есть намъ одъ батюшкы запретъ, шобъ мы не пралы сорочокъ недиль дви писля Хрещенія, а мы не слухаемъ, отъ воно и бувае намъ: то отой дидъ—то воно чортъ».

Одынъ музыкантъ купавсь у ричци тай попливъ пидъ греблю; якъ попливъ—якъ попливъ, та якъ пурнувъ головою та прямо у двери, а за тымы дверыма та горныци, а въ тихъ горныцяхъ сыдять чорты. «Хто такый? хто такый»? — «Це, каже одынъ чортъ, мій братъ.» Ну, давай воны ёго тоди гостювать. Понастановылы ёму тамъ кинськыхъ сцыклынъ замистъ горилкы, кинськыхъ г - - - - ъ замистъ пампушокъ, изъ падлюкы мняса замистъ жаркого. А винъ того ничого й не бачe: сыдыть та исть. А якъ бы сказавъ: «Господы, благословы», то тоди бъ того не було. Наивсь-напывсь—тоди грать. Гравъ-гравъ, а тоди бультыхъ!

изъ тіеи горныцы та наверхъ. А то ёго выкынувъ той чортъ, шо за брата прыннявъ. Такъ винъ тоди пишовъ убраный, одитый, обутый, и повни карманы у нёго грошій. А другый музыкантъ пирнувъ пидъ греблю, такъ воны саме обидалы. Такъ надъ нымъ посміялысь: понакыдалы ёму у карманы грошій, повдягалы, а якъ выйшовъ наверхъ, а воно замистъ грошій повни карманы черепашокъ, а замистъ одежы одинъ куширь.

Степовый чортъ такъ той людей маныть. Одынъ чабанъ та покумавсь зъ однымъ чоловикомъ. Покумавсь тай пасе соби вивци у степу. Якъ ось идé той кумъ ёго. «Здоровъ, куманёкъ!— «Здоровъ»! «Ходимъ до мене въ гости».—«Та я такы давно вже збыраюсь, та ни якъ не зберусь: николы за скаженои собакы худобою».—«Ну, такъ ты, куманёкъ, пидожды, а я пиду горилочкы прынесу та тоди разôчкомъ и пидемъ».—«Ну, йды, кумокъ». Отъ то добувъ винъ горилкы и пишлы воны. Прыйшлы, ажъ стоить хата, така хата, що Боже мой! А то воно саме чортъ жыве. Тамъ, у тій хати, и чортыця пораетця: горишкы, пампушкы пече, жаркое жарыть. «Ну, давай лышень, стара, закусыть»! Каже той чортъ своій чортыци. Постановылы все те на стилъ тай угощаютъ куманька. «Ну, выпьемо, куманёкъ»!—«У вашихъ рукахъ, у вашихъ устахъ». Той чортъ будьто такъ, шо й выпывае, выпывае та зновъ куму пидносе. «Давайте жъ и куми». Чортъ пиднисъ и чортыци. Выпыла наче бъ то и вона. «Ну, теперъ, куманёчокъ, выйте уже й вы». Колы той чабанъ не втерпивъ тай перехрестывсь. Дывытця: не стало ни кума, ни кумы, ни хаты, а замистъ того круча и ногы въ води. «Спасыби Богу, шо перехрестывсь: якымъ бы ты мене напоивъ и якымъ бы ты мене нагодувавъ»? Лежать передъ нымъ падлючины шматокъ, кинськи г - - - а та стоять кинськи сцыклыны прямо на остривци.

Якъ творывъ Богъ мыръ, то винъ создавъ усяку усячыну: коровы, кони, вивци, свыни. А чортъ хотивъ зробыть козу. Зробывъ козу, а дыханія ій не давъ: уже винъ и такъ и сякъ, а дыханія нема. «Та ты, каже Господь, можешъ тилько вовка зробыть.» Винъ тоди давай вовка робыть. Зробывъ вовка, а дыханія все-такы не можеть дать. А Господь давъ тому вовку дыханіе та тоди й каже ёму: «тю ёго»! се бъ то чорта. А чортъ де бъ дитьця? Та на вербу, а вовкъ ёго за пьятý тай и укусывъ ёму пьятý. Отъ то й выйшовъ безпьятый чортъ.

Якъ чорты помоглы парубку женытьця на дивци.

Любывъ одынъ парубокъ дивчыну, а вона ёго байдуже: обибрала соби кимнату та Богу молытця, та все Богу молытця. А винъ ходе побиля хаты та думкою ій любе. «Эхъ, чого бъ я за те и не давъ, якъ бы мени та дивчына досталась»! Ажъ ось чортъ перекынувсь у чоловика, пидійшовъ до тіеи хаты тай каже парубку: «Здоровъ тоби, парубче»! — «Здоровъ тоби, чоловиче»! «Чого ты тутъ ходышъ»? «Та чого? Улюбывъ я дивчыну, та ниякъ не озьму ій за себе». «А шо ты мени дасы, якъ я тоби предоставлю ту дивчыну»? «Усе, шо хочешъ, дамъ». «А душу дасы»? — «Дамъ». «Ну, ходимъ же зо мною». — «Ходимъ». Отъ и пишлы. Прыходять, ажъ стоить домъ, а въ тому дому сыдыть здоровенный панюга, а то воно самый найстаршій чортъ. «Ну, я зостанусь у передній, а ты, парубче, иды до того пана». Отъ винъ и увійшовъ. «А чого ты, хлопче, прыйшовъ»? — «Та до вашои мылости: улюбывъ я дивчыну, та ниякъ ій за себе не озьму». «А, якъ до лыха, такъ до насъ, а якъ лыха нема, такъ вы все до Роспьятого! А шо ты дасы за ту дивчыну»?—«Та все, шо потребуете». «Отдай свою душу».—«Берить». «Роспышысь». «Та якъ же ёго пысаты, якъ нема ни наперу, ни чорныла». Тутъ цёго й не треба, одрижъ соби пальця та кровію и пышы.» Одризавъ винъ соби пальця и роспысавсь. «Ну, теперъ иды, вона до тебе сама выйде. Усе ты робы, усе робы, а тилько не ходы у кыбытку, се бъ то у церкву, то все добре буде». Отъ винъ и пишовъ. Иде, а вона вже й выскочыла до нёго. Сюды-туды уже й повинчалысь. Ну, добре, повинчалысь. Отъ то вона ходе у церкву, а винъ ни. «Чого твій чоловикъ не ходе у церкву»? пытають молодыци люде. «Чого ты не ходышъ у церкву»? пыта молодыця чоловика. «Э, нельзя мени туды ходыть: мени якъ до церквы иты, такъ зробытця мени жарко, зробытця мени душно та нудно». Отъ вона якъ зачала коло нёго, якъ зачала, пишовъ винъ у церкву. Зробылось ёму жарко, зробылось ёму душно та нудно. Такъ пипъ якъ піймавъ ёго у рукы, якъ піймавъ! Якъ зачалы

люды за нёго молытьця, якъ зачалы молытьця, а винъ такъ и бьетця, такъ и бьетця, а на нёму, на голови жабъ, гадюкъ, черепахъ!... «Православни люде, молить за мене Бога, може Богъ мене помылуе»! То воны знovъ якъ зачалы Бога молыть, якъ зачалы Бога молыть. А той чортъ якъ почавъ вертитьця, якъ почавъ вертитьця, покынувъ ёму роспыску, а самъ гайда тоди одъ нёго. Тоди одъ нёго поотпадало все—черепахы, жабы, гадюкы, и ставъ винъ тоди настоящымъ чоловикомъ. Та съ тыхъ поръ жыве та пожывае та добра нажывае.

Чоловикъ у чорта на позычкахъ.

Одного чоловика та крипко мучылы за недоимкы. Такъ винъ давай наймaтьця у роботныкы. Такъ ёго наймать наймають, а впередъ завдатку не дають, а ёму жъ неможна, — тягнуть ёго за шыю: давай тай годи! Такъ винъ пишовъ на другый край наймaтьця: «Пиду, каже, на другый край, може, каже, хочь де въ чорта позычу грошій». Тай иде. Ажъ чортъ чоловикомъ перекынувсь тай иде ёму назустричъ. «Здоровъ»! — «Здоровъ»! «Чого ты тутъ крычышъ»? — «Та якъ тутъ у чортового батька не крычать, колы тутъ лыхо»? — «А яке жъ тоби тамъ лыхо»? «Та якъ же не лыхо, шо мене мучать за недоимку, наймать хочь и наймають, такъ завдатку упередъ не дають». —«Ну, ходимъ за мною». Отъ и пишлы до нёго. Прыходять — стоить домъ трёхъ-отажный. Отъ уходять у той домъ. Колы на золотому кресли сыдыть старый та здоровенный панюга. «А, здоровъ тоби, хлопче»! — «Здорови вамъ, пане». «Здоровъ, чоловиче, здоровъ! А шо ты намъ скажешъ»?—«Та до вашои мылости, пане». А винъ зовсимъ чортъ, и винъ ёго паномъ велыча. «А чого»?— «Та оце мене мучать за недоимку,—хочь здохны, а подай, такъ я ходю та наймаюсь; наймaты паны наймають, та впередъ завдатку не дають, такъ це я ходю та мучусь». «А — ну, подайте мени шнурову кныгу»! Крычыть той панюга. Подалы. Винъ розгортае — дывытця: «Цёму, каже, можна дать, цей достоинъ». А

воно значыть—винъ прынадлежыть до ихъ. «А скилькы жъ тоби, чоловиче, грошій»?—«Та дайте хочь карбованьцивъ десять, бо якъ уроде у мене пшеныця, то я ій скосю, звозю. змолотю, продамъ и вамъ гроши отдамъ. «Ну, дайте ёму карбованьцивъ 30,—нехай уже винъ отдасть недоимку». Далы. Винъ съ тимъ и пишовъ. Прыходе додому, прыносе гроши. Пишовъ — отдавъ недоимку. пишовъ ще купывъ соби пшеныци за ти гроши та тоди посіявъ. Уродыла ёму пшеныця; винъ тоди выкосывъ, змолотывъ, повіявъ. повизъ—продавъ, а тоди понисъ имъ гроши. Прыносе. Найшовсь упьять тій домъ. Уходе винъ у домъ, колы тамъ зновъ сыдыть той панюга. «Здоровъ. пане»!—«Здоровъ, чоловиче! А шо скажешъ? Та прынисъ вамъ должокъ». Той узявъ; подывывсь тай каже: «Возьмы, чоловиче, ихъ соби назадъ. — ты намъ колы-небудь згодышся». А отъ то жъ винъ якъ умре. такъ и здастця имъ: прыйде одынъ—визьме душу, а другый прыйде та скаже: «Эхъ, не захватывъ душы, озьму хочь тулубыще. воно мени здастця на усыплыще (замистъ бочкы буде); а третій прыйде — не захвате, ляже на ёго мисти: «Ну, нехай мене хоть жинкы оплачуть».

Премудрый Хома.

Бувъ соби одынъ чоловикъ, Хома, такый убогый, та такый несчастный, шо вже билышъ и никуды. Вси на нёго кажуть, и громада и панъ, шо винъ ледащый, видъ того й не мае соби ни чого. Отъ якось у недилю роздають у пана мужыкамъ траву. Прочувъ про то Хома тай каже: «Дай и я пиду, може й мени дадуть» Тай пишовъ. Прыходе у панськый двиръ, а отаманъ и каже ёму: «А ты чого»?—«Та дайте и мени травы». «А шо жъ ты будешъ годувать»?—«Та такъ де-нёбудь розгадаю соби телушку, або шонебудь друге тай буду зимувать». Отъ той отаманъ усимъ-усимъ роздавъ. «Ну, каже, косы вже й ты; нехай уже и тоби буде десятына, чи пивдесятыны». Ось такъ писля Тройци пишлы люде косыть. Пишовъ и Хома изъ жинкою зовсимъ. Выизжае у степъ,

зачалы косыть: косе Хома соби тай косе, а жинка громадыть. Выкосывъ винъ курипку. «Ну, на, жинко, оцю курипку, оскубешъ та, може, дитямъ зварышъ».—«Хай ій лыха годына! Що тамъ варыть? Тилько дитей дражныть»!... Винъ не послухавъ ій, прывизъ додому, оскубъ та зновъ каже жиньци: «На, хочъ розчынышъ та ошмалышъ та все-такы дитямъ буде».—«Та хай ій лыха годына! И шо тамъ шмалыть? Тоди винъ узявъ ту курипку тай понисъ до пана. Прыходе до пана, прыносе курипку тай каже прыслузи: «А, ну-лышъ, лакэю, пиды лышъ до пана та скажы ему, шо Хома прынисъ ёму гостыньця». Той пишовъ тай каже: «Пане, Хома гостыньця прынисъ вамъ».—«Якого винъ тамъ чорта прыйшовъ? То николы не прыходывъ, а це прыйшовъ». Выходе панъ. «Здрастуйте, пане»!—«Здоровъ, Хомо! А чого ты прыйшовъ»? «Та прынисъ вашій мылости гостыньця.»—«А якого?»—«Та ось курипочку, шо піймавъ у степу». «А хиба у тебе дитей нема»?—«Та я дававъ жинци, такъ вона не схотила й брать: хиба, каже, дитей дражныть тай годи». «Ну, давай уже сюды». Давъ ёму панъ за ту курипку грошій, давъ и горилкы. «Ну, понесы жъ ты ій до поваря,—нехай ій зжарыть, а ты пидожды, то насъ и роздилышъ». Винъ и понисъ до поваря. «А, на лышъ, поварю, та зжарь цю курипку». Той и давай жарыть. Зжарывъ. Прыйшовъ за тою курипкою лакэй, узявъ, понисъ ій у горныци. Ну, значить, посидалы тамъ паны чи вечерять, чи обидать. Поилы тамъ борщъ, поилы тамъ супъ, ну, тамъ ще, може, совусъ, чи що, чи грець ёго знае; отъ подалы жаркое, прыйшлось и до курипкы. «Ну, роздилы жъ намъ оцю курипочку. Бачышъ, насъ усихъ шестеро: я та барыня, два панычи и дви баришни». Отъ той Хома сивъ и давай дилыть. «Такъ якъ вы, пане, надъ усіею економіею головою, то вамъ буде, пане, голова; коло головы шійка—барыни буде; крыльця двомъ барышнямъ, шобъ швыденько литалы; панычамъ ножкы,—отъ якъ воны пидуть у службу, шобъ швыденько ходылы ногамы; а якъ я, бачъ, глупъ, такъ мени увесь тулубъ». Вынеслы тоди Хоми грахвынъ горилкы, поставылы чарку, положылы кусокъ булкы тай кажуть: «Ну, сидай же зъ намы, выпывай та закусюй». Выпывъ винъ, закусывъ. Далы ёму грошій. «Спасыби вамъ, пане, за хлибъ, за силь, за закуску». Подякувавъ имъ и подавсь додому. Ось прочула про те жинка отамана, прочула тай каже своему чоловику: «Возьмы лышень, чоловиче, пьятеро курчатъ та понесы до пана,—онъ Хома понисъ курипку та гроши далы, а тожъ такы пьятеро

курчатъ». Винъ и понисъ. Прыносе. Выйшовъ до нёго панъ, узявъ ти курчата тай каже: «Ну понесы жъ ты ихъ до поваря, хай винъ пожарыть та пидожды, покы мы будемъ обидать, то ты насъ подилышъ». Понисъ винъ. «На, лышень, оци курчата та пошпарь та пожарь ихъ панамъ, а я тутъ посыдю, бо панъ ще заставывъ мене, шобъ я подилывъ нымы усю семью». Отъ винъ и зжарывъ. Пишлы обидать. Забралы все, шо винъ, той поварь, наготовывъ, тай посидалы. Сыдять и идять. Поилы тамъ усе, шо було. «Ну, каже панъ, давай жаркое». Подалы́ й жаркое. «Теперъ дилы насъ, отаманъ». Отъ винъ по тарилочци совавъ-совавъ, думавъ-думавъ, ни якъ не роздиле: усе двое зостаетця. Шо ёго робыть? Панъ дывывсь-дывывсь, а дали якъ торохне ёго по затылку. «Вонъ, падлець, зъ горныци! Ступай тамъ, чи якъ, шобъ у тебе робота була назавтря! Позвить мени Хому»! Побиглы за Хомою. Прыбига тамъ лакэй, чи дивчына до Хомы, а винъ уже спавъ. «Хозяйко, хозяйко, чи Хома дома»?—«Дома! А шо тамъ таке»? «Та панъ зве до себе».—«Старый, старый, проснысь, ось прыйшлы за тобою,—иды скорійшъ до пана». Збудыла ёго. Винъ одивсь, пишовъ. Прыходе. Ось выйшовъ до нёго и панъ. «Здорови, пане»!—«Здоровъ, здоровъ, Хомо»! «А чого, пане, клыкалы»? — «Та роздилы насъ, пожалуста, курчатымы». Тутъ одынъ дуракъ сыдивъ-сыдивъ, дилывъ-дилывъ, та ни якъ не роздилывъ пятьма курчатамы». Ну, отъ винъ пидходе до столу. «Оце жъ васъ, пане, двое зъ панею, а це курча трете, — це называетця троиця; два панычи, курча трете,—и це называетця троиця; дви барышни, курча трете,—и це называетця троиця; двое остаетця, я третій,—и це называетця троиця». Подилылы. «Ну, теперъ, Хомо, сыды коло насъ, выпывай та закусюй». Поставылы коло нёго грахвынъ горилкы, положылы пару курчатъ, булку ще й далы ёму сто карбованьцивъ грошій. Отъ винъ поивъ, попывъ. «Спасыби жъ вамъ, паночку, за вашу хлибъ-силь, та ще й за те, шо вы мене наградылы»!—«Ну, прыйдешъ же, Хомо, я тоби ыще дамъ корову, пидешъ у загинъ тай выберешъ, яка люба». Прыйшовъ Хома до жинкы, отдавъ ій гроши, розсказавъ про все, шо ёму трапылось у пана. Жинка и земли не чуе,—такъ радіе. Устае Хома рано утрычкомъ—заразъ же до пана. Прыходе, колы панъ ще спыть. Винъ сивъ-посыдивъ. Ось панъ уставъ, выйшовъ. «А ты, Хомо, уже прыйшовъ»?—«Прышовъ, пане». «Ну, ходимъ у загинъ». Пишлы въ загинъ. «Ну, дывысь жъ, Хомо, яка тоби

люба корова, ту й беры». Выбравъ винъ. «Оцю, пане, возьму я корову.»—«Да, Хомо, цю мени не хотилось и давать, ну та беры, дилать уже ничого». Узявъ винъ корову съ телямъ ще. «Пане, пожалуйте ище мени и запыску, бо мы люде смертніи, то, може, вы де динетесь, або я». — Ну, на тоби и запыску, та якъ буде телычкы водыть, то хай будуть тоби, а якъ буде бычкы водыть, такъ мени». «Добре, пане». Узявъ винъ ту корову. Прыходе додому, прывьязавъ коровчыну на одному мисти, а теля на другому, и пасутця воны. Ось вона якось-то и одирвалась, одирвалась тай побигла мижъ чумацьки волы; а у чумакивъ та булы все молоди волы, паръ шисть увязалось за нею; вона ихъ додому и прывела. Винъ, недолго думаючи, поналыгувавъ ихъ та въ загинъ. Ось прыходять до нёго и чумакы, прыходять тай давай просыть тихъ бычкивъ. «Отдай, отдай, спасыби тоби, нашихъ бычкивъ»! Такъ винъ узявъ тихъ чумакивъ та прывивъ ихъ до пана. А панъ ёму и каже: «Отдай, каже, имъ, Хомо»!—«Ни, пане, у насъ есть роспыска, де напысано, якъ буде корова водыть бычкы, то вамъ, а якъ—телычкы, то мени. Отъ вона и прывела бычкивъ».—«Да, да, есть така роспыска. Ну, такъ уже мырысь зъ нымы, якъ знаешъ». Винъ и помырывсь. Далы ёму по карбованьцю за штуку, тоди погналы своихъ бычкивъ до гурту. Тоди ставъ Хома у пана у такому почоту, шо катъ ёго й зна! Панъ и каже ёму: «Ну, прыйдешъ же, Хомо, до мене на свадьбу, бо я буду свого паныча женыть».—«Спасыби вамъ, пане, за вашу ласку». Скоронедовго перечува Хома, шо у пана свадьба: паныча панъ жене. Піймавъ десь Хома ховражка тай подавсь до пана. Прыходе; прыходе тай каже лакэю»: «Докажы, панови, шо Хома прыйшовъ».—«Та ну тебе, Хомо! Ты все скилько отъ пана грошій забравъ, намъ николы й не подаваешъ». «Ну, вже теперъ якъ панъ дасть, такъ я вже и тоби дамъ». «Ну, гляды, якъ шо такъ, то я вже докажу пану». Пишовъ и сказавъ. Панъ выйшовъ. «Здоровъ, Хомо»!—«Здорови, пане»! «Це ты прыйшовъ подывытьця на весилля.»—«Эге»! «Ну, сидай же отъ тутъ. Сивъ винъ. Выносять ёму горилкы, выносятъ закуску. «Ну, закусюй же соби, Хомо».—«Выпыйте жъ и вы, пане». Панъ выпывъ. Тоди й Хома налывъ чарку. «Ну, дай же, Боже, на все благополушно, на все гараздъ»! Тоди сивъ самъ тай гостюетця. То панъ побуде-побуде зъ гостямы та впьять до Хомы, та зновъ зъ нымъ балакае. А винъ сыдыть та все рукою и пидштовхуе у пазуху та чухаетця. А гости

и пытаютця: «Шо то тамъ у васъ за чоловикъ, шо вы все выскочуете до нёго». — «И, тамъ у мене такый чоловикъ дорогый, шо на всю слободу». «А ну, якый тамъ дорогый чоловикъ»? Выйшлы. «Якъ же ёго звуть»?—«Хома». А винъ сыдыть та будьто рукамы за пазуху чухаетця. «Шо ты, Хомо, усе тамъ чухаешься»?—«Та тутъ, не вамъ кажучи, піймавъ звирька». Тай тягне ёго зъ-за пазухы. Подывылысь паны на того звирька тай кажуть: «Шо жъ теперъ уже у мене никому гратьця: панычи уже здорови, барышни уже велыки. «А одынъ панъ и каже: «Та у мене есть кому гратьця». Давъ винъ Хоми три карбованьци грошій, а звирька взявъ соби. А Хома й каже: «Спасыби, пане, за гроши! Ну, я ще хочу подывытьця, яки тамъ у васъ молоди, поздравыть ихъ». Поздоровывъ молодыхъ и йде додому. А панъ одчынывъ сундучекъ та хоче ему дать грошій. «А шо це вы, пане, хочете робыть?»—«Та хочу тоби ще й грошій дать». «Та ни, пане, не давайте мени грошій, бо зъ мене и такъ сміютця люде, шо я до васъ ходю, а вы все грошій мени даете. Дайте мени лучче сто розокъ».—«Якъ же це? За шо жъ то сто розокъ»? «Такъ, ни за що! Дайте тай годи»!—Ну, колы вже такъ, то я й це можу». Повелы ёго до конюшни, послявъ панъ по чужыхъ кучеривъ, шобъ шлы геть та не бачылы, якъ будуть сикты Хому, а свого послявъ по розкы. Ну, наризавъ винъ розокъ, прынисъ. «Лягай, Хомо»!—«Ни, каже, у мене ще половынщикъ есть». «Якый половынщыкъ»?—«Лакэй панській».« Ну, якъ есть половынщыкъ, то хай иде. А якый же винъ тоби половынщыкъ? Та такый; винъ казавъ, шо якъ панъ дасть мени, то шобъ и ёму давъ. «А га! га! Позвить ёго, позвить»! Позвалы ёго. Узялы — положилы ёго та тоди якъ сиконулы тридцять девьять разъ розкамы! «Ну теперъ, Хомо, лягай самъ»!—«Та будьте, добри пане, отдайте уже ёму и мою половыну»!.. Такъ ёму ще трыдцять девьять разъ усыпалы. А Хома тоди прыходе додому напытеный и наиденый та ще й зъ гришмы. Тай ставъ винъ жыть та пожывать.

Видъ чого скотъ дрочитця, а вивци душутця.

Значыть, дрочылысь вивци, а скотъ душывсь. А Господь ишовъ съ святымъ Петромъ, дойшовъ тай каже: «Здоровъ, скотарю»!— «Здоровъ»! «Зарижъ намъ телятко»! — «Та хай вамъ сей та той! Тутъ николы чобитъ пошыть, а вы ще зъ теляткомъ».. Розжылысь у одного. Тоди прыходять до чабана. «Здоровъ тоби, чабане»!—«Здоровъ!» «Зарижъ намъ ягнятко».—«Та я бъ вамъ, люде добри, и двое заризавъ, такъ не вдержу овець, бо дуже дрочатця. «Та я, каже Господь, обійду кругомъ, то воны й перестануть». Обійшовъ, воны й пересталы, утышылысь. Тоди чабанъ за ягнятко, піймавъ ёго, заризавъ. Тоди воны полягалы спать, а чабану и кажуть: «Ты соби хоть и все мнясо озьмы, а намъ одну печиночку звары». Отъ винъ тоди варе тай думае: «Ну, шо жъ воно за добро, шо воны одну тилько печиночку заставляють варыть». Зварывъ. «А ну, покуштую». Господь дывытця, а святый Петро спыть. Якъ зачавъ той чабанъ куштувать, якъ зачавъ куштувать, покы всю ззивъ. Прокынулысь воны тай кажуть: «А шо, чабанъ, зварывъ»?—«Зварывъ! Та отъ шо, люде добри? Скилько я не ризавъ ягнятъ, вси съ печинкамы булы, а це безъ печинкы». Ну, посидалы воны исты; чи зъилы тамъ по кусочку, чи ни: «Спасыби жъ тоби, чабанъ!.. Ходимъ же теперъ пана личыты». Пишовъ зъ нымы и чабанъ. Прыходять до одного пана. Спыталы, яка у нёго болисть, узялы зъ нёго тысячу карбованцивъ — выличылы. Чабанъ бувъ за дохтуря, а Господь за помошныка. Пишлы до другого пана. Тамъ узялы дви тысячи. Упьять чабанъ за дохтуря, а Господь за помошныка. Пишлы до третёго. Узялы уже пьять тысячь заразомъ, бо панъ дуже хворый бувъ. Тоди пишлы и зачалы гроши дилыть. Роздилывъ ихъ Господь на тры купкы: «Оце, каже, мени; оце чабанови». А чабанъ каже: «А третя жъ кому»?—«Це тому, хто печинку зъивъ». «Та то жъ я, каже, и ззивъ».—«Ну, на-жъ тоби вси тры». Винъ и взявъ. «Теперъ пиду додому, перероблю свою матирь изъ старои на молоду». Прыйшовъ, заризавъ ii, пошматувавъ, перепполоскавъ хорошенько, склавъ, якъ треба тому буть, суставчыкъ до суставчыка, а тоди водою цилющею побрызкавъ—вона исцилылась, а живущею водою забувъ, чи якъ винъ тамъ може не вхвысывъ. А Гасподь стоить

пидъ викномъ та дывытця. А тоди якось повернувъ, то воно совою стрепенулось тай полетило. Тьфу! Чортъ изъ чорта вылупывсь, чортомъ и полетило. Тоди вже скотъ зачавъ дрочытьця, а вивци пересталы. Тай до сихъ пиръ скотъ дрочытця, а вивци душутця.

Стареча брехня.

Идуть соби десь шляшкомъ, побиля садка, дидъ та баба тай розговорылысь про Адама та про Еву. «Я, каже, якъ бы Адамъ, то я бъ не зробывъ бы того, шо винъ зробывъ у раю».—«А я, каже, якъ бы Ева, то я бъ того не зробыла, шо Ева». А одынъ панъ, такый, шо любывъ слухать людськи розговоры, иде у садку тай чуе те все. А далі й каже до ихъ: «Здрастуйте, старыкъ и старуха»!—«Здрастуйте, пане»! «А куды вы, каже, идыте»? — «Та йдемо, кажуть, може наймымось де на роботу». «Мылости просю до мене въ гости». — «Та хиба-жъ такы намъ можно до васъ у гости йты? Вы жъ такы панъ, а мы — харпачча». «Та йдить, каже, йдить. Я, каже, ждавъ гостей та понаварювавъ та понапикавъ, а ихъ нема, той позоставалась уся трапеза». Такъ воны довго такы одговарювалысь, а потимъ пишлы. Увивъ ихъ панъ у горныцю тай каже: «Сидайте отъ-тутъ, ижьте и пыйте, шо вгодно, а оцёго судныка не займить». А винъ такый цвитный та красывый, а въ середыни у нёму мыша накрыта крышкою, тай бильшъ ничого. Отъ воны давай исты, давай исты, давай пыты, давай пыты, понаидалысь, понапывалысь, такъ шо й пальцямы у горлянци достають. Тоди та старуха и каже: «Шо це у тому ще, шо воно гарне стоить? Ну, таке, шо ажъ у вичи мичыться». А старыкъ и каже: «На те не вказано, — того нельзя займать». А вона: «Та хочъ не исты, а подывытьця». Взяла й одкрыла, а мыша звидтиля пурхъ! и побигла геть. Колы ось панъ и выходе; зиркнувъ у судныкъ, ажъ мыши нема. «Отъ бачъ, старыкъ та старуха, вы казалы на Адама та на Еву те та се, шо якъ бы я бувъ Адамъ, сёго не зробывъ бы, а якъ бы я була

Ева, то я бъ цёго не зробыла, тутъ же вамъ наставлено, шо хочъ, те й пый и ижъ, а тилькы суднука не займай. А вы жъ не втерпилы, а занялы? Шо тамъ же жъ ничого такого и не було! Такъ идить же соби геть, бо брешете вы, и вы-бъ такъ саме зробылы, якъ Адамъ та Ева.

Марко Багатый.

Марко бувъ багатый черезчуръ и пренебрегавъ винъ нышымы: нышій прыйде до нёго, винъ мылостыню подасть, та тры дни писля нёго полъ мые. Винъ що-день балъ задававъ: все балуе, все балуе, все у нёго гости, все гости. Такъ ось шось прыйшло до нёго. Прыйшло до нёго тры нышыхъ, такъ винъ звеливъ ихъ у темныцю заперты. И сыдять воны тамъ, може, до пивночи. Гляды, ось прылитае анголь, прылитае и садытця на темныцю. Такъ тамъ, у темныци, якъ посвитылысь свичкы, якъ постановылысь столы, якъ позастылалысь скатерти, якъ понакладалысь наидкы-напыткы и якъ десь узялысь музыкы, якъ урижуть, урижуть, а-я-я-я!.. Свичкы горять, музыкы грають, наидкы-напыткы стоять, нышци идять и закусюють. И такъ, може, ажъ до свита. Отъ одынъ нышій напывся-наився, такъ и лигъ и не похрестывсь, не поблагодарывъ Бога, лигъ якъ свыня. А другый наивсь-напывсь, поблагодарывъ Бога и лигъ. Колы тутъ зновъ анголь садытця на темныцю и рече: «Господы, Господы, яке назначаешъ багатство, дивка родыла у якійсь-то деревни сына».— «Назначаю, каже Господь, ёму багатство Маркове». А той нышій почувъ. Ось темныця розступылась, Господь пиднявся зъ тимъ анголемъ на небеса. Отъ то прокыдаетця Марко Багатый рано утречкомъ и впьять гостювать. А нышци, може, тамъ просыдилы до пивдня у темныци не ившы, покы тамъ подумалы про ихъ и доказалы Маркови, шо у нёго нышци сыдять у темныци, чи ихъ выпустыть, чи нехай сыдять, чи якъ тамъ. Такъ винъ хотивъ шобъ выпустыла ихъ прыслуга, а дали самъ не полинувавсь тай и вставъ. Уставъ, пишовъ у темныцю, пишовъ, одмыкае; одимкнувъ,

ажъ воны сыдять. Винъ и пытае ихъ: «А де жъ, каже, третій вашъ? Воны й одвичають: «То не ныщій бувъ, а то бувъ самъ Господь мижъ намы». Намъ дарма, шо ты посадывъ насъ у темныцю,— у насъ горилы свичкы, гралы музыкы, и булы у насъ наицкынапытки, мы ще лучче илы, нижъ ты, Марко Багатый».—«А де-жъ винъ дивсь»? А воны й кажуть! «Такъ якъ у дванадцятому часу, али у первому прылытило шось тай каже: «Господы, Господы, у такому-то сели дивка родыла сына, такъ яке назначаешъ ёму богатство». А Господь и каже: «Назначаю ёму багатство Маркове». После того темныця розійшлася, а Господь тоди на воздухъ пиднявся тай полетивъ на небеса зъ анголемъ. Выслухавшы те все, Марко взявъ тыхъ ныщихъ, покормывъ, давъ имъ мылостыну тай пустывъ. Пишлы соби ныщи, куды имъ треба було йты. А Марко тоди скоро-недовго поихавъ шукать тіи дивкы, шо родыла сына. Прыизжае у слободу, найшовъ іи; найшовъ,— давай у неи купувать сына. Довго вона не продавала ёго, а дали продала. Якъ сказавъ ій Марко: «Поставлю тоби хату, дамъ тоби хлиба и грошій багато, тилько продай», то вона такы продала. Купывъ винъ того сына. Ну, купывъ, везе ёго видтиля. А тутъ лежыть снигу заметъ такый здоровѣтельный. Такъ винъ ёго въ заметъ! «Отъ тутъ, каже, тоби богатить, а не на моимъ богатстви»!... Укынувъ ёго тай поихавъ. Тоди прыизжае додому, успокоивъ самъ себе и впьять давай гостювать. «Мое буде впьять». А въ тимъ замети зробылось лито, цвитуть цвиточкы, канарейкы поють, однымъ словомъ, рай, и тамъ хлопчышко граетця соби квиточкамы, усякою усячыною. Ось иде мужыкъ, побачывъ того хлопчышка тай думае: «Господы, якъ же воно тамъ граетця? Шо воно жъ холодъ! зима! Треба ёго взять»! тай узявъ. Прывизъ додому, годуе. Отъ якъ пишлы балачкы, якъ пишлы балачкы, якъ пишлы балачкы, то й Марко багатый почувъ, шо чоловикъ найшовъ хлопчыка у снигу и той хлопчыкъ сыдивъ тамъ и гравсь наче литомъ. Якъ запряже Марко свои кони та до того мужыка. Прыизжае-найшовъ. Давай купувать того хлопчыка у мужыка. Давай купувать, давай купувать,— купывъ. Купывъ и повизъ. Прывозе додому, зробывъ бочку, укынувъ хлопчыка у бочку, заднывъ іи и пустывъ ёго по морю. «Отъ де, каже, тоби богатить, а не моимъ багатствомъ». Такъ той бочонокъ зъ тимъ хлопчыкомъ тай поплывъ, тай поплывъ, тай поплывъ, тай прыбывсь до такого монастыря, такого биднаго монастыря, шо

й исты въ нёму ченьцямъ ничого. Взялы ченьци той бочоночекъ роскрылы ёго, ажъ тамъ сыдыть хлопець и кныжку чытае. Узялы воны того хлопця, и ставъ той монастырь богатить, ставъ богатить, такый богатый ставъ, шо онъ якый. Ну, пишлы слухы, пишлы слухы. Дочувсь и Марко Багатый. Запрягае винъ коней и иде до монастыря за тимъ хлопцемъ. Прыизжае у той монастырь до монаховъ, давай торгувать хлопця. «Боже сохраны! Шобъ мы ёго продалы! У насъ бувъ монастырь голисенькый, а винъ же намъ счастя прынисъ». Такъ Марко якъ зачавъ торгувать, якъ зачавъ торгувать, и те имъ дае, и друге, и трете. и десяте. Купывъ. Купывъ, тоди послявъ ёго до себе пишкомъ и давъ ёму у рукы запысочку, ще й запечатавъ печатію, шобъ тамъ ёго посиклы-порубалы, испалылы и попилъ по витру пустылы. И прыказавъ ёму, шобъ, Боже сохраны, никому тіеи запысочкы не показувавъ, ажъ покы додому не донесе. Ось винъ иде шляшкомъ-дорожкою; стричаетця ёму старычокъ. «Здоровъ, тоби хлопче»! — «Здорово вамъ, старычокъ»! «А куды ты йдешъ»? «Додому». «А шо жъ ты несешъ»? — «Несу отъ хозяина письмо». «А покажы». — «Э, мени хозяинъ прыказавъ, шобъ я никому не показувавъ, ажъ покы додому не дойду». Давай ёго прохать, давай прохать— показавъ. Узявъ той старычокъ письмо и прочытавъ. Ажъ тамъ напысано, шобъ винъ, покы прыиде Марко додому, бувъ порубаный и посиченый. А той старычокъ замистъ того ёму напысавъ, шобъ винъ, покамисть прыиде Марко, шобъ винъ бувъ на ёго дочци посватаный, повинчаный и свадьбу, шобъ одгулялы, покы самъ Марко прыиде. Напысавъ, отдавъ тому хлопцеви, и пишовъ геть. Якъ прыйшовъ хлопець, то такъ усе и зробылы, якъ було напысано. Ось прыизжае и самъ Марко. Прыизжае, колы тутъ захожуетця пыръ писля винчання. «Шо такъ? Я жъ казавъ отъ такъ и такъ».—«Э, ни: ты одпысавъ отъ такъ». Винъ подывывсь, ажъ такъ. «Ну, нехай уже будемъ свадьбу гулять». Одгулялы свадьбу, якъ довжно быть, тоди Марко и каже своимъ робочимъ: «Глядить же вы, слугы,—а у ёго чавунни заводы булы—глядить же вы, якъ пиде мій зять по заводахъ ходыть, то вы ёго прямо пидъ рукы та въ казанъ; хочъ буде винъ казать, шо винъ Марко Багатый, то вы не слухайте, а кыдайте прямо въ казанъ». Ну, а самому зятеви зъ вечера прыказуе: «Якъ ты теперъ мій зять и все ровно якъ сынъ,-- дочка моя, и сынъ мій,—такъ шобъ ты теперь

ходывъ на роботу и повирявъ робочихъ, якъ воны роботають, а я вже теперъ старый». Отъ то винъ раненько, ще темно на двори, убыраетця—одягаетця съ тимъ, шобъ йты та робочихъ повирять; убыраетця, а молода жинка ёго и каже ёму: «Пидожды, ще успіешъ, бачъ, якъ рано»: Винъ и прысивъ. А Марко ждавъ-ждавъ, не втерпивъ. «Пиду, каже, повирю зятя, чи винъ уже такы тамъ». Ну, вдився, пишовъ. Прыходе и давай ходыть тамъ по работахъ. А воно темно такъ, шо й не розберешъ, шо воно тамъ ходе. Тутъ ёго заразъ два кацапы якъ ухоплють пидъ рукы та въ казанъ. А винъ: «Ай-ай! Я Марко Багатый»!—«Та чортъ тебе беры! Намъ прыказано, хто бъ то якъ не назывався, а прямо ёго въ казанъ»! Такъ винъ тамъ и скыпивъ, а ёго зять на ёго богатстви зоставсь. Та й доси жыве и хлибъ жуе.

Сравни Драгоманова Малорусскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, 329—332.

У подножья Рясной могилы.

ТАННЕЮ весной 1885 года пришлось мнѣ вести раскопку кургановъ близъ села Вороной, въ имѣніи М. Н. Миклашевской, Екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, противъ днѣпровскаго порога Лоханскаго. Раскопка кургановъ вообще сама по себѣ далеко нелегкое дѣло; но въ особенности она тяжела во время знойныхъ лѣтнихъ дней, при господствѣ сухихъ и жгучихъ вѣтровъ, при отсутствіи прѣсной и холодной воды, при неимѣніи помощника для смѣны во время продолжительнаго хода работъ и при необходимости одному человѣку весь день, подъ дѣйствіемъ страшно палящихъ лучей солнца, выстаивать на самой вышкѣ кургана и ежеминутно засматривать каждому изъ рабочихъ подъ лопату. Отъ сильнаго вѣтра, упорно дующаго въ степи, иногда безпрерывно весь день, и отъ ѣдкой пыли, крутящейся во всѣ стороны надъ курганомъ, человѣку ни смотрѣть, ни говорить нѣтъ никакой возможности: пыль набивается ему въ голову, наполняетъ его носъ, уши, ротъ и дѣлаетъ его глаза красными, какъ у кролика. За весь день пыли этой наглотаешься столько, что она заполнитъ собой и весь желудокъ и всѣ кишки, такъ что черезъ то и пища на умъ нейдетъ. «Тутъ, коло цихъ курганивъ, узнаешъ, по чимъ хунтъ гребешкивъ», иронически выражаются по этому поводу копачи-малороссы. «Тутъ накопаешься такъ, что и въ башкѣ замитуситься», выражаются копачи-бѣлоруссы. Кромѣ всего этого завѣдующему раскопкой

кургановъ нужно всегда вставать раньше всѣхъ другихъ, чтобы будить рабочихъ и ставить ихъ на мѣста, и ложиться позже всѣхъ, чтобы сдѣлать нарядъ къ слѣдующему дню. Отъ того во время подобныхъ раскопокъ бываютъ такіе моменты, когда и самъ не знаешь, находишься ли въ бодрственномъ состояніи или во снѣ: станешь всматриваться въ какую-нибудь точку и задремлешь, присядешь на корточки и моментально уснешь.

Но раскопка кургановъ возлѣ села Вороной значительно облегчалась тѣмъ, что производилась ранней весной, когда степные вѣтры еще не несутъ вмѣстѣ съ собой той ужасной спеки и той страшной пыли, какія они несутъ въ іюньскіе и особенно іюльскіе дни. Къ тому же и самыя находки въ курганахъ были на тотъ разъ настолько обильны, что положительно радовали сердце любителя старины. На тотъ разъ и рабочіе также сошлись молодецъ въ молодца: и лопаткой ковырнуть и словомъ козырнуть хоть куда! Одинъ за ними только и водился порокъ—это тотъ, что они ни за что не хотѣли вѣрить тому, что курганы копались ради находки въ нихъ древностей, т. е. человѣческихъ костей, глиняныхъ черепковъ и тому подобныхъ на мужицкомъ языкѣ «некчемныхъ» вещей, а не ради золота и сокрытыхъ въ нихъ различнаго рода богатствъ. Наружно они и показываютъ видъ, какъ будто вѣрятъ, что копатель стремится добыть въ курганѣ человѣческій «маслакъ» или какой-нибудь старый горшокъ, но въ душѣ всѣ они далеки отъ того, чтобы вѣрить въ подобные пустяки и, всматриваясь въ выраженіе глазъ какого нибудь мужика, я ясно вижу, что говорятъ его глаза: «Ой, брешешъ ты, пане, крипко брешешъ, шо тоби треба тилько черепкы та маслакы»...

При раскопкѣ кургановъ я никогда особенно не тороплю людей, потому что слишкомъ спѣшная въ этомъ случаѣ работа можетъ принести вмѣсто пользы одинъ вредъ: рабочіе, торопясь, испортятъ и перебьютъ всѣ хрупкія вещи, сокрытыя въ землѣ. Для такихъ работъ, какъ раскопки кургановъ, гораздо удобнѣе брать малороссіянъ, нежели великороссіянъ. Никогда не торопясь при раскопкѣ могилъ, я дѣлаю кромѣ того еще длинные перерывы среди дня, и именно тогда, когда рабочіе начинаютъ уставать отъ солнечной спеки или отъ продолжительнаго подбрасыванія изъ кургана земли. Въ такомъ случаѣ я собираю около себя большой кругъ, самъ ложусь животомъ внизъ на траву и тоже самое предлагаю дѣлать и всѣмъ моимъ копачамъ. А для того, чтобы не терять

даромъ дорогого времени, я вызываю охотниковъ разсказывать мнѣ сказки, преданія и повѣсти, объявляя при этомъ зачастую и таксу за всякое сказаніе отъ одной копѣйки до трехъ. И всегда, въ особенности въ послѣднемъ случаѣ, является масса охотниковъ что-нибудь поразсказать и чѣмъ-нибудь посмѣшить. Но есть немало и такихъ, которые безъ всякой платы, а по одному лишь увлеченію, готовы разсказывать хоть весь день.

Вотъ въ одинъ изъ такихъ моментовъ дневного отдыха лежимъ мы животами внизъ и, подсунувшись до половины, ради тѣни, подъ стоящую возлѣ Рясной могилы бричку, ведемъ «балàчку про старовынỳ». Дѣло, обыкновенно, начинается съ вопроса о какой-нибудь самой незначительной вещи, замѣченной у кого-нибудь изъ копачей.

— Ну, й брыль же у тебе, козаче, бравый! Мабуть такъ, шо карбованьцивъ два, якъ шо не бильше, стое.

— Эге, трошкы та не вгадалы.

— А якъ трошкы?

— Та такъ, шо якъ бы мени два карбованьци, такъ ябъ ажъ двадцять брыливъ за ныхъ купывъ; а якъ самому сплесты, то щебъ дешевше обійшлось.

— Онъ якъ?

— Такъ!

— А хиба ты самъ спливъ?

— Самъ!

— Де жъ ты такый зародывсь и якъ тебе звуть?

— Зародывсь у сели Мыхайловци, Херсонскои губерни, а звуть мене Трохымъ Гадюка.

— Отъ призвыще, такъ призвыще? не вже справди Гадюка?

— Гадюка.

— Шо жъ у тебе и гадючыха и гадючынята е?

— У цёго Гадюкы, пане, ни гадючынятъ, ни гадючыхи нема: винъ такъ соби, нàборъ... Гадюкы усе жъ по чужыхъ норахъ лазютъ...

— А ты краще, Хведоре, хочъ ты прозываешся и Кошовымъ, ты краще помовчы. Ты думаешъ, якъ твоя красуля Приська спидныцею носе тоби у шынкъ обидать, такъ ты уже и гетьмàнъ,— ни, ты ще покы Кошовый.

— А чомъ же Приська и не красуля! Одна нога дывыться на село Покровське, а друга на сентябъ мисяць, а винъ же за нею и не продыше!...

— Брава жъ и красуля!

— Эге-жъ! Ии и за ричкою Камьянкою симъ дворивъ хвалыло: чотыри пустыхъ, а въ трёхъ не жывуть...

— Хто жъ це тамъ такъ Приську атестуе?

— Дидъ Ондрій Похмурко,—бильшъ нихто!

— А звидкиля ты есть, диду?

— Изъ Полтавськои губэрни, мыргородського уизду, березолуцькои волости, изъ Передеріевкы.

— Отъ же й выдко, шо ты изъ полтавщыны.

— А по чому же воно вамъ выдко?

— По тому выдко, шо у тебе люлька дуже вьихватна.

— Эге, шо правда, то правда! Воно, бачыте, чоловикъ хотивъ зробыть човенъ, такъ пивень заспивавъ, а воно й выйшла люлька. Винъ мудрый, собачый сынъ, бувъ, отъ той, шо робывъ ии: бачъ, ще й нисокъ спереди пустывъ. Та тилько шкода: репнула гемонська душа, такъ я ии кинськымъ волосомъ обмотавъ тай жыве.

— Тай жыве?

— Тай жыве!

— Хто жъ ии робывъ?

— Хто ии робывъ—цёго я й самъ не дознаю, бо вона у мене выпыснà: вона, якъ, по правди вамъ сказать, арапивська люлька, изъ Арапіи выпысана та мени й доставлена.

— Э, такъ вона у тебе, бачу, непрòста!

— Та вы, пане, якъ хочете знать, то воно й цей дидъ не òвси простый.

— Хто це тамъ обизвався?

— Обизвався Власъ Савенко, изъ тіеи жъ такы Передеріевкы, шо колысь пипъ Передерій жывъ.

— Пипъ Передерій, кажешъ, жывъ?

— Эге-жъ! Такъ у насъ диды поносять, шо тамъ якыйсьто пипъ жывъ. Эй диды, диды, не знають биды!...

— Ну, а дидъ же Ондрій Похмурко не зъ риднѝ бува, Передерію?

— Куды тамъ зъ риднѝ! Це такый дидъ, шо якъ бы ёго отъ тамъ, де йде въ хати бéседа, та пидвивъ ничью пидъ викно та показавъ бы черезъ скло людямъ, то вси бъ люде почумѝлы...

— Такъ, може, ты ёму самъ зъ ридни?

— Мы зъ нымъ ридня до пивдня, а якъ сонце зайде, самъ чортъ не знайде!...

— Ха! ха! ха! Отъ це бисивъ хлопець! Цей уже у насъ якъ скаже, такъ якъ у око влипе!...

— Эге, у око! Цёго дида поцилышъ у око, якъ винъ зна, якъ и потопъ бувъ, якъ и Адамъ ковчегъ строивъ.

— Та хиба жъ ковчегъ строивъ Адамъ?

— У кого другòго, то строивъ дрýгый, а у цёго дида строивъ Адамъ.

— Смійся-смійся, Власе, надъ цимъ дидомъ, а винъ якъ пиде косыть, такъ ёго нихто й не доженѐ.

— Де жъ ёго й догнать, якъ винъ одъ себе такый духъ пуска, шо ажъ трава вьяне... До нёго и прыступыться неможна, а не то що... Одно це, а друге те, шо винъ косе босый; уси люде косять або въ постолàхъ, або въ чобòтяхъ, а винъ косе босый.

— Черезъ шо жъ винъ косе босый?

— Черезъ то, шо у нёго подошвы стальни.

— Якъ це такъ стальни?

— А такъ: винъ оце якъ ранкомъ устане зъ лижка, заразъ до мазныци тай давай мазаты соби пидошвы дёгтемъ, черезъ то воны у нёго и стальни.

— Такъ отъ якый цей дидъ!

— Ни, винъ ще й не такый! Винъ зна, якъ у чортѝвъ грошій позычать!

— А це жъ уже якъ?

— Э, це вже нехай винъ вамъ самъ розскаже.

— Розскажы, диду, якъ же то ти гроши у чортѝвъ позычàть.

— Якъ у чортѝвъ гроши позычàть?

— Эге-жъ!

— А хиба жъ я у ихъ позычàвъ?

— Колы самъ не позычàвъ то, може, чувъ, якъ другый хто позычàвъ.

— Чуты чувъ.

— Якъ же ты чувъ?

— Чувъ якъ одынъ чмутъ [1]), може, отъ такый, якъ оце нашъ панъ, позычàвъ.

— Ну, якъ же воно було?

— А отъ якъ: воны, ти чорты, якъ-яки, такъ и справди людямъ гроши дають. Отъ то одынъ чоловикъ и пишовъ до ихъ на

---

[1]) «Чмутъ—чудакуватый чоловикъ».

позычкы. Прыйшовъ тамъ чи до болота, чи до кручи тай давай прохать. А винъ, чортъ, почувшы тай каже чоловику: «Твій дидъ не бравъ и батько не бравъ, такъ и тоби шкода̀ давать».—«Та я, каже чоловикъ, не на душу, а позычить,—я скоро виддамъ». Такъ винъ ёму и давъ. Отъ то прыйшовъ строкъ платыть. Узявъ той чоловикъ гроши и несе. Прыносе тай вызыва чорта: «Сухонисъ, Сухонисъ, выйды до мене, ось я гроши прынисъ». Отъ и выходе до нёго якыйсь чортъ. Дывыться чоловикъ, ажъ воно зовсимъ инчій чортъ: цей правый, а той, шо гроши дававъ, бувъ крывый. «Шо тоби, каже, треба»?—«Та я бравъ гроши, такъ оце прыйшовъ виддать». -«Э, я тоби, каже, не дававъ, а дававъ тоби крывый»·—«А де жъ винъ, той крывый»?—«Та ёго убывъ громъ пидъ Ромномъ, а поколинія у нёго не було и завищанія винъ не вспивъ зробыть, такъ то вже гроши будуть тоби,—я ихъ отъ тебе прынять не могу». Съ тымъ той чоловикъ и пишовъ назадъ зъ гришмы.

— Такъ отъ якъ винъ у чортивъ гроши позычавъ!

— Отъ такъ винъ и позычавъ.

— А десь у чортивъ и грошвы до гыбели есть?

— Есть у ихь тіеи грошвы! Скризь вона у ихъ позахована.

— Де-жъ вона позахована у ихъ?

— А вы не знаете де?

— А де?

— Та отъ хочъ бы и въ такыхъ могылахъ, шо мы оце копаемо.

— И такы жъ тому правда?

— А вы думалы, шо такъ тилькы одна балà̀чка? Хиба вы не чулы тіеи прычты, якъ чортъ товарышувà̀въ зъ запорозькымъ ковалемъ та ховавъ гроши у курганъ?

— Ни, не чувъ.

— Э, такъ вы, значыть, не чулы и того, якъ старыхъ людей переробляють на молодыхъ?

— Цёго вже такъ, козаче, шо й òвси не чувъ.

— А колы не чулы, такъ послухайте,—уже куды не йшло, я вамъ розскажу.

Жывъ колысь-то мижъ запорозцямы одынъ коваль, та не такый коваль, яки теперъ повелысь,—пьянюгы та мошенныкы,—а коваль настоящый, чесный, тверезый чоловикъ, ще старынного заповиту. И кувавъ винъ коней, може, на всю Сичь. Чуть свитъ, а винъ уже и въ кузни, уже и гукае молотомъ. Тилькы, скилькы винъ не

робывъ, скилькы не годывъ соби и козакамъ, а все бидолахою бувъ и зостався: ни на нёму, ни пидъ нымъ. Отъ якось прыходе винъ до своеи кузни удосвита, а на двори було такъ темно, шо хочъ у око колы, такъ ничого не выдко. Видимкнувъ коваль двери; увійшовъ у середыну кузни. А тамъ у нёго, бачьте, повсигда высило дви картыны: на одній зрысованъ бувъ Господь Ісусъ Хрыстосъ, а на другій намалёванъ чортяка зъ рогами; перша картына прыбыта була на стини, шо прямо противъ дверей; а друга на стини, шо надъ дверыма. Такъ отъ якъ, бувало, увійде коваль у кузню, то заразъ же стане лыцемъ до иконы и помолытця Богу, а потимъ обернетця назадъ и плюне чортови, та плюне якъ разъ у саму пыку. Такъ робывъ винъ кажнисенькый день: Богу помолытця, а чортови плюне. А воно жъ и чортъ може обиду мать, якъ и чоловикъ, и за обиду може видместыть. Отъ воно такъ и сталось. Увійшовъ коваль у кузню, перехрыстывсь на икону, плюнувъ у саму пыку чортяци, потимъ взявъ у рукы молотъ и давай гукать. Тилько шо винъ ударывъ разивъ два, або тры молотомъ по ковадлу, колы гулькъ! ажъ передъ нымъ стоить парняга, здоровый, красовытый съ такыми чорнымы—пречорнымы вусами, шо такъ воны у нёго и вылыскуютця, а на выдъ темный, смуглуватый.

— Здоровъ тоби, дядьку!

— Здоровъ тоби, парняга!

— Часъ тоби добрый кувать и не перекувать, брать гроши и не перебрать!

— Гмъ, добре говорышъ, та погано выходе.

— А чомъ такъ?

— А тому такъ, шо скилько я не працюю, а ничого нема ни мени, ни пидо мною.

— Шкода мени тебе, дядьку! Та шо жъ робыты, якъ у тебе така погана наука? Отъ якъ бы ты знавъ тіеи наукы, шо я знаю, такъ тоди бъ ты и горемъ объ землю покотывъ.

— А яка жъ твоя наука?

— Моя така наука, шо я по ній можу старыхъ людей перероблять на молодыхъ.

— Не вже така наука на свити есть?

— Есть!

— И ты можешъ перероблять старыхъ людей на молодыхъ?

— Можу!

— Оце наука, такъ наука! Видъ цієи наукы можно бъ чимъ покорыстуваться! А шо якъ бы ты, спасыби тоби, навчывъ мене тіеи наукы?

— Навчыть тебе тіеи наукы?

— Здилай мылость навчы, якъ шо ласка твоя!

— Э, не хотилось мени, та вже крипко тебе жаль. Такъ отъ же шо: ходимъ умисти по свиту, побачышъ, якъ я роблю те дило, то й соби навчышься.

— Ходимъ!

Отъ и пишлы воны. Идуть-идуть; прыходють у одну слободу и заразъ же пытають: «А шо це панська слобода»?—«Панська». «А есть тутъ панъ»? — «Есть»! «А шо винъ старый, чи молодый»?—«Та годъ зъ девьяносто буде».—«Ну, оце й нашъ, — ходимъ до нёго».

Прыйшлы, доложылысь объ соби. Отъ и вылазе панъ, старый та зморщеный, насылу ногы волоче. «А шо вы скажете, мужычкы»?—«Та мы прыйшлы, пане, называтьця вамъ роботою».—«А яку жъ вы можете роботу сполнять»?—«Та мы хочъ по столярській, хочъ по малярській, хочъ по плотныцькій, хочъ по кузнечній роботи, а хочъ старыхъ на молодыхъ перероблять». «Э, добрая, бачу ваша и робота! Невжли можете старыхъ людей перероблять на молодыхъ»?—«Можемо»! «Здилайте божеську мылость, переробить мене».—«А шо дасте, пане»? «А шо возьмете»?—«Та зъ васъ треба бъ тысячу карбованьцивъ, потому вы уже дуже стари». «Чи нельзя взять висимсотъ»?—«Ни, пане, ни якъ незля, потому струментъ дорого стое». Сюды-туды,-сторгувалысь за тысячу. Тоди той молодый парняга узявъ довбню, ошелешывъ ею пана по лобу, поризавъ ёго на кускы, повкыдавъ ти кускы въ бочку, налывъ туды воды, насыпавъ золы, взявъ у рукы весилку тай давай усе те вмисти мишать весилкою. Мишавъ-мишавъ, мишавъ-мишавъ, а потимъ якъ дуне, якъ плюне та якъ крыкне: «Стань передо мною, якъ лыстъ передъ травою»! То воно потому слову ёго изъ бочкы выскочывъ такый молодець, такый молодець, шо ажъ любо на нёго и подывыться: молоденькый, молоденькый, наче бъ ёму всёго симнадцять годивъ. Получывъ парняга той грошыкы, частыну ихъ ковалю давъ, а частыну на шось закопавъ у курганъ. Пишлы дальше.

Идуть-идуть; прыходють у другу слободу и заразъ же пытають: «А шо це панська слобода»?—«Панська». «А шо тутъ

панъ, чи паня жыве»?—«Паня». «А стара вона»?—«Та годъ сто, або й бильшъ буде». «Ну, оце й наша, — ходимъ»! Прыйшлы доложылысь объ соби. Отъ и выносять имъ паню на подушкàхъ. Така стара, така стара, шо дывытьця на ню страшно. «Шо вы скажете мужычкы»? — «Та мы прыйшлы называтьця роботою до васъ»? «А? шо? шо вы говòрыте»?—«Та мы, пани, прыйшлы называтьця роботою»?—«Роботою? А яку жъ вы роботу можете сполнять»?—«Та мы хочъ по столярській, хочъ по малярській, хочъ по плотныцькій, хочъ по кузнечній роботи, а хочъ старыхъ людей на молодыхъ перероблять». «Э, добрая жъ, я бачу, ваша робота! Невжли можете старыхъ людей перероблять на молодыхъ»?—«Можемо». «Здилайте божескую мылость, переробить мене»! — «Можете»?—«Можымо! А скилько намъ дасте»?—«А скилько возьмете»?—«Та зъ васъ бы треба дви тысячи карбованьцивъ». «Нельзя ли пивторы»? — «Ни, ни якъ незля, потому струментъ дорого стое»... Ну, отъ такъ-сякъ за дви тысячи зговорылысь. Тоди той парняга зновъ взявъ довбню, хватывъ ею паню по лобу, поризавъ тило на милки шматочкы, повкыдавъ ти шматочкы въ бочку, налывъ воды, насыпавъ золы, взявъ весилку та й давай ею мишать. Мишавъ-мишавъ, а потимъ якъ плюнувъ, якъ дунувъ та якъ крыкне: «Стань передо мною, якъ лыстъ передъ травою»! А звидтиля й выйшла така красуня, така красуня, шо ажъ сяе, — наче бъ ій годъ шистнадцять. Получылы майстры грошыкы, подилылы ихъ; упьять частыну ихъ парняга на шось закопавъ у курганъ, и пишлы въ третю слободу.

Тамъ воны тежъ найшлы якогось пана и переробылы ёго изъ старого на молодого.

Отъ коваль бачe, шо наука того парня не овси-то мудра, та й говоре самъ соби. «Э, катъ же тебе беры зъ твоею наукою! Я й самъ теперъ можу тежъ саме робыть! Полягалы спать. Отъ то тилько шо парняга заснувъ, а коваль пиднявсь тай и втикъ.

Прыходе винъ у першу слободу и заразъ же пытае: «А чи есть тутъ панъ»?—«Есть».—«А старый винъ»?—«Та такый старый, шо усе симъдесятъ симъ паръ колесъ на возахъ побылы, симъдесятъ симъ годъ шукаючи ёго на тимъ свити «Отъ це й мій». Прыходе до пана; доложывся объ соби. Выходе панъ похылый-похылый та ще й згорбленый. «А шо скажешъ, мужичокъ»?—«Та прыйшовъ называтьця роботою! «А яку жъ ты можешь роботу сполнять»?—«Та я хочъ по столярській, хочъ

по малярскій, хочъ по плотныцькій, хочъ по кузнечній роботи, а хочъ старыхъ на молодыхъ людей перероблять». «Невжли можешъ старыхъ людей перероблять на молодыхъ»?—«Можу». «А шо ты визьмешъ переробыть мене»?—«Тысячу карбованьцивъ». «О, якъ дорого! «Визьми висимсотъ».—«Ни, пане, ни якъ неможна,—струментъ дорого стое». Такъ-сякъ—за тысячу зійшлысь. Тоди той коваль взявъ довбню, убывъ ею пана, изризавъ ёго на шматочкы, повкыдавъ ти шматочкы въ бочку, налывъ воды, насыпавъ золы, взявъ весилку и давай ею те все мишать. Мишавъ-мишавъ, а потимъ якъ свысне, якъ крыкне: «Стань передо мною, якъ лыстъ передъ травою»! А воно ничого й не выходе. Винъ зновъ мишать. Мишавъ-мишавъ, мишавъ-мишавъ, питъ биднягу прошыбае, а винъ все мишае. Потимъ зновъ якъ свысне, якъ крыкне: «Стань передо мною якъ лыстъ передъ травою»! А воно и зновъ ничого не выходе. Винъ и въ третій разъ, и въ третій разъ ничого не выходе. Шо тутъ робыть? А диты убитого пана прыстають до коваля, шобъ винъ вернувъ имъ батька ихъ, а не верне, то въ Сибирь зададуть. «Постойте, каже коваль, старый винъ дуже,—не вкипивъ». И зновъ мишать. Ось уже и ничь обняла ёго; ось уже люды и спаты полягалы, а винъ усе миша та миша въ бочци. Утомывсь бидняга до киньця; бросывъ мишать, сивъ тай зажурывсь: «Эхъ, побыла мене лыхая гадына та нещаслыва! И на-що я втикъ отъ того парнягы? И де винъ теперъ есть»? Отъ тилько шо винъ сказавъ ци слова, колы тутъ хтось торкъ ёго за руку! Оглянувсь коваль, ажъ то парняга, той самый, зъ блыскучымы очыма та зъ чорнымы-пречорнымы вусыкамы.

— Шо це ты, дядьку, такъ зажурывся?

— Э, голубчыку мій сывесенькый, выручъ изъ биды! Покарала мене нечыста годына: я думавъ, шо вже навчывсь твоеи наукы та взявъ та и втикъ отъ тебе и давай перероблять старыхъ людей на молодыхъ, а воно выйшло такъ, шо я убыты чоловика убывъ, а воскресыты ёго ни якъ не воскрешу. Сдилай мылость, поможы въ биди! До вику не забуду я тебе!

Задумавсь парняга, а коваль усе просе, усе моле ёго та кланяетця ёму.

— Ну, отъ же що: я тоби запоможу, та тилько ты дай мени одынъ зарокъ.

— Не одынъ, а десять дамъ, абы тилькы выручывъ изъ биды! Кажы тилько, чого тоби треба.

— Чого мени треба? Не будешъ ты плювать на ту картыну, шо высыть у тебе у кузни надъ дверыма?

— Та це та, де чортъ на неи намалёванъ?

— Та сама!

Глянувъ тоди коваль на чорнявого парнягу зъ блыскучымы очыма та зъ чорнымы вусыкамы и все урозумивъ одразу... Урозумивъ винъ и те, яка наука ёго... Ну, шо жъ було робыть бидоласи, колы самъ соби заподіявъ таку биду?

— Не буду, до вику не буду...

И зъ тыхъ пиръ переставъ коваль плювать чорту въ пыку, зъ тыхъ же пиръ люды и пословыцю зложылы: «Бога не забувай, тай чорта не зобиждай»!

Це зробылось мижъ запорозцямы, а одъ запорозцивъ и къ намъ перейшло... А шо, чи хороша моя баечка?

— Ще й онъ яка хороша! А тилько я не пойму одного, для чого чортъ закопувавъ зароблени гроши у курганы, а не бравъ ихъ зъ собою.

— А для того, шо то хрыстіянськи гроши, и якъ бы винъ ихъ узявъ зъ собою, то воны бъ ёго спалылы!

— Онъ якъ! Николы не чувъ такого!

— Не чулы, а воно такъ! Ну, а чулы жъ вы, пане, якъ можна достать ти гроши назадъ изъ кургана?

— Ни, и цёго не чувъ.

— Зубомъ изъ мертвяка!

— Це жъ якъ?

— А такъ, шо треба вырвать изъ рота мертвяка кутній зубъ,—такъ зъ тымъ зубомъ можна и клады находыть, и замкы одмыкать, и дивчатъ до себе прывертать. На счотъ цёго тежъ есть одна старовынна баечка,—якъ хочете, то розскажу.

— Кажы, здилай мылость, кажы! Яка така?

— А ось слухайте! Колысь-то, въ дуже давню давыну́ бувъ соби тутъ такы у насъ, на Запорожжи, одынъ безридный неимущый козакъ, сирома, голякъ. Тилько й богатства у нёго, шо кинь, кресало та люлька. И такый винъ бувъ безстрашный чоловикъ, шо скризь бувало блукае то по степу, то по балкàхъ, то по лису. Чи день, чи ничь, чи лито, чи зима—ёму все однаково. Отъ-то якось зимнёи поры, выихавъ винъ въ ночну добу̀ изъ Запорожжа въ Гетьманщыну, на городы̀. Выихавъ—погода була добра; а потимъ пиднялась така хуртеча, така хуга, шо Господы сохраны!И свиту

божого не выдко! Одно курыть, одно курыть и все чимъ дальше—тимъ бильше, чимъ дальше—тимъ бильше, тимъ страшнійшъ. А козакъ все йде та йде. Ихавъ-ихавъ, наконець того збився зъ шляху. Сюды-туды, сюды-туды—нема дорогы тай тилько! Прыйшлось такъ, шо хочъ Богу душу отдавай. Шо тутъ робыть? Пустю коня по воли, хай винъ йде, куды знае, — винъ швыдче выбьетця на шляхъ». Пустывъ коня и впьять йде. Ихавъ-ихавъ, колы кинь тыць! и ставъ. Шо воно таке? Дывытця козакъ — ограда, а за оградою—церква. «А, слава жъ тоби, Боже, це, мабуть, тутъ же десь и слобода»! А якъ кинь козака крипко уморывсь, то козакъ прывьязавъ ёго до ограды, а самъ пишовъ шукать слободы. Шукавъ-шукавъ—нема слободы тай годи! Хотивъ було вернутьця до коня, и тутъ бида: слидъ до церквы загубывъ. Сюды-туды, сюды-туды—нема слиду тай тилько! «Отъ колы вже смерть, спражня смерть! То хочъ бувъ кинь, а теперь и коня нема!.. Одначе, постій; дай-ка позву коня». Позвавъ коня—кинь заржавъ десь. Пишовъ козакъ на голосъ коня и кой-якъ такы зъ велыкою сылою добравсь до нёго. «Ни, теперъ я ось шо вже зроблю: коня заведу пидъ дзвиныцю, самъ сяду пидъ дверыма церквы, закурю люльку тай буду сыдить ажъ до самого ранку. Хочъ грихъ, хочъ два курыть люльку пидъ церквою, а я все жъ такы закурю: не буду курыть — засну, а якъ засну — замерзну». Отъ завивъ винъ коня пидъ дзвиныцю, самъ сивъ спыною до церковныхъ дверей, закурывъ люлечку тай сыдыть. Сыдыть соби тай сыдыть и изъ люлечкы попыхуе.

Колы чуе, въ церкви наче бъ то шось одирвалось одъ стинкы и шелеснулось объ доливку. Такъ по всій церкви и роздалась гуна... Козакъ здригнувъ и ставъ прыслухатьця. Одначе, въ церкви все було спокійно. «Це, мабуть, мени здремнулось та у висни и прыверзлось наче бъ то якый стукъ». Пидправывъ козакъ на голови шапку, пощупавъ чупрыну, наложывъ въ люлечку табачку, прыдавывъ табакъ пальцемъ, накрывъ люлечку крышкою и впьять сыдыть и смокче изъ люлечкы. Колы ось чуется ёму, наче бъ то хтось ходе по церкви. Такъ тыхо, не спиша идé: «Шамъ-шамъ-шамъ»... Шо жъ це воно таке? Ни, це вже не ви-сни»!... Козакъ скочывъ зъ миста и ставъ оглядать церковни двери. Бачe — въ дверяхъ стырчыть ключъ. «Эге, тутъ шось недобре». Заразъ же доставъ винъ изъ чобота соломьяну вустильку, выкресавъ кресаломъ вогню, прыложывъ трута до ву-

стилькы, помахавъ ею скилько тамъ разъ у руци, покы вустилька не занялась видъ вогню, потимъ одчынывъ двери, увійшовъ у церкву, намамрывъ тамъ свичку у ставныку, засвитывъ ii и ставъ оглядать церкву. Дывытця—середъ церквы стоить гробъ, а коло гроба, на полу, лежыть крышка. Козакъ пидійшовъ до гроба, заглянувъ въ серéдыну и баче, шо въ гробу лежыть мертвякъ, — лежыть такъ, якъ и слидъ ёму лежать. «Значыть, це не винъ стукотивъ; хто бъ це жъ воно мигъ?» Пишовъ козакъ по церкви, заглянувъ у вси вуглы—никого нема. На одному крылоси—никого нема, на другому — тежъ нема. Пишовъ у вовтарь; заглянувъ пидъ жертвенныкъ — никого нема; пиднявъ одіяніе на престоли, дывытця пидъ престолъ, ажъ тамъ сыдыть якась-то жинка. «Чого ты сюды забралась? А вылазь та скажы, хто ты така есть и чого ты забралась ничью у церкву? Вылизла та жинка изъ-пидъ престола та заразъ бухъ у ногы козаку! «Голубчыку такый-сякый, не губы мене, я все тоби розскажу! Я прыйшла сюды за тимъ, шобъ вырвать у мертвяка кутній зубъ, бо такымъ зубомъ можна одмыкать замкы, доставать изъ земли клады, прывертать, кому треба, до себе дивчатъ. Такъ ось я украла у попа ключи, пробралась у церкву, де стоявъ покійныкъ, и уже зовсимъ було налагодылась, шобъ вырвать у нёго зубъ, якъ тутъ почула, будьто хтось иде въ церкву, побигла у вовтарь тай сховалась тамъ пидъ престолъ. Теперъ, якъ хочешъ, я достану для тебе зубъ, и будешъ ты богачемъ на ввесь мыръ: чого хочешъ—того й просышъ». — «Богъ зъ тобою и зъ твоимъ зубомъ! Дило твое—не боже дило, а бисове, и я не хочу браты на свою душу велыкого гриха. Бувъ я сыротою-голякомъ, и умру такымъ же; а тоби прыказую выйты изъ церквы и бильшъ не скверныть собою святого миста». Тутъ козакъ выволикъ жинку изъ церквы, замкнувъ двери замкомъ и, якъ було уже и къ свиту, скоро найшовъ слободу, де й розсказавъ про всю свою оказію людямъ; тижъ люде передалы своёму поколинію, а те поколиніе намъ, а мы уже вамъ.

— И давно це, диду, було?

— Годивъ-годивъ... або ще й бильшъ!..

— Годивъ-годивъ... або ще й бильшъ? Выходе, давно такы.

— Тай давно жъ!.. Такъ отъ чимъ, пане, добувать клады изъ земли. А чи знаете жъ вы, якъ пизнать, у якому кургани есть кладъ, а въ якому ёго нема?

— А якъ?

— Муравською кисточкою.

— Якою такою муравською кисточкою?

— Треба зъ муравля, чи зъ комашни, добуты кисточку та положыты іи за губу, и тоди можно бачыть уси клады, шо закопани у курганахъ, якъ у себе на долони.

— А яка жъ то тамъ у того муравля та іще й кисточка?

— Отъ то-жъ то й штука, шо яка тамъ у нёго кисточка и якъ іи у рукы взять та ще й за губу положыть... Хочъ бы вже не муравську кисточку, а кутнёго зуба зъ мертвяка добуть, тай то добре. Отъ той козакъ, шо ихавъ на городы, не схотивъ узять кутнёго зуба, а бувъ бы и багатымъ и славнымъ. Ходылы бъ у нёго козы въ золоти, а свыни у панчохахъ. А чого й не схотивъ? Мабуть, заклятія боявся. Устаровыну, такъ чуете, якъ закопувалы люде клады, то клалы поверхъ ихъ вогонь, а на вогонь баранчыка, зъязаного за ногы зализнымъ дротомъ; жарылы того баранчыка тай прыговорювалы: «Ось якъ цёму бараньцю, зъязаному дротомъ, тяжко та нудно лежаты на вогни, такъ хай буде тяжко та нудно тому, хто осмилытця закопани гроши изъ-пидъ нёго взять».

— Не то, диду, шо боявсь козакъ заклятія, а то, шо Бога боявсь: воны вси, ти козакы, по божому жылы.

— Це хто жъ тамъ такый обизвавсь?

— Це Ныконъ Заволока, козакъ красыловськои волосты, козелецького уизду, черныговськои губерни.

— Такъ воны, кажешъ, козаче, по божому жылы?

— По божому, по настоящому жылы. Мій дидъ та булы изъ запорозцивъ, такъ воны багато де чого розсказувалы про ихъ. У ихъ, кажуть, такъ, шо найбильшъ усёго почыталы Бога, а потимъ того старыхъ людей, сывоусыхъ дидивъ. Отъ то якъ мій дидъ вернулысь изъ Сичи на городы,—це мени дуже упомку, якъ воны розсказувалы,—якъ вернулысь, кажу, на городы, то пожылы-пожылы, и съ тимъ шо й женытьця; а батько ихъ, а мій, бачъ, прадидъ, не хочуть, шобъ воны женылысь, а шобъ козакувалы нежонатымъ. «Благословить, кажуть, тату, на шлюби стать». — «Я тебе, такыйсякый, якъ благословлю, такъ ты и своихъ не пизнаешъ»! та якъ ухоплють каминюку та якъ шпурнуть іи въ нёго... А дидъ пидхопылы у рукы ту каминюку тай давай іи цилувать. «Оце жъ, кажуть, мени и за благословеніе буде»... И зъ тимъ шо женылысь; а ту каминюку обробылы у кіётъ тай постановылы зъ другымы

иконамы на божныцю, и якъ молятця було Богу, то и передъ тіею каминюкою повсигда тры поклоны ударять. А якъ сталы умираты, такъ ту каминюку велилы положыты соби въ труну. Отъ яки воны булы, ти запорозци!

— То колысь воно у давню давыну́ такъ робылось, а теперъ якъ бы батько шпурнувъ у сына каминюку, то сынъ пиднявъ бы ии зъ земли та шпурнувъ бы у батька. Теперъ таки повелысь запорозци! Инчій ще й голову батькови, або матери отбатуе, тай байдужé. Теперъ, куды не глянь, скризь народъ церковный: якъ загвонять, такъ и у шинокъ...

— Эй, хлопци—хлопци, часъ десятый—закурювай, ребята! Хто куре табачокъ—той хорошый мужычокъ, хто не куре табакы—не стое собакы.

— Казавъ Корній, шобъ курылы скорій.

— Казавъ Панасъ—не забуду я васъ.

— Ну, хлопци, и полежалы, и пабалакалы и покурылы, теперъ добре вы дбайте, на нижкы вставайте, берить лопаткы та знов ковыряйте!..

— А нуте й справди за роботу!

— Эй, слухай ты, свыня сапата, чого ты мени за шію землю сыпышъ?

— Та хиба ты не бачышъ, Власе, шо воно дурне, якъ сало безъ хлиба, видъ того й землю за шію кыда̀?

— Воно дурне-дурне, а попа на спо̀види обмануло.

— Якъ же жъ воно обмануло?

— Якъ обмануло? Пишло до попа сповидатьця, а пипъ и пыта: «Шо ты гришенъ, чоловиче»?—«Гришенъ, каже, батюшка».—«Чимъ же ты гришенъ»?—«Та вкравъ у пана бычовочку».—«Ну, це ще грихъ невелыкый».—«Такъ на тій бычовци та на обохъ киньцяхъ було по быку». «Гм, це вже того, именно-именно, це вже того, именно-именно, грихъ... Ну, а шо жъ ты Богу молытьця умієшъ»?—«А ты, батюшка, бочкы набывать умієшъ»? А воно, бачьте, та за бондыря у насъ на сели... Такъ бачышъ, яке воно дурне!.. Чуешъ, кажу, чортула̀, кыдай подальше землю.

— А ты бачывъ чортулу̀, шо згадуешъ ёго?

— А ты думаешъ, шо й ни? Я бачывъ ёго самъ коло Крывого-Рога: выскочывъ изъ камышу, прыбигъ до ставу тай пье воду. Чорный такый, хвостатый, а очи якъ жаръ горять.

— А ты, курносый, чого свою шапку покынувъ коло ямы,

шо черезъ неи неможна выкыдать землю? Чуешъ ты? Хочъ бы вже шапка була?

— Та винъ не чуе! Винъ на одно око глухый?

— Чую, чую! А чимъ же й не шапка? У тебе на велыкдень такого гостя не було, якъ отъ то у мене шапка.

— Та це ты про свою, чи про мою?

— Про свою?

— У твоій шапци симъ годъ чортъ сыдивъ!

— И скаже жъ таке несподобне! Тебе, мабуть, дурный пипъ изъ-за угла мишкомъ хрестывъ. Хиба такы у хрестіянській шапци та будуть чорты сыдить? За таки речи ты на тимъ свити прямо у пекло попадешъ.

— А ты бачывъ те пекло?

— А ты думаешъ и не бачывъ?

— Де жъ ты бачывъ?

— На картыни,—ни де! Тамъ будешъ горить у вогни; дымъ буде тоби выще головы, зализнымы выламы будутъ тоби у бокы штрыкать, шобъ жаръ дужче проймавъ. А якъ дуже уже прошпетышся на цимъ свити, то загонють тебе ще дали пекла, прямо въ адъ,—туды, де Марко Проклятый пиклуетця.

— Ты, Сёмка Рудый, тилько на картыни бачывъ пекло, а я въ нёму и бувъ.

— Якъ, у самому пекли?

— У самому пекли! А ты думаешъ, литейный заводъ, такъ то лучче пекла? Въ устави пышетця: «литейный заводъ тры мынуты не дойшовъ до пекла». Тамъ люде ще дужче горять, нижъ у пекли: отъ то скилько есть у тому заводи чоловичыхъ голосивъ, такъ якъ загуде гудокъ, то у тому гудку есть голосъ кожного чоловика, а вси голосы вмисти составляють одынъ гудокъ. У тому пекли якъ годъ поробышъ, такъ треба идты до попа та зновъ крестытьця. Одно те, шо тамъ жарышься огнемъ, якъ у пекли; друге те, шо тамъ ходышъ чорный, якъ чортъ; а трете те, шо тамъ ни середы, ни пьятныци, ни будня, ни свята не знаешъ.

— Значыть такъ, шо пьятныцю та середу поставымо у ряду,— корочій буде пистъ?

— Якъ бы то такъ? А то... Слухай сюды, Васылю Возный довгоносый шпаче? Ну, й швыдко жъ ты и землю волокамы одвозышъ? Повертаешся такъ наче мухъ одъ себе одгоняешъ? Ну, хто такъ робе?

— Эге, дай Богъ, мени стилько здоровья, скилько я роблю, то и въ жывоти бъ не вмистылось.

— Годи вамъ,—обое рябое! Дывитця, онъ Кырыло кухарь уже выставывъ на табори вихýу,—вечеря готова. Уже й сонце сховалось за кряжъ. Шабашъ, хлопци!

— Шабашъ! Знимайте шапкы та молитця Богу!

— Спасыби Богу, шо увесь день поробылысь тай ни съ кимъ не побылысь.

— Ни, не такъ ты кажешъ, Мына! Треба казать такъ: «Спасыби Богу, шо держыть насъ на свити; спасыби царю, шо прысыла до насъ панивъ копать могылы и спасыби пану, шо дае намъ гроши зароблять та годувать симью». А я ще й такъ скажу: «Кончывъ дило—гуляй смило».

— Э, ну-й смашни галушечкы варе нашъ Кырыло!

— Смашни-то, смашни, та якъ бы до цихъ галушокъ та горилка; паны якъ идять, то все запывають выномъ, або зельскою водою, а намъ бы найкраще горилкою.

— А ты й бачывъ ту зельску воду?

— А ты думаешъ, шо й не бачывъ? Я якъ бувъ на зализци за стрилочныка пидъ городомъ Θедосіею, такъ надывывсь на тихъ панивъ, якъ воны по обзалахъ пьють та идять. Оце якъ якый бижыть незанузданый панъ, то заразъ до бухвета, выкыне на стилéць гроши, стёбне тіеи воды тай дали... А якъ якый сяде за стилъ тай давай исть та пыть; исть та все выномъ запыва, исть та все выномъ запыва, та нахлёпаетця такъ, шо зъ нёго ни рыба, ни ракъ; десь мабуть, дома и жинкы своеи не взна,—а то жъ воно найласійше дило, та жинка...

— У панивъ дурни гроши, такъ воны и козыряють нымы. Отъ у насъ есть одынъ панъ, Андріяшъ, такъ винъ, братци, купывъ соби якусь собаку, таке гостропыке та довге; потимъ узявъ ружжò тай подавсь за тіею собакою на охоту, у степъ. А я тамъ косывъ траву тай бачывъ ту сторію. Убаче панъ зайця тай крычыть собаци: «Ату ёго»! А та собака скòкывъ два зробе, сяде тай с..е, скокивъ два зробе та впьять с..е, та такъ усе поле паскудна и обкатала... А винъ же за ню сто карбованьцивъ давъ...

— Эге, чуже добро пидпирае ребро, то такъ тоби и ти гроши пана.

— Якъ бы жъ то винъ бувъ панъ? А то винъ дурный, а зъ дуракивъ умныхъ не бува...

— Дурный, а шистьсотъ десятынъ земли мае; тай пипъ передъ нымъ навприсядкы танцюе; оце якъ зайде до нёго та якъ выпье та якъ пиде у плясъ, такъ тилько плахиття на нему майорыть. Дурный! Винъ дурный та тугый: за тры копійкы дасть соби око выколоть.

— Э, шо ти шистьсотъ десятынъ? Може Андріяшъ ихъ и не прожыве, такъ за то диты ёго скоро промотають; а найкраще якъ пизніёнъ казэнный що мисяця получать. Отъ у насъ, у Остапивци жъ, одынъ чоловикъ есть, Марко Непытай; такъ винъ, чуешъ, сыдыть соби до чысла та люльку смокче; а якъ прыйде чысло, то винъ получе трыдцять два карбованьчыка тай не лысый. Гребе грошыкы!.. А тутъ инколы прыходытця такъ, шо й исты нема чого; тилькы ходышъ та спотыкаешься, а выду й не показуешъ: мовчы та дышъ, скажуть, шо спышъ; або якъ тамъ кажуть, два дни не ивъ, а въ зубахъ ковыряй, то щей будуть передъ тобою шапку знимать, подумають, шо ты богачъ.

— А шо, братци, чимъ чоловика насытышъ?

— А чимъ? Усимъ ёго чысто насытышъ: насытышъ хлибомъ, горилкою, усякымы ласощамы, а гришмы николы: скилько бъ ихъ у нёго не було, а все ёму мало, все хочетця побильшъ.

— Спасыби Богу, наився ій-Богу! Панови на счастя, а мени на здоровья... Ну, теперъ, хлопци, хто хоче у носка грать?—«Я! я! я»!—«Натягай стилъ! Одкрывай городъ Чмыхъ»!...

И вотъ едва проходитъ какихъ-нибудь полчаса времени послѣ окончанія страшно изнурительныхъ работъ, какъ вслѣдъ затѣмъ начинается игра въ карты, въ любимаго малороссами носка. Для этого составляется нѣсколько группъ, изъ 3—4 человѣкъ; всѣ люди садятся на землю по-турецки, растягиваютъ на колѣняхъ свитку или чумарку, долженствующую изображать изъ себя столъ, потомъ вытаскиваютъ изъ кармановъ штановъ самыя затасканныя и распухшія отъ времени карты, и тутъ начинается самая отчаянная игра.

— Стой, шо козырь?

— «Выно» (пика). «Неправда, дзвинка» (бубна). «Ходы та знай лады. Ходы жыромъ» (трефой). «Ни, я пиду чырвою» (червою). «Эхъ, ты, дура сапата, не зна, чимъ и питы».—«Мовчы, скотына безрога! Твое дило пидставляй, а мое дило твоихъ короливъ козыряй»...

Игра въ носокъ заканчивается тѣмъ, что выигравшій бьетъ проигравшаго картами по носу столько разъ, сколько у проигравшаго останется на рукахъ картъ. При этомъ проигравшій закры-

ваетъ обѣ щеки себѣ картами и, выставляя наружу свой носъ, заявляетъ, что бить можно только по носу; по «яблучку» же, т. е. по скуламъ, ни въ коемъ случаѣ бить нельзя. Выигравшій беретъ, съ хохотомъ и съ разными остротами, въ руки карты, складываетъ ихъ въ одну кучку, потомъ всю кучку беретъ за одинъ изъ четырехъ угловъ и, приподнявшись передъ проигравшимъ на колѣна, помахавъ рукой въ воздухѣ, какъ бы для того, чтобы приспособить руку къ дѣлу, начинаетъ отпускать по выставленному впередъ носу ударъ за ударомъ. «Разъ! Два! Тры! Чотыри! Пьять»!—«Стой! стой! по яблучку не бый! Бый по казэнному мисту, а по яблучку не смій»! «На шо мени твое яблучко? Мени треба кырпы твоеи. Якъ вона у тебе така куценька, такъ я іи тоби насталю... Пьять! Шисть! Симъ»!—«Стой! стой! це вже мошенство! Тамъ посчытавъ пьять и зновъ почынаешъ зъ пьяты. Це вже такъ, шо прямо мошенство»!—«Та я помылывсь»!—«Э, ни, це мошенство! Якъ, братци, чи міе винъ право свое чысло отбывать»? «Міе право»!—«Не міе право»! «Міе право»! кричитъ то одна, то другая сторона, но большинство все-таки находитъ, что выигравшій «міе право на свое чысло», и потому отсчитываніе ударовъ возобновляется вновь... И вотъ не проходитъ и часу со времени окончанія работъ, какъ у многихъ рабочихъ носы пораздуваются такъ, какъ печерицы на навозной землѣ послѣ теплаго дождя.

Между тѣмъ вечернія сумерки все болѣе и болѣе сгущаются, и въ степи становится все темнѣе и темнѣе. Вотъ, наконецъ, ночь покрыла всю степь своею темной пеленой. На небѣ показалась сперва одна звѣздочка, потомъ другая, тамъ третья—четвертая и, наконецъ, все небо засвѣтилось безчисленнымъ множествомъ сине-голубыхъ огоньковъ, затрепетавшихъ и разлившихся по всѣмъ необъятнымъ и высокимъ небесамъ. Тутъ же выступилъ блѣдновато-молочной полосой и протянулся отъ края до края безконечный млечной путь или такъ называемый у запорожцевъ «чумацкій шляхъ»; а тамъ, при самомъ горизонтѣ, гдѣ кончается край неба и начинается степь, показалась свѣтлая и чистая луна, но сперва только однимъ вѣнцомъ, а потомъ мало-по-малу и во всей своей полнотѣ. Во всей степи, послѣ порывистаго вѣтра, дувшаго въ теченіи цѣлаго дня, наступила полнѣйшая тишина и потянуло пріятной и освѣжающей прохладой отъ балки и отъ рѣки Днѣпра. Все, что было прибито и пришиблено страшной дневной жарой,

все это ожило, вылѣзло и выползло изъ своихъ норъ и огласило всевозможными звуками всю далекую и покрытую травой степь. Вотъ въ густой травѣ хававкаютъ и поочередно перекликаются со своими подругами страстные и не угомонные перепела; тутъ, сидя у норъ на заднихъ лапкахъ, свистятъ суслики, такъ громко и такъ отчетливо, какъ свиститъ чабанъ на своихъ овецъ; гдѣ-то вдали фыркаютъ пасущіяся въ степи лошади, медленно пощипывая травку и медленно переходя отъ одного кустика травы къ другому; тутъ же, кругомъ, во всей степи, насколько захватываетъ глазъ и насколько слышитъ ухо, трещатъ безъ перерыва, но всѣ въ одинъ тонъ, маленькіе и прыткіе кузнечики, которые, казалось, задались цѣлью, не переставая ни на единый мигъ, всѣхъ пересилить и всѣхъ своей трескотней заглушить; а тамъ, издали, отъ пороговъ Днѣпра, несется могучій и грозный шумъ отъ перелива воды черезъ страшные камни, разбросанные на днѣ рѣки, и гулко и мощно раздается по всей степи среди наступившей въ ночное время тишины. Вотъ и шумитъ, и льется, и звенитъ, и стонетъ Лоханскій порогъ; потомъ вдругъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, онъ неожиданно прерываетъ свой стонъ и за нимъ начинаетъ ревѣть Ненасытецкій порогъ; онъ и шумитъ, и льется, и звенитъ, и стонетъ, и потомъ вдругъ сразу прекращаетъ свой ревъ, а за нимъ снова начинаетъ Лоханскій порогъ. «Быть скоро дождю! быть непремѣнно дождю»!... Вся степная трава и отъ потянувшейся влаги отъ рѣки Днѣпра и отъ насыщеннаго атмосферными парами воздуха, быстро ожила и наполнила ароматомъ своихъ дикихъ цвѣтовъ всю раздольную и необъятную степь, полную жизни и чаръ... Я давно уже расположился на ночлегъ, избравъ себѣ мѣсто подъ бричкой, между колесъ, и подмостивъ подъ голову клочекъ душистой степной травы. Лежа вверхъ лицомъ и, то прислушиваясь къ разнымъ звукамъ въ степи, то присматриваясь къ медленному передвиженію звѣздъ въ небесной высотѣ, я долго предавался мечтамъ, но потомъ, мало-по-малу сталъ забываться и, наконецъ, заснулъ мирнымъ и безмятежнымъ сномъ.

Въ ожиданіи подводчика.

КОНЧИВЪ раскопки кургановъ возлѣ деревни Вороной, я перебрался съ праваго берега рѣки Днѣпра на лѣвый и направился пѣшкомъ въ село Звонецкое, стоящее на высокой открытой мѣстности, противъ порога Звонецкаго. Это село уже давно привлекало меня какъ живописностью своего мѣстоположенія, такъ и оригинальностью своей церкви, въ которой я предполагалъ найти древности отъ временъ запорожскихъ козаковъ. Изъ села Звонецкаго я имѣлъ проѣхать степью прямо въ городъ Екатеринославъ и отъ Екатеринослава подняться вверхъ по Днѣпру до Переволочны, гдѣ въ 1709 году переправлялись черезъ Днѣпръ шведскій король Карлъ XII и малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа послѣ пораженія подъ городомъ Полтавой. Результаты моихъ поисковъ въ звонецкой церкви не оправдали, однако, моихъ надеждъ: я нашелъ въ ней изъ запорожскихъ древностей всего лишь пять вещей—одну плащаницу, одно евангеліе печати 1755 года и три, писанныхъ на холстѣ, иконы, какъ то: Жизнь Спасителя, Вѣнчаніе Богомъ Отцомъ и Спасителемъ Богоматери, Богоматерь съ младенцемъ. Выйдя изъ церкви, я окинулъ взоромъ всю мѣстность, на которой раскинулось село, и долго любовался прекраснымъ видомъ съ открытаго и возвышеннаго берега на синѣющій внизу могучій Днѣпръ и шумливый Звонецкій порогъ. Отъ церкви я направился прямо къ расправѣ съ тѣмъ, чтобы предъявить тамъ свой билетъ, данный мнѣ отъ мѣст-

наго губернатора, и по билету добыть себѣ обывательскихъ лошадей до города Екатеринослава. Но въ такихъ случаяхъ я обыкновенно находилъ у старосты или у сельскаго писаря одинъ отвѣтъ: «Заразъ ко́ней у сели ни въ кого нема, вси въ степу на роботи». При постоянныхъ странствованіяхъ изъ села въ село я попривыкъ къ такимъ отвѣтамъ и въ ожиданіи прибытія ко́ней, всегда садился на крылечкѣ волости или сельской расправы и тутъ или осматривалъ проходящихъ по селу людей, или же вступалъ въ мирную бесѣду съ волостнымъ сторожемъ. Тоже случилось со мной и въ селѣ Звонецкомъ. Кстати въ это время полилъ сильный дождь, и я по необходимости сѣлъ подъ навѣсъ деревяннаго крыльца расправы, пригласивъ сѣсть противъ себя и сторожа, охранявшаго общественное зданіе, и тотъ же часъ завелъ съ нимъ «балàчку». Бесѣда началась сперва съ погоды, потомъ перешла на рыбу, которая «теперъ, пидъ дощъ, добре дрёха у порози»; далѣе къ мѣстному батюшкѣ, и наконецъ къ другимъ властнымъ въ селѣ особамъ. Мой собесѣдникъ, видя, что передъ нимъ «сыдыть панъ простыня, а не гордыня» [1]), скоро отъ отвѣтовъ на мои вопросы самъ перешелъ къ вопросамъ.

— Пане, шо я васъ хочу спытать?

— А шо ты мене хочешъ спытать?

— Хочу щось спытать, та не знаю, якъ воно покажетця вамъ.

— Пытай, може, воно й добре покажетця.

— Вы пидъ часъ, бува̀, не зъ тихъ, шо могылы копають?

— Ни, братику, не зъ тихъ! Я зъ тымы́ и знатьця не знаюсь и видатьця не видаюсь. А шо хиба ты знаешъ кого-нибудь зъ ныхъ?

— Знаты-то я никого зъ ныхъ не знаю, а чуты про ныхъ чувъ.

— А шо-жъ ты про ныхъ чувъ?

— Та чувъ, будьто воны багато золота выкопують изъ могылъ. Отъ тамъ, по той бикъ Днипра, за Лоханськымъ порогомъ, выще Матлашкы, Богъ насіявъ страшенне околычество могылъ. Такъ до тихъ могылъ, кажуть, выихавъ изъ Петербурху якыйсь-то панокъ. Балакають, шо ще й молодый, а цикавый каторжный чоловикъ... Ну, такъ той панокъ выихавъ до могылъ, выихавъ

---

[1]) «Простыня» уменьшительное слово отъ «простой»: «тамъ же и прóстый панъ, така простыня, така простыня, шо вже й никуды бильшъ»—обыкновенно говорятъ маллороссы о простомъ панѣ.

винъ до могылъ тай давай ихъ копать. И шо бъ вы думалы, шо винъ выкопавъ?

— Не знаю, братику, шо винъ мигъ выкопать?

— Выкопавъ сорокъ пудивъ золота! Отъ що!.. Выкопавъ, навалывъ на пару здоровеныхъ воливъ тай посунувъ у губэрнію. Кожа на волахъ трещыть, а винъ суне золото у губэрнію. А въ губэрніи прямо до царя повизъ. Онъ воно що!.. И якъ вы думаете, спытаю я васъ, своею ото винъ сылою выкопавъ те золото?

— Хто ёго знае? Думаю, шо не своею.

— И я такъ думаю, шо не своею. Потому, бачьте, винъ, прежъ чимъ копать яку-небудь могылу, выймае изъ своеи кышени якусь-то стрилочку [1]) тай дывытця на ню, а вона ёму й показуе, де й клады, де й шо друге у могыли лежыть. Вона такъ и тыпаетця у нёго у руци! Винъ говоре: «Тутъ кладъ»! А вона показуе: «Ни, брешышъ, тутъ кладъ»!

— Ни, братику, я не зъ такыхъ! Та не вже жъ такы правда тому, шо въ тихъ могылахъ таке богатство закопано?

— Мабуть, шо правда, колы у насъ уси такъ кажуть. Якъ отъ то сорока сороци, ворона ворони, такъ оце и мы.

Тёмъ временемъ, пока я велъ такой пріятный разговоръ со сторожемъ, дождикъ на время прекратился, хотя погода стояла все еще пасмурная и по тёмъ дождевымъ пузырькамъ или «бульбашкамъ», которыя вскакивали въ образовавшихся по улицамъ лужамъ, можно было ожидать, что дождь снова польетъ. Я сталъ посматривать въ разныя стороны, не ведутъ-ли откуда нибудь для меня лошадей, но вмѣсто того увидѣлъ какую-то веселую компанію, которая шла по улицѣ и направлялась, повидимому, въ пріятную «корчемку». Компанія состояла изъ пяти человѣкъ и ею «керувавъ» какой-то дидъ. Этотъ дидъ былъ ниже средняго роста, плотный, широкоплечій, съ богатырскою грудью, съ длинными сѣдыми усами; лицо у него было слегка рябоватое, носъ большой, орлинный, глаза голубые, мягкіе и добрые, но вмѣстѣ съ тёмъ полные смѣха и сарказма; голосъ густой и сильный; но что всего примѣчательнѣе было у дида—это брови: густыя—прегустыя и такъ низко нависшія надъ глазами, какъ низко нависаетъ стрѣха надъ старой хатой, причемъ правая бровь гораздо выше приподнята лѣвой

[1]) Разумѣется, магнитная стрѣлка компаса, къ которой я прибѣгаю для опредѣленія положенія кургана.

брови. Дидъ отчаянно выбивалъ трепака по мокрой дорогѣ въ тактъ музыки и приговаривалъ какія-то слова. Сама же музыка представляла изъ себя ни больше, ни меньше, какъ желѣзную заслонку,—только одну единственную желѣзную заслонку! Эту заслонку держалъ въ рукахъ тщедушный, небольшого роста мужичишка и билъ въ нее деревяннымъ обрубкомъ съ такимъ ожесточеніемъ, точно изгонялъ изъ нея цѣлый сонмъ нечистыхъ духовъ. Рядомъ съ дидомъ дѣйствовалъ другой мужикъ, черномазый сухощавый, непомѣрно высокій, точно толкачъ, какимъ сало въ салотовкѣ толкутъ, съ длинными руками, чуть ли не до самыхъ колѣнъ. У этого танцора надѣта была на головѣ, по самые глаза, макитра, въ которой бабы вареники варятъ, и онъ въ ней чувствовалъ себя точно въ золотой коронѣ, заливаясь веселымъ смѣхомъ и возбуждая въ другихъ неудержимый смѣхъ. Онъ носился по жидкой грязи, точно по самому гладкому паркету, то присѣдая «навпрысядкы», то подскакивая высоко «вгору» и при этомъ растопыривая и ноги и руки въ разныя стороны. Возлѣ этого «товкача» притопывалъ ногой и приговаривалъ что-то втихомолку, подъ носъ, рябой, косоглазый, мошенниковатый мужикъ, неопредѣленной масти, но страшно толстомордый и неповоротливый, какъ пень. Остальные или только растопыривали руки для того, чтобы показать, что и они принимаютъ участіе въ пляскѣ, или же поддавали жару настоящимъ танцорамъ неистовымъ свистомъ и задорными криками: «Эй, сюды! сюды! сюды»!!... Всѣхъ больше и всѣхъ отчаяннѣе плясалъ, выдѣлывая всевозможные «выкрутасы, выхылясы и вывертасы», дидъ съ орлинымъ носомъ и оригинальными бровями. Гдѣ только онъ увидитъ среди улицы лужу—уже и тамъ, уже и носится; но, выбивая въ тактъ музыкѣ одною ногой, онъ другою ногой норовилъ «улучить» такъ, чтобы вся грязь попадала въ «пыку» его ближайшему партнеру, долговязому и высокому дядьку съ макитрой на головѣ. «Эй, сюды! сюды! сюды»!!!...

Удивленный такимъ зрѣлищемъ, я обратился за разъясненіемъ къ сторожу расправы.

— Та це такі, шо переправляють черезъ порогы дубы та плоты; такъ оце, мабуть, переправылы або плитъ, або дубъ, выпылы могорычу коло Нипра та ще йдуть допывать у корчму. Чортъ дурыть ничью, а воны и въ день Лазаря прыставляють...

— А, здоровеньки булы, пане! Почте-моеніе вамъ!

— Здорови булы, диду! Почте-моеніе и вамъ!

— А мы оце гуляемо!

— А шо жъ? Гуляйте на добре здоровьячко! Отъ тилькы чи до ладу воно вамъ по грязюци товктысь?

— Э, пане, якъ не товкты, то й молоть не будемъ! Чи правда?

— Та воно шо правда, то правда, а тилькы...

— А тилькы вы зъ намы горилчыны не выпьете?

— И выпывъ бы, такъ мени треба ихать до города.

— И шо тамъ, у тому городи, доброго? Тамъ колы не курваль, такъ злодій. Отъ якъ я вамъ скажу! Чи правда?

— Эге, була колысь правда, а теперъ обкалялась, такъ иды, дидусь, пидтерай! ввязался неожиданно въ разговоръ долговязый дядько съ макитрой на головѣ.

— А ты мовчы, довгеля, бо про тебе давно зложено: «Высокый до неба, а дурный якъ треба»!

— Якый винъ тамъ довгеля, винъ овси гергеля! поддакнулъ толстомордый, рябой и мошенниковатый дядько.

— Отъ правду сказавъ, рябко, такъ правду! За тежъ ёму Богъ за правду и лыця прыбавляе...

— Ну-й дидъ! Тутъ же й дидъ! На всю губэрнію дидъ! Уже якъ кого пидбрыть, такъ пидбрые! съ восторгомъ выкрикивалъ сторожъ, поднимаясь со своего мѣста и порываясь къ веселой компаніи.

— Музыка, грай! Грай такъ, шобъ ажъ усимъ чортамъ нудно було! Грай такъ, шобъ усе пекло затанцювало!... Эхъ, жысть наша мотузяна!... Ну, та дарма, вона ще не перѣрветця! Музыка, грай!

И музыкантъ, повинуясь приказанію дида, снова началъ колотить въ желѣзную заслонку. Подъ звуки «дивной» музыки вся компанія пустилась въ такой отчаянный плясъ, отъ котораго жидкая грязь подскакивала вверхъ и разлеталась во всѣ стороны, попадая кому въ лицо, кому въ ротъ, кому въ глаза, кому на голову, а самому музыканту и на руки, и на желѣзку, и на дрюкъ, которымъ онъ колотилъ по заслонкѣ. Но больше всего летѣло грязи на самаго главнаго танцора, дида. Но дидъ ни малѣйшаго вниманія на то не обращалъ: онъ плясалъ усерднѣе всѣхъ и, носясь по грязи, произносилъ въ тактъ музыки, безъ конца и безъ счета, одни и тѣже слова, перевертывая ихъ только въ различныя стороны, то перёдъ назадъ, то задъ на передъ:

«То Борысъ, то Денысъ, то Кырыло, то Даныло!... То Кырыло, то Даныло, то Борысъ, то Денысъ!... То Денысъ, то Борысъ, то Даныло, то Кырыло»!...

Проплясавъ такимъ образомъ безъ устали мало чѣмъ не часъ времени, дидъ вдругъ неожиданно остановился и спросилъ:

— Пане, слухайте сюды, шо я вамъ скажу!

— Слухаю, диду!

— Куды вамъ ихаты?

— Ихаты до города Катерынославу, а звидтиля до Переволочны та до Келеберды.

— До якои Келеберды? Це та Келеберда, шо кругомъ вода, а по серéдыни кваша?

— Та хочъ бы й та!

— А шобъ вамъ Богъ снывся, та шобъ вамъ хлибъ родывся! Хочете, я васъ повезу?

— Та, може,—жъ цей панъ ше й не захоче зъ вамы ихать, диду! обозвался къ дѣду захудалый музыкантъ.

— Мовчы, гымоняча душа! Про тебе сказано: «Шо буде —те й буде, а ты соби грай».

— Про нёго, дидусь, ще й такъ сказано: «Не твое дило, Самійло, про те Гапка зна»! вставилъ рыжеватый на видъ дядько, игравшій второстепенную роль притаптывателя грязи.

— А про тебе, гаво, ось якъ сказано: «Куды орлы литають, туды ворони дзусь»! Чувъ, хлопче?

— Чуты чувъ, а тилькы хто бъ вамъ безъ мене могорычу до Днипра прынисъ?

— Безъ тебе? Спиватыме пивень, чи ни, а день буде. Отъ шо я скажу при тоби и безъ тебе!

— А шо зъивъ òблызня? вставилъ слово самый молодой изъ компаніи, сильно заикавшійся парень.

— И ты туды жъ? якъ ворона, такъ и оный! Ще й говоре якъ? Мовъ клещамы хомутъ надива́!

— Ну, тутъ же й дидъ! Тутъ такый дидъ, шо на всю губэрнію! снова выкрикивалъ сторожъ, уже давно покинувшій крыльцо расправы и очутившійся возлѣ веселой компаніи.

Давно уже и я самъ покинулъ мѣсто своего сидѣнія возлѣ расправы и, раздобывшись въ корчмѣ на добрую порцію горилки, разносилъ «пьяное пойло» между всѣми членами компаніи, отдавая, разумѣется, предпочтеніе предъ всѣми веселому и остроум-

ному диду и тѣмъ поощряя его еще къ большимъ остротамъ и прибауткамъ. И дидъ отъ того становился еще забавнѣй и еще смѣшнѣй!

— Музыка, грай! Музыка, втны мени такъ, шобъ ажъ жыжкы затрусылысь!

И «музыка» снова загудѣла. Дидъ, выбивая въ тактъ «музыки» ногами, не спѣша и протяжно подпѣвалъ:

Тры́нды-тры́нды-тры́ндыченькы, на болоти инды́ченькы,
Буду дома сыдиты, буду жинкы гляди́ты.
Пропывъ мужыкъ хату, а жинка лопату,
Ой, жинко, покаймося, ходимъ въ хату порадьмося,
Ходимъ въ хату порадьмося, може, шо пропьемъ!
Пропывъ мужыкъ бодню, жинка сковородню,
Пропывъ мужыкъ индыка, жинка ходе-курлыка.
Пропывъ мужыкъ сало, а жинци не стало.
Тры́нды-тры́нды-тры́ндыченькы, на болоти инды́ченькы,
Буду дома сыди́ты—буду жинкы гляди́ты!..

— Добре жъ ты й глядышъ свою жинку, старый пэсъ! Подывысь на себе, якый зъ тебе индыкъ! Эчъ, уберлозывсь у грязюку! Оце такъ индыкъ! А додому не хочешъ? Вдругъ неожиданно закричала на дида его грозная половина, выскочившая откуда—то изъ-за угла на главную улицу. Это была высокая, худая, рѣзкая и рѣшительная баба, по всѣмъ видимостямъ, державшая своего дида, не смотря на все его неистощимое остроуміе, бойкость и язвительность, если не подъ башмакомъ, то подъ черевыкомъ.

— Де бъ каятьця на старосты литъ, а винъ бачъ яку капелію зибравъ коло себе та гацае зъ нею? Шо тоби покійный твій батько казавъ?

— Казавъ, та не звязавъ! Отъ шо! А шобъ винъ ны казавъ, а я тоби, стара, свое скажу: Есть каяття, та нема вороття... Ты краще ось озьмы та понюхай табачку. Тутъ бисъ ёго батькови и табака! Якъ понюхаешъ, такъ ажъ за десяте ребро тебе хапа.

— Хай тоби грець зъ твоею табакою!

— Ну, якъ не хочешъ, то я й самъ понюхаю!

И дидъ, высыпавъ на ладонь добрую порцію табаку изъ своей берестовой «тавлынкы», провелъ по ладонѣ носомъ, приспособляясь къ табаку то правой, то лѣвой ноздрей, и совершенно все, до единой порошинки, втянулъ въ свой, довольно помѣстительный носъ.

— Отъ, змивъ, такъ змивъ! Наче метлою! Оце дидъ, такъ дидъ!

— Ну, пидожды жъ ты, старый пэсъ, прыйдышъ додому, то я тоби не все прыгадаю, я тоби вызвиздю!

— Э, стара, стара, якъ довго ждать, такъ треба жъ и тонко прясты! Ты краще сама пидожды, я цёго пана до города одвезу.

— Скорійшъ я тебе за чупрыну додому одведу, нижъ ты цёго пана до города одвезешъ! Може жъ цей панъ та якый-небудь спецылыстъ [1]).

— Э, ни, стара: цей панъ овси несхожый на спецылыста,— я бачывъ спецылыста: воно таке худке, блидке, стрыжене, голомозе, у шкарблетахъ [2]), зъ вытрипасомъ [3]) и зъ лыверемъ [4]), а цей панъ зовсимъ не такый, бо винъ горилку добре пидносе. Постой, стара́, я таки ёго до города одвезу.

— Кажу тоби, старый пэсъ, шо я тебе скорійшъ додому за чупрыну одведу, нижъ ты цёго пана до города одвезешъ! Ходимъ, кажу тоби, додому!

— Э, стара, стара, домъ не ворогъ: колы схочешъ, тоди й запалышъ. Ну прощайте, одначе, ваше высокое благородіе! Я бачу, шо вы высокое, а не нызькое благородіе, бо добре горилку пидносете.

— А хиба ще есть, диду, и нызькое благородіе?

— Якъ есть высокое, то повынно буть и нызькое благородіе,— чи такъ я кажу?

— Такъ, дидусь, такъ!

— Прощайте жъ, пане! Сидайте въ брычку тай дуйте: Хылы́-выльі́-потрусылы жылы свои.

— Прощай, дидусь!

— Згадуйте мене, якъ будете зъ мнягкымъ лопухомъ та въ колючкы́ ходыть!..

— Добре буду згадувать! Та хиба такого молодця та можна забуть?

— Винъ у мене молодець на овець, а якъ на молодця самъ вивця! Отрѣзала въ заключеніе баба и потащила своего «старо̀го додому».

---

[1]) То-есть соціалистъ.

[2]) То-есть штиблеты.

[3]) То-есть съ ватерпасомъ.

[4]) То-есть съ револьверомъ.

— Та не верещы бо, стара! Чого ты верещышъ, якъ те порося, шо завьязло въ тыну?

Но «старà» не унималась и, уводя дида если не за чупрыну, то за рукавъ, продолжала «верещать» на всю улицу. Послѣ того вся оригинальная «капелія» дида сразу потеряла и всю ея занимательность и все ея веселье.

А лошадей все-таки нѣтъ, какъ нѣтъ. Приходилось еще и еще ждать. Тѣмъ временемъ въ воздухѣ заморосилъ мелкій дождикъ, и на улицѣ, вмѣсто исчезнувшей компаніи гулякъ, выступила деревенская дѣтвора. Вотъ одна гурьба дѣтишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, взобравшись на прысьбу, подъ низкую стриху хаты и ставши въ рядокъ, кричали въ одинъ голосъ, на распѣвъ: «Дощыку, дощыку, зварю тоби борщыку, борщыку въ полывьянимъ горщыку, горщыку... Дощыку, дощыку, прыпусты, прыпусты, я пойду пидъ кусты, пидъ кусты Богу молытыця, Хрысту поклонытыця, а у Бога сырота отворя ворота ключыкомъ-замочкомъ, золотымъ платочкомъ».

На другой прысьбѣ, также подъ низкой стрихой хаты, но черезъ дорогу противъ первой, стояла другая гурьба дѣтишекъ и кричала другія слова: «Прыихалы нимци пидъ бабыны синьци, закрычалы-занявчалы, шобъ до душенькы мовчалы, кишка здохла, хвистъ облизъ, хто заговоре, той и зъисть, хто засмiетця, тому не мынетця, хто забалака, н....е собака, хто п....е, с... у зверне»...

Тутъ же, въ концѣ улицы, близъ какого-то навѣса, составилась третья гурьба мальчиковъ и дѣвочекъ, возрастомъ отъ 10 до 12 лѣтъ, которые разыгрывали такъ называемаго «вовчыка». Взявшись за руки и изобразивъ изъ себя правильный кругъ, они двигались въ одну сторону большимъ кру́гомъ и очень медленно пѣли въ одинъ голосъ пѣсню: «Хо́де баба по бору, по бору, та рве зилля-лободу, лободу, и рве, и бере, на вберемокъ кладе, оце ку̀на, оце лыша, оце выступы геть». Въ срединѣ этого круга ходилъ мальчикъ и, вертясь въ противоположную сторону противъ того, какъ вертѣлся самый кругъ, при каждомъ отдѣльномъ словѣ пѣсни, указывалъ пальцемъ поочередно на каждаго члена круга, и на кого приходилось послѣднее слово «геть», тотъ немедленно выступалъ за кругъ. Послѣ того верченіе круга и пѣніе пѣсни снова и снова возобновлялось и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока отъ всего круга оставался только одинъ членъ. Этотъ членъ назывался «маткой», и эту «матку» нужно было спасать отъ

«вовки́въ». Для этого всѣ мальчики и дѣвочки, участники и участницы игры, посадились одинъ за другимъ въ линію, разставивъ ноги и протянувъ ихъ впередъ себя и въ тоже время обхвативъ одинъ другого напереди руками, такъ что отъ всей линіи получалась какъ бы длинная веревка, сплетенная дѣтскими руками. Самымъ послѣднимъ, позади всей вереницы, садился тотъ мальчикъ (или дѣвочка), который оставался послѣднимъ въ кругу. Онъ и изображалъ изъ себя «матку», которую должны были брать приступомъ «вовкы». Для «вовки́въ» избраны были со всей компаніи два мальчика, самые сильные и крѣпкіе. Они подошли сперва къ самому крайнему члену, составлявшему веревку и, взявши его одинъ за лѣвую, другой за правую руку, стали отрывать отъ цѣлаго круга. Сидѣвшіе на землѣ мальчики и дѣвочки дружно сцѣпились и не давались въ руки «вовкамъ». Отъ большого усилія съ одной стороны и отъ дружнаго сопротивленія съ другой, вся веревка въ цѣломъ составѣ приподнималась съ земли на ноги, и «вовкы», не смогши разорвать цѣпи, бросали на время свою добычу, но потомъ, отдохнувъ, снова принимались за свое дѣло. Такъ мало-по-малу они отрывали одного за другимъ мальчика или дѣвочку отъ веревки, но чѣмъ ближе подходили къ «маткѣ», тѣмъ большее встрѣчали сопротивленіе и упорство. Но вотъ, наконецъ, оторвавъ послѣдняго мальчугана отъ матки, «вовкы» набросились на матку и со словами «гамъ-гамъ-гамъ-гамъ, зъимъ тебе, проковтну тебе» — загрызали ее, заранѣе подѣливши между собой «которому ручку, которому нижку, которому о́чкы на вечерю вовчку».

— Эй, коней, коней ведуть! Коней пидъ пана ведуть! закричали всѣ разомъ дѣтишки, и я дѣйствительно увидалъ пару лошадей, запряженныхъ въ зеленую бричку и направлявшихся прямо къ расправѣ...

Черезъ минуту или двѣ я уже сидѣлъ въ бричкѣ и катилъ по улицѣ. Уже при самомъ выѣздѣ изъ села мы увидѣли безштаннаго мальчугана, который, видя входившее въ село стадо коровъ и подпрыгивая на одной ногѣ, задорно кричалъ, обращаясь къ своему товарищу, качавшемуся на воротахъ. «Чередà иде, молока несе, шо въ цыци, то мени, шо въ с...и, то Иваньци»!.. Увидѣвъ панскую бричку, мальчуганъ покинулъ своего товарища и, бросившись въ погоню за панами, сталъ кричать:

— Паны, паны, на двохъ штаны!

— Брешышъ, капосне голопупня, на трехъ та ще й зъ половыною! обозвался мой возчикъ.

— Панычу, панычу, давай штаны пидсмычу!

— Ичъ, бисове байстря, у самого и штанивъ нема, ничого й пидсмыкувать а, бачъ, якъ панивъ докоря! Ось постій, я тебе якъ піймаю, то я тебе за чуба посмычу! Чи бачылы вы, яки у насъ хлопчакы? чого воны тилькы и не выкрыкують?

— У васъ хочъ хлопчакы, хочъ диды—одни дрýгыхъ стоють: одни добре выкрыкуютъ, други добре пидъ заслонку танцюють.

Це вы про того дида, шо середъ вулыци танцювавъ пидъ зàслинку? Винъ не нашъ, а захожій дидъ. Винъ, кажуть, изъ запорозцивъ,—видъ тóго и огненный такый. Его чи Качкардою, чи ще якось чуднійшъ, мижъ запорозцямы звалы; а у насъ хто якъ хоче, такъ и зве: Самарськый дидъ, бо винъ десь съ пидъричкы Самари; Танцюрыстый дидъ, бо винъ и справди танцюра велыкый. Це такый дидъ, шо винъ може и туманъ на всякого напустыть, и увесь мыръ начудыть.

— Якъ-то такъ туманъ напустыть?

— А онъ якъ: якъ скаже яке слово, такъ де хто сыдитыме, тамъ и буде сыдить, а де хто стоятыме, тамъ и буде стоять. Стеригъ винъ колысь отутъ, коло ричкы Суры, баштанъ, а до того баштанà та внадылысь хлопци кавуны красть. Отъ разъ прыйшлы воны, зализлы у середыну огудыны тай пораютця: одни сыдять та рвуть, а други поскыдалы зъ себе штаны та давай набываты у холоши кавунивъ, понабывалы у кожну холошу штукъ по двадцяты кавунивъ, позавьязувалы штаны очкурамы, понакыдалы собы màтни на шію, а холоши черезъ плечи на груды та скорійшъ до ричкы и плывуть на той бикъ. Ажъ ось де не взявся дидъ. Пидійшывъ винъ до тыхъ, шо сыдилы у вогудыни, подывывсь на ныхъ тай каже:

— Це вы сыдытé?

— Сыдымó!

— Ну-й сыдúть же!....

А пóтимъ пидійшовъ до тыхъ, шо плывлы, тай пыта:

— Це вы плывете́?

— Плывымò!

— Ну-й плывить же!

И шо жъ бы вы думалы? Ти хлопци, шо въ огудыни сыдилы, до самисинького свиту тамъ просыдилы и зъ мистця не моглы

встать; а ти, шо ричку переплывалы, ти усю ничь зъ кавунамы на плечахъ по ричци плавалы: то туды, то сюды плавають, а вылизты не можуть, та такъ ажъ до свита... Отъ якый той дидъ! Два слова тилькы й сказавъ, а воно бачъ, шо зъ тыхъ словъ сталось нашимъ парубкамъ! Це, прямо сказать вамъ, крутыкованый дидъ!

— И прямъ, шо крутыкованый дидъ!

— Та ёго, колы хочете, то й нимци знають,—ти, шо черезъ ричку Самарь переправляютця.

— А нимци черезъ шо жъ уже ёго знають?

— А отъ черезъ шо: тамъ, на тій ричци, есть десь перевозъ зъ одного берега на другый, и прыихалы до того перевозу два якись-то нимци, одынъ Хвыртыль а другый Шварыць [1]); прыихавъ туды жъ такы и нашъ дидъ. Стоять и ждуть парома нимци; стоить и жде и дидъ,—упереди дидъ, за дидомъ Хвыртыль, а за Хвыртылемъ Шварыць. Отъ то подалы паромъ; треба бъ диду ихаты, якъ винъ першымъ стоявъ, а винъ тутъ якъ разъ почавъ шось на своему вози пидправлять. Тутъ нимець якъ крыкне на своихъ коней: «Гей! Но»! Тай проскочывъ мымо воза дида, проскочывъ тай поламавъ ёму вись. Баче дидъ, шо позади ёго ще одынъ нимець зоставсь та, недовго думаючи, схопывъ зъ воза люшню тай давай того нимця по голови садыть. «Якъ мени, каже, бигты за Хвыртылемъ, колы тутъ Шварыць зоставсь, то я й одмаслакую ёго: воно одынъ чортъ, шо то нимець, шо то нимець»!... Та такъ замистъ одного одмаслакувавъ другого. А цей Шварыць та въ судъ. Отъ то и розбиръ дила. Суддя вызвавъ дида тай пыта: «Ну, розскажить, господынъ Качкарда, чи Рябошапка, чи якъ тамъ винъ ёго назвавъ, розскажить, якъ у васъ дило було».— «Та якъ, господынъ мыровый суддя? Значыть, прыихавъ на Самарь я, прыихалы и два нимци, Хвыртыль та Шварыць. То Хвыртыль, побачывшы паромъ, выскочывъ упередъ мене тай поламавъ мени вись, а самъ утикъ, а Шварыць зоставсь; а якъ же жъ тутъ зостався Шварыць, то шобъ мени не гнатьця за Хвыртелемъ, я кынувсь до Шварыця та разивъ зъ пьятокъ, може, и опикъ ёго люшнею по голови»... Ну, такъ той суддя, выслухавшы це дило, и каже: «Такъ господынъ Качкарда, дѣйствовать нельзя, и шобъ вы, господынъ отвѣтчикъ, не змѣшувалы, де есть Хвыр-

[1]) То-есть Фидлеръ и Шварцъ.

тыль, а де есть Шварыць, не вгодно-ли вамъ подъ арестомъ видсыдить? Доволни вы моимъ судомъ»?—«Ни какъ нѣтъ, господынъ мыровый суддя! Не вжли жъ такы мени бигты за Хвыртелемъ, якъ тутъ Шварыць зоставсь? Воно жъ усе одно, шо то нимець, шо то нимець»....

Навпо̀сли тому дидови хтось и скажи: «Ты, диду, опелюй на мыроваго суддю у мыровый зъиздъ». Винъ и давай опелювать, И шо жъ бы вы думалы? Одписавсь: «Воно, каже, все однаково, шо то нимець, шо то нимець. Такого туману напустывъ, шо увесь зъиздъ тилькы чмыхавъ, наче понюхавши тертои табакы зъ скломъ: «Шо правда, то правда: воно и то нимець, и то нимець»... Однымъ словомъ, то у насъ запорожськый дидъ!... Якъ отъ то той дидъ запорожського званія, такъ оце и кони у мене того жъ званія.

— А це жъ уже якъ?

— А це такъ, шо воны у мене на девьятый день десяту версту йдуть... Эй, но! Зъ балкы та у байракъ-заробымъ пьятакъ!... Ось вамъ, пане, Роскапана могыла: людци копалы—гроши шукалы, а найшлы одни черепкы та конячи маслакы. А ось вамъ и Царськiй шляхъ, шо царыця Катерына бигла по нéму на порогы дывитьця, а теперъ и мы по нéму пробижымъ.

— Такъ це той шляхъ и есть, шо царыця бигла?

— Оце винъ и есть?

— Ну, а ото шо жъ воно на шляху, упередъ насъ, якись-то хлопчакы выробляють? Бачишъ? Онъ геть! геть!

— Бачиты бачу, а тилькы не второпаю, шо воны тамъ роблять.. А, ну-ка, ну! Шо це воны? А знаете шо?

— Ни, ниякъ не розберу!

— Танцюють! Не шо! Ось дывитьця: танцють и бьотця! Шо це за дыво?

И точно, вдали на шляху виднѣлись длинныя фигуры двухъ мальчиковъ, въ одно и тоже время плясавшихъ и дравшихся между собою. Дождикъ давно уже прекратился и къ самому концу дня на западной точкѣ горизонта выткнулось большимъ кровавымъ пятномъ солнце и, отдѣливъ отъ себя цѣлые потоки ослѣпительнаго свѣта, огненной полосой протянулось во всю безконечную длину отвѣчнаго шляха. Въ этой-то перспективѣ и мелькали фигуры двухъ мальчугановъ. Вотъ они, стоя другъ противъ друга и взявшись въ боки, отчаянно танцуютъ. Танцуютъ-танцуютъ, по-

томъ начинаютъ биться. Бьются—бьются—перестанутъ. Потомъ снова возмутся въ боки и снова танцуютъ, бойко перебирая ногами и, какъ казалось издалека, точно носясь въ воздухѣ. Что за̀ диво? Подъѣзжаемъ ближе и видимъ, что дѣйствительно два босоногихъ мальчугана, лѣтъ по 13, по 14 каждому, танцуютъ другъ передъ другомъ и послѣ танцевъ начинаютъ биться. Передъ ними лежитъ небольшая сопилка и двѣ пары рваныхъ черевиковъ. По разспросамъ оказалось, что мальчуганы ни больше, ни меньше, какъ держали безъ собою пари: «Хто кого перебье и перетанцюе, того буде и сопилка». Трудно придумать болѣе оригинальное парѝ, но оно происходило на шляху отъ села Звонецкаго къ городу Екатеринославу между двумя «чабаньцями» или «скотарьцями». Остановивъ противъ хлопчаковъ своихъ лошадей, мы долго и съ хохотомъ смотрѣли то на танцы, то на кулачный поединокъ, но потомъ, не дождавшись конца полнаго представленія, двинулись по тому же шляху дальше.

— Ось вамъ, пане, и Голюкова могыла! Ось Рясни могылкы! Ось ричка Сура! Ось Блызныци могылы! А онъ-де-онъ и городъ Катерыславъ!... Славы багато, а толку мало...

И точно, выскочивъ на высокій кряжъ возлѣ Близницъ-могилъ и потомъ спустившись по тому кряжу нѣсколько книзу, мы скоро увидѣли весь, какъ на ладонкѣ, городъ Екатеринославъ, легшій своей головой на высокой горѣ,—тамъ, гдѣ стоятъ соборъ, гимназія и Потемкинъ дворецъ, и протянувшійся своимъ хвостомъ по низинѣ,—тамъ гдѣ находятся пароходная пристань и желѣзнодорожный вокзалъ.

— Ну, а городъ же Катерыславъ не запорожського, бува, званія?

— Ни, тутъ була запорожська слобода Половыця, а теперь зъ неи ставъ городъ Катерыни царыци. Отъ и писенькы конець,—прыихалы до Потемкы у дворець...

Въ поискахъ за архивными документами.

Взять на себя задачу серьезнаго изученія исторіи запорожскихъ козаковъ — значитъ взяться прежде всего за разысканіе архивныхъ источниковъ, относящихся до исторіи Запорожья. Но гдѣ искать этихъ источниковъ? Прежде всего надо искать ихъ въ столичныхъ архивахъ, московскихъ и петербургскихъ, потомъ въ провинціальныхъ, каковы: кіевскіе, при университетѣ и казенной палатѣ; харьковскій, при мѣстномъ университетѣ; варшавскіе, при казенной палатѣ и при городскомъ магистратѣ; одесскій и екатеринославской, при губернскомъ правленіи. Во всѣхъ этихъ архивахъ мнѣ приходилось работать и подолгу и только отчасти, кратковременно. Но кромѣ названныхъ архивовъ мнѣ извѣстно было еще о существованіи архива въ далекой Соловецкой обители, на далекомъ Бѣломъ морѣ. Въ ту краесвѣтную Соловецкую обитель сосланъ былъ, послѣ уничтоженія запорожской Сѣчи, послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій, и мнѣ думалось, что въ архивѣ Соловецкаго монастыря можно было бы найти нѣкоторыя указанія относительно положенія ссыльнаго кошевого. И вотъ съ этою цѣлью я рѣшилъ весной 1887 года двинуться въ Соловецкую обитель. Изъ Москвы я проѣхалъ по узко-

колейной желѣзной дорогѣ до города Вологды, а отъ города Вологды по рѣкамъ Вологдѣ, по Сухонѣ и по Сѣверной Двинѣ до Архангельска. Тутъ ползаютъ жалкіе пароходики какого-то мѣстнаго богатаго купца и въ нѣсколько дней доставляютъ пассажировъ отъ Вологды до самаго впаденія рѣки Двины въ Бѣлое море. Большинство изъ пассажировъ—богомольцы, отправляющіеся изъ сѣверныхъ губерній въ Соловецкій монастырь на поклоненіе святымъ угодникамъ Зосимѣ и Савватію, основателямъ святой обители. Преобладающее число между паломниками—женщины. Въ пароходикѣ, въ которомъ мнѣ пришлось ползти до Архангельска, отдѣльныхъ каютъ и особыхъ для мужщинъ и женщинъ, помѣщеній не было и вся такъ называемая чистая публика располагалась въ общей, довольно просторной, но зато и довольно грязной, комнатѣ, по срединѣ которой стоялъ длинный столъ, а по бокамъ вдоль стѣнъ, обширные, въ родѣ наръ, мягкіе диваны. На этихъ диванахъ публика располагалась и на ночлегъ, но всѣ устраивались такъ, что пассажиръ или пассажирка ложились рядомъ другъ возлѣ друга, а не такъ, какъ это бываетъ на другихъ пароходахъ, гдѣ ложатся въ длину скамеекъ, голова съ головой и ноги съ ногами. Мнѣ пришлось занимать мѣсто между двухъ молодыхъ, но уже довольно объемистыхъ купчихъ, и такъ какъ это было въ половинѣ мая, т. е. когда въ краѣ стоитъ еще нисовсѣмъ теплая погода, то я чувствовалъ себя и довольно тепло и довольно уютно. Мои сосѣдки очень усердно поили меня чаемъ, наперерывъ угощали всякими домашняго приготовленія печеніями, и очень заботились о разныхъ для меня удобствахъ За все это вниманіе я платилъ моимъ добрымъ спутницамъ тѣмъ, что разсказывалъ имъ различные эпизоды изъ священной исторіи, передавалъ житія разныхъ святыхъ, на сколько память моя припоминала все слышанное мной въ этомъ родѣ еще въ дѣтствѣ и юношествѣ; разсказывалъ выдающіяся изъ исторіи Соловецкой обители событія, къ чему я болѣе или менѣе успѣлъ приготовить себя передъ самой поѣздкой въ Соловки. Мои сосѣдки, сильно заинтересованныя разсказами, не разъ спрашивали меня о моихъ занятіяхъ и о моей личности: «Миленькій, скажи, кто ты будешь таковъ»? На такой вопросъ у меня всегда былъ одинъ отвѣтъ, «Мукосѣй — по мучной части занимаемся». «Охъ, не похожъ ты на мукосѣя, миленькій, не похожъ»... Кромѣ моихъ сосѣдокъ въ той же комнатѣ находилось нѣсколько человѣкъ, уже пожилыхъ

и солидныхъ, купцовъ, нѣсколько мѣщанъ, нѣсколько монахинь и одинъ молодой человѣкъ, съ плоскимъ канопластымъ носомъ, съ свѣтлыми глазами, свѣтлыми волосами и свѣтлой кожей на лицѣ и на рукахъ. Онъ все время носился и всѣмъ совалъ подъ носъ книгу Смайльса «Самодѣятельность», доказывалъ важность постовъ и постановленій вселенскихъ соборовъ, и, казалось, весь пропитанъ былъ ладаномъ и елеемъ. Мнѣ подумалось, что это былъ народный учитель, но только что окончившій духовную семинарію.

Все время мы шли полноводными и широкими рѣками, окаймленными съ обѣихъ сторонъ дремучими и, по мѣстамъ, совершенно, какъ мнѣ казалось, непроходимыми лѣсами. Кое-гдѣ мы приставали къ низкимъ берегамъ, рѣкъ, высаживались на берегъ и разсыпались по небольшимъ и жалкимъ деревушкамъ, разбросаннымъ по лѣсамъ. Тутъ вездѣ насъ встрѣчала толпа оборванныхъ, полунагихъ, полуголодныхъ ребятишекъ, выпрашивавшихъ себѣ подачку у господъ въ видѣ куска булки, пирога, вареннаго мяса или жаренной рыбы. И какъ жалки казались мнѣ эти одинокія деревушки съ ихъ черными закоптѣлыми избенками по сравненію съ обширными селеніями и веселыми хатами въ Малороссіи!... Тутъ ни желтыхъ подсолнечниковъ, ни краснаго маку въ огородѣ, ни кучерявой вишеньки въ садочку, ни рожевой квиточки въ палисадникѣ, подъ окошками, ни кануперу, ни любисточка, ни руты—мяточки въ ливадѣ, подъ вербами. Бѣдность природы и убожество жителей просто таки возбуждали жгучую боль въ моемъ сердцѣ. Единственнымъ и самымъ сладостнымъ лакомствомъ для какого-нибудь оборваннаго и жалкаго мальчишки служатъ «шаньги», называемыя уменьшительно-ласкательнымъ именемъ «шанёшки» и представляющія собой обыкновенную лепешку съ картофелемъ и свинымъ саломъ для приданія имъ особо пріятнаго, но въ дѣйствительности отвратительнаго вкуса. Иногда мы пристанемъ къ какому-нибудь прибрежному городу, но тогда меня поражаетъ необыкновенное въ такомъ городѣ число церквей и, еще болѣе того, странное расположеніе ихъ: всегда возлѣ одной церкви стоитъ рядомъ другая, и это, какъ объясняютъ мнѣ, одна для лѣтняго служенія,—другая для зимняго. Но большею частью мы находимся въ пароходѣ и тутъ все болѣе и болѣе знакомимся и все тѣснѣе и тѣснѣе сживаемся другъ съ другомъ въ нашемъ паровомъ ковчегѣ. Вотъ на палубѣ сидитъ высокій сѣдой, какъ

лунь, старикъ и читаетъ развернутую у него на колѣняхъ псалтырь. Отъ этого сухощаваго, иконообразнаго и постнаго старика вѣетъ особенной силой и спокойствіемъ. Я прислушиваюсь къ его шептанію и слышу, что онъ читаетъ твердо, отчетливо и съ полнымъ пониманіемъ каждой строчки и каждаго слова. Тутъ же освѣдомляюсь, гдѣ научился старикъ читать и тутъ же узнаю, что его учили читать и писать въ Соловкахъ. Но такъ ли твердо пишетъ старикъ, какъ читаетъ? Оказывается, что онъ пишетъ не только твердо, но бѣгло и отчетливо, какъ пишутъ хорошіе писаря въ волостныхъ или сельскихъ правленіяхъ. Онъ съ дѣтства, еще съ ранняго дѣтства, отданъ былъ, по обѣту родителей въ монастырь и тамъ изученъ былъ и чтенію и письму. «Тутъ, кого не спроси, то большая часть грамотныхъ всѣ учились въ Соловкахъ». И, точно Соловецкій монастырь для всей архангельской губерніи, а отчасти и для вологодской, всегда служилъ и служитъ источникомъ не только нравственнаго, но и умственнаго просвѣщенія. Тамъ учатся и сироты мальчики; тамъ учатся и мальчики, отдаваемые на извѣстное время родителямя по обѣщанію, когда кого-нибудь изъ нихъ постигаетъ тяжкая болѣзнь или семейное несчастье; туда отсылаются дѣти и просто таки для наученія грамоты. Тѣмъ-то и объясняется та тѣсная связь, какая существуетъ между простолюдиномъ архангелогородцемъ и братіей Соловецкаго монастыря. Многіе, научившись грамотѣ въ Соловкахъ и проработавъ потомъ для своей семьи нѣсколько лѣтъ, снова, уже стариками, возвращаются въ обитель и находятъ тамъ духовное утѣшеніе въ исповѣданіи своихъ грѣховъ честнымъ отцамъ. И вотъ большинство такихъ питомцевъ и составляютъ главный контингентъ нашего парохода, кромѣ женщинъ. Уже издали завидя, съ палубы парохода, высокія церкви города Архангельска, они быстро встаютъ со своихъ мѣстъ и набожно крестятся, обращаясь къ храмамъ божіимъ. Еще часъ, полчаса — вотъ и Архангельскъ.

Отрадное впечатлѣніе производитъ этотъ небольшой, но живописно раскинувшійся по высокому берегу рѣки Сѣверной Двины, городокъ. Онъ протянулся полу-кольцомъ прямо передъ глазами зрителя и ласкаетъ его взоръ бѣлизною небольшихъ, большею частью одноэтажныхъ, рѣже двухъ-этажныхъ домиковъ и величавою архитектурою многихъ церквей и монастырей, то тамъ, то сямъ выдѣляющихся среди общественныхъ и частныхъ зданій города.

У пароходной пристани всегда стоятъ небольшія линейки, которыя и развозятъ богомольцевъ въ разные нумера и подворья, куда кому пожелается. Но большинство направляется въ нижнюю часть города, такъ называемую Соломбалу, и размѣщается тамъ въ подворьѣ, принадлежащемъ Соловецкой обители. Въ это же подворье направился и я съ двумя случайными, но милыми моему сердцу, спутницами.

Монастырское подворье, расположенное среди обширнаго двора, представляетъ собой большой, деревяннаго строенія, двухъ-этажный корпусъ съ длиннымъ — предлиннымъ вдоль зданія корридоромъ и со множествомъ небольшихъ комнатъ по обѣимъ сторонамъ корридора. Большинство этихъ комнатъ уже было занято раньше того прибывшими богомольцами; заняты были и всѣ уголки двора, набитые простою чернью. Всѣ ждали со дня на день прибытія перваго парохода съ Соловецкаго острова; но пароходъ, не смотря на 15-е число мѣсяца мая, все еще не являлся въ городъ Архангельскъ, за множествомъ ходившихъ льдовъ въ Бѣломъ морѣ.

Первымъ моимъ дѣломъ, по прибытіи въ Архангельскъ, было представиться мѣстному губернатору, какимъ на ту пору былъ князь Димитрій Николаевичъ Голицынъ. Князь Голицынъ принялъ меня не только любезно, а даже тепло и сердечно. Онъ выразилъ искреннее желаніе во всемъ оказать мнѣ свое содѣйствіе и обѣщалъ дать знать мнѣ, когда явятся къ нему мѣстный владыка и архимандритъ Соловецкаго монастыря на званный обѣдъ съ тѣмъ, чтобы и я явился къ тому часу и познакомился съ высшими духовными властями, отъ которыхъ зависѣло видѣть ли мнѣ всѣ достопримѣчательности монастыря и его архивныя богатства или только немногія.

Не прошло и нѣсколькихъ дней со дня знакомства моего съ княземъ Голицынымъ, какъ однажды утромъ прискакалъ губернаторскій курьеръ на монастырское подворье и сталъ спрашивать тамъ мою фамилію. Появленіе курьера произвело во всемъ подворьѣ большой переполохъ и сдѣлало тѣмъ большее впечатлѣніе, когда стало извѣстно, что меня приглашаютъ «къ его сіятельству откушать хлѣба—соли». Больше всего тому дивились мои добрыя спутницы, помѣстившіяся во второмъ этажѣ монастырскаго корпуса, какъ разъ черезъ корридоръ противъ моей комнаты. «Миленькій, скажи, да кто же ты будешь таковъ»?—«Мукосѣй,—

по мучной части занимаемся». «Охъ, и неправду жъ ты говоришь, истинно неправду»...

Знакомство съ мѣстнымъ владыкой и въ особенности съ архимандритомъ Соловецкаго монастыря принесло мнѣ весьма существенную пользу, но я все-таки долженъ былъ прождать еще нѣсколько дней, пока прибывшій въ Архангельскъ первый пароходъ «Соловецкій» не собрался въ обратный путь. Долгіе сборы его зависѣли частію отъ того, что онъ дѣлалъ большія закупки для монастыря, частію отъ того, что онъ поджидалъ возможно большаго числа пассажировъ, а частію и отъ того, что въ Бѣломъ морѣ въ это время поднялись страшнѣйшія бури.

И точно, бури здѣсь свирѣпствовали такія, подобныхъ которымъ я раньше того никогда не видывалъ. Однажды ночью сладко спалъ я на твердомъ деревянномъ, безъ всякой подстилки, диванѣ; чтобъ не было твердо бокамъ и низко головѣ, я лежалъ лицомъ вверхъ, подмостивъ подъ голову собственные сапоги и собственное же пальто. Уже было далеко за полночь, когда я былъ разбуженъ страшнымъ воемъ бури, рвавшейся прямо въ мое окно, обращенное на море, и потрясавшей все жалкое зданіе, отъ верху и до низу. Отъ сильнаго порыва бури, несшагося съ открытаго моря, весь деревянный корпусъ монастырской гостиницы дрожалъ и тряся какъ карточный домикъ и, казалось. долженъ былъ неминуемо рухнуть на землю. Когда одинъ изъ такихъ порывовъ вѣтра достигъ своей наибольшей силы и съ страшнымъ грохотомъ ударилъ въ окно моей комнаты, я внезапно вскочилъ съ дивана и всталъ на ноги... Со сна мнѣ показалось, что зданіе уже гдѣ-то треснуло и распадается на части... Но это былъ полѣдній взрывъ бури, и послѣ того ураганъ понемногу сталъ ослабѣвать и наконецъ смѣнился ровнымъ, хотя и довольно сильнымъ вѣтромъ. Разбуженный ударомъ бури, я уже не могъ послѣ того уснуть и, наскоро одѣвшись, вышелъ изъ своей комнаты въ корридоръ. Такъ какъ у противоположнаго конца корридора виднѣлась стеклянная дверь, ведшая на открытый балконъ, то я и направился вдоль корридора къ балкону. Всѣ обитатели корпуса еще мирно почивали и оттого, при полнѣйшей тишинѣ и при безконечной длинѣ корридора, мои собственные шаги раздавались съ необыкновенной силой и, начинаясь въ одномъ концѣ, отдавались въ противоположномъ. Пройдя мѣрнымъ шагомъ и не спѣша по всему корридору, я добрался до стеклянной двери и черезъ

нее вышелъ на открытый балконъ, придѣланный снаружи къ зданію. Хотя это было уже далеко за полночь, но въ маѣ мѣсяцѣ на сѣверѣ ночи почти также свѣтлы, какъ хмарные дни на югѣ. У ногъ своихъ я увидѣлъ обширный дворъ, окутанный легкими водяными парами, натянувшимися сюда съ моря, и посреди двора замѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ отдѣльныя кучки богомольцевъ. Одна изъ такихъ кучекъ приходилась прямо внизу подъ моимъ балкономъ. Тутъ сидѣло человѣкъ 30 или 40 богомольцевъ и средину этой группы занималъ какой-то человѣкъ, который держалъ слово ко всей купѣ. Я свѣсился черезъ перила балкона книзу и невольно сталъ прислушиваться къ тому, о чемъ говорилъ проповѣдникъ своимъ слушателямъ. Вслушиваясь въ его рѣчь, я пораженъ былъ неожиданнымъ открытіемъ: по отдѣльнымъ словамъ, долетавшимъ до меня, и по нѣкоторымъ выраженіямъ, я убѣдился, что среди группы богомольцевъ сидитъ малороссъ и ораторствуетъ. Я не выдержалъ и крикнулъ сверху внизъ:

— Эй, чоловиче божій! Ты, бувае, не зъ Украины?

Ораторъ внезапно прервалъ свою рѣчь, поднялъ кверху голову и въ свою очередь переспросилъ меня:

— А вы, хибà, звидтиля?

— Звидтиля жъ, голубчику, звидтиля! Иды лы̀шень до мене та побалакаемъ!

И вотъ минуты черезъ три-четыре входитъ въ мою комнату высокій, красивый, еще молодой, лѣтъ около 25—27, парень, съ черными, какъ смоль усами, съ ласковыми большими карими глазами, съ тонкимъ красивымъ носомъ и съ легкимъ, какъ бы дѣвическимъ, на щекахъ румянцемъ. Я былъ положительно пораженъ красивою наружностью парня, но еще больше того былъ пораженъ, увидя большой горбъ на его спинѣ.

— Сидай, голубчику, сидай оттутъ, на дивани, противъ мене, та скажы мени, звидкиля тебе Богъ занисъ у таку далеку краину.

— Зъ Херсонщыны, пане, зъ Херсонщыны:

— Онъ звидкиля!

— Звидтиля и есть!

— Зъ якого жъ уизду?

— Зъ херсонського уизду.

— Такъ шо прямо сказать, изъ Запорожья?

— Прямо сказать, изъ Запорожья!

— Шо жъ тебе сюды чи по воли, чи по неволи прынесло?

— Бодай бы мени не казать, а вамъ бы не слухать.

— Чомъ такъ?

— Такъ та й билыпъ ни якъ!...

При этомъ отвѣтѣ мой собесѣдникъ гнѣвно сверкнулъ глазами и неожиданно смолкнулъ. Я понялъ, что затронулъ больную сторону больного человѣка и въ свою очередь смолкнулъ. Между тѣмъ свѣту въ комнатѣ еще нѣсколько прибавилось, и тутъ я воочію увидѣлъ, что передо мной положительный красавецъ; только легкій и нѣжный румянецъ его показался мнѣ подозрительнымъ,— это именно тотъ румянецъ, который служитъ характернымъ признакомъ чахотки.

Скоро подали мнѣ самоваръ, и я съ удовольствіемъ отпилъ чай съ моимъ неожиданнымъ знакомцемъ.

Прошло еще нѣсколько дней и за это время я свыкся съ моимъ знакомцемъ, а онъ свыкся со мной. Я ни одного стакана чая не выпивалъ и ни одного куска не съѣдалъ безъ него, и за то онъ платилъ мнѣ разными мелкими услугами. Однажды поздно вечеромъ сидѣли мы за самоваромъ и вспоминали о далекой, но милой нашему сердцу, Украйнѣ.

— А де ваша, пане, буде ри́дна краионька?

— Моя ри́дна краионька—Харькивщина; а твоя, якъ казавъ ты, Херсонщина.

— А моя Херсонщына.

— Знаю я добре твою Херсонщыну.

— Знаете, кажете, та ще й добре?

— Знаю та такы й добре!

— И Ингулъ Велыкій знаете?

— Знаю!

— И Ингулъ Малый знаете?

— Знаю.

— И Мертви-Воды, и Сугаклій и Громоклій знаете?

— Все знаю та ще й онъ якъ знаю!

— А не зналы жъ вы тамъ Васыля, по призвыщу Трыдуба?

— Василя съ такымъ призвыщемъ не знавъ я.

— Такъ оце жъ я й есть вамъ Васыль Трыдуба...Була у мене и мате, бувъ и братъ ридный, та була... була, сказать вамъ, и дивчына Оксана... Эхъ, и дивчына жъ була! Пройды всю Москивщи́ну, а такои и до вику не знайдешъ. Довго я зъ нею кохався; уже и сватання у насъ було; уже й весилля назначилы, такъ яке жъ

мене лыхо спиткало? Булы у мене кони, та таки кони якъ огари дыки. И повивъ я тихъ коней якось у степъ на ничь пасты. Темно було хочъ у око колы. Спустывсь я въ одну балочку, а тамъ густый-прегустый лисъ рисъ. Ось зъ того лису шось якъ выскоче, а пидо мною жеребець якъ полохнется та въ бикъ зъ дороги... Не вспивъ я и моргнуть окомъ, якъ упавъ зъ жеребця на землю и тутъ почувъ, якъ вынъ мене ударывъ заднимъ копытомъ прямо въ спыну... Скилько я пролежавъ у тій бальци—самъ не знаю; прокынувсь я уже у себе въ хати... Три мѣсяци я пролежавъ въ хати не вставаючи, а якъ уставъ, то побачивъ, шо у мене на спыни горбъ вырисъ. Багато за ти три мисяци воды у Днипри утекло, а зъ нею утекло и все счастя мое. Дивчина моя Оксана видцуралась видъ мене и заручилась зъ другымъ. И зъ кимъ же? зъ кимъ же заручилась? Зъ риднымъ братомъ моимъ?! Охъ, якъ бы не братъ!... Я бъ ему... А то ридный братъ! Отдавъ я тоди ему и свій паёкъ земли, и всю свою худибоньку, и хатынку свою, а самъ помолывсь у хати на иконы, поклонывсь у ногы старій неньци своій тай подавсь геть свитъ за очима. Бувъ я и у Почаевскому монастыри, бувъ и въ Кіивській лавріи, и въ Святыхъ горахъ, и на Аѳони, и въ лавріи Сергія; а оце, якъ бачыте, добыраюсь ще и до Соловецького монастыря... Якъ бы жъ то не ридный братъ,—я бъ ему всадывъ ножаку въ сердце, а то жъ братъ та ще й меньшій видъ мѣне...

Тутъ несчастный парень, пережившій передъ моими глазами страшную душевную муку, сильно закашлялся и схватилъ себя лѣвой рукой за грудь; все лицо его залилось яркимъ румянцемъ, а все тѣло, отъ страшнаго и продолжительнаго напряженія, начало вздрагивать и подергиваться конвульсіями. Тяжело, страшно тяжело было смотрѣть на несчастнаго страдальца, но несчастье его было таково, что его ни облегчить, ни смягчить не было никакой возможности. Но съ тѣхъ поръ я почувствовалъ къ этому страдальцу необыкновенное влеченіе, и сталъ онъ мнѣ роднѣе роднаго человѣка.

Но время шло своимъ чередомъ, и давно желанный день отплытія парохода изъ Архангельска въ Соловецкій менастырь, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, насталъ, и вѣсть объ этомъ всполошила все монастырское подворье. Всѣ укладывали свои дорожныя вещи и спѣшили взять билетъ въ монастырской конторѣ. Мои сборы были слишкомъ коротки, ибо въ то время я нахо-

дилъ излишнимъ возить съ собой даже головную подушку. Надѣвъ на плечи пальто и захвативъ въ руки шляпу, я вышелъ изъ своего нумера въ корридоръ, но тутъ неожиданно встрѣтилъ Васыля Тридуба.

— А я оце до васъ?

— Шо скажешъ, голубчику мій?

— Та якъ бы вы попрохалы пароходного копытана, шобъ позволивъ мени даромъ ихать до манастыря.

— Чомъ же не такъ? Ходимъ — попросю, а якъ не позволе, то я й заплатю.

— Нн, я не хочу того, шобъ вы платылы; а такъ якъ и други бидны люде издять, такъ шобъ и мени можно було проихать.

Капитанъ безъ малѣйшаго возраженія принялъ мою просьбу, и вотъ мы скоро вышли изъ пристани и направились прямо въ Бѣлое или, какъ говорили наши предки, въ Студеное море.

Студеное море приняло насъ на этотъ разъ весьма благосклонно, и нашъ пароходъ, вышедъ въ два часа дня изъ Архангельска подъ командой капитана—монаха и при управленіи матросовъ-монаховъ, въ половинѣ осьмого утра слѣдующаго дня прибылъ въ Соловецкій монастырь. Погода была въ тотъ день сырая и холодная, и потому общій видъ обители съ ея зелеными, вмѣсто обычно золоченыхъ, церковными куполами, съ ея мрачными пятиугольными толстыми стѣнами, съ ея темными и высокими башнями, показался мнѣ слишкомъ угрюмымъ. Вотъ мы, наконецъ, у пристани. Вотъ мы и на Соловецкомъ острову. Меня тотъ часъ же провели къ большому двухъ-этажному каменному флигелю, заново отдѣланному и стоящему внѣ стѣнъ монастырскихъ, и указали тамъ двѣ очень чистенькія и очень уютныя комнатки.

Прійдя въ себя и нѣсколько пооправившись отъ пути, я тотъ часъ же вышелъ изъ флигеля и направился черезъ Святыя ворота въ самый монастырь. Тутъ меня прежде всего оглушилъ невообразимый пискъ морскихъ чаекъ, которыя сидѣли въ своихъ гнѣздахъ прямо въ травѣ или на камняхъ среди двора и при прохожденіи каждаго изъ богомольцевъ пищали на всякіе лады, даже бѣжали въ слѣдъ, выпрашивая себѣ подаяніе въ видѣ кусочковъ бѣлаго хлѣба.

— Что, матушка, кушать хочешь? нѣжнымъ голоскомъ спрашиваетъ какую-нибудь чаечку какая-нибудь сердобольная богомолочка.

— Пи-пи-пи! отвѣчаетъ ей чаечка такимъ же точно нѣжнымъ голоскомъ.

— Что, матушка, кушать хочешь? спрашиваетъ туже чаечку, но другая богомолка не столь нѣжнымъ голосомъ.

— Пи-пи-пи! отвѣчаетъ таже чайка, но уже другимъ голосомъ, совершенно въ тонъ голоса богомолки.

«Такъ изучена божья птичка, что на всякіе голоса отвѣчаетъ» — «Нѣтъ, матушка, мѣсто такое святое; духъ и премудрость божія на всемъ почіетъ здѣсь, — вотъ отъ того и птичка-то такая разумная тутъ, что самъ человѣкъ»...

Далѣе во дворѣ монастыря я увидѣлъ массивное зданіе церкви и здѣсь же узналъ, что это главный монастырскій соборъ во имя св. Преображенія Господня. Съ правой стороны собора, противъ алтарной части его, у самой стѣны, мнѣ бросились въ глаза три надгробныхъ плиты, и тутъ я узналъ, что подъ первой изъ нихъ скрытъ прахъ знаменитаго дѣятеля смутнаго времени Авраамія Палицына, подъ второй—прахъ архимандрита Соловецкаго монастыря Ѳеодорита. Подойдя къ третьей плитѣ, я къ удивленію моему узналъ, что она скрываетъ подъ собой прахъ того человѣка, ради котораго я предпринялъ и самую поѣздку въ Соловецкій монастырь.

«Господь Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на Крестѣ за всѣхъ насъ не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной Сѣчи казаковъ Атамана Петра Кольнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повеленію въ 1776 году на смиреніе. — Онъ въ 1801 году по Высочайшему повеленію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина искренне познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ суб. 112 лѣтъ роду, Смертію благочестивою доброю. Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ. 1856 А. А.».

Такъ вотъ гдѣ нашелъ себѣ послѣднее мѣсто успокоенія «славный» атаманъ «славныхъ» козаковъ! Трудно придумать что-нибудь болѣе горче и болѣе обиднѣе той ироніи судьбы, какая выпала на долю «славнаго и вольнаго» атамана «славнаго и вольнаго» низового товарищества. И въ самомъ дѣлѣ, родиться и вырости на лонѣ мягкой, нѣжной и чарующей природы Украины, провести молодость и зрѣлые годы среди вольной запорожской

волницы, видѣть и полюбить всѣми силами богатырской души вольныя и безпредѣльныя степи, властвовать и держать въ своей рукѣ цѣлыя тысячи вольнаго и войнолюбиваго народа, сноситься съ державными и вѣнценосными особами, располагать обширными богатствами и потомъ подъ конецъ все это промѣнять на мрачную, темную, сырую темницу въ далекой — далекой, на краю свѣта, среди Студеннаго моря, глухой обители, томиться цѣлыхъ 25 лѣтъ въ мрачномъ заключеніи, не видѣть въ глаза праведнаго свѣта божьяго и рѣдко сышать голосъ человѣческій! Трудно придумать болѣе горькую и болѣе жестокую иронію судьбы надъ человѣкомъ!...

Но кто же тотъ неизвѣстный человѣкъ, который соорудилъ надгробную плиту надъ прахомъ великаго страдальца и тѣмъ указалъ его могилу потомству, самъ же скрылъ свое имя подъ скромными иниціалами А. А.? Это Архимандритъ Соловецкаго монастыря Александръ, по фамиліи Павловичъ, по происхожденію малороссіянинъ, впослѣдствіи полтавской владыка. И такъ, это дань украинца, попавшаго въ далекую обитель по волѣ, несчастному украинцу, попавшему въ туже обитель по тяжкой неволѣ.

Но я отрываюсь отъ этой могилы, наводящей страшную тоску на сердце и вызывающей въ головѣ мрачныя думы, и иду далѣе, разыскивая помѣщеніе отца Агоѳона, на котораго мнѣ указали еще въ городѣ Архангельскѣ, какъ на самаго участливаго человѣка ко всѣмъ пріѣзжающимъ въ монастырь богомольцамъ. Вотъ слѣва длинный двухъ-этажный каменный корпусъ. Во второй этажъ этого корпуса ведетъ небольшая деревянная лѣстница, въ свою очередь приводящая къ узкому, но длинному корридору. Вотъ нѣсколько шаговъ впередъ и съ лѣвой стороны небольшая дверь къ отцу Агаѳону.

— Господе Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ! произношу я обычное привѣтствіе.

— Аминь! слышу себѣ въ отвѣтъ за дверями.

Вхожу въ келью и вижу передъ собой монаха высокаго роста, темнаго шатена, лѣтъ за сорокъ съ необыкновенно пріятными чертами и съ особенно привѣтливой улыбкой, сидящаго безъ подрясника, по домашнему, въ очень длинной грубаго полотна сорочкѣ съ небольшою на спинѣ, накрестъ перевязанною, коробочкой для ношенія въ ней главнѣйшихъ завѣтовъ монашескихъ. Въ келейкѣ на ту пору было такъ тепло—тепло и такъ ясно—ясно

отъ солнца, высоко поднявшагося надъ монастырскими строеніями и просившагося черезъ маленкія окошки въ комнатку. Увидя незнакомаго человѣка, отецъ Агаѳонъ быстро накинулъ на себя подрясникъ и тутъ же пригласилъ меня присѣсть на кожаный, довольно древній и оттого уже довольно потертый стулецъ. Мы скоро разговорились и скоро понравились другъ другу. Отецъ Агаѳонъ съ дѣтства, съ самаго ранняго дѣтства, отданъ былъ въ монастырь и свыкся и полюбилъ иноческую жизнь; мірская жизнь нисколько не влечетъ его къ себѣ. Вотъ только иногда весной, когда чаечки начнутъ мостить себѣ гнѣздышки на выступѣ, подъ самымъ окномъ келійки, и когда онѣ начнутъ пароваться между собой, жутко тогда бываетъ ему по временамъ смотрѣть на семейную птичью картину, и сердце его отъ чего-то такъ тревожно забьется и застучитъ въ груди. Но противъ этого всегда есть самое вѣрное средство — теплая молитва и стояніе на колѣняхъ передъ образами... Отецъ Агаѳонъ большой любитель книгъ и большой почитатель старины. Онъ взялъ на себя обязанность показать мнѣ всѣ бывшія въ монастырѣ мѣста заключенія узниковъ и потомъ открыть сокровища монастырскаго архива.

И такъ, посмотримъ сперва мѣста заключенія ссыльныхъ въ обитель. Въ настоящее время многія изъ нихъ уже забиты и замуравлены и только нѣкоторыя можно видѣть съ особаго разрѣшенія начальства. Но мы имѣемъ подробныя описанія всѣхъ этихъ заключеній и потому можемъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей.

«Въ прежнее время всѣ заключенные дѣлились на три разряда. Первый—тѣ, которые находились на покаяніи; они жили въ заключеніи и обязаны были ходить въ церковь ежедневно. Узники второго разряда сидѣли въ заключеніи въ отдѣльныхъ комнатахъ и подъ замкомъ. Имъ позволялось, съ разрѣшенія архимандрита, иногда выходить: зимой на прогулку, лѣтомъ на работу. Наконецъ, узники третьяго разряда могли выходить только три раза въ годъ, и остальное время сидѣли безвыходно подъ замкомъ. Въ монастырѣ этихъ называли великими грѣшниками... Изъ этихъ грѣшниковъ нѣкоторые сидѣли еще въ рогаткахъ. Рогатками назывался инструментъ, надѣвавшійся на голову. Онъ состоялъ изъ желѣзнаго обруча, вокругъ головы, отъ лба къ затылку, замыкавшагося помощью двухъ цѣпей, которыя опускались внизъ отъ висковъ на

замокъ подъ подбородокъ. Къ этому обручу было придѣлано перпендикулярно нѣсколько длинныхъ желѣзныхъ шиповъ. Такимъ образомъ эти рогатки не позволяли человѣку лечь ни на бокъ, ни на спину, ни навзничь, такъ что онъ долженъ былъ спать сидя. Изъ послѣдняго разряда заключенные обыкновенно или вскорѣ умирали или, по выраженію крестьянъ, дѣлались блаженными, т. е. сходили съ ума и тогда жили долго. Кромѣ того въ Соловецкомъ монастырѣ показывали двѣ тюрьмы (вышедшія теперь изъ употребленія) Жаравину и Корчагину. Корчагина тюрьма называлась такъ отъ того, что въ ней нельзя было сидѣть иначе, какъ скорчившись. А Жаравина, можетъ быть, отъ того, что тамъ было очень жарко. Всѣ тюрьмы находились въ то время въ монастырской стѣнѣ; комнаты были очень малы, а окна такой величины, что можно только руку просунуть» [1]).

Но были тюрьмы еще хуже описанныхъ. Это—ямы, устроенныя въ подземельѣ башни Корожней. Всѣхъ башенъ въ монастырѣ, между его высокими и толстыми стѣнами, восемь: Корожняя (Флащевая тожъ), Успенская (Оружейная тожъ), Прядиленная, Никольская, Квасоваренная, Кухонная, Архангельская и Бѣлая. Изъ всѣхъ осьми башенъ подземныя ямы существовали только въ башнѣ Корожней, получившей свое названіе, по объясненію соловецкаго лѣтописца Досиѳея, «по имени подземной тюрьмы, въ древнее время подъ сею башнею находившейся». Эта башня стоитъ въ сѣверозападномъ углу монастырской стѣны на сравнительно высокомъ и открытомъ мѣстѣ и оттого въ ея подземелье не проникаетъ подпочвенная вода, тогда какъ всѣ остальныя башни стоятъ на относительно низменныхъ мѣстахъ, въ которыхъ подземелья были бы невозможны, такъ какъ здѣсь достаточно вырыть яму въ полъ-аршина, чтобы она тотчасъ же наполнилась водой. Отъ такого свойства почвы въ Соловецкомъ монастырѣ, на братскомъ кладбищѣ, отведенномъ на довольно высокой сравнительно мѣстности, противъ южной стѣны монастырской, умершихъ монаховъ хоронятъ въ лѣтнее время прямо въ воду. Но Корожняя башня стоитъ на высокомъ холмѣ, и этимъ воспользовались мѣстныя власти еще въ очень давнее время и сдѣлали въ ея подземельѣ самую мрачную тюрьму для тяжкихъ преступниковъ. Эти тюрьмы, или просто ямы, подѣланы были въ землѣ, ниже фундамента башни и

[1]) Русская Старина, 1875. XIV, 413, 414.

обложены были внутри, по стѣнамъ, дикимъ камнемъ; въ нихъ ни отверстій для свѣта, ни топокъ для тепла не полагалось вовсе. Преступникамъ, опредѣленнымъ къ сидѣнію въ такихъ ямахъ, сперва сковывали обѣ ноги вмѣстѣ съ лѣвой рукой желѣзомъ, оставивъ на свободѣ одну правую руку, и потомъ, при помощи лѣстницы, спускали въ яму. Вытащивъ изъ ямы лѣстницу, яму захлопывали желѣзной лядой или крышкой, чрезъ которую потомъ подавали преступнику хлѣбъ и воду. Въ ямѣ узникъ коченѣлъ отъ холода, не зная ни тепла, ни свѣта; тѣло его, въ особенности скованныя ноги, поражались страшными язвами, въ кости проникалъ мучительный ревматизмъ, платье его превращалось въ лохмотья, ногти дѣлались длинными когтями, собственные экскременты отравляли міазмами всю яму и, вдобавокъ ко всему тому, на несчастнаго узника нападали цѣлыми стаями голодныя крысы. Тогда возбуждался вопросъ о томъ, можно ли опустить въ яму преступнику палку для того, чтобы дать ему возможность отгонять отъ себя нападающихъ крысъ; но вопросъ этотъ считался на столько важнымъ, что съ нимъ обращались въ столицу, и пока рѣшеніе на него приходило изъ далекой столицы, крысы за то время успѣвали нанести обезсиленному страдальцу страшныя муки: они объѣдали ему носъ, уши, въ особенности на скованныхъ ногахъ пальцы. Къ счастію для узниковъ они недолго томились въ такихъ ямахъ; они или сходили съ ума, или же вовсе разставались съ жизнью.

Но въ такія ямы сажались только самые тяжкіе преступники: отцы, растлѣвавшіе своихъ дочерей; братья насиловавшіе своихъ сестеръ; разбойники, промышлявшіе кровавымъ разбоемъ.

Въ настоящее время всѣ эти ямы не существуютъ, и входъ въ подземелье Корожней башни давно уже заложенъ кирпичами.

Въ той же Корожней башнѣ, въ нижнемъ этажѣ, устроено помѣщеніе для преступниковъ въ видѣ отдѣльной камеры. Такія же камеры устроены и въ нѣкоторыхъ другихъ башняхъ—Никольской два помѣщенія въ амбразурѣ нижняго этажа; въ Архангельской—одно во второмъ этажѣ; въ Бѣлой—два, во второмъ и третьемъ этажахъ; въ Прядиленной—одно помѣщеніе въ среднемъ этажѣ. Всѣ камеры башенъ въ общемъ похожи одна на другую и разнятся лишь одними размѣрами. Вотъ для примѣра камера въ Прядиленной башнѣ. Стѣна этой башни имѣетъ девять аршинъ толщины и въ этой—то стѣнѣ, въ той ея сторонѣ, которая обращена воротами во дворъ монастыря, устроена камера. Если войти черезъ широкія

ворота въ средній этажъ этой башни, то тотъ часъ же налѣво можно увидѣть небольшое отверстіе, которое и есть камера. Если же перешагнуть черезъ порогъ камеры, то можно увидѣть и самое устройство ея. Она сдѣлана аркой и имѣетъ видъ большой варистой печи. Въ длину занимаетъ четыре съ половиной аршина, въ высоту съ небольшимъ два аршина; въ ней ни печки, ни оконъ, ни мебели, ни для сидѣнья, ни для спанья; наружный свѣтъ проникаетъ сюда чрезъ небольшую, сдѣланную въ стѣнѣ щель, имѣющую вверхъ 5 вершковъ и въ ширь 2 вершка, куда просовывали узнику пищу и питье. Камера замыкалась двумя толстыми дверьми: внутренней желѣзной и наружной деревянной, обитой шерстянымъ для защиты отъ холода войлокомъ; объ двери запирались огромными пудовыми замками. Если взять во вниманіе то обстоятельство, что стѣна башни, въ которой устроена камера, выходитъ во дворъ, обнесенный кругомъ высокими монастырскими стѣнами; если взять во вниманіе то, что противъ башни, во дворѣ, стоитъ какое-то древнее, еще съ XVII столѣтія существовавшее, зданіе, почти совершенно заслоняющее собой всю стѣну башни; если принять во вниманіе то, что къ наружной стѣнѣ башни придѣланъ широкій корридоръ съ очень наклонной надъ нимъ деревянной крышей, отъ которой падаетъ темная тѣнь на всю нижнюю половину башни; и если, наконецъ, принять въ разсчетъ и то, что стѣна, въ которой устроена щель для просовыванія чрезъ нее въ камеру питья и пищи, имѣетъ толщины почти 2 аршина, то положительно можемъ сказать, что въ камеру за 400 лѣтъ ея существованія никогда не проникалъ ни единый лучъ солнца. Не забудемъ еще ко всему этому и того, что на всемъ Соловецкомъ островѣ бываютъ не только дни, но и цѣлые мѣсяцы, когда «люди солнца праведнаго и въ очи не видаютъ».

И вотъ въ эту-то камеру Прядиленной башни, какъ утверждаютъ старожилы—монахи, и былъ заключенъ кошевой Петръ Калнишевскій. Я не нашелъ письменныхъ указаній, гдѣ именно сидѣлъ Калнишевскій до 1788 года; но не думаю, чтобы его бросили въ подземную яму башни Корожней, такъ какъ эта яма, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, была уже въ 1742 году замуравлена. Да и не было надобности содержать его въ тѣхъ ужасныхъ подземельяхъ, гдѣ содержались страшные преступники. Онъ не былъ злодѣемъ, не былъ извергомъ, не былъ и душегубцемъ, и потому

не было надобности его мучить; его должны были только строго содержать, но не истязать, а потому всего естественнѣе было посадить его въ камеру подъ надзоръ безсмѣнныхъ караульныхъ.

Тѣмъ не менѣе и въ указанномъ помѣщеніи положеніе узника было все-таки ужасно. Узника выводили на свѣтъ божій, и то на нѣсколько часовъ, только въ дни великихъ праздниковъ—Пасхи, Рождества Христова, Успенья Богоматери, или же въ дни постовъ: Великаго и Успенскаго, для говѣнья, но и тутъ держали его строго. «Пришли мы въ трапезу, разсказывалъ очевидецъ—богомолецъ, крестьянинъ Лукинъ, передъ обѣдомъ, дожидали монаховъ съ порціей. Приходитъ человѣкъ незнаемый, за карауломъ три солдата съ ружьями, и спрашиваетъ насъ любопытно: кто царемъ теперь? какъ цари живутъ нынче и какія благополучія на Руси таперича? Мы отвѣчали, что царемъ Александра Павловичъ; живутъ попрежнему все, слава Богу, благополучно и хорошо. Онъ бы и больше разспрашивалъ, да солдаты не позволили. «Отъ этого человѣка, говорили они, отойдите прочь; съ этимъ человѣкомъ не приходится вамъ говорить.» И монахи тоже запрещали: «Архимандритъ увидитъ, сказывали они, такъ нехорошо вамъ за это будетъ.» Архимандритъ пришелъ, и онъ подошелъ къ благословенію. «Древенъ ты еси, землею пахнеши,» сказалъ архимандритъ тому человѣку. И точно, онъ древенъ былъ. Тутъ онъ и жизнь кончилъ. Опосля монахи сказывали, что это какой то кошевой атаманъ»[1]).

Къ этому разсказу теперь старые монахи добавляютъ, что когда кошевого перевели изъ Прядиленной камеры въ другое помѣщеніе, то отъ него осталось въ камерѣ болѣе, чѣмъ на два аршина нечистотъ; что, просидѣвъ въ тюрьмѣ такое продолжительное время, онъ одичалъ, сдѣлался угрюмъ и потерялъ зрѣніе; что у него, какъ у звѣря, выросли большіе когти, отросла длинная борода и все платье, какое было на немъ, кафтанъ съ пуговицами, распалось въ клочья и свалилось съ плечъ.

Возможно, что во всѣхъ этихъ разсказахъ есть извѣстная доля и преувеличенія; но такъ какъ она не можетъ быть опровергнута положительными данными, то этихъ разсказовъ все таки нельзя обойти молчаніемъ.

Такъ или иначе, но, выйдя изъ заключенія на свободу, Петръ Ивановичъ Калнишевскій остался въ монастырѣ добровольно,

[1]) Русская Старина, 1875, XIV, 412.

принялъ чинъ инока и чрезъ два года послѣ того скончался и былъ погребенъ на самомъ видномъ мѣстѣ, у правой стѣны собора.

Осмотрѣвъ, на сколько было возможно и доступно, тюрьмы для заключенныхъ, я обратился, при содѣйствіи того же отца Агаѳона, къ монастырскому архиву. Архивъ помѣщается въ одномъ изъ обширныхъ корпусовъ монастыря, во второмъ этажѣ, въ тѣсной и холодной комнатѣ. Нужно было, даже въ концѣ мая, надѣвать на себя самое теплое платье, чтобы выдержать въ архивѣ стужу въ теченіи трехъ-четырехъ часовъ. Для подкрѣпленія моихъ силъ добрый отецъ Агаѳонъ всякій разъ приносилъ мнѣ большой кусокъ бѣлаго, превосходнаго качества, хлѣба и большую кружку превкуснаго квасу. «Это все отъ насъ зависитъ; а тамъ, что найдете въ архивѣ, это уже отъ Господа Бога. Во всемъ никто, какъ Богъ: Господь умудряетъ слѣпцовъ», всякій разъ говаривалъ мнѣ отецъ Агаѳонъ, ставая передо мной на столъ свои приношенія. И точно, въ архивѣ все зависѣло отъ Господа. Дѣлъ въ немъ въ сущности было немного, можетъ быть тысяча, можетъ быть меньше или больше того, такъ какъ большая часть ихъ, какъ мнѣ объяснили, увезена въ столицу; но за то оставшимся на мѣстѣ дѣламъ не было ни описи, ни указателей, и потому мнѣ приходилось работать, какъ говорятъ малороссы, «навмання» или, какъ выражаются великороссы, наобумъ. Къ тому же нестерпимая стужа (не холодъ, а именно стужа) проникала до самыхъ костей и дѣлала мои пальцы на рукахъ совершенно деревянными, неспособными разгибать и связокъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ приходилось дѣлать такъ: позаняться полчаса—часъ дѣлами, потомъ съѣсть кусочка два хлѣба, запить хлѣбъ квасомъ, побѣгать нѣсколько минутъ по комнатѣ, потереть нѣсколько разъ рука объ руку и потомъ снова браться за работу. «Это зависитъ отъ насъ; а тамъ, что найдете, это отъ Господа Бога. Во всемъ никто, какъ Богъ: Господь умудряетъ слѣпцовъ»—припоминаются мнѣ слова отца Агаѳона. Иногда ко мнѣ зайдетъ и самъ отецъ Агаѳонъ и усладитъ меня какимъ-нибудь разсказомъ изъ недавно прошедшей исторіи монастыря, когда обитель бомбардировали англичане, въ севастопольскую войну. «Вѣдь вотъ, когда безбожные англичане стояли у стѣнъ нашего монастыря и посылали намъ чугунные гостинцы, то одна бомба попала черезъ окно и въ этотъ самый архивъ. А тутъ въ то время сидѣлъ одинъ старенькій монашекъ и читалъ священную книжечку. Видитъ онъ, какъ

эта окаянная бомба упала среди комнаты и закружилась, точно дѣтскій волчокъ; недолго думая, всталъ со своего мѣста, подошелъ къ самой бомбѣ и три раза перекрестилъ ее святымъ крестомъ. И бомба та вдругъ остановилась на мѣстѣ... Такъ-то все отъ Бога, во всемъ никто, какъ Богъ; Господь умудряетъ слѣпыхъ; терпите, Онъ и васъ умудритъ», неожиданно заключалъ свою рѣчь отецъ Агаѳонъ.

И точно, Господь умудрилъ меня: я сталъ брать связку за связкой и прочитывать сдѣланныя на нихъ заглавныя надписи. Тутъ прежде всего мнѣ попались въ руки «Вѣдомости о содержащихся въ ставропигіальномъ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ.» Разворачивая листъ за листомъ эти вѣдомости, я нахожу подъ 1780 годомъ, №14, фамилію Калнишевскаго и тутъ же противъ этой фамиліи читаю запись: «1776 года іюля 29 дня по указу святѣйшаго правительствующаго синода во исполнение высочайшей ея императорскаго величества на всеподданнѣйшемъ генералъ аншефа военной коллегіи вице-президента астраханскоїї. азовской и новороссійской губерній генерала губернатора и кавалера Григорія Александровича Потемкина докладѣ корфирмаціи велѣно бывшаго Сѣчи запорожской кашевого Петра Калнишевскаго содержать безвыпускно изъ монастыря і удалять не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ Соловецкомъ монастырѣ солдатъ» [1]).

Въ слѣдъ за «Вѣдомостями» мнѣ попалась подъ руку связка, заключавшая въ себѣ царскіе указы, и тутъ я нашелъ копію съ указа императрицы Екатерины II, 1776 года, іюня 10 дня, за №1419, гдѣ говорилось о ссылкѣ бывшаго кошевого атамана запорожскихъ козаковъ, Петра Ивановича Калнишевскаго, въ Соловецкій монастырь.

Далѣе я увидѣлъ «Опись» всѣмъ лицамъ, находившимся въ Соловецкомъ монастырѣ, 1787 года, мѣсяца октября, за № 53, и тамъ прочелъ: «Арестантъ Петръ Калнишевской». Тутъ же я нашелъ «Имянной списокъ» 1788 года, февраля 15 дня, за № 175, и въ немъ прочелъ помѣтку: «Петръ Калнишевскій». Въ «Описи, учиненной въ ставропигіальномъ Соловецкомъ монастырѣ оставшимся на зимнее

[1]) Полугодовая черновая вѣдомость о монашествующихъ и о содержащихся арестантахъ, № 121.

пребываніе господамъ начальствующимъ, братіи, солдатамъ, штатнимъ служителямъ, находящимся по паспортамъ богомольцамъ, мастеровымъ, наемнымъ плотникамъ и чернорабочимъ, кто вкакой кельи и службахъ находится и въ какомъ послушаніи былъ, ниже сего ноября 13 дня, 1788 года,» и тутъ подъ № 50 означено: «Въ 15 келье арестантъ Петръ Ивановъ Калнишевской (;) при немъ на каруле солдатъ.» Въ такой же «Описи ,учиненной въ ставропигіальномъ Соловецкомъ монастырѣ...ноября дня 1789 года,» подъ № 46 значится: «Въ 14 келье. Арестантъ Петръ Калнишевской (;) караульные солдаты».

Затѣмъ я отыскалъ приходорасходныя книги монастыря и тутъ изъ «Прихода денгамъ 1776 года, іюля 29 по 1781 годъ іюня 15» увидѣлъ, что Петру Калнишевскому опредѣлено было содержаніе по 1 рублю въ день. Деньги получались изъ архангельскаго губернскаго казначейства сперва на весь годъ сполна, а потомъ помѣсячно, при чемъ всякій разъ въ полученіи ихъ росписывался караульный солдатъ, находившійся при заключенномъ узникѣ: «1776 года, іюля мѣсяца 29. Принято 1 московского пѣхотного полку отъ секундъ маіора Александра Пузыревскаго на производство присланному во оной монастырь на вѣчное содержаніе бывшему кошевому Петру Колнишевскому триста тридцать рублевъ.» «Мѣсяца августа, 1777 года, 23. Принято отъ отставного капитана Михайла Барашкова, присланныхъ при сообщеніи господина архангелогородскаго губернатора Голицына на произвожденіе содержащемуся бывшему кошевому Колнишевскому съ 26 іюня сего года по 26 іюня жъ 1778 порціонныхъ денегъ по рублю на день (;) всего триста шестьдесять пять рублей». «Мѣсяца октября, 1778 года, 2. Принято отъ солдата Ильи Кашкина присланныхъ по сообщенію архангелогородской губернской канцеляріи вышеписанному жъ бывшему кошевому Колнишевскому порціонныхъ денегъ по рублю на день на годичное время сего года іюня съ 26 будущаго 1779 года іюня по 26 число триста шестьдесять пять рублей.» Такъ обыкновенно пишется въ «Приходѣ» монастыря и тутъ же въ «Расходѣ» значится: «1776 года, августа мѣсяца. По ордеру выдано солдату Василью Соханову на отдачю вышеписанному Колнишевскому минувшаго іюля съ 30-го будущаго сентября по 1 число (,) щитая на день по рублю (;) ітого тридцать два рубли (.) То число денегъ тридцать два рубли солдатъ Василій Сохановъ принялъ і росписался». «1776 года де-

кабря мѣсяца. По ордеру выдано солдату Лукѣ Зубкову на производство бывшему запорожской Сѣчи кошевому Петру Калнишевскому за прошедшіе сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы считая на каждый день по одному рублю, итого девяносто одинъ рубль (.) Солдатъ Лука Зубковъ принялъ и росписался» (1). Съ 1777 года выдача денегъ производилась бывшему кошевому Калнишевскому помѣсячно, считая по одному рублю въ день; только въ іюлѣ каждаго года выдавалось 25 рублей, за то въ августѣ опредѣлялось 67 или 37 рублей. Къ сожалѣнію книга «Приходовъ» и «Расходовъ» монастыря прекращается на 1781 году: послѣдніе листы ея вырваны, уцѣлѣвшіе же скрѣплены и провѣрены архимандритомъ монастыря Досиѳеемъ.

Наконецъ, кромѣ приведенныхъ документовъ мнѣ удалось еще найти «Вѣдомости о колодникахъ бывшихъ у исповѣди и святаго причастія». Такія вѣдомости велись въ Соловецкомъ монастырѣ изъ года въ годъ и въ настоящее время ихъ сохранилось въ монастырскомъ архивѣ больше тридцати, начиная съ 1777 года и кончая 1792 годомъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ противъ каждаго изъ арестантовъ поставлена графа для обозначенія его лѣтъ и для отмѣтки, былъ ли онъ у исповѣди и святаго причастія. Въ такихъ «Вѣдомостяхъ» стоитъ всегда и имя Калнишевскаго. «Бывшей Сѣчи запорожской Петръ Калнишевскій. Былъ», или короче: «Петръ Ивановъ Калнишевской. Былъ», или еще короче: Петръ Калнишевскій. Былъ.» Лѣтъ Калнишевскому нигдѣ въ этихъ вѣдомостяхъ къ сожалѣнію не обозначено; просмотрѣвъ всѣ вѣдомости изъ года въ годъ, я увидѣлъ, что Калнишевскій каждый годъ говѣлъ и каждый разъ во время говѣнья исповѣдывался и пріобщался. Въ этомъ случаѣ узникомъ могло руководить два чувства—чувство глубокой религіозности, какимъ отличались вообще всѣ запорожцы, и естественное чувство, пользуясь такимъ случаемъ, выдти изъ одиночнаго заключенія на міръ божій.

Всѣ найденныя архивныя данныя позволяютъ сдѣлать относительно положенія бывшаго кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго такое заключеніе: Калнишевскій, по доставленіи его въ Соловецкій монастырь въ 1776 году, могъ быть сперва посаженнымъ въ одиночную тюрьму какой-нибудь башни, какъ

---

1) Слѣдуетъ замѣтить, что караульные солдаты при кошевомъ — всѣ великороссы.

подсказываетъ намъ преданіе, Прядиленной; потомъ онъ съ 1788 года находился въ одиночной «кельѣ» подъ № 15; въ 1789 году также въ одиночной «кельѣ» подъ № 14. Содержаніе узнику выдавалось по рублю въ день, т. е. въ этомъ случаѣ онъ былъ обезпеченъ, какъ нельзя лучше, но только вопросъ, доходило ли цѣликомъ это содержаніе до рукъ Калнишевскаго. Если злоупотребленія въ такомъ родѣ возможны въ наше время, то тѣмъ болѣе они возможны были въ тѣ времена; въ особенности если взять во вниманіе и отсутствіе близкихъ къ Калнишевскому людей, которые могли бы заботиться объ его участи, и политическую смерть самого Запорожья, считавшагося въ глазахъ правительства императрицы Екатерины II скопищемъ злодѣевъ и хищниковъ. Но если въ вопросѣ объ удовлетворительномъ содержаніи Калнишевскаго приходится отвѣчать вопросомъ же, то въ способѣ содержанія его не можетъ быть никакаго вопроса: онъ содержался строго и бдительно до 1801 года.

Въ 1801 году на русскій престолъ взошелъ милостивый и добрый императоръ Александръ Павловичъ Благословенный. Тогда участь Калнишевскаго измѣнилась къ лучшему. Манифестъ императора Александра I повелѣвалъ «всѣхъ находящихся теперь и до сего самаго дня подъ слѣдствіемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званія людей, по дѣламъ незаключающимъ въ себѣ важныхъ преступленій, какъ то смертоубійства, разбоя и лихоимства, учинить отъ суда и слѣдствія свободными». Въ силу этого манифеста и бывшій узникъ, Петръ Ивановъ Калнишевскій, получилъ свободу: въ «Запискѣ о содержащихся по вѣдомству тайной экспедиціи, подъ № 29», въ числѣ освобожденныхъ названъ и «Петръ Калнишевскій, бывшій запорожскій кошевой атаманъ въ Соловецкомъ монастырѣ».

По поводу освобожденія Калнишевскаго изъ заключенія между монахами Соловецкаго монастыря въ настоящее время циркулируетъ такой слухъ, что когда императоръ Александръ I, во время своего посѣщенія Соловецкой обители, увидѣлъ яму, въ которой содержался Калнишевскій, то онъ пришелъ отъ нея въ ужасъ и потомъ, желая чѣмъ-нибудь облагодѣтельствовать невиннаго страдальца, спросилъ его, какой ему надо награды за всѣ понесенныя имъ страданія. «Ничего, мнѣ государь, ненадо, кромѣ одного: вели построить острогъ для такихъ же страдальцевъ, какъ и я, чтобы они не томились въ земляныхъ ямахъ». И государь отдалъ

приказаніе построить острогъ, а ямы закрыть. Но съ этимъ разсказомъ не вяжется то обстоятельство, что Калнишевскій подъ конецъ сидѣлъ въ «кельѣ», а не въ ямѣ, какъ показываютъ вышеприведенныя архивныя данныя и что уже съ 1798 года, по указанію соловецкаго лѣтописца Досиѳея, для содержанія арестантовъ отведено было 12 «малыхъ чулановъ въ нижнемъ этажѣ большой каменной двухъ-этажной палаты, стоящей въ сѣверо-западномъ углу монастырскаго замка» [1])

Проработавъ нѣсколько времени въ архивѣ монастыря, я отъ архивныхъ документовъ перешелъ къ осмотру монастырскихъ древностей вообще и тутъ, въ главномъ соборномъ храмѣ, во имя Преображенія Господня, нашелъ запрестольный, четырехъ-конечный крестъ и великолѣпное евангеліе (въ монастырской ризницѣ), сооруженные Петромъ Ивановичемъ Калнишевскимъ. Крестъ стоитъ у окна, противъ престола; имѣетъ высоты одинъ аршинъ и девять дюймовъ, кромѣ ручки въ тринадцать дюймовъ; онъ сдѣланъ изъ серебра чеканной работы, мѣстами позлащенъ; на немъ вырѣзаны съ лицевой стороны: тѣло Спасителя, бѣлое литое; выше Спасителя Господь Саваоѳъ; по бокамъ Богоматерь и Іоаннъ Богословъ; внизу два ангела съ тростью и копьемъ; вокругъ вѣнецъ и стразы; по концамъ сіяніе и херувимы; съ обратной стороны страсти Господни, чеканной работы. Ко всему этому на рукояткѣ, внизу, вырѣзаны слова: «Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Ивановымъ Кошевымъ 1794 года, вѣсъ тринадцать фунтовъ (48) сорокъ восемь золотыхъ». Евангеліе имѣетъ 17 вершковъ длины и 10 ширины, съ бумагой, деревомъ и бархатомъ вѣсящее 2 пуда и 20 фунтовъ; напечатано, въ 1759 году, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны; буквы на александрійскомъ листѣ въ $^1/_4$ вершка величины; обложено по кипарисовымъ доскамъ серебромъ густопозлащеннымъ, унизано стразами и отдѣлано выпуклыми финифтевыми иконами. На лицевой доскѣ изображены, по срединѣ, отъ верху до низу, моленіе о чашѣ, Троица, Преображеніе, Успеніе и Тайная вечеря, съ лѣвой стороны евангелистъ Матвѣй, Марія Магдалина и въ одну линію съ ней преподобный Зосима, затѣмъ евангелистъ Маркъ, преподобный Савватій и въ одну линію съ нимъ Воскресеніе Христово, затѣмъ евангелистъ Іоаннъ. На ниж-

[1]) Географическое, историческое и статистическое описаніе Соловецкаго монастыря, архимандрита Досиѳея, Москва, 1836, 251.

ней доскѣ, по самой срединѣ, представлены черневою работой распятіе Спасителя (два раза) и апостолъ Іаковъ; съ лѣвой стороны апостолы Андрей, Варѳоломей и Филиппъ; съ правой стороны апостолы Павелъ, Ѳома и Симонъ. На серебряныхъ позлащенныхъ дощечкахъ евангелія, придѣланныхъ сверху и снизу къ корешку переплета, съ внутренней стороны, вырѣзана слѣдующая надпись: «Во славу божію устроися сие святое евангеліе во обитель святаго преображение; преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватия соловецкихъ чудотворцевъ что на море окияня при архимандрите ионѣ а радениемъ и коштомъ бывшаго запороцкои сѣчи кошеваго петра івановича кольнишевскаго 1801 года и всего весу 34 ху 25 зо всеі сумы 2435». Къ этой надписи на застежкахъ евангелія прибавлено: «Стараниемъ і трудами соловецкаго маностира; наместникомъ: іеромонахомъ: веніаминомъ: святое евангелие: здѣлана: московскои третей гильдие купецъ: серебреныхъ: делъ мастеръ: владимиръ; андреевичъ» [1]).

Это евангеліе считается самымъ великолѣпнымъ изъ всѣхъ евангелій монастырской ризницы и употребляется только въ господскіе торжественные праздники.

То обстоятельство, что Петръ Калнишевскій черезъ 19 и черезъ 25 лѣтъ своего заключенія въ Соловецкомъ монастырѣ сооружаетъ на собственныя деньги крестъ и евангеліе—остается не безъ смысла: очевидно, евангеліе сооружено кошевымъ въ память его освобожденія изъ заключенія по манифесту 1801 г.; а крестъ, быть можетъ, сдѣланъ въ память перевода его изъ башенной камеры въ «келью». Сумму, необходимую для затраты на крестъ и на евангеліе, кошевой могъ или скопить изъ остатковъ денегъ, выдававшихся ему на содержаніе, или же могъ привезти съ собой въ монастырь изъ Сѣчи, такъ какъ извѣстно то, что въ Запорожьѣ онъ владѣлъ большимъ домоводствомъ и располагалъ значительными денежными средствами. Наконецъ, у Калнишевскаго, въ бывшемъ Запорожьѣ, оставалась родная племянница, находившаяся за мужемъ за помѣщикомъ Вертильякомъ и владѣвшая большимъ имѣніемъ возлѣ урочища Мѣлового, теперь Херсонскаго уѣзда, у праваго берега Днѣпра. Съ ней кошевой Калнишевскій, послѣ полученія свободы, могъ войти въ сношеніе и получить отъ нея значительную сумму денегъ.

---

[1]) Это же евангеліе описано и у Досиѳея на стр. 293, но странно то, что у него сказано, будто бы оно сооружено „на монастырскій счетъ“.

Покончивъ со всѣми розысканіями слѣдовъ кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго, я обратился къ разсмотрѣнію достопримѣчательностей самого монастыря и его окрестностей. Изъ достопримѣчательностей монастыря отмѣчу его небольшой музей древностей въ оружейной палатѣ; въ этомъ музеѣ имѣется между прочимъ, большая коллекція боевого оружія XVI—XVII вѣка, такъ называемыхъ чекановъ, или боевыхъ молотковъ. Тутъ я воочію убѣдился въ томъ, что великорусскіе чеканы и запорожскіе келепа совершенно одно и тоже оружіе. Съ этихъ поръ мнѣ стало вполнѣ ясно, что запорожскіе келепа вовсе не были знаками власти атамановъ, какъ это было распространено у насъ извѣстнымъ археологомъ Н. Н. Мурзакевичемъ; а что это боевое оружіе, весьма распространенное во всей Россіи въ XVI и XVII вѣкѣ и занесенное къ намъ изъ Азіи: въ Азіи подобные молотки, точь въ точь великорусскіе чеканы или запорожскіе келепа, называются «батъ», и этими батами кокандскіе сарбазы мѣтко разбивали грудь нашимъ солдатамъ, когда схватывались съ ними въ рукопашную. Въ той же оружейной палатѣ имѣется нѣсколько старинныхъ пушекъ, пищалей, карабиновъ, пистолетовъ, самопаловъ, мушкетовъ, винтовокъ, палашей, сабель, копій, рогатинъ, бердышей, луковъ, колчановъ со стрѣлами, алебардъ, метательныхъ дротиковъ, роговъ для пороха, знаменъ различныхъ, а ко всему этому множество монетъ древнерусскихъ, золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ.

Независимо отъ этого въ монастырской ризницѣ хранится немало другихъ достопримѣчательностей, каковы: покрышка съ шубы св. митрополита Филиппа, палашъ въ серебряной позлащенной и съ каменьями оправѣ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, сабля въ серебряной позлащенной и съ каменьями оправѣ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, серебряная кружка казанскаго царя Симеона Бекбулатовича, рѣзная изъ слоноваго зуба кружка съ портретами императоровъ. Кромѣ того нѣсколько старинныхъ серебряныхъ ковшей, нѣсколько подлинныхъ, жалованныхъ монастырю, грамотъ, напримѣръ Марѳы Борецкой, новгородской посадницы, царя Іоанна Грознаго (1539 года), новгородскаго архіепископа Іоны и новгородскихъ бояръ, новгородскаго митрополита Никона, царя Петра Алексѣевича и другихъ государей; множество купчихъ крѣпостей, разныхъ указовъ, свитковъ и предписаній; множество рѣдкихъ церковнобогослужебныхъ книгъ

и старинныхъ образовъ. Особо отъ всего этого на монастырской колокольнѣ имѣется небольшой зазвонный каменный колоколъ, сдѣланный еще при игуменѣ преподобномъ Зосимѣ, и временъ же Зосимы каменное клепало, въ которое ударяли для созыва братіи къ церковной службѣ.

Но для монастыря драгоцѣннѣе всѣхъ драгоцѣнностей—это мощи основателей обители, преподобнаго Савватія, скончавшагося въ 1434 году, и преподобнаго Зосимы, скончавшагося въ 1478 году; часть мощей св. митрополита Филиппа, оставленная въ 1657 году, въ обители «на исцѣленіе приходящихъ съ вѣрою». Всѣ эти святыни находятся въ главной соборной церкви Преображенія Господня.

Въ галлереѣ, окружающей соборъ Преображенія, имѣется немало картинъ стариннаго письма, полуцерковнаго, полусвѣтскаго содержанія. На нихъ изображены въ лицахъ разныя притчи евангельскія; напримѣръ на тему о томъ, что человѣкъ въ чужомъ глазу видитъ сучекъ, а въ своемъ глазу бревна не замѣчаетъ, причемъ противъ глаза одного человѣка поставленъ небольшой сучечекъ, а противъ глаза другого нарисованъ невѣроятной толщины деревянный обрубокъ; а также о томъ, что выходитъ изъ послушанія сына своему отцу: сынъ, поливающій обгорѣлое дерево водой, приносимой на колѣняхъ во рту за много верстъ изъ колодца на высокую гору, достигаетъ въ концѣ концовъ того, что на обгорѣломъ деревѣ выростаютъ сочные и красивые яблоки. Тутъ же развѣшано нѣсколько картинъ съ изображеніемъ нечистыхъ демоновъ съ огненными языками, съ страшными, со множествомъ очковъ, глазами, острыми когтями, съ закрученными хвостами, между которыми стоятъ жалкія и угнетенныя фигуры грѣшниковъ. Противъ картинъ съ изображеніемъ демоновъ повѣшена картина съ изображеніемъ креста, на которомъ распятъ юный монахъ въ полномъ иноческомъ одѣяніи и съ кожанымъ поясомъ по чресламъ. Вокругъ него сдѣлано множество надписей на тему побѣды духа надъ плотью. «Да будутъ свѣтильницы горящіи въ рукахъ вашихъ». «Иже Христови суть: плоть распяша со страстьми и похотьми». «Мнѣ міръ распяхся и азъ міру». «Христови распяхся». Выше монаха представлены: Христосъ и два ангела; внизу—молодой всадникъ, предлагающій корону распятому, потомъ какое-то страшное чудовище, стоящее надъ пламенемъ, и волосатый съ рогами дьяволъ, который тянетъ монаха за ногу посредствомъ

прикрѣпленной къ ней веревки во адъ кромѣшный, говоря ему: «Сниди со креста», на что монахъ отвѣчаетъ: «Отрекохся сатаны». Выше дьявола стоитъ молоденькая барышня, пышно разодѣтая, искушающая своими прелестями аскета. На ней надѣто легкое воздушное розоваго цвѣта, доходящее только до колѣнъ, платьице; на головѣ ея широкая съ желтыми цвѣтами шляпка, съ голубой вокругъ лентой, съ большой розой напереди и со страусовымъ краснымъ перомъ назади; шея ея слегка открыта и по ней ложатся вьющіеся локоны. Барышня наклонилась къ монаху, держа въ лѣвой рукѣ лукъ, а въ правой стрѣлу, готовой пронзить монаха; надъ головой барышни написано: «Плоть», а противъ ея устъ: «Сниди со креста». Но губы монаха заперты висячимъ замкомъ и ниже того замка написано: «Положи устамъ моимъ хранило».

Кромѣ собственно монастыря съ его храмами и палатами въ высокой степени интересны и всѣ окрестности его. Островъ, на которомъ находится древняя обитель, носитъ названіе Соловецкаго острова, давшаго названіе и самому монастырю. Этотъ островъ имѣетъ въ длину 25 верстъ и въ ширину 16. Кромѣ Соловецкаго острова тутъ же имѣется еще пять большихъ острововъ: Анзерскій, Муксальмскій Большой, Муксальмскій Малый, Заяцкій Большой, Заяцкій Малый, и множество мелкихъ острововъ, именуемыхъ здѣсь коргами. Всѣ эти острова покрыты высокимъ лѣсомъ, состоящимъ изъ сосны, ели, ольхи, березы, осины, ивы, тальника, рябины, черемухи; изобилуютъ глубокими и полноводными озерами и множествомъ всевозможнаго рода птицы, каковы: лебеди, гаги, журавли, чайки, голуби, орлы, ястребы, вороны, куропатки, глухари, зяблики, малиновки; имѣютъ, исключая волковъ, множество звѣрей, какъ напримѣръ, зайцевъ, лисицъ, бѣлокъ; къ своимъ берегамъ они привлекаютъ множество всевозможнаго рода рыбы—бѣлуги, нерпы, тюленей и въ особенности сельдей.

На всѣхъ этихъ островкахъ, то тамъ, то сямъ, разбросаны одинокіе скитки, устроены отдѣльныя молитвенныя часовеньки, воздвигнутые на память разныхъ событій каменные и высокіе деревянные кресты. На многихъ изъ этихъ острововъ есть очаровательные, полные красоты, прелести и таинственности уголки. Тутъ, именно въ этихъ тихихъ и таинственныхъ уголкахъ, можно отрѣшиться отъ всѣхъ земныхъ помысловъ и, находясь поистинѣ

между небомъ и землей, можно вести молитвенныя бесѣды съ Богомъ. Для истинныхъ любителей красотъ природы, для людей, ищущихъ уединенія, нуждающихся въ успокоеніи скорбной и обиженной души, тутъ, на этихъ далекихъ островахъ, среди обширнаго Студенаго моря, всегда найдется уединенное, тихое и завѣтное пристанище. Вотъ, напримѣръ, на Муксальмскомъ острову у подножья Ѳаворъ-горы; на Анзерскомъ острову, возлѣ Голгоѳы горы, гдѣ сооруженъ Распятскій скитокъ; на самомъ Соловецкомъ острову, у цѣпи Святыхъ, Гремячихъ и Хлѣбныхъ горъ, и въ особенности на плѣнительной и очаровательной Сѣкирной горѣ.

Сѣкирная гора—это высокій и обширный, вулканическаго происхожденія холмъ, находящійся въ 12 верстахъ къ сѣверо-западу отъ обители, нѣкогда любимое мѣстечко основателя монастыря, преподобнаго Савватія. Вся эта гора покрыта густымъ и въ лѣтнее время зеленѣющимъ лѣсомъ и на самую высокую, кульминаціонную, точку ея вознесенъ обширный двухъ-этажный чарующій своимъ величіемъ, божій храмъ. Чтобы дойти до этого храма, нужно долго и постепенно подниматься по узенькой тропиночкѣ, спирально идущей на самую вершину горы. Подвигаясь по этой тропиночкѣ все впередъ и впередъ, вы видите постоянно передъ собой церковку, но эта церковка то какъ бы удаляется отъ васъ, то какъ бы снова приближается къ вамъ. Вотъ вы, послѣ долгихъ усилій, наконецъ и на самой вершинѣ горы. Вотъ вы и возлѣ церковки. Прежде всего войдите въ колокольню, поднимитесь на самый верхній ярусъ ея и окиньте взоромъ всѣ окрестности, окружающія мѣстность Сѣкирной горы, на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Тутъ открывается такая грандіозная, такая величественная, такая необозримая и необъятная картина, при видѣ которой умъ цѣпенѣетъ и сердце замираетъ трепетомъ. Вотъ, у самыхъ ногъ, высоко-высоко поднимается гора Сѣкирная; на самой вышкѣ ея красуется великолѣпный храмъ, своей архитектурой уносящій воображеніе въ далекія отъ насъ времена; по крутымъ и обрывистымъ склонамъ Сѣкирной горы поднимается дикій и едва проходимый лѣсъ; а тамъ, кругомъ всей горы, во всю необъятную ширь, разстилается видъ на бурно волнующееся, грозно стонущее и высоко вздымающееся море. Вотъ высокія бушующія волны этого моря съ неудержимой силой катятся къ крутымъ скатамъ горы Сѣкирной и съ страшнымъ шумомъ разбиваются объ огромные камни, какъ бы нарочно воздвигнутые горой на вѣко-

вѣчную и бдительную стражу свою. Отъ такого удара становится страшно и за самаго себя, и за высокую колокольню и за все миніатюрное, сравнительно съ цѣлымъ моремъ, зданьице, именуемое церковкой... Но божія церковка стоитъ уже столько лѣтъ, и столько лѣтъ возносятся въ ней горячія и слезныя моленія богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ! И каждый день въ ней правится божественная служба и каждый день стоятъ у престола ея ветхіе деньми, но усердные въ молитвахъ богомольцы. Вотъ и теперь въ ней служится вечерня. Передъ царскими вратами стоитъ древній-предревній іеромонахъ старецъ, въ широкой, со складками, черной мантіи, въ высокомъ черномъ, съ длиннымъ покрываломъ клобукѣ. «О мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ божіихъ церквей и о соединеніи ихъ Господу помолимся»! произноситъ онъ старческимъ замогильно-трепетнымъ голосомъ и тутъ же, сдѣлавъ глубокій доземный поклонъ, на нѣсколько мгновеній смолкаетъ и точно замираетъ на мѣстѣ... Ему вторитъ такой же древній-предревній старецъ, въ такомъ же черномъ высокомъ клобукѣ, но стоящій не у царскихъ вратъ, а на клиросѣ. «Господи, помилуй»! не спѣша и съ замираніемъ голоса произноситъ онъ и также дѣлаетъ глубокій доземный поклонъ и также на нѣсколько мгновеній какъ бы замираетъ... «О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ»!... опять произноситъ первый старецъ съ тѣмъ же глубокимъ поклономъ и съ тѣмъ же трепетнымъ замираніемъ. «Господи, помилуй»! отвѣчаетъ ему другой старецъ съ тѣмъ же протяжнымъ напѣвомъ, съ тѣмъ же глубокимъ поклономъ и съ тѣмъ же, на нѣсколько мгновеній, перерывомъ... Кажется, вотъ-вотъ живой духъ покинетъ бренное тѣло старца, и старецъ уже не поднимется болѣе съ полу и не продолжитъ больше своей молитвы. Но старецъ вновь, какъ свѣча, становится прямо предъ царскими вратами и снова произноситъ свой молитвенный возгласъ: ясно, что въ немъ плоть только немощна, но духъ бодръ есть... А между тѣмъ въ это самое время заходящее, хотя здѣсь и холодное, но все же свѣтлое и ясное солнышко, внезапно ворвется черезъ рѣшетчатое окно въ самую средину церкви, заиграетъ по всему божьему храму, разольется огненными лучами по позолотѣ рѣзного иконостаса, отразится свѣтлымъ пятномъ на высокомъ клобукѣ манатейнаго іеромонаха и такъ же внезапно исчезнетъ за окномъ храма... И жутко и страшно становится на душѣ отъ всей этой суровой и строгой

обстановки. «Господи, я вѣдь еще не старецъ, я хочу еще жить въ мірѣ, въ живомъ мірѣ! Но я теперь вижу, что когда душа моя истерзается, когда тѣло мое одряхлѣетъ, когда силы мои сдѣлаются слабы, я тогда могу обрѣсти здѣсь миръ и душевное для себя успокоеніе... И не одинъ я, а всякъ, кто будетъ въ томъ же нуждаться. Вотъ, передъ моими глазами, какой-то страдалецъ незримо ни для кого вошелъ въ церковь, онъ выбралъ себѣ скрытое за колонной мѣстечко, безшумно опустился на колѣни и горячо-горячо молится, припадая лбомъ къ холодному полу. Это мой случайный спутникъ, истерзанный сердцемъ, измученный душой, скиталецъ по всему свѣту, Васыль Тридуба...

Запечатлѣвъ навсегда въ своей памяти и въ своемъ воображеніи общій видъ Сѣкирной горы, я потомъ скоро сошелъ съ нея внизъ и скоро возвратился въ монастырь.

Прошло три дня, и я уже на «Соловецкомъ» пароходѣ иду въ Архангельскъ. На этотъ разъ на Бѣломъ морѣ свирѣпствовала такая буря, какую рѣдко приходилось мнѣ видѣть и на Черномъ, по многимъ обстоятельствамъ мнѣ памятномъ, морѣ. Но нашъ пароходъ, управляемый капитаномъ-монахомъ, совершившимъ болѣе двадцати на своемъ вѣку кругосвѣтныхъ путешествій, мужественно выдержалъ всѣ страшные удары яростной стихіи, и мы въ концѣ концовъ, хотя и съ значительнымъ запозданіемъ, благополучно прибыли въ Архангельскъ.

Было около десяти часовъ утра, воскресенье. Я съ пристани направился прямо въ соборную церковь съ тѣмъ, чтобы отслушать обѣдню и затѣмъ навсегда покинуть городъ Архангельскъ. Достоявъ до конца обѣдни, я вышелъ изъ церкви и сталъ ходить внутри ограды, присматриваясь къ стоявшимъ тамъ могильнымъ памятникамъ. Погруженный въ грустныя думы, я далеко былъ отъ живой дѣйствительности и потому невольно вздрогнулъ, когда услыхалъ позади себя чей-то голосъ.

— Пане, паночку, я хотивъ васъ шось спытать!

Я быстро оглянулся назадъ и къ удивленію моему увидѣлъ передъ собой Васыля Тридуба.

— Шо жъ ты, голубчыку мій, хотивъ мене спытать?

— Я хотивъ спытать, якъ васъ звуть и якъ прозываютъ?

Я назвалъ мое имя, отчество и фамилію и въ свою очередь переспросилъ Васыля Тридуба, зачѣмъ ему нужно знать это.

— Для чого жъ тоби знать мое менння?

— Для того, шобъ молыть за васъ Бога. Вы оце сёгодня одъизжаете до Вологды, а я подамсь ажъ до Трыхвына, въ Запеченгу, такъ прощайте жъ на вики, може вже на цимъ свити й не побачымось! Спасыби вамъ за вашу ласку до мене.

Тяжелою грустью повѣяло на меня отъ этихъ словъ несчастнаго. Тутъ я опустилъ было руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы дать что-нибудь бѣдному скитальцу на дорогу, но онъ, понявъ мое намѣреніе, горячо запротестовалъ противъ этого.

— Не за тимъ я пидійшовъ до васъ: я хотивъ знать тилько ваше мення... Мени теперъ уже небагато треба; а якъ и треба буде, то православный мыръ мене и нагодуе и зодягне... Прощайте, паночку, на вики прощайте!

— Прощай, земляче! Прощай, безсчастный бидолаха!...

Прошло еще нѣсколько дней, и я уже далеко-далеко очутился отъ Соловецкаго монастыря и отъ города Архангельска. Я уже на рѣкѣ Днѣпрѣ. Я уже слушаю бурные и шумливые переливы Ненасытецкаго порога, но сквозь эти переливы мнѣ слышится грозный стонъ яростнаго Студенаго моря и среди этого стона видится высокій шпицъ горы Сѣкирной, а на томъ шпицѣ маленькая, какъ песчинка, церковь и въ церкви согбенная, стоящая на колѣняхъ, фигура страдальца, Васыля Тридуба...

Отъ Новаго-Кодака до Каменно-Потоцкаго.

О время многолѣтнихъ моихъ разъѣздовъ по Запорожью, всего больше мнѣ приходилось имѣть дѣло съ крестьянами, менѣе съ панами и еще менѣе съ духовными особами. Съ духовными особами мнѣ пришлось познакомиться главнымъ образомъ въ той части бывшихъ запорожскихъ вольностей, которая нѣкогда составляла такъ называемую кодацкую паланку и которая, по-теперешнему, входитъ въ уѣзды Екатеринославскій и Верхнеднѣпровскій, представляя собой огромное пространство степей, ограниченное съ сѣверной стороны рѣкою Днѣпромъ, начиная отъ Новаго-Кодака, выше города Екатеринослава и кончая селомъ Каменно-Потоцкимъ, не доходя на 8 верстъ выше города Крюкова. Теперь здѣсь только у одного прибрежья рѣки Днѣпра раскинулось 22 большихъ селенія, которыя въ самое непродолжительное время сольются въ одно сплошное и, можетъ быть, не въ столь далекомъ будущемъ, представятъ изъ себя одинъ, очень обширный, многолюдный, культурно-промышленный городъ. На это, по крайней мѣрѣ, указываетъ самое положеніе всѣхъ этихъ селеній, у большой судоходной рѣки и вблизи богатѣйшихъ минеральныхъ залежей, какія добываются теперь изъ нѣдръ земли Екатеринославской губерніи. На всемъ этомъ про-

странствѣ, отъ Новаго-Кодака и до Каменно-Потоцкаго, я не встрѣтилъ ни единаго помѣщика, и все время, переѣзжая отъ одного селенія къ другому, и осматривая въ церквахъ оставшіяся отъ запорожцевъ древности, имѣлъ дѣло съ священниками, дьяконами и псаломщиками. Тутъ мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько своеобразныхъ типовъ и пришлось видѣть нѣсколько любопытныхъ сценъ. Путешествіе свое я, по обыкновенію, совершалъ во время каникулъ и въ самое жаркое время лѣта. Это путешествіе казалось для меня однимъ изъ самыхъ трудныхъ, такъ какъ тутъ я далеко не всегда могъ найти тѣ удобства, какія находилъ большею частью въ домахъ помѣщиковъ.

Первое село, которое лежало на моемъ пути отъ Екатеринослава до Крюкова, былъ Новый-Кодакъ, неправильно называемый теперь Новыми-Кодаками. При существованіи Запорожья, село это имѣло весьма важное значеніе, такъ какъ въ немъ сосредоточено было управленіе паланкой и устроены были различные способы для переправы черезъ рѣку Днѣпръ изъ Запорожья въ старую Малороссію и изъ старой Малороссіи въ Запорожье. Село Новый-Кодакъ стоитъ на открытомъ песчаномъ берегу Днѣпра и по справедливости гордится своею обширною каменною церковью.

Разсчитывая, что въ церкви Новаго-Кодака должны быть непремѣнно запорожскія древности, я уже тотчасъ при въѣздѣ въ селеніе, обратился съ вопросомъ о мѣстѣ жительства священника и, получивъ на мой вопросъ отвѣтъ, тотъ же часъ свернулъ съ дороги и подкатилъ ко двору батюшки. Дворъ батюшки оказался обнесеннымъ кругомъ высокимъ деревяннымъ заборомъ и сараями и представлялъ собой небольшую крѣпостцу, попасть въ которую можно было не сразу. Спустившись съ брички, я подошелъ къ высокимъ съ деревяннымъ навѣсомъ воротамъ и сталъ стучаться въ закрытую наглухо калитку. Въ отвѣтъ на мой стукъ послышался страшный лай множества презлющихъ псовъ, которые, просунувъ свои мохнатыя морды подъ ворота и оскаливъ свои острые зубы, такъ и рвались пролѣзть на улицу и вцѣпиться зубами въ лытки того человѣка, который пытался нарушить спокойствіе хозяина. Прождавъ минуты двѣ-три и, не замѣчая по ту сторону воротъ, во дворѣ, никакихъ признаковъ присутствія человѣка, я вновь стукнулъ въ калитку, но уже посильнѣй, чѣмъ вызвалъ еще болѣе ожесточенный лай псовъ. Наконецъ, прошло еще минуты двѣ-три, и калитка отворилась передо мной. Изъ нея выглянула лѣтъ 13—15

крестьянская дѣвочка, которая, увидя передъ собой пана, сперва нѣсколько удивилась тому, но потомъ, оправившись, поспѣшила прогнать отъ калитки собакъ и провести меня въ «горницы» до батюшки.

Войдя въ «горницы», я былъ пораженъ необыкновеннымъ безпорядкомъ и запущенностью, царившими во всемъ домѣ. Казалось, въ этомъ домѣ вовсе и не знали о томъ, что такое чистота и порядокъ, что такое вѣникъ или щетка. Вездѣ, по всѣмъ комнатамъ, по всѣмъ стѣнкамъ, по всѣмъ угламъ, по всѣмъ дверямъ и оконнымъ луткамъ понабиты были разной величины гвозди и на тѣхъ гвоздяхъ поразвѣшаны были пучки различныхъ огородныхъ, садовыхъ и полевыхъ произрастеній и множество, со всякими сѣменами, маленькихъ мѣшечковъ. Тутъ же висѣли ветхія рясы и затасканные подрясники, разбросаны были по полу старые сапоги и поистоптанные валенки. Едва успѣлъ я осмотрѣться во всѣ стороны, какъ ко мнѣ вышелъ батюшка, уже довольно преклонныхъ лѣтъ, ни худой, ни полный, ни высокій, ни низкій, съ небольшой сѣровато-бѣлой бородой, очень ласковый и очень привѣтливый.

— Услышавъ о прибытіи ко мнѣ странноприѣзжаго человѣка, азъ облачихся въ мою убогую ряску и воздѣвъ сапози на нози для хожденія, вышелъ есмь на встрѣчу ко пришлецу,—кого имѣю честь видѣть у себя?

— Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго археологическаго общества такой-то.

— Мѣстный іерей Яковъ Медвѣдковъ! Прошу садиться.

Получивъ такое приглашеніе, я сталъ осматриваться во всѣ стороны, гдѣ бы выбрать себѣ почище стулъ, чтобы не потревожить на немъ всей пыли, за нѣсколько лѣтъ накоплённой въ домѣ. Батюшка, понявъ мое намѣреніе, поспѣшилъ извиниться передо мной за безпорядокъ, царившій въ его покояхъ.

— Что подѣлаешь? Живу вдовцомъ. На старости лѣтъ остался одинъ какъ перстъ: жену давно схоронилъ; сынъ былъ—въ офицеры ушелъ. Да, въ офицеры ушелъ, въ попы не захотѣлъ идти, а въ офицеры пошелъ, а теперь вотъ и пишетъ: «Батюшка, такой-сякой, сухой-немазанный, пришли деньжишекъ на квартиру да на мундирчишка». А гдѣ ихъ, деньжишекъ-то, взять? И радъ-бы дать, да не съ чего потянуть. А вотъ былъ бы попочкомъ-владѣлъ бы й куточкомъ. Вѣдь не даромъ же умные люди говорятъ: «Родившись отъ духовнаго, держись угла церковнаго—отъ

гладу не умрэшь». А то, можетъ быть, и архіереемъ былъ бы, золотую бы шапочку получилъ. А чѣмъ плоха архіерейская-то жизнь? Филарэтъ ни пашетъ, ни орэтъ, а чисты денежки берэтъ. Да, берэтъ и никому не держитъ подъ козырекъ. А попу развѣ плохо? Да ты выгони попа въ поле, привяжи его къ терниѣ, да дай ему только требникъ да молитвенникъ, и онъ никогда не пропадетъ... Вотъ у меня была одна умная сосѣдка, старая матушка; такъ она, умирая, дала своей внучкѣ такой завѣтъ: «Не ходы, внучко, за куцохвостого бандалыка; то-ли дило попъ—золотый попъ: що-дня свижа копіечка та гаряча палянычка, а въ церкви сто душъ—сто копіекъ, и то карбованець батюсци»... И что-жъ вы думаете? Правда, сущая правда: попъ только наставитъ руку въ церкви, то ему такъ и падаетъ живая копіечка... Но, однако, позвольте: вы зачѣмъ же собственно пожаловали ко мнѣ?

— Да вотъ, батюшка, съ вашего позволенія хотѣлъ бы посмотрѣть въ вашей церкви древности: не найдется-ли между ними какихъ-нибудь запорожскихъ вещей; вѣдь тутъ у васъ всѣ запорожскія мѣста.

— Еще бы! Нашъ Кодакъ—это самое кишло запорожское. Ихъ тутъ у насъ два Кодака: одинъ Старый-Кодакъ, ниже Екатеринослава, а другой—Новый-Кодакъ, выше Екатеринослава.—вотъ этотъ, гдѣ мы теперь съ вами сидимъ и бесѣдуемъ. И какъ вы думаете, спрошу я васъ—отъ чего это они получили такое названіе?

— Ну, на такой вопросъ мудрено, батюшка, сразу дать отвѣтъ. Должно быть, какой-нибудь тюркскій корень. У хана золотой орды Гаюка былъ первый министръ Кадакъ. На татарскомъ языкѣ «кодакъ» значитъ гвоздь, на алтайскомъ «кадалгакъ» — утесъ, на монгольскомъ «хада»—также утесъ, скала. Первое селеніе Кодакъ получило свое названіе отъ порога Кодака, а порогъ Кодакъ съ полнымъ правомъ можетъ назваться скалой.

— Вы говорите—мудрено отвѣтить! Это у васъ, у ученыхъ, мудрено, а у насъ очень просто: у насъ въ Старомъ-Кодакѣ жилъ Кодакъ-отецъ, а въ Новомъ-Кодакѣ жилъ Кодакъ-сынъ. Вотъ вамъ и вся премудрость!

— Но что-же по вашему значитъ самое-то слово «Кодакъ».

— Не что иное, какъ Когдакъ, отъ слова «когда» съ выпускомъ буквы «г» и съ прибовкой «къ».

— Но такъ-ли это, батюшка? Въ такомъ случаѣ ужъ лучше Кондакъ?

— Э, нѣтъ! Тогда это были-бы духовныя особы,—отецъ въ

Старомъ-Кодакѣ, а сынъ въ Новомъ, а то это были козаки да еще запорожцы. Тутъ все, куда ни глянь—все одна запорожня. Тутъ есть фамилія Гонтаревскихъ,—отъ чего, вы думаете, произошла эта фамилія?

— А отъ чего?

— Отъ Гонты! Отъ того Гонты, что предводительствовалъ гайдамаками. Вотъ когда съ него поляки лупили кожу, да вырѣзывали изъ груди сердце, такъ онъ благимъ матомъ ревѣлъ. Отъ того поколѣніе его и прозвалось Гонтаревскими,—отъ слова «Гонта» и «ревѣть».

— А не будетъ-ли, батюшка, правильнѣе фамилію Гонтаревскихъ производить отъ слова «гонтарь», т. е. отъ того мастера, который кроетъ крыши гонтомъ, какъ «котляръ» отъ «котелъ», «коцарь» отъ «коцъ», «крамарь» отъ «крамъ»?

— Э, нѣтъ! и еще разъ нѣтъ! Вы крѣпко ошибаетесь: фамилія Гонтаревскихъ непремѣнно происходитъ отъ Гонты, потому что тутъ живутъ все потомки запорожцевъ, одна запорожня, а не то, что какіе-нибудь мастера.

— Ну, а какъ-же вы, батюшка, сами себя считаете?

— Я-то захожій человѣкъ. Мои предки, должно быть, такъ, что изъ Великой Россіи сюда зашли. Не иначе, какъ съ медвѣдями жили, а самое слово «медвѣдь» я произвожу отъ слова «медъ» и «вѣдать».

— Да такъ-ли это, батюшка? Вѣдь вотъ ученые—и еще какіе ученые!—извѣстные на всю Европу, производятъ слово «медвѣдь» отъ «медъ» и «ѣсть», «ѣда, ядъ, снѣдь», со вставочною между этими двумя словами согласною буквою «в»: мед-в-ѣдь».

— Ваши ученые слишкомъ переученые! Ошибаются они! У насъ это проще и справедливѣе: медвѣдь—тотъ, кто вѣдаетъ медъ.

— Ну, хорошо! Пусть онъ и вѣдаетъ медъ, но въ такомъ случаѣ ѣсть-то ему меду уже нельзя.

— Нѣтъ, ужъ коли онъ вѣдаетъ, такъ онъ и ѣстъ.

— Нѣтъ, ужъ, батюшка, съ этимъ я никакъ согласиться не могу: коли офицеръ завѣдуетъ казеннымъ продовольствіемъ, то самъ онъ его еще не можетъ съѣсть.

— Гдѣ въ другомъ мѣстѣ, тамъ, въ Великороссіи, и не можетъ съѣсть, а здѣсь, между этой запорожней, всякъ можетъ, что ему угодно, съѣсть.

— Но вы же сами говорите, что вы захожій здѣсь чело-

вѣкъ, — оттуда, гдѣ можно только вѣдать медъ, но отнюдь его не ѣсть.

— Да, вотъ развѣ такъ?.. Тогда, пожалуй, лучше будетъ, производить «медвѣдь» отъ слова «медъ» и «ѣсть»... Но, однако, съ чего же мы начали?

— Начали съ того, что я очень хотѣлъ бы въ вашей церкви древности козацкія посмотрѣть.

— Ахъ, да! Такъ идемъ въ церковь!

— Идемъ!

— Но позвольте же васъ самихъ спросить, отчего вы производите вашу собственную фамилію?

— А какъ вы думаете, батюшка?

— Я думаю, что тутъ не безъ греческаго языка.

— То-есть, это какъ?

— То-есть, что это эллинская фамилія, которая состоитъ изъ двухъ словъ—«εὖ»—хорошо и «ἀρνέομαι»—отрицаю и означаетъ человѣка, который все отрицаетъ,—вотъ, какъ вы отрицаете всѣ мои филологическія объясненія.

— Да, батюшка: отрицалъ и отрицаю: моя фамилія происходитъ отъ «явора» или «яворника», откуда Яворскіе и Яворницкіе; послѣдняя фамилія весьма распространена была въ Галиціи, и въ XVIII вѣкѣ, по гербовнику дворянскихъ родовъ царства польскаго, изданному въ 1853 году, въ Варшавѣ, извѣстны восемь пановъ Яворницкихъ. Изъ Галиціи одна вѣтвь этой фамиліи перешла, вѣроятно, уже послѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, въ теперешнюю Харьковскую губернію и тамъ основалась гнѣздомъ возлѣ рѣки Сѣвернаго-Донца, Зміевскаго уѣзда. Въ новой родинѣ часть этой фамиліи осталась въ дворянскомъ сословіи, часть перешла въ духовное, а часть въ мѣщанское. И уже въ очень недавнее время одни изъ Яворницкихъ стали писать свою фамилію съ буквы «Е», большинство пишетъ все-таки съ буквы «Я», мнѣ же лично, въ школѣ, вмѣсто буквы «Е», записали букву «Э», и съ этой буквой я такъ и остался гулять. Какъ видите, тутъ ни греческаго, ни эллинскаго нѣтъ ничего.

— Да такъ-ли это? А то вонъ на Кавказѣ есть какая-то область, тоже напоминающая вашу фамилію.

— Въ такомъ случаѣ, батюшка, я вамъ скажу больше: есть область и въ китайской имперіи, которая напоминаетъ мою фамилію.

— Это какъ?

— А вотъ какъ: если задаться цѣлью искать только сходство одного слова съ другимъ, то можно найти его не только во всѣхъ человѣческихъ, но даже звѣриныхъ и птичьихъ языкахъ.

— Да, вотъ такъ!.. Ну, однако, съ чего же мы начали?

— Начали мы съ того, чтобы идти намъ въ церковь древности смотрѣть.

Ну, такъ идемъ!

— Идемъ!

Оставивъ, наконецъ, убогій домъ убогаго деньгами, но богатаго филологическими фантазіями, батюшки, мы скоро очутились въ церкви, гдѣ я нашелъ немало церковныхъ древностей, оставшихся отъ времени запорожцевъ [1]).

«Отмѣнилъ сей крестъ атаманъ незамайковского куреня Стефанъ Чубъ»...

— Вотъ извольте видѣть: говорилъ я вамъ, что тутъ одна запорожня, такъ оно и выходитъ. Атаманъ Чубъ! Вѣдь прямо таки запорожецъ! Ни вы, ни я, не можемъ назваться Чубомъ, а онъ назвался Чубомъ и имѣетъ на то полнѣйшее право, потому что у него на головѣ былъ чубъ.—отъ него онъ и фамилію себѣ получилъ.

«Сей крестъ отмѣнилъ Петровъ синъ Баштанникъ за упокой родителей своихъ Петра и Евдокию»...

— Опять запорожня! Баштанникъ! Отъ чего, вы думаете, онъ фамилію свою получилъ.

— Отъ чего?

— Отъ слова «ба» и «штаны»; «ба» значитъ «вотъ», а «штаны»—штаны. Это значитъ: «вотъ я въ штанахъ»! А то вѣдь у нихъ бывало и такъ, что они и безъ штановъ разгуливали. Тоже вѣдь народецъ! Мармосы, чистые мармосы!

— Это что же значитъ «мармосы»?

— Это очень многое значитъ: и отчаянные разбишаки, и отчаянные гуляки, и отчаянные химородники, и вотъ такіе баштанники, какъ этотъ, что вы прочли... Но послушайте, почтенный

[1]) Подробности о находкахъ въ церкви Новаго-Кодака находятся въ моемъ сочиненіи «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа», Спб., 1888, I, 49—51.

археологъ, можетъ быть онъ Безштанникъ, а не Баштанникъ? Вѣрно ли вы прочли?

— А вотъ извольте, батюшка, сами прочесть.

— «Сей крестъ отмѣнилъ Петровъ синъ Ба-ш-та-нни-къ»... Да, Баштанникъ.

— Да знаете ли вы, батюшка, что значитъ слово Баштанникъ? Баштанникъ вѣдь это тотъ, кто сидитъ на баштанѣ, т.-е. на бакчѣ. Вамъ, какъ великороссу, очевидно, это слово неизвѣстно.

— Нѣтъ, это не такъ и еще разъ скажу, не такъ! Что тутъ оригинальнаго для какого-нибудь «мармоса»? Для него «ба онъ въ штанахъ»—это оригинально!

— Ну, пусть будетъ по вашему! Будемъ читать дальше.

«Сей подсвѣчникъ здѣланъ коштомъ козака пластуновскаго Самуила Комлика»...

— Вотъ вамъ еще одно въ мою пользу доказательство. Не правду ли говорилъ вамъ? Запорожня, мармосы, все мармосы! Вѣдь это что же за фамилія? Рожа вѣдь—больше ничего! Комликъ это значитъ калмыкъ. Даромъ развѣ онъ назвался такъ? Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ изъ калмыковъ. У нихъ все не спроста; у нихъ вездѣ химеры: вотъ онъ въ Запорожьѣ сегодня жидъ, завтра его выкрестятъ, а послѣ завтра поставятъ въ попы. «Ты смѣялся надъ нашимъ Богомъ,—а теперь ему служи». Вотъ такимъ порядкомъ у нихъ произошла фамилія Ковалевскихъ: былъ коваль еврей, сталъ протоіерей, а внукъ его сдѣлался профессоромъ,—учился сперва въ екатеринославской семинаріи, потомъ въ какомъ-то южномъ университетѣ и вышелъ важнымъ докторомъ. И все-то мармосы, и мармосы, и вездѣ-то запорожня, запорожня...

«Сей подсвѣчникъ здѣланъ коштомъ козака пластуновского Самуила Комлика, а стараніемъ священника Стефана Малишевича до храму новокодацкого святониколаевского».

— Это уже «малъ бѣхъ въ братіи моей»—не иначе надо понимать. А вы какъ понимаете?

— Я такъ, батюшка, понимаю, что съ этой фамиліей «Малишевичъ» былъ еще и кошевой атаманъ Иванъ Малышевичъ, а былъ ли онъ малъ въ братіи своей—того не вѣмъ.

Просмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ церковныя вещи до единой и скопировавъ доподлинно всѣ сдѣланныя надписи на нихъ, а вмѣстѣ съ этимъ выслушавъ по поводу каждой козацкой фамиліи

не мало тонкихъ филологическихъ разсужденій въ сущности добродушнѣйшаго и самаго безобиднаго, но одержимаго маніей филологіи, отца Якова Медвѣдкова, я вышелъ изъ церкви, простился съ нимъ самымъ сердечнымъ образомъ и, сѣвъ въ бричку, велѣлъ кучеру трогать лошадей.

— Постойте! постойте! неожиданно закричалъ мнѣ батюшка. Еще хотѣлъ вамъ предложить одинъ вопросъ.

— Извольте! Какой вопросъ?

— Былъ у меня одинъ пріятель. Бодаковскій,—отъ чего, по вашему, происходитъ его фамилія?

— А по вашему отчего она происходитъ?

— По моему отъ латинскихъ словъ «бона»—добрая и «аква» вода, т. е. добрая или хорошая вода.

— По моему, батюшка, тутъ ни доброй, ни хорошей воды рѣшительно нѣтъ; фамилію Бодаковскій или Будаковскій нужно возводить къ слову «буда, будовать, будинокъ», т. е. постройка, строить, зданіе; отъ этого же корня мы имѣемъ названіе города Буда-Пештъ.

— Такъ вотъ куда вы шагнули! Изъ Кодака да въ Буда-Пештъ! Ну, такъ прощайте же, почтенный археологъ! Я останусь къ моемъ Кодакѣ, а вамъ добрый путь въ Буда-Пештъ!...

Послѣ этого я окончательно простился съ батюшкой и отъ села Новаго-Кодака направился далѣе, но не въ Буда-Пештъ, а въ село Діёвку. Впослѣдствіи я узналъ, что мой пріѣздъ въ Новый Кодакъ остался не безъ послѣдствій для отца Якова Медвѣдкова: во-первыхъ хотя онъ и опровергалъ всѣ мои доводы противъ его филологическихъ мудрованій, но все-таки сталъ производить свою фамилію отъ «мёдъ» и «ѣсть»; во-вторыхъ, онъ въ минуты глубокаго раздумья склонялся и къ тому, что «Будаковскій» и «буда» однородны по своему корню слова: «а пожалуй, проговаривался онъ, что оно такъ»; втретьихъ, онъ навсегда сохранилъ воспоминаніе обо мнѣ въ бесѣдѣ со своими друзьями говаривалъ: «Да, это такъ, это такъ! Это было въ то лѣто, когда ко мнѣ изъ столицы бытописатель пріѣзжалъ». Помнилъ ли онъ мою фамилію—этого я не рѣшаюсь утверждать, но слово «бытописатель» онъ постоянно твердилъ.

Въ селѣ Діёвкѣ я встрѣтилъ батюшку, весьма любезнаго, весьма обходительнаго и вполнѣ благовоспитаннаго, отца Пантелеймона Воробьева. При содѣйствіи отца Пантелеймона, а болѣе всего при

участіи его сыновей, студентовъ ветеринарнаго института, я осмотрѣлъ въ короткое время всѣ церковныя древности, потомъ нѣсколько часовъ отдохнулъ и побесѣдовалъ въ пріятной семьѣ батюшки, подкрѣпился обильною пищею и къ вечеру выѣхалъ въ село Сухачевку.

Сухачевская церковь оказалась одною изъ бѣднѣйшихъ по части запорожскихъ древностей, и, не смотря на всѣ старанія батюшки, отца Симеона Григорьева, въ ней все-таки, кромѣ одного цвѣтослова, т. е. цвѣтной тріоди, напечатанной въ 1753 году, въ черниговской типографіи, не оказалось ничего другого.

Было уже совсѣмъ темно, когда я изъ села Сухачевки прибылъ въ слѣдующее село Тарамское. Проѣхавъ мимо церкви, я увидѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, при проѣзжей дорогѣ, хорошій и, повидимому, заново отдѣланный домъ мѣстнаго священника и велѣлъ своему возчику остановиться у воротъ. Черезъ широко раскрытыя ворота я прошелъ въ обширный дворъ и тутъ же, поднявшись по деревянной лѣсенкѣ, прошелъ въ небольшую переднюю и изъ передней вошелъ въ очень просторную залу. Въ залѣ меня поразила невѣроятная грязь и полное отсутствіе мебели. Такой грязи, такой затхлой атмосферы и такой ободранной обстановки въ священническомъ домѣ мнѣ дотолѣ никогда не приходилось видѣть. Прошло минуты три-четыре, а можетъ быть, и цѣлыхъ пять минутъ, а я все оставался одинъ въ залѣ, и ко мнѣ никто и не думалъ выходить, хотя въ другой комнатѣ, за дверью, слышался какой-то шопотъ и чувствовалась какая-то возня. Наконецъ дверь въ залу распахнулась, и ко мнѣ вышелъ батюшка средняго роста, лѣтъ около 35—37, плотный, съ густой изчерна-рыжеватой бородой, съ краснымъ, какъ-бы налитымъ кровью, лицомъ, съ большими выпуклыми и осовѣлыми глазами, въ грязной и затасканной рясѣ и съ неотразимымъ запахомъ цыбули, водки и табаку. Пошатываясь изъ стороны въ сторону и едва держась на ногахъ, онъ заплетающимся языкомъ назвалъ мнѣ свое имя, отчество и фамилію и объяснилъ, что онъ вдовствуетъ. «Вдовствую, милостивый государь, вдовствую»! Произнеся слово «вдовствую», батюшка развелъ во всѣ стороны руками, и тогда мнѣ сразу стали понятны причины и запущенности дома, и неподобающій видъ самого хозяина. Бросивъ взглядъ черезъ полуотворенную дверь въ другую комнату, я замѣтилъ въ ней цѣлое сборище бабъ, сидѣвшихъ прямо на полу и находившихся въ такомъ со-

стояніи, когда человѣкъ не сознаетъ, что онъ и гдѣ онъ. «Вдовствую, милостивый государь, вдовствую... Вы простите меня, ради самого Создателя простите... Да вы думаете, что я пьянъ? Пьянъ тотъ, кто лежитъ—не дышитъ, воронъ глазъ ему клюетъ, а онъ того не слышитъ,—вотъ кто пьянъ... Но вы все-таки простите меня. Батюшка почему-то вообразилъ, что видитъ передъ собой консисторскаго чиновника и потому ждалъ отъ моего посѣщенія самыхъ роковыхъ для себя послѣдствій. Но когда я назвалъ батюшкѣ мое званіе и объявилъ, что пріѣхалъ не изъ Екатеринослава, а изъ Петербурга, то батюшка, свободно вздохнувъ, хотѣлъ было присѣсть на стулъ, но такъ какъ зала была пуста, то ему стоило большого труда удержаться на ногахъ. Еще большаго труда стоило ему омыться холодной водой, придти въ себя и потомъ провести меня въ церковь для осмотра древностей. Уже очень поздно, при восковыхъ свѣчахъ, я разсмотрѣлъ всѣ козацкія древности, находившіяся въ церкви, и еще позднѣй возвратился въ домъ батюшки, гдѣ поневолѣ, за позднимъ временемъ и за отсутствіемъ подводы до другого села, долженъ былъ расположиться на ночлегъ. Объ ужинѣ или самоварѣ нечего было и думать. Я добился лишь того, что мнѣ внесли охапокъ сѣна, разостлали его среди залы по полу и я, закрывъ сѣно пледомъ и обсыпавшись кругомъ всегда имѣвшимся при мнѣ, во время путешествій, далматскимъ, противъ насѣкомыхъ порошкомъ, не долго думая, легъ на свое ложе и скоро уснулъ.

Меня разбудили среди ночи какой-то шумъ, говоръ, крики и пѣніе, происходившіе въ сосѣдней комнатѣ. Проснувшись и заглянувъ черезъ плохо притворенную дверь въ сосѣднюю комнату, я увидѣлъ тамъ вмѣсто прежней компаніи бабъ, дотолѣ раздѣлявшихъ горькую долю батюшки—вдовца, уже другую компанію, трехъ духовныхъ особъ и двухъ возлѣ нихъ, около 10—12 лѣтъ, мальчиковъ. Одинъ изъ духовныхъ особъ былъ дьякъ, крѣпкаго сложенія, совершенно свѣтлый блондинъ, весь, и на лицѣ, и на шеѣ, и на рукахъ заросшій волосами, съ бѣлыми густыми бровями, съ совершенно плоскимъ носомъ, съ толстыми пунцово-краснаго цвѣта губами, съ огромной головой, съ длинной и толстой косицей и съ бѣлыми, какъ кипень, но нѣсколько выдавшимися впередъ зубами. Онъ сильно басилъ и пускалъ глубокую октаву, какою не всегда обладаетъ и какой-нибудь прославленный въ провинціи соборный протодьяконъ. Другой, также дьякъ, былъ брюнетъ, также сильнаго и

плотнаго сложенія, менѣе волосатый, нежели первый, нѣсколько сутуловатый, съ правильнымъ, немного длиннымъ, носомъ, съ короткой черной бородой, съ нѣсколько вдавленной во внутрь грудью, также басившій, но вовсе не обладавшій октавой, какъ обладалъ ею первый. Оба дьяка одѣты были по старинному, въ такъ называемые кафтаны или подрясники. Третій изъ духовныхъ особъ былъ батюшка, самъ домохозяинъ. Но батюшка, пившій съ самаго ранняго утра, къ ночи уже совсѣмъ, «скопытывся» и, повалившись на полъ, храпѣлъ какъ истый богатырь. Поэтому въ комнатѣ въ бодрствующемъ состояніи были только дьяки. Они сидѣли прямо на полу и поминутно засматривали въ стоявшій среди комнаты большой казанъ. Въ томъ казанѣ налита была не что иное, какъ горилка, и пріятели, для упрощенія дѣла, черпали пьяное питье деревянными ложками, какъ черпаютъ борщъ или другую какую нибудь жидкую пищу, и закусывали хлѣбомъ, цыбулей и селедкой. Изъ ихъ собственнаго разговора объяснилось, что дьяки, приходившіеся батюшкѣ не то родственниками, не то просто товарищами дѣтства, везли своихъ сыновей, Онопріана и Дометіана, для поступленія въ духовное училище или, какъ они сами говорили, въ бурсу и попути заѣхали къ батюшкѣ на ночлегъ. Упившись уже изрядно, дьяки прежде всего стали хвастаться способностями и познаніями своихъ сыновей, Онопріана и Дометіана?

— А шо вашъ Дометіанъ знае?

— Шо винъ знае? Знае винъ священную исторію, себъ-то начатки, знае читать-писать, знае числыцю до ста цыфѣръ. А вашъ Онопріанъ шо знае?

— Мій Онопріанъ? Мій Онопріанъ усе знае!

— Якъ то все? Хиба можно знать усе?

— Мій усе знае, та ще й бильше, нижъ усе!

— Оце! Чи чулы вы, люде добри, шобъ хто-ныбудь та все знавъ! Усе знае едынъ Богъ всевѣдующій.

— Якъ не якъ, одначе бильшъ, нижъ вашъ Дометіанъ.

— Ну, це ще бабка надвое казала! Ось мы заразъ допытаемось, хто бильшъ зъ ныхъ знае, чи вашъ Онопріанъ, чи мій Дометіанъ.

Въ то время, когда разгорался этотъ жаркій споръ, оба мальчика мирно почивали тутъ же, въ углу комнаты, скукобившись въ маленькіе комочки и подложивши подъ головы одну общую небольшую и тощую подушечку.

— Слухай сюды, Онопріанъ, встань!

— Слухай сюды, Дометіанъ, встань!

Но мальчики, войдя глубоко въ свою подушку и точно приросши къ самому полу, спали такъ сладко и такъ крѣпко, что никакъ не могли пробудиться отъ сна.

— Эй, вы, хлопци!—рявкнулъ громовымъ голосомъ самый косматый и самый голосистый дьякъ, и хлопцы, точно ошпаренные кипяткомъ, быстро повскакивали на ноги.

— Онопріанъ, ходь сюды та читай намъ начатки.

— «Единъ Богъ во святой Троицѣ, поклоняемый есть вѣченъ, то-есть не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ»... немедленно началъ вычитывать мальчикъ и, сильно зачастивъ, сталъ самъ себя опережать, проглатывая отдѣльныя слова и цѣлыя фразы.

— Шо ты такъ читаешь, якъ той попугай. Ты читай мени съ чувствомъ, съ толкомъ, зъ розстановкою.

Мальчикъ останавливается, начинаетъ снова читать и, не спѣша, прочитываетъ всѣ начатки подъ рядъ, что, вѣроятно, составляетъ далеко больше, нежели сто страницъ.

— Молодчина! Онъ бачите, якъ колокольчикъ одзвонывъ! Винъ у мене такъ, шо буде архіереемъ. Будешъ архіереемъ, святытелемъ?

— Буду.

— А тоди батька не забудешъ?

— Не забуду!

— То-то жъ гляды! Не забуду, не забуду, пока жывый буду,— чи такъ у письни спиваетця?

— Такъ!

— Охъ, бурса—мате, бурса-мате! Зъ тебе и архіереи, зъ тебе и протоіереи. зъ тебе и священныкы, зъ тебе и мошенныкы, зъ тебе и сапожныкы, зъ тебе и острожныкы. Бурса-мате, бурса-мате! Ну. на-жъ тоби за те, шо прочытавъ начатки, ложку горилкы.

И батько, зачерпнувъ изъ казанка большую ложку горилки, подаетъ ее сыну. Будущій «святытель» немедленно отправляетъ горилку по назначенію и отступаетъ въ сторону.

— Молодець! Изъ запорожцивъ шельма,—не иначе! Прадидъ ёго бувъ запорожець Порохня, а теперъ тилько порошокъ зоставсь, тай то бачъ якый! Ну, иды та спы! Меньчій цёго у мене сынъ, такъ той буде жывопёсець: шобъ не взявъ у рукы—заразъ ма-

лювать. Накаляе на лави та пальчикомъ и малюе по лавци.— той зъ тимъ, шо буде жывопёсець. Ну, а вашъ же Дометіанъ?

— Мій Дометіанъ? Вы думаете, шо винъ и начаткивъ не знае? А-ну, читай, сынку, «Едынъ Богъ».

— Едынъ Богъ во святой Троицѣ, поклоняемый есть вѣченъ, то-есть, то-есть... началъ было Дометіанъ, но тутъ же сильно запнулся, закашлялся и остановился. Это былъ на видъ бѣленькій, маленькій, нѣжнаго сложенія мальчикъ, сильно картавившій, сильно конфузившійся, въ противоположность Онопріану, представлявшему изъ себя крѣпкаго, дебелаго, грубоватаго, смѣлаго и на видъ совершенно смуглаго мальчика.

— Шо-жъ ты? шо-жъ ты? А дальше якъ?

Мальчикъ снова начинаетъ и снова, дойдя до рокового мѣста, обрывается, отчего еще больше конфузится и въ концѣ концовъ разражается цѣлымъ потокомъ слёзъ.

— Эхъ, ты плакса! Мазуньчикъ! Матусчинъ сынокъ! Винъ у неи одыньчыкъ, якъ у ныжнёму лоби око.

— Отъ вамъ вашъ и Дометіанъ! Я жъ вамъ казавъ, шо мій Онопріанъ усе знае, а вашъ ничого! Та чи вміе винъ у васъ читать?

— Ну, читать-то винъ уміе. Ось на, та читай!

И дьякъ, вынувъ изъ кармана клочекъ какой-то газеты, изъ которой онъ крутилъ себѣ для куренія «цыгарки», подалъ его мальчику, заливавшемуся слезами и невидавшему чрезъ то и свѣта божьяго.

— Читай, кажу тоби! грозно крикнулъ отецъ.

Мальчикъ взялъ трясущимися руками клочекъ бумажки и, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, глотая слезы, началъ вычитывать: «Часть оф-фи-ці-аль-на-я. Дѣйствія пра-ви-тель-ства. Прика-зомъ по поч-то-во-те-ле-граф-но-му окру-гу отъ 15 апрѣ-ля се-го го-да»... Тутъ мальчикъ вдругъ остановился и впалъ въ легкое раздумье.

— Читай дальше,—шо-жъ ты?

— Тятенька, а что же оно значитъ «оффиціальная»?

— Ичъ яки задачи задае? Оффиціальная! Хочешъ бильшъ батька знать? Ось я тоби!

И дьякъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ сынишки, такъ треснулъ его по лбу ложкой, что несчастный мальчикъ, отшатнувшись въ сторону, ударился затылкомъ объ стѣну и оттого зарыдалъ навзрыдъ.

— Ну, годи! годи! Иды сюды—ось я тоби гостыньця дамъ. И дьякъ вынимаетъ изъ кисета, гдѣ у него хранится табакъ, кресало и трутъ, нѣсколько кусочковъ разломаннаго и раскрашеннаго бублика и подаетъ сыну такой гостинецъ. Сынъ беретъ въ дрожащія руки куски бублика, пересыпанные крошеннымъ тютюномъ и, жуя и поперхаясь отъ такого сладкаго гостинца, ѣстъ его противъ собственной воли, боясь гнѣва своего пьянаго и въ такихъ случаяхъ, очевидно, всегда грознаго родителя.

— Ну, теперь геть! Иды спать!

Мальчикъ, снова повинуясь волѣ родителя, идетъ въ тотъ же уголокъ, опять сворачивается въ маленькій комочекъ и, утеревъ кулачкомъ слезы, ложится головой на подушку и потомъ черезъ недолгое время засыпаетъ крѣпкимъ сномъ.

Оставивъ въ покоѣ своихъ сыновей, дьяки начали хвастаться уже собственными познаніями или, какъ они сами выражались «запынàть одынъ òдного премудростямы чоловичого житія».

— Кумъ Иванъ Свырыдовичъ, давайте арцыбрызнымъ!

— Давайте, кумъ Иванъ Кудыновичъ!

И дьяки, зачерпнувъ глубоко свои ложки въ казанъ, достаютъ оттуда горилку и отправляютъ ее по назначенію.

— Кумъ Иванъ Свырыдовычъ, давайте воздымымъ!

— Давайте, кумъ Иванъ Кудыновичъ!

Дьяки достаютъ изъ своихъ глубокихъ кармановъ по клочку бумажки, сыплютъ на нихъ некрошенную самолично въ порошокъ махорку и начинаютъ закуривать отъ свѣчки «цыгарки»; при чемъ Иванъ Свырыдовычъ, какъ человѣкъ съ болѣе слабой натурой, скоро поддающейся дѣйствію вина, сильно размякнувшій, никакъ не можетъ поймать въ руки свѣчки, чтобы донести ее къ своимъ губамъ и «запалыть цыгарку».

— Постойте, кумъ Иванъ Свырыдовичъ, я вамъ пидставлю свичку, а вы й заражайтесь.

И Иванъ Кудыновичъ подставляетъ подъ носъ своему куму свѣчку, и Иванъ Свырыдовичъ, послѣ долгихъ усилій, наконецъ «заражается».

— Теперъ ось послухайте, кумъ, шо я вамъ скажу.

— Слухаю,—кажить.

— Хочу я вамъ одну загадку загадать.

— Загадуйте,—буду одгадувать.

— Взятъ изъ земли, якоже Адамъ, ввержонъ въ пещь огнен-

ную, яко три отрока, проданъ на торжищи якоже Іосифъ, везенъ на колесницѣ якоже фараонъ, бысть на свадьбѣ въ Канѣ Галилейстѣй во дни юности, а умроша и кости его не погребоша. Что сіе значитъ?

— Ну, сказать вамъ, загадка ваша не овси-то мудряща; я думавъ, кумъ, шо вы, якъ чоловикъ высокоумный, повозвышеннішъ можете мени за́гадку загадать.

— А я думавъ, кумъ, шо вы, якъ чоловикъ не безъ глупосты, то заразъ же можете іи розгадать.

— Се бъ то якъ не безъ глупосты?

— А се бъ то такъ, якъ кажуть, не безъ дарованія.

— Значыть, выходе зъ дарованіемъ?

— Значыть, выходе зъ дарованіемъ!

— И розгадаю!

— Ну, шо жъ воно таке есть?

— Илья пророкъ,—ни шо! Изъ земли взятъ, а на огнѐнній колесници вознесся жывый на небеса.

— Ха-ха-ха! Илья пророкъ! Илья пророкъ! А шобъ васъ, куме, гуска убрыкнула! Илья пророкъ! Не Илья пророкъ, а горщыкъ,— отъ що! Винъ взятъ отъ земли, якъ и Адамъ, выпаленъ на огни, якъ и тры отрокы, проданъ на базари, якъ и Іосифъ, привезенъ додому на вози, якъ и фараонъ, бувъ на весилли, якъ чоловикъ женывъ свого сына, а якъ розбывся, то черепкы его выкынулы геть... Илья пророкъ! Илья пророкъ и горщыкъ! Оце утялы Панька по штаняхъ! Ха-ха-ха!... Ну, загадаю я вамъ другу загадку.

— Загадуйте й другу.

— Яка на васъ та на мени есть тытула?

— Якъ то такъ тытула?

— А такъ тытула! Отъ на генералу тытула «Ваше Превосходительство», на охвыцеру «Ваше Благородіе», а на васъ та на мени яка есть тытула?

— На мени нема ни якои тытулы.

— А на мени такъ есть.

— И давно вы ту тытулу на соби носыте?

— Съ тыхъ пиръ, якъ ставъ хвалу божу тягать за хвистъ.

— Се-бъ то съ тыхъ пиръ, якъ сталы лазыть на дзвиныцю, та языкъ колоколивъ качать?

— Эге-жъ! съ тыхъ пиръ и тытулу получывъ.

— Яку жъ то вы доскочылы соби тытулу? Може те, шо вы стыхарный дякъ? Такъ и я жъ стыхарный дякъ.

Це не тытула! А то якъ онъ на батюсци есть тытула «Ваше Преподобіе», такъ и на мени, тай на васъ есть.

— Ну, яка жъ вона на васъ та тытула?

— А отъ яка: батюшка «Ваше Преподобіе», дьяконъ «Ваше Подобіе», дьячекъ «Ваше Бье, а пономарь «Ваше Е».

— А шобъ васъ Богъ любывъ, куманёкъ, якый вы хымородныкъ! Такъ мы зъ вамы «Ваше Бье»! Ну, а яка жъ тытула на старости церковному, спытаю я васъ.

— Я-й це вамъ скажу: батюшка «Преподобіе», дьяконъ Подобіе, дьячекъ Бье, пономарь Е, а староста церковный «точка», бо винъ якъ не захоче дать грошій изъ церковного ящыка, то тутъ всему прычту и точка, и точка.

— О, мудра же вы, куме, и голова!

— Ну, слухайте, куме, ще вамъ загадку скажу.

— Слухаю, кумъ.

— Якый изъ семыдесяты семы апокалыпсыческыхъ звирей у нашому званію есть?

— Ну, це вже, кумъ, така загадка, шо на ню не стоить и одвичать. Яки жъ мы зъ вамы, боронь Боже, звири? Мы—люды, мы созданія Божи, сотворены по образу и по подобію Бога, а вы превращаете себе тай мене у звирей.

— Не превращаю я ни васъ, ни себе у звирей, а тилько пытаю васъ, якый у нашому, у дячому, званію есть звирь?

— Ни якого звиря нема!

— А я вамъ скажу, есть! и пакы скажу, шо есть! Теперъ якъ мы зъ вамы по новій реформи именуемось, чи дякы, чи псаломщыкы.

— Псаломщыкы.

— А якъ перенесете вы це слово «псаломщыкъ» зъ одніеи строчкы на другу, якъ вамъ укаже дило. «Пс» неможно оставыть на одній строчци, бо тутъ и гласноі буквы нема; треба, выходыть, переносыть. «Пса—ломщыкъ». Отъ вамъ цей пэсъ и есть той апокалыпсыческый звирь, шо въ нашому званію сыдыть.

— Ну, й хымородныкъ же вы, кумъ! И прыдума жъ таку маламундію!... А тилько все-жъ тутъ звиря нема, а есть тилько пэсъ.

— Це вже правда! Шо правда, то правда! Ну. я-жъ вамъ, куме, якъ уже такъ, то й звиря покажу.

— А де-жъ вы ёго покажете?

— А тутъ-же-де горилка, тамъ и звирь.

— Якъ-то такъ?

— А ось якъ! Я теперъ настоящый псаломщыкъ, а вы, спытаю я васъ.

— Я зверхштатній.

— Отъ вамъ и звирь!

— Якъ це такъ?

— А ось якъ: вы оце, куме, якъ упьитѐсь тіеи горилкы та замакитретцся у васъ свитъ, то хиба̀ не пидпышыте замистъ «зверхштатній исправляюшій должность пса-ломщика» «Зверь страшный исправляющій должность пса-ломщика»? И пидпышыте! Отъ вамъ и выйде апокалыпсыческый звирь.

— О, розумна голова! Давайте я васъ поцилую... И пидпышу! и пидпышу...

— И пидпышыте, и пидпышыте, бо я повсигда, кумъ, счытавъ васъ такъ, шо вы чоловикъ не безъ глупости... то пакъ! не безъ глузду въ голови...

— Шкылюйте, шкылюйте, кумъ! А вже жъ не безъ глузду въ голови!

— Я тежъ и кажу. Уже жъ васъ не зривнять зъ дякомъ Макаромъ Скрылёмъ. Той Макаръ Скрыль яку штуку благочынному одмочывъ?

— А яку?

— Та яку? Зибравъ винъ цилый сынедріонъ гостей; поставывъ на столи бутыляку горилкы тай пошутe зъ неи гостей, ажъ ось до нёго сусиль благочынный Кутакъ! Уходе винъ у горныцю, а гости заразъ прысь—прысь якъ ти коты тай порозбигалысь; осталась одна бу́тыль, а коло неи дякъ та дячыха. Тутъ баче дячыха, шо лыхо, та бу́тыль ту хвать у рукы та пидъ хвартукъ, а потимъ стала тай стоить, буцымъ то стричае отця благочынного.

— Что это у васъ, отче дяче, за сосудъ стоялъ на столѣ?

А дякъ Макаръ зрябивъ, топчытця по горныци та не зна, шо ёму й казать: то пидбыжыть до стола, то пидбыжыть до жинкы.

— Это, это, отецъ благочиннѣйшій, сосудъ моего блаженства.

— Кто сосудъ вашого блаженства? Бутылка или кто другой.

— И та и другая, отецъ благочиннѣйшій...

— Отъ-то такъ удравъ Панька по шта́няхъ!..

— Удравъ же, кажу вамъ...

— Я того дяка Макара, куме, добре знаю, винъ ще й не таке удравъ у понедилокъ першои недили велыкого поста.

— Заговлявъ винъ на масныцю пидъ велыкый пистъ та дозаговлявся до того, шо вже й свитъ на двори ставъ. Тутъ сторожъ якъ бовкне до вутрыни, а Макаръ якъ схопытця та въ церкву. Прыбигъ у церкву, ускочывъ на крылосъ, выслухавъ возгласъ батюшкы тай давай чытать. Чытавъ-чытавъ, чытавъ-чытавъ, а дали якъ заспива: «Вареныкы та блыньци, помяни мя, Господи, егда»...—«Шо це ты? шо це ты? чи сказывсь чи що»? крычыть на нёго батюшка. Такъ винъ тоди вже прочумавсь видъ тыхъ заговинъ, якъ пипъ закрычавъ... О, то угàра, той дякъ Макаръ. Винъ разъ дилывсь зъ попомъ та зъ дякономъ паляныцямы тай не подилывсь та якъ ускочывъ у коробокъ, де булы ти паляныци, тай давай звидтиля шпурлять то въ попа, то въ дякона. А дали вылизъ изъ коробка, выбравъ соби саму здоровенну булку, якъ бандуру, тай подавсь до шынка. Пывъ-пывъ у шынку та допывсь до того, шо выйшовъ на церковну площадь, упавъ тай заснувъ, а булку ту у рукахъ усе-такы держыть. Та доты державъ, покы не збиглысь до нёго собакы та не зъилы іи... Ну, та Богъ зъ нымъ, зъ тимъ Макаромъ! Нехай царствуе на тимъ свити,—оце ёму уже шостый мисяць, якъ винъ не середопѝсття померъ. Давайте, куме, помянемъ славного Макара и на цій мови чирконемъ пречыстого елея по лозци здоровій!

— Давайте, кумъ!

И дьяки начали «черкать» ложками дно казанка. «Черкали» они до тѣхъ поръ, пока на днѣ казанка сдѣлалось совершенно сухо. Хотя передъ ними лежали и хлѣбъ, и остатки селедки, и пучки свѣжей зеленой цыбули, но они о пищѣ позабыли и думать, и, наклоняя каждый поочередно къ себѣ казанокъ, надѣялись видѣть на днѣ его еще хоть нѣсколько капель живительной влаги. Убѣдившись, однако, что казанъ совершенно пустъ, дьяки бросили на полъ ложки и послѣ того начали «запынать» одинъ другого разными тонкостями богословскихъ и философскихъ вопросовъ.

— Слухайте, кумъ Иванъ Свырыдовичъ, шо я васъ спытаю.

— Слухаю, кумъ Иванъ Кудыновичъ,—пытайте.

— А шо іерей одвичае, якъ діаконъ гласыть «Время сотворити Господеви, владыко, благословы»?

— А шо винъ тамъ одвичае? Одвичае: «Благословенъ Богъ нашъ»!

— Такъ! Це такъ! А шо іерей глаголеть, якъ діаконъ гласыть «Помяни мя, владыко»?

— Гласыть: «Да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ».

— Такъ! И це такъ. Ну, а шо жъ іерей речеть діакону на ёго слова «Помолися о мнѣ, владыко»?

— Речеть: «Да исправитъ Господь стопы твоя».

— Такъ! Пакы и пакы такъ! Ну, тутъ васъ, бачу, не ошыбешъ! А скажить мени теперъ, отче дяче, скилько полагаетця чытать стихиръ воскресныхъ и святому, якъ прійдетця праздныкъ Мыколая у воскресный день.

— Не бильше, отче куме, якъ воскресныхъ десять, а святому чотыри.

— И тутъ васъ не ошыбешъ!

— Ну, а колыжъ, отче дяче, писля апостола не спиваетця аллилуя?

— А вы й не знаете, отче, колы?

— Я то, отче, знаю, та чи вы знаете?

— Хи, отче, це не тилько я, а и всякый школяръ знае: у велыкодню субботу,— отъ колы!

— Такъ! И це такъ!

— Гм, вы, куме, дока, велыкый дока! А шо якъ бы я васъ спытавъ, куме, колы неможна совершать литургіи?

— А я бъ, куме, и отвитывъ вамъ!

— А якъ же вы бъ отвитылы мени?

— Такъ бы и отвитывъ, шо литургіи не можна совершать у страстну пьятныцю.

— Правда! А почему такъ?

— Потому такъ, шо въ цей день Господь нашъ Іисусъ Христосъ прынисъ себе въ жертву.

— Правда, правда! Ну, а якъ же у страстну пьятныцю та прыпаде Благовищеніе?

— А якъ у страстну пьятныцю припаде Благовищеніе, то тоди обидня бува.

— А почему вона бува?

— А потому вона бува, шо тутъ положено начало спасенія для человѣчества; отъ тожъ и тропарь такый спиваютъ: «Днесь спасенія нашего главызна»

— У цихъ вопросахъ вы, куме, бачу, цилого цуцыка звилы! Ну, а скажить же вы мени, якъ вы уже такый премудрый, въ якому догмати упомынаетця ветхій и новый завѣтъ?

— А въ якому догмати?

— А въ якому?

— Ну!

— Ну!

— Я жъ васъ пытаю!

— А я васъ пытаю!

— Такъ чого жъ вы?

— А вы чого?

— Тутъ вы вже, мабуть, кумъ Иванъ Свырыдовичъ, тэ̀... а може и онэ...

— Не тэе, кумъ Иванъ Кудыновичъ, и не онэе, а упоминаетця воно у пьятому догмати: «Въ Чермнемъ морѣ неискусобрачная невѣста образъ написася иногда; тамо Моисей, разрушитель воды, здѣсь же Гавріилъ служитель чудеси». Бачыте: тамъ Моисей—ветхій завѣтъ, тутъ Гавріилъ—новый завѣтъ.

— О, та вы такы велыкый дока, куманёкъ! Ну, кумокъ, ще вамъ одно предкновеніе задамъ, та тоди вже й край.

— Давайте, кумъ, хочъ и два, то мени байдужѐ!

— А хиба такъ?

— Тай такъ!

— Такъ скажить же мени, кумъ, хто Богородыцю хрестывъ.

— А на шо жъ іи хрестыть, якъ вона чыста. якъ голубыця була?

— А же жъ Спасытель тежъ чыстый бувъ, а все жъ такы хрестывсь!

— Та хто жъ іи хрестывъ?

— Я жъ и пытаю васъ, хто іи хрестывъ?

— Та вы шо про мене думаете?

— Я про васъ думаю, шо вы не знаете, хто Богородыцю хрестывъ.

— Ни, я не те!

— А я те!

— Вы думаете, шо я вже такый дурный!

— Я думаю, шо вы не знаете, хто Богородыцю хрестывъ,— тай усе.

— А хто?

— А, вотъ вамъ и выйшло, кумъ: «уязвленъ есмь, уязвленъ есмь»! Дякуете, отче дяче, десять годъ, а й доси того не знаете, хто Богородыцю хрестывъ! Це жъ вамъ страма́ та ще й велыка

страмá. Ну, не дай же, Боже, якъ бы вы наскочылы на нашого отця благочыного, такъ вамъ було бъ таке, шо хуже божого гниву!

— Та хто жъ ии хрестывъ?

— Уязвленъ есмь, узвленъ есмь!.. Ксеноксарій вы колы-небудь чыталы?

— Чытать не чытавъ, а чуты чувъ.

— Уязвленъ есмь, узвленъ есмь!.. Ну, а Цвитну тріодь въ рукахъ держалы?

— Цвитну тріодь и державъ и чытавъ.

— А шо жъ въ ній, на страныци трыста-восемьдесять вторій друкованія 1765 году сказано?

— Та хиба жъ воно, куме, можна помныть, шо въ ній и на якій страныци сказано?

— А чомъ же й неможна? Отъ же жъ я вамъ, куме, и помню: «Послѣжде Епифаній кипрскій повѣствова, яко Богословъ убо Іоаннъ Богородицу крести, Петръ же той и прочія апостолы». Іоаннъ Богословъ!.. «Уязвленъ есмь, уязвленъ есмь»...

— Ну, постойте жъ, кумъ, якъ вы такый премудрый Салимонъ, то подозвольте жъ и мени вамъ два вопроса предложыть.

— Дозволяю, дозволяю, куманёкъ.

— А якъ по батькови Ноя велычать?

— Якъ по батькови Ноя велычать?

— А тожъ!

— У Ноя було тры сына—Симъ, Хамъ и Іафетъ.

— Ни, куме, це не те! Я васъ пытаю не про те, яки у Ноя булы сыны, а про те, хто ёго батько бувъ и якъ ёго по батюсци звать.

— Ной выйшовъ писля потопа изъ ковчега...

— Тай того мени не треба, якъ винъ выйшовъ писля потопа, а якъ ёго по батькови звать.

— А якъ?

— Я жъ васъ и пытаю, якъ?

— Гм!

— Гм! Значыть, куме, до васъ можна прыложыть слова псалмопѣвца «угобзися зѣло»...

— Ну, а якъ?

— И пожыве Ламехъ лѣтъ сто осмьдесять осмь, и роди сына и нарече ёму имя Ное, глаголя: сей успокоитъ насъ отъ дѣлъ

нашихъ, и отъ печали рукъ нашихъ, и отъ земли, юже прокля Господь Богъ... Такъ отъ якъ: Ламэховичъ... Угобзися зѣло.

— «Уязвленъ есмь»!..

— «Угобзися зѣло»!..

— «Уязвленъ есмь»!..

— Якъ вы уже, куманёкъ, дозволылы мени предложыть вамъ одынъ вопросъ, то подозвольте предложыть ще й другый.

— Дозволяю, куманёкъ, дозволяю.

— Одынъ путешественныкъ бувъ у Палестыни и бачывъ тамъ у городи Виѳліеми кости младенцивъ, избіенныхъ Иродомъ; такъ одна половына тихъ костей била, а друга половына жовта. Скажить же мени, кумокъ, чіи то будуть били кости и чіи-то жовти, чи дивчачи, чи хлопьячи.

— Гм, це треба подумать. Такъ винъ бачывъ кости младенцивъ?

— Бачывъ же, кажу,—зложени у одну камьяну могылу, сорокъ тысячъ скелетивъ, такъ половына ихъ била, а половына жовта.

— Чіи жъ воно жовти и чіи били?

— Я жъ про те васъ и пытаю.

— Гм, це треба помозгувать та ще й онъ якъ помозгувать... Я такъ думаю, шо хлопьячи жовти, а дивчачи били.

— Ха-ха-ха! Отъ це такъ, куме! Мудрувалы—мудрувалы тай домудровалысь! Ха-ха-ха! А шобъ васъ Богъ любывъ! Отъ це такъ опростоволосылысь!... Дайте, я вашу дячу руку пожму... Ха-ха-ха!

— Якъ опростоволосывсь?

— А такъ! Хиба жъ Иродъ избывавъ дивчатъ? Винъ тилько избывавъ хлопьятъ, шобъ истребыть межъ нымы младенца Іисуса!..

— И правда! Отъ це такъ пидкувалы вы мене, кумокъ!...

— А, угобзися зѣло!...

— Уязвленъ есмь!

— Угобзися...

— Ну, та годи вже!

— Тай годи!

— Давайте, куме, лучче заспиваемъ!

— Давайте, куме!

— А яку жъ мы заспиваемъ?

— Заспиваемъ мы «Уязвленъ есмь»...

— Ни, лучче вже «Угобзися зѣло».

— Ну, та годи вже!
— Тай годи таки!
— Заспиваемъ нашу, дячу письню.
— Заспиваемъ!
— Давайте тонъ.
— Гм! На!... на-на-нà!...

И дьяки, дружелюбно обнявшись, начали пѣть, одинъ первымъ голосомъ, другой вторымъ.

«Ой, ты дяче навчéный,
Мижъ школàмы вывченый,
Скажы ты намъ, дяченьку,
Що то есть одынъ?
— Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,
На небеси
Et на земли.
Ой, ты, дяче навчéный
Мижъ школáмы вывченый,
Скажы ты намъ, дяченьку,
Що то есть два.
— Два тяблы Мосіевы,
Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,
На небеси
Et на земли.
Ой, ты дяче навчéный,
Мижъ школáмы вывченый,
Скажы ты намъ, дяченьку,
Що то есть тры?
— Тры патріарси,
Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,
На небеси
Et на земли.
«Ой, ты, дяче навчѐный,
Мижъ школàмы вывченый,
Скажи ты намъ, дяченьку,
Що есть чотырѝ?
— Чотыри лысты евангелысты,
Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,

На небеси
Et на земли.
Ой, ты дяче навченый,
Мижъ школамы вывченый,
Скажы ты намъ, дяченьку,
Що то есть пьять?
— Пьять ранъ терпивъ панъ.
Чотыри лысты евангелисты,
Тры патріарси,
Два таблы Мосіевы,
Одынъ сынъ Маріи,
Що на неби церкву діе
Надъ намы,
На небеси
Et на земли.

Покончивъ одну пѣснь, дьяки перешли къ другой; покончивъ другую, начали пѣть третью. Пѣли до тѣхъ поръ, пока уже ни голосу, ни духу у нихъ не стало; тогда, склонившись одинъ направо, другой налѣво, тутъ же возлѣ казанка, мертвецки и поснули. Догоравшій огарокъ свѣчки, вставленный въ пустую бутылку, едва-едва уже освѣщалъ комнату. Но сквозь ставни, которыми притворены были окна дома, начинала уже пробиваться тонкая полоса свѣта, указывавшая на наступавшій разсвѣтъ. Необыкновенная обстановка, оригинальное сосѣдство, тяжелый и спертый воздухъ, близость утра—все это вмѣстѣ такъ сильно подняло во мнѣ нервы, что я уже не могъ и думать о томъ, чтобы уснуть. А потому, едва только разсвѣло, какъ я уже былъ на ногахъ, скоро добылъ себѣ подводу и раннимъ утромъ слѣдующаго дня былъ уже въ слѣдующемъ селѣ, Карнауховкѣ, а отъ Карнауховки скоро добрался до села Тритузнаго.

Былъ какой-то праздникъ, и въ церкви шла обѣдня. Чтобы не терять дорогого времени, я подъѣхалъ прямо къ церкви, слѣзъ съ брички, вошелъ въ церковь съ тою цѣлью, чтобы отстоять обѣдню и потомъ тотъ же часъ осмотрѣть въ церкви козацкія древности. Церковь поразила меня внутри, необыкновенною чистотой, а священникъ—необыкновенно благоговѣйнымъ служеніемъ и необыкновенною оригинальностью своей личности. Это былъ человѣкъ высокаго роста, сухощавый, совершенно свѣтлый блондинъ, съ большими синими, выпуклой формы, очками, съ густой бородой и съ замѣчательно длинными и совершенно свѣтлыми, лежавшими поверхъ русявой бороды, усами. Усы эти были такъ

длинны и такъ широки, что, казалось, по обѣимъ сторонамъ бороды протянуты были самыя роскошныя пряди «дивочихъ» косъ. Во всю мою жизнь мнѣ не приходилось видѣть подобныхъ усовъ у священника, и мнѣ очень хотѣлось, чтобы они принадлежали какому-нибудь запорожскому козаку или, по крайней мѣрѣ, что-бы самъ батюшка велъ свой родъ отъ какого-нибудь запорожца. Когда обѣдня окончилась, я вошелъ въ алтарь, назвалъ священнику мою фамилію, священникъ назвалъ мнѣ свою, и тутъ я узналъ, что онъ носитъ фамилію отца Якова Могилевскаго, но былъ ли онъ по предкамъ запорожскаго званія—самъ точно не знаетъ.

Осмотрѣвъ въ короткое время всѣ козацкія древности и поблагодаривъ батюшку за то искреннее вниманіе, съ какимъ онъ отнесся къ моей на этотъ счетъ просьбѣ, я скоро оставилъ село Тритузное и направился къ селу Каменскому.

Въ селѣ Каменскомъ, благодаря указанію священника, отца Іоанна Геева, я также скоро осмотрѣлъ всѣ сохранившіяся въ мѣстной церкви козацкія древности и въ слѣдъ затѣмъ выѣхалъ въ мѣстечко Романково.

Такъ какъ мѣстечко Романково и по давности своего существованія, и по уцѣлѣвшимъ въ церкви его древностямъ представлялось для меня весьма интереснымъ, то я оставался въ немъ гораздо дольше, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ селеніяхъ. Здѣсь я познакомился съ мѣстнымъ батюшкой, отцомъ Петромъ Барышпольскимъ, учившимся въ духовной академіи, но не окончившимъ ее и ушедшимъ во священники. Я съ удовольствіемъ провелъ цѣлый день съ весьма образованнымъ и весьма гостепріимнымъ и привѣтливымъ отцомъ Петромъ Барышпольскимъ и по его указанію осмотрѣлъ подробно и обстоятельно какъ всѣ запорожскія древности въ мѣстной церкви, такъ и всѣ замѣчательныя урочища возлѣ Романкова.

Изъ мѣстечка Романкова я проѣхалъ въ село Аулы, гдѣ въ теченіи двухъ часовъ времени осмотрѣлъ, по указанію мѣстнаго священника, отца Филиппа Яновскаго, уцѣлѣвшія, весьма, впрочемъ, немногія козацкія древности, и оттуда поднялся къ селу Шошиновкѣ.

И самое село Шошиновка, и самая церковка въ этомъ селѣ, и самый батюшка, служащій при этой церковкѣ показались мнѣ крайне интересными, въ такомъ родѣ невиданными мной раньше того нигдѣ.

Село Шошиновка или, правильнѣе было бы сказать, сельцо, даже деревня Шошиновка, пріютилось у праваго, очень высокаго и очень крутого берега рѣки Днѣпра и, по бѣдности крестьянъ, и по жалкимъ домишкамъ ихъ, и по ветхой деревяннаго строенія церковкѣ, оказалось самымъ убогимъ изъ всѣхъ селеній вдоль Днѣпра отъ Екатеринослава до Крюкова. Ветхая церковка и часть села сидятъ на самой крутизнѣ горы, а ниже горы, на небольшомъ между горой и рѣкой выступцѣ, пріютился убогій, крытый соломой миніатюрный церковный домишечко мѣстнаго батюшки, отца Ѳедора Свириденка. Трудно себѣ представить болѣе убогую обстановку, какъ обстановка, въ которой живетъ этотъ батюшка. Въ его маленькомъ, низенькомъ и покосившемся на бокъ домикѣ всего-на-всего двѣ комнатки съ земляными, смазанными глиной, полами и съ небольшой, также на земляномъ полу, кухонькой. Вся мебель въ этомъ домикѣ состоитъ изъ двухъ-трехъ изломанныхъ стульевъ, одного—единственнаго столика да одного деревяннаго, самаго простѣйшаго фасона, диванчика. Возлѣ домика два полуразвалившихся сарайчика да одни слабые намёки на то, что называется воротами. Во дворѣ ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни курицы. И въ этакой болѣе, чѣмъ невзыскательной обстановкѣ живетъ уже около 30 лѣтъ подъ рядъ священникъ съ академическимъ образованіемъ, прекрасно знающій полатыни и погречески, говорящій пофранцузски и владѣющій замѣчательнымъ даромъ слова. Жену онъ уже давнымъ-давно похоронилъ и имѣетъ при себѣ одну—единственную дочь, пожилыхъ лѣтъ дѣвушку, нѣкогда воспитывавшуюся въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ на средства какой-то помѣщицы, но неокончившую его за слабостью здоровья. На видъ—это сухощавый, маленькій, сѣденькій, какъ будто слегка тронутый оспой человѣчекъ, одѣтый крайне бѣдно, хотя и вполнѣ опрятно, держащійся какъ-то ровно и мужественно, не смотря на свой, довольно преклонный, возрастъ. Но что въ немъ въ особенности бросается въ глаза — это необыкновенная сердечность и полнѣйшая искренность, которыя видны въ каждомъ его взглядѣ, въ каждомъ его словѣ и движеніи. Нищета, которая вездѣ и во всемъ окружаетъ батюшку и которая сразу бросается въ глаза постороннему человѣку, вовсе не отталкиваетъ отъ себя человѣка: это та нищета, которая привлекаетъ васъ къ себѣ: вы чувствуете, что она не есть результатъ скаредности или мотов-

ства, а есть необходимая сопутница аскета и философа. Вы видите, что тутъ живетъ высокій подвижникъ, и невольно влечетесь всѣмъ сердцемъ и всей душой вашей какъ къ нему самому, такъ и къ самой обстановкѣ его. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ Ѳедоръ Свириденко—это подвижникъ, живущій среди міра и при всемъ томъ сохранившій свою духовную чистоту. «Міръ меня ловилъ, но не поймалъ»—могъ бы онъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, но онъ слишкомъ скроменъ, чтобы даже подумать такъ. Безкорыстіе и нестяжательность его извѣстны всѣмъ: «Це у насъ батюшка такый, говорятъ о немъ сами крестьяне. шо не тилько зъ насъ нычо́го не беруть, а ще й самы́ намъ свое послидне отдають. Богъ ихъ зна, якъ воны й жывуть, якъ воны й ходять по земли: воны за ввесь день тилько й идять, якъ напьються у ве́чери чайку, а якъ обидать, такъ ридко колы́... А зимою ходять у такыхъ чобо́тяхъ, шо безъ подошво́въ... Отъ такъ воны—имъ уже теперъ симдесятъ годъ—такъ и жывуть»... Если къ батюшкѣ прійдетъ какой-нибудь человѣкъ съ просьбой либо сына повѣнчать, либо жену похоронить и при этомъ заикнется о платѣ за совершеніе требъ, то батюшка и слушать не захочетъ о томъ: «Идите къ псаломщику,—я не знаю того ничего». Но и псаломщикъ, Григорій Могущій, такой же безсребренникъ, какъ и батюшка... Батюшка все, положительно все, до нитки и до копѣечки, раздаетъ бѣднымъ людямъ или проходящимъ черезъ его село странникамъ и богомольцамъ. «Это вамъ на сахарокъ, это вамъ на хлѣбчикъ, это вамъ на чулочки». Онъ всѣмъ, даже малымъ дѣтямъ, говоритъ «вы». Если батюшка выйдетъ послѣ обѣдни изъ церкви и увидитъ кого-нибудь либо изъ дѣтей, либо изъ нищихъ, то тутъ же и раздастъ весь свой недѣльный заработокъ и еще старается дать такъ, чтобы никто, кромѣ берущаго, и не замѣтилъ того. А если батюшка поѣдетъ въ городъ за какими-нибудь покупками, то тѣхъ покупокъ и на половину дороги не станетъ ему: все до послѣдняго по пути раздастъ. Да и ѣдетъ-то онъ вовсе не такъ, какъ другой человѣкъ: гдѣ горка или пригорокъ—тамъ онъ уже и всталъ съ воза, тамъ онъ уже и идетъ пѣшкомъ: «Блаженъ, иже и скоты милуетъ»... «Чудно́й человѣкъ у насъ батюшка, говоритъ объ отцѣ Ѳедорѣ псаломщикъ его: вотъ это онъ идетъ дорожкою и увидитъ гдѣ-нибудь муравейникъ; тотчасъ станетъ возлѣ того муравейника да и задумается; стоитъ полчаса, стоитъ часъ и все на что-то смотритъ и все о чемъ-то думаетъ и соображаетъ»...

Всѣ окрестные помѣщики очень хорошо знаютъ отца Ѳедора Свириденка и нелицемѣрно уважаютъ его. Когда онъ появляется у кого изъ «господъ» въ домѣ и начинаетъ о чемъ-нибудь говорить, то всѣ забываютъ свои свѣтскія удовольствія, всѣ бросаютъ карты на столъ и слушаютъ мудраго и образованнаго батюшку подъ рядъ по цѣлымъ часамъ... Но и у «господъ» батюшка ведетъ себя какъ истинный аскетъ: приходитъ онъ къ нимъ съ пустыми руками и уходитъ отъ нихъ съ тѣмъ-же, потому что тотъ же часъ всю полученную отъ богачей мзду передаетъ встрѣчнымъ бѣднякамъ.

Отказываясь отъ самаго необходимаго и раздавая всѣ, даже послѣдніе свои гроши бѣднякамъ, добрый батюшка терпитъ чрезъ то самъ такія лишенія и несетъ такую нужду, о какихъ другой на его мѣстѣ не можетъ себѣ и вообразить. Очень часто бываетъ такъ, что, вставъ утромъ со своего ложа, батюшка не знаетъ, чѣмъ ему и пропитаться въ наступающій день. Но лѣтомъ въ этомъ случаѣ все-таки больше благъ, нежели зимой: лѣтомъ всякій злакъ составляетъ кормъ, зимой же ни злаковъ, ни дровъ, стужа кругомъ, голодъ внутри.

Не всегда, впрочемъ, бываетъ хорошо и весной, когда бурные потоки вешнихъ водъ устремятся внизъ съ горъ и начнутъ съ силой напирать на убогое батюшкино жилье: тогда нерѣдко бурный потокъ, ринувшись со всею силою внизъ, подойдетъ подъ стѣну жилья, пророетъ яму подъ одинъ изъ его угловъ, ворвется съ той же силой въ самый домокъ и потомъ моментально унесетъ съ собой все, что попадется ему по пути. Но батюшка и тутъ стоически смотритъ на все происходящее вокругъ него, и онъ, кажись, также стоически и также невозмутимо держалъ бы себя и тогда, кода вода подхватила бы вмѣстѣ съ домомъ и его самого. Но въ такомъ случаѣ обыкновенно являются на помощь батюшкѣ сами мужики, которые отводятъ теченіе воды отъ дома въ какой-нибудь ровъ, а прорытый водой уголъ забиваютъ камнями и землей. Иногда, пока крестьяне не успѣютъ забить образовавшейся подъ домомъ дыры, въ домъ залѣзутъ голодныя собаки и повытаскиваютъ изъ него все съѣстное, что съ великимъ стараніемъ и съ великимъ трудомъ успѣетъ приготовить для своего отца дочь.

А батюшка вовсе и не замѣчаетъ того: онъ выше этого, онъ поистинѣ не отъ міра сего. И чтобы вполнѣ понять его, надо посмотрѣть на него, какъ онъ священнодѣйствуетъ, съ какимъ

благоговѣніемъ и съ какимъ проникновеніемъ онъ стоитъ у престола божьяго! Павъ на колѣна передъ престоломъ и, то поднимая кверху руки, то склоняясь головой къ самому полу, онъ весь заливается слезами и такъ молится, такъ усердно, такъ горячо и съ такимъ проникновеніемъ молится, что и все лицо его, и самъ онъ весь совершенно преображается, кажется совсѣмъ другимъ человѣкомъ, вовсе не тѣмъ несчастнымъ существомъ, угнетеннымъ нищетой, какимъ онъ представляется подъ низкой кровелькой своего убогаго домика, а тою мощною и ничѣмъ несокрушимою нравственною силой, которой повинуются цѣлыя толпы народа и отъ которой двигаются съ мѣстъ цѣлыя горы «Аще имате вѣру и не усумнитеся и горѣ сей речете: двигнися и верзися въ море, и будетъ»...

А посмотрѣть на самую церковку, гдѣ возноситъ свои благоговѣйныя молитвы этотъ пастырь добрый! Это такое микроскопическое, такое ветхое и такое убогое зданьице, подобное которому едва-ли найдется во всей губерніи. Уже одинъ человѣкъ, вошедшій въ эту церковку, кажись, всю наполняетъ ее собой. Ветхость церковки такъ велика, что, кажется, достаточно одного легкаго вѣтерка, чтобы она тотъ же часъ поднялась на воздухъ и распалась на всѣ свои составныя части. Но церковка уже много лѣтъ стоитъ на высокомъ берегу рѣки и много лѣтъ въ ней подвизается безкорыстный и добрый пастырь, возносящій свои горячія молитвы за весь міръ и призывающій милость и благодать Бога на всѣхъ вѣруюшихъ христіанъ. И сколько людей въ той церковкѣ и крестилось, и бракомъ сочеталось, и каялось во грѣхахъ, и напутствовалось въ тотъ далекій и неизбѣжный путь, «идеже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная»... И эта миніатюрная, эта ветхая и убогенькая церковка, обнесенная деревянною, также ветхою, оградкою, обсаженная кое-гдѣ зеленѣющими деревцами, столь же симпатична и столь же привлекательна, какъ симпатиченъ и привлекателенъ самъ служитель ея, столько лѣтъ неразрывными узами связанный съ ней. Убогій пастырь убогой церковки ясно, безъ словъ, однимъ своимъ видомъ и однимъ своимъ примѣромъ неотразимо дѣйствуетъ на своихъ духовныхъ чадъ и невольно заставляетъ всѣхъ понять, что и при полнѣйшимъ убожествѣ и при самой невзыскательной обстановкѣ можно соблюсти у себя чистоту души, чистоту сердца и чистоту совѣсти, т. е. всѣ тѣ высокія и благородныя качества,

которыя только и дѣлаютъ человѣка истиннымъ человѣкомъ и которыя ставятъ его на настоящую высоту. Но добрый пастырь не одной только чистотой своей дѣйствуетъ на своихъ духовныхъ чадъ: въ немъ есть и другая, великая и могущественная, сила, которая привлекаетъ къ нему сердца людей; это—живая любовь къ людямъ, та горячая, беззавѣтная и безграничная любовь, которая побуждаетъ его отказываться отъ всѣхъ благъ міра сего и заставляетъ жить не для себя, а единственно только для блага и счастья другихъ. А въ этой, именно въ этой любви и состоитъ истинная сущность вѣры Христа: вѣра божественнаго Христа учитъ людей благу, которое состоитъ въ отреченіи отъ себя и въ служеніи другимъ. «Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ».

Долго и съ великимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ я съ отцомъ Ѳедоромъ Свириденкомъ, переходя отъ одного вопроса къ другому и касаясь главнымъ образомъ исторіи Россіи, какъ Великой, такъ и Малой. Во все время разговора отецъ Ѳедоръ Свириденко стоялъ у стола, опершись объ него лѣвой рукой и поминутно запахивая свою старенькую ряску правой. Не смотря на мою многократную просьбу, обращаемую къ батюшкѣ, сѣсть на стулъ и такъ вести бесѣду, онъ ни за что не хотѣлъ сѣсть. Онъ все время стоялъ у стола и живо и съ увлеченіемъ разсказывалъ о причинахъ непрочности владычества татаръ на Руси, о значеніи южно-русскаго козачества для всего славянскаго міра, о причинахъ слабости польской Рѣчи-посполитой, о глубокой связи между исторіей древней Руси и исторіей востока.

— Да сядьте же, батюшка, на стулъ,—такъ-то вѣдь будетъ удобнѣе и для васъ, и для меня!

— Нѣтъ, Димитрій Іоанновичъ, такъ нельзя: гость священная особа даже у дикихъ людей.

И батюшка снова начинаетъ говорить, и говоритъ съ такимъ увлеченіемъ, такъ ясно, такъ здраво и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто и естественно, что не знаешь, чему и дивиться: дивиться ли тому, что въ такой убогой и тѣсной хаткѣ живетъ человѣкъ съ такими богатыми и обширными свѣдѣніями; дивиться ли тому, что, не смотря на несомнѣнныя дарованія и глубокій умъ, этотъ человѣкъ до крайности скроменъ и простъ.

— Скажите, батюшка, кто были ваши предки и откуда они зашли въ эти мѣста.

— Сколько мнѣ извѣстно отъ моего отца, мой отдаленный предокъ былъ запорожскій козакъ; а откуда онъ зашелъ въ эти мѣста—я не умѣю вамъ сказать: точныхъ указаній у меня на то нѣтъ, а собственныхъ гаданій я за истину выдавать не могу... Но, однако, что-же это мы съ вами все только о духовной пищѣ говоримъ?

— Да не безпокойтесь, батюшка!

— Нѣтъ, какъ можно! Гость священная особа даже у дикихъ людей.

И батюшка засуетился съ тѣмъ, чтобы приготовить что-нибудь для меня закусить. Прошелъ часъ или два, пока на столѣ покалились полдесятка яичекъ, нѣсколько кусочковъ чернаго хлѣба и очень маленькій, но чистенькій самоварчикъ. Я чувствовалъ, что батюшкѣ стоило большого труда достать полдесятка яичекъ и что онъ добылъ ихъ, посылая на деревню къ кому-то изъ крестьянъ. Мнѣ и жалко было батюшку и совѣстно было за нанесенное ему—безпокойство мною, но я не могъ отказаться отъ угощенія радушнаго и добрѣйшаго домохозяина, такъ какъ своимъ отказомъ жестоко огорчилъ бы его. Но вотъ всѣ хлопоты окончились, наконецъ, и вся пища уставлена на столъ. Было уже къ вечеру, и ярко-золотое солнышко, обойдя высокую гору и ставши въ одну линію съ рѣкой, облило снаружи своими лучами убогій домикъ батюшки и, прорвавшись чрезъ маленькія оконца во внутрь домика, заиграло и затрепеталось по всѣмъ его стѣнамъ, по глиняному полу и по низкому потолку.

— Вотъ и въ ваше оконце заглянуло солнце, почтеннѣйшій батюшка.

— Да, Димитрій Іоанновичъ, солнце божіе одинаково свѣтитъ и на праведниковъ и на насъ, грѣшниковъ.

Въ комнатѣ, возлѣ стола, было только насъ двое и больше никого; не было замѣтно даже присутствія обычнаго домашняго животнаго, кошки. При этомъ я сидѣлъ у одного конца стола, какъ разъ противъ маленькаго самоварчика, а батюшка стоялъ у другого конца, попрежнему одной рукой опершись о столъ, а другою придерживая полу своей ряски. Теперь онъ держалъ рѣчь о томъ, какъ велико и всемогуще значеніе науки для человѣка, но не въ томъ смыслѣ, что она доставляетъ матеріальныя блага ему,

а въ томъ, что она возвышаетъ его умъ, облагораживаетъ его сердце и даетъ возможность ему познавать истину, это высочайшее благо на землѣ, приближающее человѣка къ Богу и чрезъ Бога дѣлающее его сознательною частицею необъятной міровой. «Выше всего въ человѣкѣ—его духъ, и этотъ духъ питается, совершенствуется наукой. Отнять у человѣка науку значитъ убить его душу. Наука, истинная наука, ведетъ къ познанію истиннаго Бога, высшаго Существа, Творца всей вселенной, безъ него ничтоже бысть, еже бысть».

Батюшка ровно, какъ свѣча, стоялъ передъ столомъ и отчетливо произносилъ каждую фразу свою. Отъ всей фигуры его вѣяло такимъ спокойствіемъ, такою силой и въ тоже время такою добротой, что, казалось, вѣчно бы слушалъ его и не наслушался. А въ это время заходящее солнышко все болѣе и болѣе заливало своимъ свѣтомъ убогую комнатку и, наконецъ, ворвавшись въ нее со всею силой, освѣтило яркимъ огнемъ всю фигуру батюшки и заискрилось червоннымъ золотомъ въ его небольшой сѣденькой бородкѣ и въ его волосахъ... Праведникъ, истинный праведникъ! невольно произнесъ я самъ себѣ. Вѣдь праведники божьи всегда сіяніемъ окружены...

— Пане, а пане, пора намъ и до Пушкаровки выизжать, а то якъ бы не спизнытыця та не перекынутыця денебудь у Днипро! неожиданно крикнулъ мнѣ подъ окно мой возчикъ.

— Тай пора таки!... Прощайте, глубокочтимый батюшка. Никогда, во всю мою жизнь, я не забуду васъ!

— Прощайте, достойнѣйшій Димитрій Іоанновичъ! Не забывайте Бога и любите науку,—это выше всего...

Мнѣ не пришлось послѣ того видѣть отца Ѳедора Свириденка, но мнѣ случилось лѣтомъ 1897 года, во время плаванія на пароходѣ отъ Кременчуга до Екатеринослава, встрѣтить одну особу, близко знавшую отца Ѳедора, и узнать отъ нея нѣкоторыя подробности о смерти его. Уже семь лѣтъ тому назадъ (1890 года, февраля 2 дня), разсказывала эта особа, какъ отецъ Ѳедоръ Свириденко переселился изъ міра сего, тлѣннаго и скоро преходящаго, въ міръ вѣчный и непреложный. Это былъ поистинѣ и чудный человѣкъ и безпримѣрный пастырь. Всѣ не только любили, но и боготворили его, потому что онъ служилъ, по евангельскому слову, не за гнѣвъ, а за совѣсть, не имѣя въ виду ни богатства, ни славы, ни почестей. Не зная усталости, онъ никогда не ло-

жился въ постель даже въ то время, когда чувствовалъ себя больнымъ. Но одинъ разъ слегши и проболѣвъ всего лишь три-четыре дня, онъ тихо, спокойно и съ улыбкой на устахъ скончался, какъ невинный младенецъ. Глядя на него, можно было поистинѣ сказать, что то не смерть, а сонъ мудреца... Уже когда онъ лежалъ бездыханнымъ на смертномъ одрѣ, тогда ему пришла награда, орденъ Владиміра IV степени. Онъ никогда не думалъ о наградахъ и не любилъ говорить объ этомъ, и судьба какъ бы нарочно распорядилась такъ, чтобы не дѣлать непріятнаго ему. Послѣ отца Ѳедора не осталось рѣшительно ни единой копѣйки и рѣшительно никакого имущества. Поэтому похороны его устроены были на общественный счетъ, и для отданія послѣдняго долга высокому пастырю съѣхались всѣ окрестные помѣщики и многіе изъ постороннихъ крестьянъ. Мѣстные же крестьяне устроили отъ себя такія богатыя поминки, которыя вызвали всеобщее удивленіе: въ трехъ дворахъ приготовлены были роскошные обѣды, на которые стеклись огромныя толпы народа. Слезы, искреннія, непритворныя слезы, и горячія святыя молитвы со стороны всѣхъ крестьянъ сопровождали добраго пастыря въ могилу. «Це у насъ таки булы батюшка, якихъ не було, та й николы не буде»... И точно, со смертью отца Ѳедора Свириденка однимъ проведникомъ меньше стало на землѣ, но зато больше въ небесахъ... Не стало добраго пастыря, не стало и его убогаго жилья: скоро послѣ смерти батюшки сгорѣлъ дотла и тотъ церковный домичекъ, гдѣ столько лѣтъ жилъ батюшка. Такъ, ничего отъ него не осталось тлѣннаго, но зато остался духъ нетлѣнный, духъ вѣчный, который всегда будетъ жить и въ умѣ и въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ добраго пастыря, и который поистинѣ составляетъ высшій даръ человѣка, выдѣляющій его среди другихъ существъ на землѣ... Единственная дочка, оставшаяся послѣ смерти отца Ѳедора, живетъ въ томъ же селѣ, Шошиновкѣ, подъ чуждою ей крестьянскою кровлею, попрежнему нуждаясь въ самомъ необходимомъ и попрежнему терпя крайнія лишенія...

Оставивъ навсегда памятное мнѣ село Шошиновку и проѣхавъ селенія Пушкаровку, Глинское, Бородаевку и осмотрѣвъ вездѣ оставшіяся отъ запорожцевъ церковныя древности, я къ поздней ночи прибылъ въ село Днѣпрово-Каменку и расположился тамъ на ночлегъ у священника, отца Григорія Волошинова.

Слѣдующимъ днемъ, уже часовъ около 12, я оставилъ село Днѣпрово-Каменку и, проѣхавъ черезъ селенія Калужино и Лиховку, прибылъ въ древнее мѣстечко, извѣстное еще въ XVI столѣтіи у писателя Михалона Литвина, Мишуринъ-Рогъ.

Когда я проѣхалъ половину Мишурина-Рога и добрался до старой церкви его, то тутъ я узналъ, что мѣстный батюшка, отецъ Михаилъ Демьяновскій, находился въ то время въ церкви и служилъ вечерню. Не желая терять времени, я тотчасъ спустился съ брички и вошелъ въ церковь. Въ церкви я засталъ батюшку, псаломщика, двухъ стариковъ да трехъ старушекъ. Старички и старушки, размѣстившись вдоль стѣнъ церкви, горячо и съ великимъ благоговѣніемъ шептали вполголоса послѣднія слова тѣхъ молитвъ и пѣснопѣній, которыя произносились батюшкой или псаломщикомъ и которыя они подхватывали на лету. Церковь едва-едва освѣщена и, при обширности ея размѣровъ и при полной почти пустотѣ, голосъ псаломщика, идущій отъ клироса къ серединѣ, гулко раздается по всему храму, потомъ, какъ бы незримыми кругами, взвивается по высокимъ и темнымъ стѣнамъ, далѣе поднимается вверхъ, подъ самый куполъ, съ купола спускается снова внизъ и тутъ раздается еще громче и еще сильнѣй. И если при этомъ псаломщикъ оборветъ внезапно свое чтеніе или особенно сильно выведетъ конецъ какого-нибудь стиха, то вмѣсто него продолжаетъ вычитывать сильное и гулкое эхо, которое, раздаваясь по церкви, идетъ неровными и волнообразными скачками, то восходя до громкаго крика, то нисходя до тихаго полушопота. А извнѣ въ это же самое время врывается въ церковь протяжный звонъ большого колокола и, обвѣвая свѣжимъ воздухомъ строгіе лики иконъ, идетъ по церкви правильно движущимися волнами, сливается съ голосомъ чтеца, также поднимается по высокимъ стѣнамъ подъ высокіе своды и уже тамъ, то стихая, то вновь вздрагивая, постепенно и мало-по-малу прекращается и замираетъ. А на смѣну этихъ звуковъ изъ глубины обширнаго алтаря несется слабый старческій голосъ священника, такъ мягко ласкающій слухъ молящихся и такъ успокоительно дѣйствующій на ихъ души и на ихъ сердца...

Но вотъ вечерня окончена и съ окончаніемъ ея оконченъ и осмотръ всѣхъ церковныхъ древностей.

Едва, выйдя изъ церкви, я успѣлъ доѣхать до постоялаго двора и едва успѣлъ я войти въ указанную мнѣ комнатку, какъ мнѣ

объявили, что меня очень желаетъ видѣть какой-то человѣкъ, уже давно поджидающій моего пріѣзда въ Мишуринъ-Рогъ. Я тотъ же часъ попросилъ того человѣка войти ко мнѣ въ комнату. И вотъ ко мнѣ входитъ какая-то особа, не то духовная, не то свѣтская, въ длинномъ, по самыя косточки, синяго сукна, сюртукѣ, съ клѣтчатымъ на шеѣ платкомъ, замѣняющимъ галстухъ, съ длинными волосами, тщательно приглаженными и усердно намазанными деревяннымъ масломъ или «олывою». Человѣкъ этотъ подъ лѣвой мышкой держалъ нѣчто замотанное въ пестрый платочекъ и усердно придавливалъ это нѣчто лѣвымъ локтемъ къ лѣвому боку. Переступивъ порогъ и ставъ у притолоки двери, онъ прежде всего перекрестился нѣсколько разъ на иконы, потомъ отпустилъ мнѣ низкій-пренизкій поклонъ и, наконецъ, послѣ всего этого началъ свою рѣчь такъ:

— Здравствуйте, ваше высокоблагородіе!

— Здравствуйте, почтеннѣйшій!

— Честь имѣю представиться вамъ, житель мѣстечка Николя, такой-то.

— Тутъ посѣтитель мой назвалъ свою фамилію, не то Симоненко, не то Самойленко, не то Савенко, не то Софроненко,— однимъ словомъ, фамилія эта начиналась съ собственнаго имени на букву «С», а оканчивалась на «енко».

— Чѣмъ могу послужить вамъ?

— Я давно уже поджидалъ васъ и хотѣлъ предложить вамъ одну вещь, открывающую великія сокровища.

— Что же это за вещь?

— Это такая вещь, чрезъ которую вы и сами можете озолотиться и правительство можете обогатить.

— Такъ что же это за вещь?

— Я вамъ скажу, что это за вещь, но только вы поклянитесь мнѣ передъ образомъ, что не выдадите меня никому.

— Могу васъ увѣрить и безъ клятвы, что не выдамъ васъ никому.

— Нѣтъ, такъ ни въ коемъ случаѣ нельзя! Вотъ передъ вами икона,—перекреститесь на нее, и тогда я вамъ все сообщу.

— Да увѣряю васъ всѣмъ, чѣмъ хотите, ваша тайна останется при мнѣ.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Вы только перекреститесь,—я буду знать, по крайней мѣрѣ, что вы христіанинъ.

— Я—христіанинъ и православный христіанинъ и вотъ вамъ въ доказательство того крещусь.

— Ну, теперь я вижу, что вы не выдадите меня.

Послѣ этихъ словъ мой посѣтитель вынулъ изъ-подъ мышки свое нѣчто, завернутое въ платокъ, взялъ это нѣчто въ обѣ руки, но тутъ снова впалъ въ нѣкоторую нерѣшительность, точно борясь самъ съ собой.

— Такъ вы не выдадите меня никому?

— Рѣшительно никому!

— И возвратите мнѣ то, что я вамъ покажу?

— Будьте вполнѣ благонадежны—возвращу!

Тутъ посѣтитель сдѣлалъ впередъ нѣсколько шаговъ и, приблизившись ко мнѣ, развернувъ платочекъ, подалъ мнѣ небольшую печатную книжечку.

— Вотъ это и есть ваше сокровище?

— Вотъ это оно и есть!

— О чемъ же оно говоритъ?

— О кладахъ,—гдѣ, въ какой губерніи, въ какомъ уѣздѣ, въ какомъ урочищѣ сокрыты клады въ землѣ. Вы, какъ правительственное лицо, можете всюду по этой книгѣ копать, я же не могу. Тогда вы и сами можете озолотиться и правительство можете обогатить.

Я беру въ руки книжицу и вижу, что въ ней нѣтъ ни начала ни конца, но зато есть нѣсколько листовъ предисловія и нѣсколько страницъ самаго содержанія. Книга оказалась совершенно неизвѣстной мнѣ: но въ ея предисловіи упоминались имена Максимовича, Костомарова и Кулиша. Стало быть, думаю себѣ, хотя эта книжица мнѣ и неизвѣстна, но, очевидно, она напечатана никакъ не раньше сороковыхъ годовъ; а разъ она напечатана въ настоящемъ столѣтіи, то ее во всякомъ случаѣ въ Петербургѣ можно найти. Но такъ какъ въ то время меня сильно занималъ вопросъ о топографіи запорожскаго края, то я подумалъ, что такая книга, которая указываетъ на различныя мѣста сокрытія въ землѣ кладовъ, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ и для топографіи Запорожья. Поэтому я пробѣжалъ всю книгу, листъ за листомъ, но къ моему сожалѣнію не нашелъ въ ней почти ничего по вопросу, интересовавшему меня. Клады же, сами по себѣ, никогда не составляли для меня интереса. Поэтому, просмотрѣвъ книгу, я возвратилъ ее моему посѣтителю и поблагодарилъ его за довѣріе ко мнѣ.

— Что же вы хотите сдѣлать съ вашей книгой?

— Хочу, чтобы вы предложили правительству купить ее у меня.

— Видите ли, правительство слишкомъ крупная величина, я же слишкомъ мелкая единица, и вы ошиблись, если приняли меня за какое-нибудь важное лицо, которое можетъ правительству предложенія передавать.

— Ну, въ такомъ случаѣ я предлагаю ее вамъ самимъ.

— А сколько жъ вы хотите за нее?

— Тысячу рублей.

— Тысячу рублей?

— Да, тысячу рублей.

— Нѣтъ, такой суммы я не могу вамъ дать.

— А сколько же вы дали бы за нее?

— Ничего бы не далъ,—она мнѣ вовсе не нужна.

Такой отвѣтъ до того, казалось, поразилъ моего посѣтителя, что онъ, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ и глядя на меня во всѣ глаза, казался столь удивленнымъ, точно я передъ нимъ изъ человѣка неожиданно превратился въ слона.

— Повторяю,—она мнѣ вовсе ненужна.

— Но вѣдь тутъ говорится о сокровищахъ, которыя вы можете хоть сейчасъ достать для себя!

— Я въ это никогда не вѣрилъ, не вѣрю и ни во что ставлю всѣ записи, которыя указываютъ на сокрытыя сокровища въ землѣ.

— Но, можетъ быть, вы дадите за нее пятьсотъ рублей?

— Не дамъ ни тысячи, ни пятисотъ.

— Да вѣдь вы можете получить по ней цѣлый милліонъ.

— Я вамъ уже сказалъ и еще разъ скажу, что не вѣрю въ подобные пустяки.

— Въ такомъ случаѣ купите ее за триста рублей.

— Не куплю ни за пятьсотъ, ни за триста рублей.

— Бѣдность моя и крайняя нужда, а главное то, что я не правительственное лицо, заставляютъ меня продать ее... Ста рублей не дадите?

— Не дамъ!

— Пятидесяти, наконецъ?

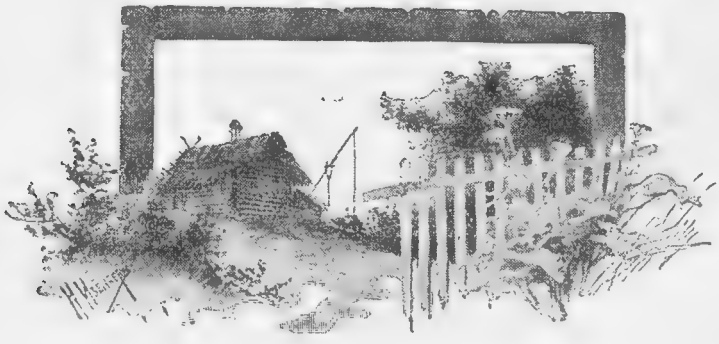
— И пятидесяти не дамъ!

— Ну, такъ прощайте, ваше высокоблагородіе,— будете по томъ крѣпко жалѣть!

— Прощайте, почтеннѣйшій,—дай, Богъ, вамъ разбогатѣть!

Распахнувъ широко передъ собою дверь, посѣтитель мой перешагнулъ черезъ порогъ и потомъ быстро ушелъ прочь. Уже послѣ того я узналъ, что этотъ человѣкъ не безъ нѣкотораго имени въ уѣздѣ; онъ прославился именно тѣмъ, что открылъ было у себя, въ собственномъ дворѣ, какое-то чудо и уже собралъ себѣ малую толику презрѣннаго металла отъ того чуда, но въ то дѣло вмѣшалось мѣстное духовенство, и наложило на явленное чудо свой запретъ. Уже потомъ я также узналъ, что книга, которую мнѣ предлагали купить за тысячу рублей, есть не что иное, какъ «Запорожская рукопись о кладахъ», изданная Сементовскимъ въ Кіевѣ, въ 1857 году, и купленная мной въ Петербургѣ ровно за 50 копѣекъ серебромъ.

Слѣдующимъ днемъ, оставивъ Мишуринъ-Рогъ, я проѣхалъ селенія Куцеволовку, Деріёвку, Плахтіивку, Троицкое и, накснецъ, очутился въ селѣ Каменно-Потоцкомъ. Въ Каменно-Потоцкомъ я познакомился съ весьма интереснымъ и любопытнымъ батюшкой, нѣкогда, во дни студенчества, состоявшимъ въ качествѣ артиста въ труппѣ первостепеннаго малороссійскаго антрепенера, а теперь надѣвшаго на себя рясу и, вѣроятно, скоро имѣющаго получить камилавку. Батюшка съ любезностью свѣтскаго человѣка показалъ мнѣ всѣ церковныя древности, оставшіяся отъ временъ запорожцевъ, и съ искреннимъ радушіемъ хлѣбосольнаго хозяина угостилъ меня разными яствами и питіями и на прощаніе пожелалъ добраго и счастливаго пути отъ Крюкова до Петербурга.



Славный городъ Ногайскъ, онъ же городъ черныхъ пауковъ.

НЕМНОГІЕ изъ россіянъ знаютъ о существованіи города Ногайска и о всѣхъ прелестяхъ жизни въ немъ. А между тѣмъ этотъ городъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ и находится въ Таврической губерніи, недалеко отъ впаденія рѣчки Обиточной въ Азовское море. Онъ основанъ въ 1814—1820 году и предназначенъ былъ служить, такъ сказать, столицей или, правильнѣе, главнымъ мѣстомъ управленія ногайскихъ татаръ, ведшихъ дотолѣ кочевую жизнь, но потомъ долженствовавшихъ перемѣнить жизнь кочевую на осѣдлую и сдѣлаться, заодно съ русскими, носителями славянской культуры въ Европѣ. Изъ ногайскихъ татаръ теперь въ городѣ Ногайскѣ, какъ говорятъ, нѣтъ ни единаго человѣка, кромѣ одного ногайца, женатаго на «косой Машенькѣ» торговкѣ. До 1896 года я никогда не бывалъ въ Ногайскѣ, хотя и слыхалъ, что то «неманэнькій» городъ... Лѣтомъ названнаго года ѣхалъ я изъ Бердянска въ Ногайскъ на парѣ хорошихъ лошадей, запряженныхъ въ фаэтонъ и управляемыхъ извозчикомъ изъ бердянскихъ раскольниковъ, называемыхъ здѣсь, по малороссійски, кацапами. Признаться, не люблю я ѣздить съ кацапами: это народъ угрюмый, слишкомъ сдержанный, мало

общительный, далеко необладающій тѣмъ живымъ и живописнымъ словомъ и въ особенности тѣмъ неподражаемымъ юморомъ, какимъ обладаетъ хохолъ. Отъ того путь отъ Бердянска до Ногайска, около 40 верстъ, я проѣхалъ почти молча, обращаясь къ извозчику лишь съ тѣмъ, чтобы онъ энергичнѣе понукалъ своихъ лошадей и довезъ меня засвѣтло до Ногайска: мнѣ очень хотѣлось увидѣть впервые Ногайскъ днемъ. Въ Ногайскъ я ѣхалъ, впрочемъ, не съ тѣмъ, чтобы видѣть этотъ «неманэнькій» городъ, а съ тѣмъ, чтобы увидѣться въ немъ съ дорогимъ моему сердцу художникомъ Анастасомъ Гордіевичемъ Смоктіемъ. Анастасъ Гордіевичъ Смоктій проживалъ въ Ногайскѣ временно, у своего родителя, также, по званію и по призванію, художника, и я хотѣлъ прижать дорогого мнѣ человѣка къ моей груди и «де объ чимъ побалакать съ нимъ про запорозьку старовыну». Я зналъ, что отецъ и сынъ Смоктій ведутъ свой родъ отъ «славнаго» запорожскаго рода Смоктіевъ и что первый предокъ ихъ этой фамиліи любилъ выпить, любилъ и закусить и всегда дѣлалъ это съ превеликимъ удовольствіемъ, потягивая горилочку и присмоктывая губами. «Дывысь, якый Смоктій! Ичъ якъ смокче»! говорили объ немъ запорожцы и прозвали чрезъ то Смоктіемъ, хотя «но батькови» онъ прозывался Антоненкомъ.

И такъ, я спѣшу-поспѣшаю къ Смоктіямъ и именно не къ отцу, котораго вовсе не знаю, а къ сыну Анастасу Гордіевичу. Но какъ я ни торопилъ моего угрюмаго извозчика, а все-таки пріѣхалъ въ Ногайскъ тогда, когда уже стемнѣло, т. е. около осьми съ половиной часовъ вечера. Прежде всего меня поразило въ Ногайскѣ отсутствіе освѣщенія и полное безлюдье. Я увидѣлъ только гдѣ-то вдали, впереди себя, на площади, два подслѣповатыхъ фонаря, надѣтыхъ на низкіе и кривые шесты, изъ коихъ одинъ шестъ покосился налѣво, а другой наклонился направо и первый скорѣе свѣтилъ Мелитополю, а второй скорѣе Бердянску; далѣе я замѣтилъ три-четыре человѣческихъ фигуры, копошившихся возлѣ какой-то яточки или навѣса, долженствовавшаго представлять собой ногайскій «гамазынъ». По всему городу царила такая невозмутимая тишина, что если бы наступить какой-нибудь собакѣ на хвостъ и если бы та собака завизжала на одномъ концѣ города, то визгъ ея несомнѣнно слышенъ былъ бы во всѣхъ остальныхъ улицахъ и переулкахъ города. «Неманэнькій же и городъ»!.. Конечно, о мостовыхъ, о панеляхъ, объ извозчи-

кахъ, о театрахъ, о клубахъ, о санитарномъ состояніи города не стоитъ и говорить.

Въѣзжаю прямо на городскую площадь, спускаюсь съ фаэтона, подхожу къ яточкѣ и вижу тамъ какую-то человѣческую фигуру, не то мужчину, не то женщину, и спрашиваю:

— Не знаете ли, гдѣ тутъ у васъ живетъ художникъ Смоктій?

— Художникъ Смоктій? Возьмете вправо по этой, Славянской, улицѣ и ѣзжайте ею, все ею—все ею; по правую руку увидите высокія ворота, какихъ во всемъ Ногайскѣ, да пожалуй и во всемъ Бердянскѣ, нѣтъ,—вотъ тамъ и живетъ Смоктій.

Ѣду и смотрю на всѣ ворота, все съ правой стороны. Проѣхалъ одни, проѣхалъ другія, проѣхалъ третьи, пятыя, десятыя, и вотъ вижу передъ собой зеленыя ворота съ высокимъ каменнымъ фронтономъ, съ двумя каменными же на фронтонѣ человѣческими фигурами и съ желѣзнымъ между фигуръ флюгеромъ, представляющихъ собой орла съ поднятыми крыльями, побѣждающаго змія. Кому же иному, какъ не художнику, могутъ принадлежать такія ворота? Конечно, художнику. А если художнику, то всеконечно Смоктію! Подъѣзжаю къ воротамъ, схожу съ фаэтона и иду черезъ калитку во дворъ. Первое, что бросается мнѣ въ глаза во дворѣ—это цѣлый лѣсъ растущихъ среди двора высокихъ вѣниковъ, нарочно и очевидно съ практическою цѣлью насаженныхъ во дворѣ; затѣмъ бросается въ глаза высокій деревянный срубъ колодца; за колодцемъ зеленѣющій садикъ; слѣва длинный каменный флигель; справа сараи и погребъ и подъ прямымъ угломъ къ погребу низкій, крытый черепицей домикъ. Во всемъ, до самыхъ ничтожныхъ мелочей, замѣтны образцовый порядокъ и необыкновенная чистота. Весь дворъ, и тамъ, гдѣ росли кустами вѣники. и тамъ, гдѣ ихъ не было, высыпанъ былъ мелкими морскими ракушками, растертыми въ порошокъ, и все это вмѣстѣ давало понять постороннему человѣку объ истинныхъ вкусахъ и наклонностяхъ домохозяина.

Лишь только я вошелъ во дворъ, какъ увидѣлъ передъ собой мужчину выше средняго роста, на видъ сухощаваго, но крѣпкаго и мощнаго, уже далеко немолодого, но живого и энергичнаго, съ цѣлымъ ворохомъ сѣдоватыхъ вьющихся волосъ на красивой головѣ, съ небольшою, также сѣдоватою, бородкой, съ характерной шпаночкой на подбородкѣ и съ очень пріятной, но нелишенной нѣкоторой насмѣшливости, улыбкой. Въ общемъ этотъ человѣкъ

казался точно вылитымъ изъ стали и, повидимому, обладалъ большою физическою силой. Увѣренный въ томъ, что вижу передъ собой Смоктія—отца, я быстро подошелъ къ нему и назвалъ свою фамилію.

— А, голубчыку мій, такъ отъ якый вы изъ себе! Знаю, добре знаю вашу фамилію, чувавъ и чытавъ васъ!.. Анастасій, Анастасій, бижы скорійшъ сюды та подывысь, хто прыихавъ до насъ!..

И вотъ черезъ полминуты я уже былъ въ объятіяхъ Анастаса Гордіевича Смоктія...

Пріѣхавъ къ Смоктію на два дня, я пробылъ у него цѣлую недѣлю и за это время отдохнулъ и тѣломъ и душой. Анастасъ Гордіевичъ Смоктій во многихъ отношеніяхъ рѣдкій человѣкъ. Начать съ того, что онъ любитъ свою родину, любитъ малорусскій народъ, малорусскій языкъ, малорусскія пѣсни и старину до страсти, до полнаго самозабвенія. Какъ онъ чудно поетъ старинныя запорожскія пѣсни и въ особенности старокозацкія думы, подыгрывая къ тому на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ! Какъ онъ прекрасно играетъ на сопилочкѣ! Съ какою онъ страстью рыскаетъ по всѣмъ, доступнымъ ему, захолустнымъ мѣстечкамъ за козацкой стариной! Съ какимъ уваженіемъ онъ относится ко всякому старику, живущему старыми воспоминаніями, или къ какому-нибудь дядьку, представляющему своей фигурой что-нибудь типичное и оригинальное! Самая ничтожная черточка въ козацкомъ одѣяніи, козацкомъ оружіи или убранствѣ, ускользающая отъ вниманія историка или этнографа, занимаетъ и волнуетъ Анастаса Гордіевича болѣе, чѣмъ занимаетъ и волнуетъ какого-нибудь великаго дипломата глубоко-національный государственный вопросъ.

Анастасу Гордіевичу теперь около 40 лѣтъ; на видъ онъ русявый, носитъ бороду, которую низко подстригаетъ со всѣхъ трехъ сторонъ, и длинные, книзу опущенные, усы; глаза у него сѣрые, вдумчивые, очень добрые и очень ласковые; интонація голоса необыкновенно мягкая; по натурѣ онъ добрый и доброжелательный человѣкъ, въ обхожденіи съ людьми онъ мягокъ и деликатенъ; роста онъ выше средняго, немного сутуловатъ; сложенія плотнаго и крѣпкаго; ходитъ, немного сгибая носки сапогъ во внутрь, что, по народно-малороссійскимъ примѣтамъ, означаетъ нѣкоторую если не скупость, то разсчетливость. Анастасъ Гордіевичъ учился въ столицѣ, въ академіи художествъ, и это обстоятельство оставило

на немъ свои слѣды: выросши на лонѣ малороссійской природы, Анастасъ Гордіевичъ полюбилъ съ дѣтства все малорусское; проживши же нѣсколько лѣтъ въ столицѣ и, развивъ въ себѣ вкусъ художника, онъ еще больше полюбилъ все свое малорусское. Въ этомъ отношеніи Анастасъ Гордіевичъ представляетъ собой рѣдкій типъ того малоросса, который, усвоивъ столичную культуру, въ тоже время думаетъ, чувствуетъ и говоритъ не иначе, какъ по малорусски. Обыкновенно малороссъ, получившій столичное образованіе или просто усвоившій столичный лоскъ, или вовсе забываетъ свой родной языкъ, или стѣсняется говорить на немъ.

Всѣми лучшими качествами своего сердца и своей души Анастасъ Гордіевичъ Смоктій обязанъ своему отцу, Гордію Даниловичу Смоктію.

Гордій Даниловичъ Смоктій въ своемъ родѣ также рѣдкостный человѣкъ. Прежде всего онъ чистоплотенъ и аккуратенъ до педантизма. У него во всемъ дворѣ. и во всѣхъ хлѣвахъ и закуточкахъ ни соринки, ни соломенки, и онъ ставитъ это себѣ положительно въ культъ. Такъ, когда къ нему, однажды, передъ холерной эпидеміей, пришла санитарная коммиссія съ врачемъ-евреемъ во главѣ, завѣдомымъ врагомъ Гордія Даниловича, то Гордій Даниловичъ, отворивъ всѣ двери и всѣ входы въ своихъ надворныхъ постройкахъ, съ гордостью объявилъ, что у него въ самомъ послѣднемъ помѣщеніи гораздо чище и запахъ гораздо пріятнѣе, нежели въ горницѣ у иного жида. И точно, врачъ-еврей, осмотрѣвъ всѣ закоулки смоктіевскаго двора, при всемъ желаніи его придраться къ чему-нибудь, долженъ былъ признать санитарное состояніе его безукоризненнымъ, подивившись при этомъ въ особенности тому, что въ каждой загородочкѣ у Смоктія развѣшаны были цѣлые пучки всевозможныхъ пахучихъ травъ, наполнявшихъ всѣ помѣщенія очень пріятнымъ ароматомъ.

Но трудно сказать, въ чемъ именно состоитъ главнѣйшій Гордія Даниловича Смоктія культъ—въ поклоненіи ли его чистотѣ, или поклоненіи живописи и зодчеству. Какъ живописецъ, Гордій Даниловичъ Смоктій извѣстенъ въ самомъ Ногайскѣ необыкновенной раскраской своего дома, какъ внутри, такъ извнѣ. Внутри дома онъ эффектно росписалъ всѣ потолки, всѣ стѣны, полы и подоконники. Снаружи, по стѣнамъ, онъ выкрасилъ свой домъ масляными зеленаго цвѣта красками; колонны, скрѣпляющія стѣны

дома, росписалъ красками голубого цвѣта, а черепичную крышу дома разрисовалъ красками столькихъ тоновъ и цвѣтовъ, сколько было всѣхъ на крышѣ черепицъ. Какъ зодчій, Гордій Даниловичъ Смоктій прославился въ Ногайскѣ, да и далеко за предѣлами его, сооруженіемъ у себя грандіозныхъ и необыкновенной архитектуры воротъ. Въ молодости Гордій Даниловичъ много путешествовалъ по разнымъ россійскимъ городамъ и въ особенности подолгу живалъ въ обворожительномъ Кіевѣ. Находясь въ Кіевѣ, онъ плѣнился остатками Золотыхъ Воротъ, воздвигнутыхъ великимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ. Вернувшись изъ далекаго путешествія въ свой славный городъ Ногайскъ, Гордій Даниловичъ долго напрягалъ всѣ силы своего мощнаго зодческаго генія и наконецъ, послѣ долгихъ и необыкновенныхъ усилій, создалъ нѣчто грандіозное и достойное восхищенія,—это высокій каменный фронтонъ надъ воротами своего двора, украсивъ его человѣческими фигурами, колонками, выступами и нишами. Въ Ногайскѣ это произвело такое сильное впечатлѣніе, что многіе стали вести съ этого времени лѣтосчисленіе: «Это было тогда, когда Смоктій поставилъ въ Ногайскѣ свои ворота». Но окрестные болгары, пріѣзжая изъ окрестныхъ селъ въ городъ Ногайскъ и видя удивительныя человѣческія фигуры на воротахъ Смоктія, опредѣлили значеніе ихъ, по свойству своего практическаго ума, такъ: «Одынъ чоловикъ стоить на воротяхъ Смоктія, показуе на село»: якъ нема грошій, то идь, Смоктій, на село,—тамъ грошій дадуть; а другый чоловикъ показуе на городъ: «якъ вернешься, Смоктій, изъ села, то поспишай у городъ,—тамъ бильшъ грошій треба, нижъ на сели»... Окончивъ свою работу, Гордій Даниловичъ отправился въ Петербургъ навѣстить своего старшаго сына и при первой же съ нимъ встрѣчѣ торжественно ему объявилъ: «Ну, сынку, тамъ же я ворота у себе соорудывъ! Таки ворота, шо не тилько въ Петербурзи, а десь и на всимъ земному шари нема»!.. А то, бывало, вскорѣ послѣ сооруженія воротъ, въ какой-нибудь изъ лѣтнихъ очаровательныхъ вечеровъ, когда жгучее солнце спрячется за горизонтъ и когда по улицамъ Ногайска пробѣжатъ съ поля домой всѣ стада свиней и поросятъ, Гордій Даниловичъ выйдетъ изъ собственнаго двора на улицу, отойдетъ черезъ дорогу къ противоположному сосѣднему дому, заложетъ руки назадъ подъ сюртукъ, откинувъ хвостъ его на отлетъ, обернется лицомъ къ своимъ воротамъ и самъ себѣ задастъ вопросъ: «Шо бъ тутъ ще додать? Чи не положыть коло фигуръ

шары? Чи не дать якій фигури въ руку винка? Чи не зробыть бы побильше хвистъ у орла?.. Ни, уже бильшъ ничого неможна додать! Шо можна було и якъ можна було зробыть—усе зробывъ! Тутъ главне мысль: одна фигура дывытця туда, а друга дывытця сюда»!..

И долго такъ стоитъ Гордій Даниловичъ противъ своихъ воротъ, погруженный въ глубокія думы; стоитъ до тѣхъ поръ, пока его думы случайно не нарушитъ какое-нибудь животное, въ родѣ свиньи: поотставъ отъ стада и тащась медленнымъ шагомъ по улицѣ, вся вымазавшаяся въ грязь, едва переваливающаяся съ боку на бокъ отъ готовности ежеминутно разрѣшиться десяткомъ или больше того поросятъ, полосатая хавронья, хрюкая и чавкая во всю свою обширную свиную пасть, медленно подойдетъ къ самымъ воротамъ Гордія Даниловича Смоктія и безцеремонно начнетъ «чухатьця» о коллонну воротъ, наполняя при этомъ всю панель самымъ непристойнымъ запахомъ. «Ахъ, ты, падлючище! Ахъ, ты, стервозыще! Ичъ куды пидибралась чухатьця! Якъ бы жъ ты могла пиднять у гору свое свыняче рыло та якъ бы ты могла глянуть на ти фигуры, шо стоять на верху воротъ?.. Геть, паскуда, звидциля!.. Тьфу, и дыхать не можна черезъ паскудну тварь! Сказано, свыня»!..

Таково было то великое произведеніе зодчества, которое дало громкое имя Смоктію. Но это было первое и послѣднее напряженіе зодческаго генія его: съ тѣхъ поръ зодческій геній Гордія Даниловича какъ бы застылъ навсегда и въ такомъ дремлющемъ состояніи находится и по настоящій моментъ. Отъ зодчества Гордій Даниловичъ окончательно перешелъ къ церковной живописи и тутъ пріобрѣлъ себѣ широкую популярность не только во всей Таврической губерніи, но и далеко за предѣлами ея. Къ воротамъ же своимъ онъ даже видимо охладѣлъ: такъ, возведя грандіозное сооруженіе и не найдя ничего, что можно было бы прибавить къ нему, Гордій Даниловичъ не сдѣлалъ въ немъ одной сущей, но весьма необходимой, бездѣлицы,—деревяннаго засова. Восемнадцать лѣтъ онъ все собирался купить на базарѣ деревянный обрубокъ для засова и въ теченіи всего этого времени никакъ не могъ этого сдѣлать. И сколько, вслѣдствіе того, что ворота не запирались наглухо въ ночное время, претерпѣлъ самъ Гордій Даниловичъ и вся его семья! Не разъ забѣгали къ нему во дворъ бѣшеныя собаки, не разъ забирались къ нему воры, не разъ пу-

гали его жену пьяные рабочіе, заходившіе, въ отсутствіе Гордія Даниловича, въ его дворъ и стучавшіеся подъ окна или подъ самыя двери его дома. И всякій разъ послѣ подобнаго происшествія Гордій Даниловичъ собирался непремѣнно купить деревянный обрубокъ и непремѣнно сдѣлать засовъ въ ворота: «Ну, теперь уже куплю, теперь такъ, шо непременно куплю на базари добрый дрюкъ и велю зробыть зъ нёго добрый засовъ»! И намѣренія Гордія Даниловича бывали иногда столь рѣшительны, что онъ даже внушалъ къ себѣ вѣру со стороны жены и собственныхъ дѣтей; онъ даже съ тою цѣлью ходилъ на базаръ, но приносилъ оттуда вмѣсто деревяннаго дрючка пару большихъ и сочныхъ арбузовъ или же полдесятка ароматичныхъ дынь. Такъ это и велось до самаго послѣдняго пріѣзда старшаго сына его, Анастаса Гордіевича, въ городъ Ногайскъ. Уже тутъ, въ отсутствіе Гордія Даниловича, Анастасъ Гордіевичъ и пишущій эти слова раздобычились на березовый дрюкъ, лично обтесали его, лично пригнали къ воротамъ и лично задвинули его на ночь для безопасности отъ воровъ. Всякъ можетъ представить себѣ, каково было послѣ этого удивленіе Гордія Даниловича Смоктія, когда онъ, пріѣхавъ домой въ позднюю ночь, нашелъ свои ворота запертыми на засовъ?!..

Есть у Гордія Даниловича Смоктія, кромѣ двухъ названныхъ слабостей, еще одна,—это ничѣмъ необъяснимая его привязанность къ лукавому, лѣнивому и разжирѣвшему коню, постоянно стоящему подъ навѣсомъ въ садку и только то и дѣлающему, что жующему сѣно или овесъ, да и то какъ-то вяло, точно во снѣ. Сколько разъ Гордій Даниловичъ собирался продать или промѣнять цыганамъ своего совершенно безполезнаго и никуда негоднаго коня, но всякій разъ, въ виду рѣшительнаго момента, онъ находилъ обстоятельства, смягчавшія вину стараго коня, и снова оставлялъ его спокойно стоять подъ навѣсомъ, въ садку, и спокойно жевать сѣно или овесъ. Этотъ конь въ самомъ дѣлѣ на столько лѣнивъ, что на немъ нѣтъ никакой возможности и никакого терпѣнія ѣздить даже на купанье къ морскимъ берегамъ: три или три съ половиной версты въ одинъ конецъ на немъ нужно ѣхать мало что не полдня, да и то съ огромнымъ кійкомъ въ рукахъ. Если, онъ и везетъ, то везетъ только подъ гору, внизъ: тогда на него не только не надо кійка, а надо держать на крѣпкихъ возжахъ, чтобы онъ не понесъ съ горы. И однажды въ самомъ

дѣлъ конь такъ понесся съ горы, что перекинулъ возокъ, вывалилъ изъ него Гордія Даниловича Смоктія и сломалъ ему ногу пополамъ. Если Гордію Даниловичу нужно сдѣлать разстояніе отъ Ногайска въ какое-нибудь село всего 60—65 верстъ, то онъ дѣлаетъ къ своему отъѣзду такія приготовленія, точно собирается въ далекій Іерусалимъ. Свое путешествіе въ шестьдесятъ верстъ совершаетъ онъ въ теченіи трехъ дней и въ теченіи столькихъ же дней возвращается домой. Но если бы кто—нибудь подумалъ, что Гордій Даниловичъ негодуетъ на своего лукаваго коня за его невозможно медленную ѣзду, то тотъ жестоко ошибся бы въ своемъ предположеніи: «Ну, жинко, сёгодня нашъ гнидый тай закатувавъ же додому, наче той петербурській рысакъ!.. Зовсимъ було хотивъ цыганамъ коня сбуть, та бачу, шо на-нёму треба уміючи издыть, або, якъ бы тамъ вирнійше сказать, обиходытьця зъ нымъ»... И послѣ этого Гордій Даниловичъ заводитъ своего коня подъ навѣсъ, самъ идетъ во дворъ, вырываетъ съ корнемъ самый роскошный кустъ зеленаго вѣника, беретъ тотъ вѣникъ въ руки, идетъ съ нимъ къ коню и начинаетъ съ особенною заботливостью отгонять отъ него назойливыхъ мухъ. «Гм, продать коня! сбуть цыганамъ коня! Та ты подывысь, яки у нёго ногы! Та ты глянь, яка у нёго кисть! Де жъ такы ёго продавать? Онъ у Антона и пара коней, такъ начхать же на ныхъ! Одынъ хромый, а другый слабый, а тутъ же жъ, ты подывысь, ты тилько подывысь, чого стоє оця одна нога!... Оце треба бъ зъ морськои свыни сала купыть та помазать спыну коню, шобъ анахтемськи мухы не трогалы бидолаху... Гм, цыганамъ коня продать! Та ты глянь, яка у нёго грыва, якый у нёго хвистъ»!.. И снова Гордій Даниловичъ идетъ во дворъ, снова срываетъ тамъ вѣникъ и снова начинаетъ свѣжимъ вѣникомъ сгонять съ коня назойливыхъ мухъ. Для того-то именно, а не для чего иного, и насаженъ у Гордія Даниловича среди двора цѣлый лѣсъ вѣниковъ. Впрочемъ, каждый день Гордій Даниловичъ собирается купить жиру морской свиньи, запаху котораго не переноситъ ни одна муха: «Ну, теперъ суччій я буду сынъ, якъ не куплю! Теперъ уже съ тимъ, шо куплю! Тоди вже не одна паскуда не сяде на мого коня»!.. И все-таки онъ никакъ не можетъ собраться на то, чтобы, зайти въ лавку и купить тамъ жиру морской свиньи и вмѣсто того, какъ только утромъ встанетъ съ постели и какъ только уберетъ все во дворѣ, тотъ часъ же срываетъ вѣникъ и съ тѣмъ вѣникомъ бѣжитъ къ

коню съ тѣмъ, чтобы согнать съ него «анахтемськихъ» мухъ. И такъ, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать въ день Гордій Даниловичъ навѣдается подъ навѣсъ къ своему любезному коню, штукъ двадцать вѣниковъ истреплетъ надъ его спиной и столько же разъ полюбуется и его костью, и его ногой, и его гривой, и его хвостомъ.

Такъ вотъ къ этимъ-то Смоктіямъ, отцу и старшему сыну, я и завернулъ проѣздомъ изъ Бердянска въ Мелитополь въ іюлѣ мѣсяцѣ, 1896 года. На другой же день послѣ моего пріѣзда въ Ногайскъ Гордій Даниловичъ Смоктій уѣхалъ на своемъ удивительномъ конѣ и въ своей удивительнаго устройства бричкѣ куда то верстъ за 60 отъ Ногайска, что̀ означало, что онъ можетъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, вернуться домой никакъ не раньше, какъ черезъ 6 или черезъ 8 дней. Въ домѣ остался одинъ старшій сынъ, Анастасъ Гордіевичъ, съ семьей.

Стояла страшно жаркая, сухая и удушливая погода. Вслѣдствіе, такой погоды вяло двигались члены, вяло дѣйствовалъ и мозгъ. Мы поминутно перемѣняли мѣста своего сидѣнія, то переходя изъ душныхъ комнатъ подъ тѣнь старой шелковицы, стоящей у стѣны стараго флигеля, то располагаясь подъ вѣтвистыми деревьями садика, то забираясь подъ бѣлыя акаціи, растущія передъ домомъ, на улицѣ. Вотъ вылазимъ мы на улицу въ самыхъ легкихъ костюмахъ—безъ шапокъ, въ туфляхъ, въ полотняныхъ съ мережками сорочкахъ,—садимся за воротами, прямо на земляномъ тротуарѣ, свѣшиваемъ ноги въ канаву и упираемся бокомъ или спиной въ дерево. Къ намъ подходитъ сосѣдъ Антонъ Платоновичъ Пидлужный, совсѣмъ босой, безъ шапки, въ толстой сорочкѣ и въ нанковыхъ шароварахъ; онъ также садится на тротуарѣ и также спускаетъ ноги въ канаву. Надъ всѣми «керу́е» Анастасъ Гордіевичъ Смоктій. Онъ сидитъ немножно согнувшись и наклонивши голову впередъ. Запустивъ руку въ глубину собственной пазухи, Анастасъ Гордіевичъ уловляетъ въ ней какое-то насѣкомое и потомъ, покрутивъ-покрутивъ его пальцами, медленно выбрасываетъ его вонъ на солнечную спеку, стараясь подальше отбросить его отъ себя. Послѣ того онъ медленно и съ разстановкой вопрошаетъ:

— Скажить, голу́бчычкы мои, якихъ вы знаете малоруськихъ чорти́въ?

— Малоруськихъ чорти́въ?

— Эге жъ, малоруськихъ чорти́въ! Яки воны есть?

— А яки жъ воны есть? Я знаю одного Безпьятого чорта.

— А якый же той Безпьятый чортъ?

— Чортъ, якъ чортъ, а Безпьятымъ зветця видъ то́го, шо вовкъ ёму пьяту одкусывъ.

— Ну, якъ хочете жъ вы знать, то чорты бувають водяни́, степови́, ха́тни и лисови́. Изъ водяныхъ самый важэнный, Анцыболотъ,— це главне начальство надъ усима̀ водяными; потимъ Водяный чортъ,—це той, шо гребли рве; да́ли Синько водяный,—це старый бородатый чортъ, такый, шо у ночи́ хапа́ людей та топе ихъ мижъ лотока́мы у водяному млыну; есть ще изъ водяныхъ Рябый бисъ,—це дуже злый чортъ, моя бабка було якъ ла̀итця, то каже: «А шобъ тебе Рябый бисъ узявъ». Изъ степовыхъ чортивъ самый главный Куцакъ,—у шкòди десь бувъ тай хвоста збувсь; дали Танцюрыстый чортъ: у вы̀хори танцюе та бьетця зъ другымы чортамы; кажуть, якъ кынуть у той выхорь ножа̀, то винъ увесь буде у крови. Есть ще Шутъ чортъ: цей украде або оброть, або путo у хлопця, чи у дядька, шо пасе́ коней у степу, тай закыне геть; то хлопець ходе—ходе, а дали́ й каже: «Ну, годи вже, пошутывъ и буде», то винъ и пидкыне. Одынъ чоловикъ такъ и бачывъ степового чорта: винъ, каже, якъ и чоловикъ, та тилькы безъ с...ы, сами кышкы́ тягаютця по земли... Изъ хатнихъ чортивъ самый першый Дидько; отъ то у старовыну такъ лаялысь було: «Шо ты робышъ? Дидько бъ панувавъ твого батька»! Або: «Шобъ тебе Дидько взявъ»! Цей Дидько, якъ у день, то все на горищи сыдыть, а якъ у ночи, то пла̀стае по си́няхъ та по комоpяхъ. Такъ отъ то для того, шобъ винъ не шаставъ ничью, треба ляду на горищи на ничь закрывать, або винъ спустытця зъ горища до дижкы, шо въ синяхъ зъ водою стоить, тай локче воду, якъ той пэсъ. Такъ бабка моя було що вечора и каже: «Хвесько, а Хвесько, чи ты закрыла ляду на горищи»? Изъ хатнихъ же чортивъ есть ще Бисытель чортъ; отъ тожъ и лаютця нымъ: «Бисытель твоему батькови»! Потимъ того Луканька,—це дуже проказный и лукавый чортъ: винъ, якъ шо треба кому ка̀пость яку-небудь учыныть, такъ уже пидстрое таку, шо будешъ чмыхать увесь день; той такъ пидведе, шо й на печи ус.....я; не найдешъ ничью дверей, зъ просонку, тай учхаешься; однымъ словомъ, дуже капосный бисъ. Хатни чорты плохи, а степови

дыки. Отъ тожъ и птыця домашня плоха, а степова дыка. Изъ лисовыхъ чортивъ есть Лисовыкъ чортъ; винъ самъ билый, а пьяткы шмалени; цей крипко дурытъ людей: винъ оце скынетця чоловикомъ тай иде по лису на такому вози, шо такъ полудрабкы и сыплютця зъ нёго, а винъ знай лупе та торохтыть якъ скаженый по лису; то лисовый сторожъ дума, шо воно ворюга якый забрався у лисъ, та давай за нымъ гонытьця, ажъ то воно чортъ. Одынъ дидъ, по фамыліи Попенко, розсказувавъ про того лисового чорта таке: «Иду, каже, разъ я по лису и дохожу до ричкы, а въ нашому лиси, та бачьте, ричка Озныця протикае; дохóжу до ричкы, дывлюсь, стоить у берега човенъ. Я сивъ у той човенъ тай давай гребтысь до другого берега. Гребусь соби тай гребусь; колы це выбравсь на середыну, ажъ тутъ човенъ якъ росколыхався, якъ росколыхався, и хто ёго зна видъ чóго. Дывлюсь я, ажъ на дни човныка лежить якесь собачатко, такъ якъ отъ то сащà, лежыть, и пьятка у нёго на одній нози обшмалена, свернулось у клубочокъ тай мугоче. Такъ не знаю уже, чи воно у мене була на голови шапка, чи не була, а тилько я й весло зъ рукъ выпустывъ. Тилько шо човенъ ставъ пидходыть до другóго берега, а воно зъ човна пулькъ! Та такъ у воду и пулькнуло... Отъ тожъ воно и бувъ настоящій лисовикъ... Окримъ цихъ усихъ чортивъ есть ще чортъ Люцепырь. Це уже страшенный чортюгà! Усимъ чортамъ чортъ! Це, мабуть, той, шо у нимцивъ зветця Люцыхверъ. Ще есть якись чорты, наши таки, украинськи та теперъ я ни якъ не прыгадаю всихъ, а чувъ, якъ малы́мъ бувъ. А шо якъ бы цей вопросъ, про украинськихъ чортивъ, та на збиговыщи археологивъ пиднять? Чи не знайплась бы ще яка—небудь спасенна душа, шо знае нашихъ чортивъ?

— А шожъ? Це мысль! А я ще отъ шо думаю, Анастас Гордіевычу?

— А шо вы думаете?

— Я думаю, якъ бы такъ, шобъ намалювать въ картынахъ усихъ нашихъ малоруськихъ чортивъ.

— А шожъ? И це мысль!..

Отъ малорусскихъ «чорти́въ» Анастасъ Гордіевичъ неожиданно переходитъ къ каменнымъ бабамъ и объявляетъ, что у двухъ нагайскихъ жительницъ, вдовы болгарина Марка Кралева и бабы Карпущихи, есть каменныя бабы, и одна изъ нихъ стоитъ въ садку, а другая на улицѣ, у прысьбы.

Тогда медленно поднимаемся мы со своихъ мѣстъ и идемъ смотрѣть каменныхъ бабъ. Изъ двухъ бабъ болѣе интересной оказывается баба у вдовы Марка Кралева,—она наилучше сохранилась и даетъ много интересныхъ деталей; менѣе интересна баба старой Карпущихи, такъ какъ она сильно «подзюбана», снизу обмазана бѣлой глиной, сверху—жёлтой и представляетъ собой уже не бабу, а скорѣе какое-то «чупырадло».

Осмотрѣвъ каменныхъ бабъ, мы снова возвращаемся къ смоктіевскому дому и снова садимся за воротами, но уже не на тротуарѣ, а въ палисадникѣ, возлѣ стѣны дома, гдѣ больше тѣни. Тутъ Анастасъ Гордіевичъ заводитъ рѣчь о черныхъ паукахъ и неожиданно спрашиваетъ меня, знаю ли я о томъ, что возлѣ города Ногайска, да и въ самомъ Ногайскѣ, водятся черные пауки, причиняющіе своимъ укушеніемъ страшныя страданія людямъ.

Я отвѣчаю, что о существованіи такихъ пауковъ въ запорожскомъ краѣ только читалъ въ книгахъ, но натурально никогда ихъ не видалъ.

— Ну, такъ постойте жъ, голубчику мій, ось я вамъ и натурально ихъ покажу та ще й до тіеи бабы васъ поведу, шо тутъ личе видъ тыхъ паукивъ.

Оказалось, что лѣто 1896 года особенно богато было черными пауками, и не было въ іюнѣ и въ особенности въ іюлѣ мѣсяцѣ того дня, въ который бы не привозили въ городъ Ногайскъ кого-либо изъ крестьянъ, укушенныхъ чернымъ паукомъ. Этотъ врагъ человѣка величиной съ ягоду спѣлаго терна, цвѣтомъ настоящаго чернаго бархата, сидитъ большею частью не въ норѣ, какъ тарантулъ, а въ паутинѣ на скошенномъ хлѣбѣ или на низкомъ деревѣ при землѣ. Человѣкъ, укушенный чернымъ паукомъ, испытываетъ необыкновенныя страданія, при видѣ которыхъ зритель приходитъ въ ужасъ и содроганіе. У несчастнаго распухаютъ вѣки, носъ дѣлается краснымъ, все тѣло синѣетъ, покрывается обильнымъ потомъ и какъ бы вздувается; больной трясется всѣмъ тѣломъ, становится на четвереньки, страшно кричитъ и стонетъ; жалуется на то, что у него внутри все какъ бы горитъ и раздирается, и поминутно проситъ воды, рветъ на себѣ платье и порывисто мечется въ разныя стороны.

И вотъ не успѣли мы исчерпать всей темы разговора о черныхъ паукахъ и объ ужасныхъ для человѣка послѣдствіяхъ отъ

укушенія ихъ, какъ мимо насъ промчалась бричка, въ которой лежала больная женщина, укушенная паукомъ, прикрытая толстымъ рядномъ и издававшая на всю улицу страшные стоны и крики, раздиравшіе нашъ слухъ. Мы немедленно встали со своихъ мѣстъ, наскоро одѣлись и побѣжали вслѣдъ за больной, которую повезли къ лекаркѣ, помогающей несчастнымъ отъ укушенія паука, Марьѣ Трофимовнѣ Могилихѣ, пользующейся широкою популярностью не только въ самомъ Ногайскѣ, но и далеко за предѣлами его. Прибѣжавъ ко двору Могилихи, мы увидѣли стоявшую у воротъ только что пріѣхавшую бричку, но больной въ ней уже не нашли, такъ какъ ее отнесли въ хату. Войдя въ хату, мы увидѣли больную лежашею на лавкѣ и тутъ же суетившуюся возлѣ больной бабусю, у которой и попросили позволеніе взглянуть поближе на больную и посмотрѣть самые пріемы леченія, на что тотчасъ и получили полнѣйшее дозволеніе. Бабуся Марья Трофимовна Могилиха въ высшей степени симпатичная, привѣтливая и добрая старушка и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма типичная, и по своему обличью, и по всѣмъ своимъ пріемамъ, малороссіянка. Ея доброта, казалось, такъ и просилась наружу, просвѣчивая въ каждомъ мускулѣ, въ каждой черточкѣ тѣла. За свое леченіе она ничего не требуетъ и беретъ только то, что добровольно ей предлагаютъ: «Кусочекъ хлибця, два, або три яечка, а якъ колы шматочокъ сальця. Тай за що ёго брать гроши зъ людей? Треба людямъ въ биди помогать, а не гроши зъ ныхъ драть»...

Бабуся Марья Трофимовна Могилиха живетъ очень убого на концѣ города Ногайска, какъ бы подтверждая собой народно-малороссійскую пословицу—«Моя хата зъ краю—я все горе знаю» Кромѣ леченія отъ укушенія паукомъ, бабуся Могилиха лечитъ еще отъ бѣшенства и укушенія гадюкой. Всѣмъ этимъ она обязана своему отцу, столѣтнему старцу, Трофиму Ахтуляренку, теперь уже впавшему въ дѣтство, но когда-то пользовавшемуся широкой славой замѣчательнаго лекаря, навлекшаго на себя даже преслѣдованіе со стороны врачей, но спасеннаго заступничествомъ самихъ крестьянъ: «Якъ его въ тюрьму, такъ и насъ въ тюрьму», категорически заявили крестьяне властямъ, запретившимъ было врачевать диду Трофиму Ахтуляренку подъ угрозой наказанія.

Леченіе бабуси Могилихи состоитъ въ томъ, что, принявъ у себя больного или больную, она кладетъ его или ее у себя въ

хатѣ на лавку, открываетъ мѣсто, укушенное паукомъ, и начинаетъ придавливать его тремя пальцами, крестя тѣло черезъ ранку на четыре стороны и приговаривая шопотомъ какія-то слова. Эта манипуляція повторяется довольно долго, до тѣхъ поръ, пока вся формула неизвѣстныхъ словъ не будетъ произнесена 9 разъ. Послѣ этого лекарка даетъ больному стаканъ воды съ уксусомъ и нашатыремъ и на первый разъ считаетъ дѣло леченія оконченнымъ. На второй и третій день снова продѣлываетъ тоже самое, что и на первый, и къ концу третьяго дня больной совершенно выздоравливаетъ. Лекарка раньше прибѣгала еще, по примѣру своего отца, и къ горячимъ ваннамъ, но потомъ оставила это средство, послѣ того какъ посадила одну больную въ ванну и у той больной «очи повыперало якъ цыбулю». У батька ея это средство приносило большую пользу, можетъ быть, отъ того, что онъ что-нибудь прибавлялъ въ воду, но у нея оно не приноситъ никакой пользы, и потому отъ горячихъ ваннъ она давно уже отказалась.

Что именно въ леченіи бабуси Могилихи дѣйствуетъ благотворно на больного—представляется судить и думать каждому; но можно передать за фактъ то, что когда родные слишкомъ медлили доставкой больного къ лекаркѣ, то онъ не выдерживалъ страданій и умиралъ по дорогѣ къ Ногайску. Изъ этого слѣдуетъ, что такъ или иначе, а леченіе бабуси Могилихи имѣетъ для больныхъ свои благодѣтельныя послѣдствія.

— Бабуся, а не можна жъ узнать одъ васъ, яки вы слова прыговорюете, якъ личыте хворого?

— Цёго вже, голубчыку сызенькій, не можна, ни якъ неможна, бо якъ я скажу вамъ, чи кому другому, ти слова, такъ бильше и ликарювать не буду,—бо тоди зъ мене вся сыла выйде. Тилькы й можно сказать тоди, якъ буду вмираты. Теперъ у мене ни дочокъ, ни сынивъ нема, такъ я сестри, меньшій видъ мене, передамъ ти слова.

Послѣ этихъ словъ намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ поблагодарить добрую бабусю за оказанный съ ея стороны любезный намъ пріемъ и уйти отъ нея.

Никогда раньше мнѣ не доводилось слыхать о существованіи черныхъ пауковъ въ Новороссіи, не смотря на то, что я уже 15 лѣтъ подъ рядъ разъѣзжаю по разнымъ куткамъ и закоулкамъ ея съ цѣлями археологическими, топографическими и этнографическими.

Мнѣ приходилось только читать о томъ у историка запорожскихъ козаковъ XVIII вѣка, князя Семена Ивановича Мышецкаго, который говоритъ о паукахъ мармукахъ, водившихся въ низовьяхъ Днѣпра, у лѣваго берега рѣки, и причинявшихъ большой вредъ русской арміи при движеніи графа Миниха съ полками къ устью Днѣпра и къ Крымскому побережью. «Отъ рѣки Валивелы внизъ Днѣпра въ 20 верстахъ, при Конскихъ-Водахъ, имѣлся тутъ въ древнее время татарскій великій городъ, а какъ именовали, того неизвѣстно, который отъ самыхъ татаръ разоренъ за тѣмъ, что въ оном городѣ пауки, а по турецкому званію мармуки или тарантулы, людей поѣдали: ково оные ни ужалятъ, тотъ уже не будетъ живъ. А отъ оного города, въ 5 верстахъ, имѣлся у нихъ другой городъ, о наименованіи его также неизвѣстно, и въ оном такіе жъ пауки людей поѣли, того ради и тотъ у нихъ оставленъ. Во оном городѣ и нынѣ имѣется пустая ихъ каменная мечеть. Которые пауки и нынѣ на тѣхъ мѣстахъ имѣются, и въ 1738 году, когда россійская армія на томъ мѣстѣ нѣсколько дней стояла, отъ оныхъ пауковъ нѣкоторый вредъ людямъ учинился» [1]).

Признаюсь, читая раньше сочиненіе князя Мышецкаго, я до послѣдняго случая не вѣрилъ его показанію и относилъ его сообщеніе о паукахъ, причинявшихъ такой серьезный вредъ людямъ, къ обыкновеннымъ баснямъ, которыми разные историки прошлыхъ вѣковъ наполняли свои повѣствованія.

Какъ бы то ни было, но, оставивъ привѣтливую бабусю Могилиху и выйдя изъ ея двора, мы тотъ часъ взяли направо и пошли пѣшкомъ въ степь съ тѣмъ, чтобы дойти до рѣчки Обиточной, падающей въ Азовское море, и полюбоваться прекраснымъ видомъ, открывающимся за лѣвымъ берегомъ рѣчки и идущимъ до самаго моря. Едва сдѣлали мы четверть версты по степи, какъ на наше счастье намъ попался на глаза на низкой стернѣ тотъ самый черный паукъ, который причинялъ людямъ столь великія страданія. Но это пока былъ еще молодой паучекъ, величиной съ небольшую горошинку, но черный какъ смоль и совершенно круглый какъ шарикъ. Къ сожалѣнію, при насъ не было никакой стклянки, въ которую можно было бы захватить для рѣдкости опаснаго паука, и мы, насмотрѣвшись на него вдоволь, потянули по степи дальше и пришли въ обрывистому и

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852. 63.

высокому берегу рѣки Обиточной. Высмотрѣвъ самое высокое и самое живописное мѣстечко у праваго берега рѣчки, мы и расположились на немъ, предварительно осмотрѣвъ всѣ норки и всѣ ямочки, въ которыхъ могъ бы скрыться опасный паучекъ.

Солнце только что скрылось за далекимъ горизонтомъ, и потому въ степи потянуло той живительной прохладой, которая особенно бываетъ пріятна послѣ продолжительнаго и страшнаго дневного зноя. Передъ нами развернулась далекая и въ своемъ родѣ рѣдкая перспектива. Справа тянулся по обширной низинѣ городъ, слѣва открывалась на безконечное пространство степь, а прямо передъ глазами развертывалась на необъятное пространство низкая луговина, окаймленная съ одной стороны рѣкой, съ другой охваченная моремъ, сплошь поросшая зеленой и сочной травой и по мѣстамъ усаженная деревьями — осокоремъ, лозой, вербой, ивой. Сама рѣчка Обиточная течетъ въ очень глубокомъ ложѣ, заросшемъ мѣстами высокимъ камышомъ, мѣстами густыми кустами деревъ, и дѣлаетъ множество поворотовъ то вправо, то влѣво, то на большомъ разстояніи, то слишкомъ на незначительномъ и сразу круто. Глубина рѣчки отъ этого бываетъ весьма различна—отъ нѣсколькихъ саженъ до одного аршина.

Никто не можетъ ни доказать, ни разсказать того, когда и почему рѣчка Обиточная получила свое прозваніе. Зато многіе могутъ повѣдать о томъ, какъ не разъ и не два, въ весеннее время, тонули и безслѣдно исчезали въ этой рѣчкѣ люди, уносимые быстрымъ теченіемъ въ море.

Вотъ одна изъ такихъ повѣстей, извѣстная очень многимъ въ Ногайскѣ.

Когда-то очень давно, жила въ городѣ Ногайскѣ одна богатая вдова Доманчиха. У нея и земелька была своя, и волики были, и коровъ не одна «штука», и овечатъ «чимало», и птицы всякой многое множество; зато дѣтей всего лишь былъ одинъ-единственный сынъ, да и тотъ какъ-то непохожій на другихъ: съ виду онъ какъ будто казался и здоровымъ парнемъ, а на самомъ дѣлѣ былъ хилый, вѣчно сердитый и противъ всего и противъ всѣхъ озлобленный. Ужъ чего-чего старая вдова не предпринимала и не дѣлала для того, чтобы разогнать «тугу» своего сына? Ходила она и къ бабкамъ-знахаркамъ, нанимала и батюшку служить молебны, подавала и на часточку за здравіе Васыля, посылала гроши и въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы выслали ей для головы больного отъ свя-

тыхъ мощей шапочку, но все было напрасно: сынъ Васыль будто и не хворалъ ничѣмъ, а все ходилъ какимъ-то смутнымъ и невеселымъ. Хоть бы пошелъ повеселиться къ товарищамъ—и къ товарищамъ нейдетъ! Хоть бы пошелъ къ дивчатамъ да пожартовалъ съ ними,—такъ куда тамъ, о дивчатахъ и слушать не хочетъ! Что же, наконецъ, съ нимъ дѣлать? Женить его—больше ничего!..

Была за городомъ, въ какомъ-то селѣ, также одна вдова Роздайбида, убогая и неимущая, зато гордившаяся своей дочерью, красавицей Настусей. Такой красавицы ни въ Ногайскѣ, ни далеко за Ногайскомъ не было да, кажись, и не могло быть, какъ Настуся, «вдовына дочка». Роста выше средняго, станъ «тонкій та гнучкый» какъ молодая тополя, бровки черныя, какъ намалеванныя, глазки темные-темные, какъ бываетъ темна ночь осенняя, и вмѣстѣ съ тѣмъ такіе ласковые-ласковые, что какъ посмотрятъ они на человѣка, то тому человѣку и тепло, и радостно, и весело на душѣ становится; коса черная-пречерная съ сизымъ отливомъ, длины чуть ли не до самыхъ пятъ; зубки бѣлые—бѣлѣе сахару: какъ засмѣется она, какъ раскроетъ свои коралловыя губоньки, то такъ и блеснетъ своими зубками, точно выточенными, точно на подборъ подобранными А голосокъ у Настуси! Такой звонкій да высокій голосокъ, что какъ выведетъ она какую-нибудь пѣсенку да какъ протянетъ конецъ ея, то эхо отъ той пѣсни такъ и зазвенитъ, какъ серебряный колокольчикъ, такъ и разольется по открытому воздуху, какъ разливается по зеленой долинѣ чистая, катящаяся съ высокихъ горъ, вода. Уже пѣсня давно окончена, уже сама пѣвица давно убѣжала домой съ улицы, а голосъ ея все стоитъ въ воздухѣ, все дрожитъ и переливается... «Ну, й дивчина жъ! Не дивчина, а втиха».. Возлѣ такой дивчины жениховъ, какъ возлѣ сладкаго меду мухъ. Но дивчина пока чиста и тѣломъ и душой. Изъ парубковъ ей не нравится ни одинъ на селѣ. Только и приходится ей по душѣ городской «панычъ» Мыкола Тихій, котораго она случайно видѣла на базарѣ, въ городѣ. Онъ хоть и панычъ, а такой простой, добрый, взглядъ у него такой ласковый, голосъ такой тихій, но проникающій прямо въ душу и заставляющій отъ чего-то трепетать молодое сердце. И еще разъ видѣла Настуся паныча, когда онъ ѣхалъ черезъ ихъ село въ какой-то далекій городъ Москву. Страшно кольнуло ей въ сердце, когда она увидала заднія колеса брички, катившейся за селомъ, и цѣлое облако пыли, закрывавшее бричку отъ взора. «Но то панычъ,

а Настуся простого козака дочка, убогая при матери сирота, она неривня панычу». Вотъ краще было бы, если бы ее посватала богатая вдова Доманчиха за своего Васыля. Такъ твердитъ Настусѣ ея матинка, и Настуся въ который разъ уже слышитъ это и въ концѣ концовъ свыкается съ тѣмъ, что она должна сдѣлаться «дружиною» Васыля. Такъ на самомъ дѣлѣ и сталось оно: Настуся вышла замужъ за Васыля.

Но замужество не принесло Настусѣ счастья, да и не измѣнило нрава Васыля: Васыль попрежнему былъ мраченъ и угрюмъ; Настуся, прежде живая и веселая, также стала задумчива и грустна, и на ея дотолѣ свѣтлое лицо легла точно мрачная тѣнь. Иногда Настуся подойдетъ къ Васылю, нѣжно приласкается къ нему, нѣжно приголубится, но онъ вмѣсто того, чтобы взять ее за стройный станъ, вмѣсто того, чтобы горячо прильнуть къ ея пламеннымъ губамъ, рѣзко оттолкнетъ ее отъ себя и тотъ часъ же уйдетъ изъ хаты или куда-нибудь въ огородъ, или еще дальше, куда-нибудь въ степь.

Такъ проходитъ цѣлый годъ. Настуся все болѣе и болѣе увядаетъ, а Васыль все мрачнѣе и мрачнѣе дѣлается. Старая вдова не знаетъ уже, какихъ ей средствъ и искать, чтобъ Васыль ласковѣе сталъ къ своей Настусѣ и чтобъ Господь Богъ послалъ ея «невистоньци, чи сывочка, чи дочечку». Но все было напрасно. Однажды крѣпко занедужалъ Васыль. Настуся передъ тѣмъ уѣхала къ матери, въ село, и за сыномъ стала ухаживать сама мать. Уже который день Васыль лежитъ безъ движенія и безъ памяти и который день уже мать убивается возлѣ своего сына. Но тутъ, переворачивая сына съ боку на бокъ и одѣвая и раздѣвая его, старая вдова неожиданно открыла то, отъ чего невольно вскрикнула и невольно произнесла: «Ни, тутъ ни бабы, ни диды ничого не можуть запомигты моему Васылю»..

Скоро послѣ того Васыль выздоровѣлъ, но онъ сдѣлался еще озлобленнѣй и еще мрачнѣй. Скоро вернулась къ свекрови и Настуся изъ своего села. Прошли жаркіе дни лѣта. Настали первые и чудные дни осени. Однажды, въ какой-то праздникъ, Настуся отправилась съ тремя дивчатами къ рѣчкѣ Обиточной. Весело щебеча и подпѣвая игривыя пѣсенки, дивчата пришли къ берегу рѣчки, увидѣли тамъ, въ тиховодѣ, между густыми лозами, лодочку, недолго думая повскакивали, какъ дикія козочки, въ ту лодочку, нашли на днѣ ея весельце и начали разгуливать по рѣчкѣ въ ло-

дочкѣ. Вотъ проплыли онѣ мелкое плёсо, вотъ обогнули крутой и высокій мысъ, далеко вдавшійся въ рѣчку, вотъ выскочили онѣ на очень глубокое плёсо. Но тутъ лодочка ихъ вдругъ накренилась на бокъ, зачерпнула однимъ бокомъ воды, зашаталась въ разныя стороны и стала медленно опускаться ко дну. Крикъ ужаса вырвался изъ устъ несчастныхъ дивчатъ и вмѣстѣ съ этимъ крикомъ лодка опрокинулась вверхъ дномъ. Долго боролись несчастныя съ сильнымъ теченіемъ рѣки, но потомъ, обезсиленныя и обезумѣвшія отъ ужаса, стали опускаться одна за другой на дно...

Случайно проходилъ въ ту пору мимо рѣки городской панычъ Мыкола Тихій, тотъ самый, который когда-то пришелся по сердцу Настусѣ, но котораго она не видала давно и уже очень давно, потому что онъ отданъ былъ отцомъ въ далекую науку. Теперь панычъ уже окончилъ свою науку и проживалъ временно у отца, оставаясь неженатымъ козакомъ. Проходя мимо рѣки и увидя страшную картину, панычъ, недолго думая, подбѣжалъ къ ея берегу, моментально снялъ съ себя платье и моментально бросился на самую глубину рѣки. И такъ-какъ онъ выросъ при морѣ и еще съ дѣтства научился отлично плавать, то ему ничего не стоило и очень долго держаться на поверхности рѣки и безъ всякаго затрудненія, опускаться на ея дно. Вотъ онъ нашелъ одну утопленницу, вотъ нашелъ другую, досталъ и третью, и всѣхъ сложилъ рядомъ на берегу рѣки. Никакъ не можетъ найти только четвертой. Между тѣмъ къ берегу рѣки сбѣжался народъ и въ нѣмомъ ужасѣ смотрѣлъ на страшную картину. Прибѣжала и мать одной, потомъ другой утонувшей дивчины, и воздухъ огласился страшными воплями. А панычъ все еще ищетъ четвертую утопленницу, и никакъ не можетъ ее найти въ топкомъ илѣ рѣки. Наконецъ, кто-то принесъ длинный багоръ, и тогда панычъ извлекъ имъ и послѣднюю утопленницу изъ воды. Выскочивъ на берегъ, наскоро накинувъ на себя платье, панычъ началъ хлопотать о томъ, чтобы привести утопленницъ къ жизни. Ихъ тотчасъ раздѣли, уложили въ одѣяла и начали качать въ разныя стороны. Долго и безъ устали работалъ надъ трупами панычъ и подъ конецъ трехъ изъ утопленницъ спасъ, и только четвертую, ту, которая дольше всѣхъ была подъ водой, отдалъ матери, у которой она была единственной дочкой, бездыханнымъ трупомъ. Въ числѣ спасенныхъ была и красавица Настуся, печальная жиночка Васыля Доманченка. Панычъ, поглощенный одною мыслью о

томъ, какъ бы привести утопленницъ къ жизни, сперва не обратилъ особеннаго вниманія ни на одну изъ нихъ; но потомъ, когда онъ немного пришелъ въ себя и бросилъ спокойный взглядъ на тѣло Настуси, то онъ до того былъ пораженъ, что чуть было не выпустилъ и одѣяла изъ своихъ рукъ. Много на своемъ вѣку видалъ панычъ разныхъ красавицъ, но такой ослѣпительной красавицы во всей ея откровенной наготѣ, какъ Настуся, онъ никогда во всю свою жизнь не видалъ. Когда же у Настуси открылись глаза и все лицо ея залилось яркимъ румянцемъ, то панычъ почувствовалъ, что у него по всему тѣлу пробѣжалъ какой то трепетъ, странный и непонятный для него самого...

Прошла съ тѣхъ поръ осень, прошла зима, наступила чудная весна. Одну изъ утопленницъ давно похоронили, другую выдали замужъ, третья еще пока весело скакала и пѣла задушевныя, но всегда грустныя малороссійскія пѣсни, а четвертая, красавица Настуся, состояла при своемъ угрюмомъ и печальномъ мужѣ. Панычъ въ это время завѣдывалъ большимъ, гдѣ-то далеко отъ города Ногайска, имѣніемъ своего родственника и проживалъ въ большомъ барскомъ домѣ съ садами, прудами и оранжереями. Онъ жилъ въ домѣ все еще неженатымъ; только ему и было развлеченія, что «тихомовная» гитарка. Усядется онъ, бывало, вечеркомъ, на балконѣ, возьметъ въ руки гитарку, ударитъ пальцами по всѣмъ ея струнамъ и начнетъ выводить какую-нибудь козацкую пѣсню. Но странное дѣло: начнетъ онъ съ козацкой, а кончитъ «дивочею писнею»; протянетъ Марусю, а выведетъ Настусю... Такъ вотъ она, эта самая Настуся, вся, во всей ея ослѣпительной красотѣ и неотразимой прелести, и стоитъ у него передъ глазами... «И гдѣ-то она, та кароокая, чернобровая, но всегда грустная и задумчивая Настуся»?..

— Панычу, панычу!

— А що тамъ?

— Ось якась молодычка прыйшла до васъ та пытаетця, чи не можна нанятьця у горныци?

— А яка тамъ молодычка? Звы сюды!

Молодычка поднимается на балконъ, и панычъ отъ удивленія невольно вскрикиваетъ:

— Та це ты, Настусю?

— Я, панычу!...

И вотъ Настуся въ «панськихъ горныцяхъ»...

...Наступилъ мѣсяцъ май. Чудный этотъ мѣсяцъ май во всей Руси, но краше и очаровательнѣе онъ въ Малороссіи. «Май-розмай—усе горе роздай»!.. Въ саду щелкаютъ и заливаются «соловейки»; въ пасѣкѣ жужжатъ и гудутъ «божьи мушки» — пчелки; въ лѣсу воркуютъ горлицы, куютъ кукушки, перекликаются иволги; въ прудахъ и озерахъ стрекочутъ, квакаютъ и брекекекаютъ лягушки; въ степи свистятъ, сидя на заднихъ лапкахъ, суслики; въ лугу, за рѣчкою, ржатъ молодые жеребятка и имъ вторятъ ихъ нѣжныя и заботливыя матки; на горѣ, за мельницей разливается по чистому воздуху широкая и далекая пѣсня, а съ толоки, оттуда, гдѣ ходитъ чабанъ со своей отарой, несутся тонкіе звуки сопилочки... Въ старомъ барскомъ домѣ — тамъ тоже свой май, тамъ тоже своя жизнь. Вотъ на высокомъ балконѣ, выходящемъ въ старый садъ, обвитомъ плющами и обсаженномъ тѣнистыми липами, въ тихій вечерокъ, сидитъ на широкой съ откидною спинкой скамьѣ съ веселымъ и радостнымъ лицомъ панычъ, а на коврѣ, у его ногъ, красавица Настуся.

— Голубчыку мій, паныченьку мій, люблю васъ, люблю якъ душу свою... Такъ люблю, шо нетреба мени ни злата, ни серебра ни богатства, ни роскоши, а тилько васъ, одного васъ... Вы жъ спаслы мою жысть, вы жъ мене и берить соби... Панычу, паныченьку мій, голубчычку, я дивчына... Я хочъ и замужемъ, я ще дивчына... Я ваша уся, якъ есть уся...

И снова пробѣжалъ у паныча по всему тѣлу трепетъ... Но теперь онъ понялъ, отъ чего трепещетъ молодое сердце его: оно жаждетъ любви, страстной, беззавѣтной, «огненной и палкóй» любви. И сердце его находитъ отвѣтъ въ горячемъ сердцѣ красавицы Настуси, дочери бѣдной вдовы, жены физическаго урода, Васыля, утонувшей было въ рѣкѣ и спасенной «панычемъ» для обоюднаго счастья и для «щирой» любви...

И расцвѣла Настуся, «якъ рожевый квитъ» въ садку, и сдѣлался веселымъ панычъ, какъ бываетъ весело раннее утро майскаго дня. «Май-розмай—усе лыхо роздай»!..

— Такъ отъ таке-то на цимъ свити дiетця! Невольно вскрикнулъ я, когда подошелъ къ рѣкѣ и увидѣлъ ту «кутлубань», изъ которой когда-то городской «панычъ» извлекъ трупами четырехъ дивчатъ и тремъ изъ нихъ возвратилъ жизнь.

— Це вы объ чому? неожиданно раздался за моей спиной вопросъ.

Я оборотился назадъ и увидалъ передъ собой какого-то дида съ «рогэлею» въ рукѣ, повидимому, пробиравшагося къ рѣкѣ съ тѣмъ, чтобы изловить рыбки или раковъ на ужинъ для семьи.

— Та це мы, дидусь, прыгадалы, якъ отъ тутъ саме, колысь-то дуже давно, одынъ городскый панычъ вытягъ изъ воды одну молодычку и трехъ дивчатъ, — чи правда воно?

— Истынна правда, — хоть запрысягнуть!

Уже поздно, очень поздно вернулись мы отъ рѣки домой; еще позже положились спать. Не знаю, какъ Анастасу Гордіевичу, но мнѣ очень плохо спалось: въ моихъ ушахъ раздавались страшные крики утопавшихъ дивчатъ, а передъ моими глазами стояла красавица Настуся, страстно обнимавшая на балконѣ колѣни «паныча» и шептавшая ему любовныя слова...

Чуть свѣтъ — я уже былъ на ногахъ. Въ этотъ день я долженъ былъ покинуть милый моему сердцу Ногайскъ и ѣхать въ городъ Мелитополь, куда меня тянула коллекція запорожскихъ древностей, собранная нѣкіимъ господиномъ Павломъ Дзяковичемъ и давно уже манившая меня къ себѣ. Простившись съ добрымъ и дорогимъ мнѣ Анастасомъ Гордіевичемъ Смоктіемъ, я сѣлъ въ бричку и, промчавшись черезъ пустую площадь соннаго Ногайска, выбрался на открытый и широкій шляхъ. Проѣхавъ черезъ Камышеватку—русское село, Преславъ—болгарское село, Орловку—смѣшанное изъ болгаръ и русскихъ село, Райновку, Кичкань, Царедаровку или Сустугунъ — болгарскія селенія, Покровку или Шуютджуретъ — русское село, я къ вечеру того же дня прибылъ къ рѣкѣ Молочнымъ-Водамъ и тутъ же увидѣлъ раскинувшійся вдоль праваго берега рѣки городъ Мелитополь.

По Низовью Днѣпра.

ОМУ случалось проѣзжать по открытымъ степямъ Новороссіи въ лѣтнее жаркое время, тому хорошо извѣстно, какое великое счастіе составляетъ перейти, послѣ страшнаго зноя, въ конецъ разслабляющаго все тѣло и убивающаго всѣ мысли, отъ тяжелой «нѣмецкой» брички къ какому-нибудь изъ пароходовъ на рѣкѣ Днѣпрѣ. Необыкновенно пріятное чувство испыталъ пишущій эти строки, когда онъ проѣхалъ на лошадяхъ огромное разстояніе Азовскаго побережья отъ города Бердянска и до города Мелитополя, Таврической губерніи, и отъ Мелитополя добрался до мѣстечка Никополя, Екатеринославской губерніи. Это было 3 августа. 1896 года. У пристани Никополя стоялъ пароходъ русскаго общества «Ловкій», дѣлающій рейсы между Никополемъ и Херсономъ и считающійся однимъ изъ лучшихъ на этомъ разстояніи Днѣпра. Пассажировъ было на ту пору во всемъ пароходѣ на удивленіе мало, и въ первомъ классѣ оказалось всего лишь четыре человѣка.

Намъ предстояло идти въ виду мѣстъ и въ археологическомъ, и въ историческомъ отношеніяхъ весьма замѣчательныхъ. Самый Никополь ничто иное, какъ древнѣйшее запорожское поселеніе Микитино, въ которомъ нѣкогда, а именно уже раньше половины XVII столѣтія, существовала запорожская Сичь, ознаменованная пребываніемъ въ ней знаменитаго гетмана Богдана Хмельницкаго. Въ этомъ Микитинѣ окончательно объявленъ разрывъ Малой Россіи и Запорожья Польшѣ и положено начало слитія ихъ въ единое и нераздѣльное цѣлое съ Великой Россіей. Изъ Микитина Богданъ Хмельницкій, получивъ помощь и запорожскими козаками, и арматами, ходилъ въ 1648 году противъ поляковъ къ рѣчкѣ Желтымъ-Водамъ и нанесъ тамъ страшное пораженіе гордымъ полякамъ, уложивъ ихъ всѣхъ, кромѣ одного-единственнаго, на мѣстѣ битвы. Потомъ въ тоже Микитино, послѣ побѣды надъ поляками, Богданъ Хмельницкій прислалъ для сѣчевой церкви богатый вкладъ деньгами, а для запорожскаго войска—новыя пушки и всѣ войсковые клейноты или принадлежности власти, т. е. большое войсковое знамя, дорогую булаву, перначъ или шестоперъ, трости атаманскія, бубны.

Много съ тѣхъ поръ воды утекло въ широкомъ Днѣпрѣ, и не мало чего перемѣнилось на широкомъ свѣтѣ. Сичь, которая 250 лѣтъ тому назадъ помѣщалась на «рогу» или на мысу Микитиномъ, давно уже смыта водой и унесена, вмѣстѣ съ бывшими на ней запорожскимъ кладбищемъ и деревянной часовней, весеннимъ разливомъ Днѣпра. Церковь, гдѣ молился «старый Хмель», уже три раза перестраивалась съ куполовъ и до фундамента, и теперь въ четвертый разъ заново отстраивается, только, къ крайнему сожалѣнію, не по старому, типично-малорусскому образцу, а по новому, фантастично-уродливому плану. Самый Днѣпръ совершенно измѣнилъ здѣсь свое теченіе и, подавшись далеко вправо отъ стараго русла, оторвалъ отъ материка огромное пространство земли и унесъ ее внизъ по теченію.

Воспоминаніемъ о быломъ служатъ только немногія изъ козацкихъ вещей въ старой церкви да двѣ запорожскихъ жилыхъ постройки, до нашихъ дней сохранившіяся у мѣстныхъ обывателей. Изъ церковныхъ вещей замѣчательны—евангеліе въ серебряной оправѣ, вѣсомъ два пуда безъ трехъ фунтовъ; великолѣпный аналой изъ чернаго арабскаго дерева съ превосходными инкрустаціями изъ черепахи, слоновой кости и перламутра, присланный

запорожцами изъ Константинополя патріархомъ и составлявшій, какъ говоритъ преданіе, пару тому аналою, на которомъ писалъ свои проповѣди св. Іоаннъ Златоустъ; далѣе икона животворящаго Креста съ частицею того древа, на которомъ былъ распятъ Христосъ: «У семъ крестѣ животворящее древо»; нѣсколько иконъ, изъ коихъ одна съ изображеніемъ цѣлой группы запорожцевъ съ чубами, въ кафтанахъ, широкихъ шароварахъ, въ красныхъ сафьяновыхъ чоботахъ, съ длинными саблями и съ длинной, въ видѣ ленточки, молитвой изъ устъ кошевого къ уху Богоматери, нарисованной выше группы запорожцевъ: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла». «Избавлю и покрою люди моя»; далѣе, прекрасный рѣзной напрестольный крестъ въ серебрѣ съ позолотою съ частицею мощей Лаврентія и Силуана, пожертвованный козакомъ кущовскаго куреня Лавреномъ Горбомъ; прекрасная бархатная плащаница съ изображеніемъ тѣла Спасителя изъ кованнаго серебра, пожертвованная козакомъ тимошевскаго куреня Иваномъ Гаркушей; нѣсколько церковныхъ хоругвей; двѣ серебряныхъ съ позолотой кружки, изъ коихъ одна, вмѣстимостью до 4 стакановъ, называется чаркою кошевого атамана Сирка, которую онъ, по преданію, «доскочывъ» у крымскаго хана; золотая медаль, пожалованная запорожскому полковнику Коленку за храбрые подвиги при взятіи въ 1778 году турецкой крѣпости Очакова; два портрета, писанные съ живыхъ запорожцевъ, братьевъ Шіяновъ и представляющіе ихъ въ полномъ костюмѣ и вооруженіи. Внѣ церкви сохранились одинъ домикъ («госпóда»), построенный въ 1751 г. куренными атаманами Онуфріемъ Назаровичемъ да Гавриломъ Игнатовичемъ, теперь принадлежащій Ксеніи Ивановнѣ Жидковой, по отцу Панченковой, и одинъ запорожскій курень, построенный въ 1763 году, теперь составляющій собственность купчихи Анны Степановны Гончаровой.

Ниже Никополя, съ правой стороны, пароходъ проходитъ мимо глубокой и полноводной, но очень короткой «вѣтки» Скарбной, и тутъ путешественники могутъ видѣть издали высокій, но пустынный и дикій островъ Чортомлыцкій.

На этомъ острову нѣкогда была славнѣйшая изъ всѣхъ Сичей-Сичь Чортомлыцкая. Она просуществовала 57 лѣтъ (1652—1709) и прославлена именемъ знаменитѣйшаго изъ всѣхъ кошевыхъ атамановъ за все время историческаго существованія Запорожья—

кошевого Ивана Дмитріевича Сирка. При кошевомъ Константинѣ Гордіенкѣ эта Сичь пережила такіе страшные дни, какихъ запорожцы никогда не видали отъ начала и до конца своего существованія: она разрушена была полками Петра Великаго и при этомъ защитники ея подвергнуты были невѣроятнымъ жестокостямъ со стороны освирѣпѣвшихъ великороссійскихъ солдатъ, предводимыхъ русскимъ полковникомъ Яковлевымъ и полковникомъ-ренегатомъ изъ запорожцевъ Галаганомъ. Уничтожены были курени, разрушена церковь, казнены 26 человѣкъ куренныхъ атамановъ и 130 простыхъ козаковъ, не пощажены даже могилы и трупы умершихъ. «Учинилось у насъ въ Сичѣ то, что по Галагановой и Московской присягѣ, товариству нашему головы лупили, шеи на плахахъ рубили, вѣшали и иныя тиранскія смерти задавали, и дѣлали то, чего и въ поганствѣ, за древнихъ мучителей не водилось: мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товариства, но и чернецовъ откапывали, головы имъ отсѣкали, шкуры лупили и вѣшали».

Такъ писали запорожцы послѣ разрушенія Чортомлыцкой Сичи малороссійскому гетману Ивану Скоропадскому и черезъ него самому царю Петру Алексѣевичу [1]).

Теперь на островѣ Чортомлыцкомъ растетъ высокій бурьянъ да свободно гуляетъ «буйнесенькій» вѣтеръ, навѣвающій тяжелыя думы о былomъ. Какая широкая, разгульная, могучая и неудержимая жизнь нѣкогда кипѣла здѣсь, а теперь стоитъ одинъ мертвый островъ, да и тотъ ежегодно обмывается водами то Скарбной и Скаженой, то водами Павлюка и Чортомлыка и ежегодно, по частямъ, уносится далеко въ Днѣпръ... А костей и череповъ козацкихъ сколько валяется по берегу рѣчки Чортомлыка! И они также уносятся водою далеко къ низовьямъ Днѣпра. «Плывутъ низовые лыцари, плывутъ добрые молодцы изъ своей старой Сичи далеко къ Черному морю, потому что имъ трудно лежать въ глубокихъ могилахъ безъ того, чтобы не побиться съ заклятыми врагами бусурманами, турками и татарами»...

Въ слѣдъ за козацкими костьми уносимся и мы къ низовью Днѣпра. Вотъ доплыли мы до «новой» Сѣчи, при устьѣ рѣчки Каменки, падающей въ Днѣпръ съ правой стороны. Это уже далеко ниже вѣтки Скарбной и еще ниже мѣстечка Никитина—Никополя.

---

[1]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, СПб., 1897, III, 489.

Теперь здѣсь богатая усадьба землевладѣльца херсонскаго уѣзда Михаила Ѳедоровича Огаркова, а когда-то (съ 1711 года) здѣсь начинались владѣнія Турціи. Нѣсколько ниже этихъ предѣловъ и поселились запорожцы, разбитые великороссійскими войсками на Чортомлыкѣ и потомъ бѣжавшіе оттуда подъ защиту Крыма и Турціи. Теперь со всякаго парохода, идущаго мимо устья рѣчки Каменки, можно видѣть высокую могилу и возлѣ нея большой каменный крестъ надъ прахомъ кошевого атамана Константина Гордіенка. *«Во имя отца и сына и святаго духа. Зде оночиваетъ рабъ божій Константинъ Гордѣевичъ атаманъ кошовый славнаго войска запорозкого низового, а куреня платнѣровского: представися року 1733 мая 4 числа».*

Подъ такимъ крестомъ покоится прахъ самаго выдающагося изъ кошевыхъ атамановъ, конца XVII и начала XVIII вѣка, взявшаго на себя смѣлую задачу, во что бы то ни стало, сохранить вольности козацкія отъ притязаній московскаго правительства, но увы, не достигшаго своихъ цѣлей и сошедшаго съ болью въ сердцѣ и съ великою горечью на душѣ въ мрачную могилу. Такой человѣкъ, какъ Константинъ Гордіенко, казалось, нарочно выдвинутъ былъ на историческую сцену для того, чтобы на его примѣрѣ живѣе и нагляднѣе показать, на сколько тщетна борьба отдѣльныхъ лицъ, хотя и сильныхъ волей, съ духомъ исторіи и съ ея мощнымъ и непреложнымъ теченіемъ. Гордіенко обладалъ несомнѣннымъ дарованіемъ полководца, далеко превосходя въ этомъ случаѣ своего современника, гетмана Мазепу. Стоя близко къ народной массѣ и понимая текущіе интересы времени, Гордіенко открыто возставалъ противъ наступленія московскаго правительства, желавшаго, черезъ построеніе крѣпостей въ самомъ Запорожьи, наложить руку на исконныя права и вольности козацкія, и былъ горячимъ поборникомъ внутренней автономіи и независимости Запорожья отъ московскаго правительства. Но надеждамъ его не суждено было исполниться: онѣ разлетѣлись въ прахъ при столкновеніи запорожскихъ козаковъ и шведовъ, подъ городомъ Полтавой, съ полками царя Петра. Самъ кошевой, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой и королемъ Карломъ XII, бѣжалъ въ предѣлы Турціи. Проживъ тамъ больше 20 лѣтъ, онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ запорожская масса, горько сожалѣвшая объ утратѣ своихъ прежнихъ привольевъ, вновь потянула къ русскому царю и едва даже не лишила жизни Гордіенка, противившагося такому влеченію.

На 30 верстъ ниже мѣста Каменской Сичи пароходъ пристаетъ къ правому берегу рѣки Днѣпра и останавливается у города Бериславa, въ прошломъ столѣтіи извѣстнаго у турокъ подъ именемъ крѣпости Кызыкерменя. Кызыкермень крѣпость, по многимъ обстоятельствамъ, былъ памятенъ запорожцамъ. «У турокъ по Днѣпру, говорилъ историкъ Запорожья XVIII вѣка, князь Семенъ Ивановичъ Мышецкій, имѣлися славные города: Кызыкермень и противъ онаго Тавань-городъ, лежащій на острову Днѣпра, и на устьѣ же острова того былъ городокъ Оланъ; и отъ того Кызыкерменя до Товань-городка, черезъ Днѣпръ, бывали цѣпи желѣзные протянуты, дабы никто изъ непріятелей ночью пройти не могъ; также и отъ Ослана, чрезъ Конскую рѣчку, до крымской стороны; а посреди оныхъ рѣкъ оставлены были ворота, и пушки изъ оныхъ городковъ были наведены на оныя ворота; и когда кто поѣдетъ, то турки все могутъ разбить. Но оные запорожскіе козаки прохаживали по ночамъ такимъ вымысломъ: не доѣзжая оныхъ городковъ, вырубятъ древо толстое со всѣмъ прутьемъ и везутъ предъ собою, и какъ будутъ пріѣзжать къ онымъ городкамъ, то въѣдутъ въ рѣчку Касмаху ночью, которая идетъ близъ Кызыкерменя съ московской стороны, и пустятъ оное дерево къ тѣмъ цѣпямъ: какъ то дерево въ цѣпи ударитъ, и цѣпи забряцчатъ, то изъ пушекъ пойдетъ пальба, и какъ изъ тѣхъ пушекъ выпалятъ, которыя на цѣпи наведены, то оные вдругъ и пройдутъ мимо тѣхъ городковъ; а турки хотя по проѣзжающимъ изъ ружья палили, однако ихъ не могли удерживать».

Спустившись ниже города Бериславa, мы увидѣли съ правой стороны устье балки Тягинки и противъ него—три, параллельно другу другу расположенные, острова и принадлежащіе владѣльцу И. И. Волохину. На одномъ изъ этихъ островковъ, самомъ ближайшемъ къ Днѣпру, имѣются развалины древняго генуэзскаго города. Генуэзцы съ XIII по XV вѣкъ господствовали на Крымскомъ полуостровѣ и, поднимаясь оттуда вверхъ по Днѣпру, строили собственныя крѣпости у его береговъ. «При оной рѣки Тягинкѣ, у самаго Днѣпра, пишетъ тотъ же князь Мышецкій, имѣлся великой городъ Тягинка и при немъ триугольный замокъ, съ круглыми башнями, кругъ котораго водою окружено; въ длину оный городокъ верста, а въ ширину болѣе полуверсты, у котораго фундаментъ каменный и нынѣ знатенъ. А построенъ тамъ

отъ древнихъ нѣмецкихъ народовъ франковъ [1]). А въ 1738 году отъ россіянъ оный замокъ былъ возобновленъ». [2]).

Миновавъ устье рѣчки Тягинки, пароходъ спускается еще ниже, и тутъ путешественники видятъ устье рѣки Малаго Ингульца, падающаго въ Днѣпръ съ той же правой стороны.

Противъ устья Ингульца протянулся обширный островъ, теперь безыменный, на планахъ XVIII вѣка носящій названіе Ингульской плавни, имѣющій длины шестнадцать съ половиной верстъ, покрытый зеленѣющимъ лѣсомъ и густой травой и изрѣзанный заливами, рѣчками и ериками, входящими на островъ изъ Днѣпра. При устьѣ Ингульца, по высокому берегу его, усаженному прекраснымъ садомъ, раскинулась усадьба землевладѣльца херсонскаго уѣзда, Николая Николаевича Комстадіуса, Фалѣевка-Садовая.

Фалѣевка и по своему поистинѣ очаровательному мѣстоположенію, и по собраннымъ въ ней владѣльцемъ археологическимъ рѣдкостямъ достойна особеннаго со стороны всякаго просвѣщеннаго туриста вниманія. Владѣлецъ ея, Николай Николаевичъ Комстадіусъ, ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, ведетъ свой родъ по мужской линіи отъ шведа Карла Комстадіуса, перешедшаго изъ Швеціи въ Польшу. Внукъ Карла Комстадіуса, Ѳедоръ Савельевичъ Комстадіусъ, около 1774 года перешелъ изъ Польши въ Россію и получилъ въ даръ дачу Фалѣевскую отъ своего друга, полковника Михайла Леонтьевича Фалѣева. По женской линіи Николай Николаевичъ Комстадіусъ ведетъ свой родъ отъ гетмана малороссійскихъ козаковъ, Даніила Апостола, и состоитъ въ свойствѣ съ фамиліей Запорожскихъ, ведущихъ въ свою очередь свой родъ отъ какого-то сичеваго козака. Кровь запорожца сказалась у Комстадіуса особенной страстью къ древностямъ запорожской старины прежде всего, а потомъ и ко всякимъ древностямъ вообще. Въ своей Фалѣевкѣ Н. Н. Комстадіусъ имѣетъ нѣсколько экземпляровъ такъ называемыхъ каменныхъ бабъ, одну чугунную мортиру, вытащенную изъ Днѣпра крестьянами противъ города Берислава; нѣсколько запорожскихъ желѣзныхъ копій изъ крѣпости при рѣчкѣ Вороной, Екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда; нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ

---

[1]) Слѣдуетъ разумѣть именно генуэзцевъ.

[2]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 13, 72.

русскихъ и польскихъ монетъ, найденныхъ въ разное время ниже усадьбы, при старомъ козацко-татарскомъ черезъ рѣку Днѣпръ перевозѣ. Кромѣ того, въ Фалѣевкѣ можно видѣть различные предметы древности доисторическихъ временъ, которые выкопаны самимъ владѣльцемъ изъ собственныхъ кургановъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ по степи, и изъ обширной, болѣе 70 саженъ длины, пещеры древнѣйшихъ временъ, находящейся въ правомъ берегу рѣки Ингульца, на 10 верстъ выше усадьбы. При самой усадьбѣ, нѣсколько выше церкви, на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ, устроенъ фамильный склепъ Комстадіуса, огороженный оградой и усаженный деревьями, красиво выдѣляющійся зеленѣющимъ пятномъ на высокомъ берегу Днѣпра ниже дома владѣльца. Въ томъ склепѣ погребены тѣла Ѳедора Савельевича Комстадіуса, его сына Августа Ѳедоровича, бывшаго херсонскаго губернатора, и внука, Николая Августовича, бывшаго полковника лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка. Для каменныхъ бабъ и для доисторическихъ предметовъ древности владѣльцемъ отведено особое мѣсто, такъ называемое «капище» у самаго спуска къ устью Ингульца и къ правому берегу Днѣпра, по обѣимъ сторонамъ прекрасной каменной лѣстницы, ведущей съ высоты горы до берега рѣки, живописно обвитое со всѣхъ сторонъ дикимъ виноградомъ и открытое только съ четвертой стороны, обращенной къ рѣкѣ.

Необыкновенно поразительная картина получается, если смотрѣть съ берега рѣки Днѣпра въ тихую лунную ночь на это «капище» съ его величественными каменными статуями и другими памятниками далекой старины. При мягкихъ переливахъ свѣта полной чистой луны, при абсолютномъ спокойствіи величественныхъ пирамидальныхъ тополей, разставленныхъ вдоль древняго барскаго дома и высоко поднимающихся вверхъ, при невозмутимой тишинѣ, охватывающей въ ночное время и всю дремлющую окрестность и всю застывшую въ своемъ теченіи рѣку—получается поистинѣ волшебная картина, переносящая все наше воображеніе, всѣ наши и мысли и думы на многія и многія столѣтія назадъ... Забываешь и сонъ, забываешь и всѣ текущіе интересы дня, забываешь и самого себя, видя ясно, вотъ какъ будто бы здѣсь передъ самыми глазами, другихъ людей, другую обстановку, другіе обычаи, другіе нравы... И какъ это живое и ясное представленіе

старины связываетъ насъ съ отдаленными народами, какъ способствуетъ оно укрѣпленію въ насъ живой связи съ нашей исторіей, какъ дѣйствуетъ оно на нашъ умъ, вызывая въ немъ ясное сознаніе принадлежности отдѣльнаго человѣка ко всему роду человѣческому! Увлеченіе старниой не есть увлеченіе праздпаго ума, а есть необходимая потребность всякаго просвѣщеннаго человѣка, ревниво относящагося къ дѣяніямъ своихъ предковъ и заботливо воздвигающаго зданіе для своихъ потомковъ.

Но мы отрываемъ свой взоръ отъ благодатнаго уголка при устьѣ Ингульца и, спустившись ниже Фалѣевки на 18 верстъ, прибываемъ въ городъ Херсонъ. Въ городѣ Херсонѣ туристъ увидитъ памятникъ виновнику уничтоженія Запорожья и творцу новороссійскаго края, князю Потемкину-Таврическому, и тамъ-же найдетъ останки его, въ церкви св. Екатерины, за фурштатомъ. Потемкинъ доставленъ былъ въ Херсонъ послѣ кончины близъ крѣпости Бендеръ и погребенъ, подъ поломъ Екатерининской церкви, строившейся по его же распоряженію въ память великомученицы Екатерины, патронессы императрицы Екатерины II.

Въ оградѣ той же крѣпостной Екатерининской церкви находится нѣсколько могильныхъ памятниковъ, скрывающихъ подъ собой кости сподвижниковъ Потемкина, убитыхъ турками во время осады турецкой крѣпости Очакова; въ числѣ такихъ сподвижниковъ находится генералъ-маіоръ Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, первый екатеринославскій губернаторъ, послѣ паденія Запорожья. На памятникѣ, стоящемъ надъ прахомъ Синельникова, сдѣлана слѣдующая надпись «*Генералъ-маіоръ Синельниковъ убитъ при осадѣ Очакова 1 октября 1788 года*». Такое указаніе, какъ надпись на памятникѣ, казалось бы, должно считаться указаніемъ первой важности. Однако, мы имѣемъ и другое указаніе, изъ коего видно, что Синельниковъ скончался не 1 октября, а 29 іюля. Это указаніе принадлежитъ Роману Цебрикову, состоявшему при походной канцеляріи князя Потемкина, въ теченіи всего 1788 года, подъ Очаковымъ, ведшему свой дневникъ и изо дня въ день записывавшему все, что онъ видѣлъ, слышалъ, испыталъ и пережилъ. Вотъ краткая выписка на этотъ счетъ изъ дневника: «25 іюля. Въ сумеркахъ пріѣхалъ свѣтлѣйшій; привезли одного раненаго изъ нашихъ егерей, и что всѣхъ болѣе удивило, то, что это былъ губернаторъ Екатерино-

славской губерніи, Синельниковъ, который ядромъ раненъ въ пахахъ, въ самомъ опасномъ мѣстѣ... 27 іюля. Сей день екатеринославскій губернаторъ Синельниковъ просилъ, при восчувствованіи жесточайшихъ болей отъ полученной въ пахахъ опасной раны, послѣдней у свѣтлѣйшаго князи милости: застрѣлить себя въ лобъ пистолетомъ, и чтобы взялъ жену и дѣтей его подъ свое покровительство... 28 іюля. Губернатору отрѣзали ногу; во время операціи ни малѣйшаго не явилъ знаку, что чувствуетъ боль и притомъ, яко сущій стоикъ, просилъ табаку понюхать... 29 іюля. Губернаторъ Синельниковъ погребенъ въ Кинбурнѣ [1]). Въ послужномъ спискѣ Ивана Максимовича Синельникова, сохранившемся въ числѣ различныхъ бумагъ у внука его, отставного генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, день смерти Ивана Максимовича Синельникова обозначенъ также 29-мъ іюля. Послужной списокъ И. М. Синельникова подавался на высочайшее имя его внуками съ тѣмъ, чтобы доказать дворянское происхожденіе Синельниковыхъ и вписаться въ родословную книгу россійскаго дворянства. Въ такомъ документѣ трудно допустить какую-либо намѣренную или ненамѣренную ошибку, и потому онъ прежде всего долженъ браться въ разсчетъ. Основываясь на такихъ показаніяхъ, какъ формулярный списокъ и названный дневникъ Цебрикова, можно съ увѣренностью сказать, что Иванъ Максимовичъ Синельниковъ скончался 29 іюля, а не 1 октября, какъ помѣчено на его памятникѣ. Что касается этого памятника, то онъ ставился уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Ивана Максимовича, сыномъ его, Василіемъ Ивановичемъ, который перенесъ тѣло своего отца изъ крѣпости Кинбурна, что́ на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ ограду крѣпостной церкви св. Екатерины, на правомъ берегу Днѣпра, и тутъ соорудилъ памятникъ ему. Вырѣзывая, однако, надпись на памятникѣ, Василій Ивановичъ Синельниковъ, очевидно, допустилъ невольную ошибку въ показаніи мѣсяца и числа смерти своего отца.

Можно даже, идя дальше въ предположеніяхъ, допустить, что Василій Ивановичъ, только отдалъ приказъ свой соорудить памятникъ, самъ же лично не присутствовалъ при сооруженіи его, и потому люди, исполнявшіе приказаніе своего господина, по

[1]) Русская Старина, 1895, сентябрь, 174—176, 178.

собственнымъ соображеніямъ обозначили годъ смерти Ивана Максимовича Синельникова вмѣсто 29-го іюля 1-мъ октября [1]).

Кромѣ могилъ князя Потемкина и генералъ-маіора Синельникова туристъ въ томъ же Херсонѣ, но уже за городомъ, къ западу можетъ видѣть могилу знаменитаго филантропа Джона Говарда (1726—1790). Джонъ Говардъ, родомъ англичанинъ, обезсмертилъ себя тѣмъ, что первый сталъ добиваться у разныхъ правительственныхъ лицъ дозволенія, ввести въ тюрьмахъ работы, которыя до того времени вовсе запрещены были для преступниковъ, но которыя могли приносить великую пользу всѣмъ заключеннымъ тѣмъ, что избавляли ихъ отъ бездѣлья и сокращали время.

Кромѣ того, Джонъ Говардъ повсюду искалъ случая, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ помочь страждущему человѣчеству. Для этого онъ нѣсколько разъ ѣздилъ на дальній востокъ, гдѣ свирѣпствовала страшная моровая язва или чума, съ цѣлію изученія способовъ леченія отъ нея больныхъ и устройства карантиновъ. Въ послѣднее время онъ ѣздилъ на дальній востокъ черезъ южную Россію и, по случаю войны русскихъ съ турками, долженъ былъ остановиться въ Херсонѣ.

Въ то время Херсонъ представлялъ собой сплошной лазаретъ, наполненный ранеными и умиравшими. Говардъ съ полнымъ самоотверженіемъ предался здѣсь своему призванію и, не зная устали, посѣщалъ тюрьмы, лазареты, ѣздилъ къ больнымъ за городъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ за городъ онъ посѣтилъ домъ владѣльца села Фалѣевки, Ѳедора Савельевича Комстадіуса, но тамъ жестоко занемогъ и, по возвращеніи въ Херсонъ, скончался 20 января 1790 года. Надъ прахомъ Говарда воздвигнутъ былъ, недалеко отъ города, каменный обелискъ. Въ 1826 году, во время передѣлки

---

[1]) Въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника», 1896 года, помѣщена моя статья «И. М. Синельниковъ передъ судомъ исторіи», гдѣ сказано, будто на памятникѣ Синельникова означено, что онъ скончался 10 октября, 1788 года. Но тутъ уже произошла ошибка того, кто снималъ, по моему порученію, копію съ надписи, а именно херсонскаго обывателя, повѣреннаго Л. К. Попова: принявъ въ словѣ «октября» букву *о* за *нуль*, онъ отнесъ ее къ предшествовавшей цифрѣ *1* и прочелъ вмѣсто *1* октября «*10* ктября». Посѣтивъ лично могилу И. М. Синельникова, я увидѣлъ, что надпись на памятникѣ сдѣлана совершенно ясно и совершенно отчетливо: «Генералъ-маіоръ Синельниковъ убитъ подъ Очаковомъ 1 октября 1788 года».

обелиска, сынъ Ѳедора Савельевича Комстадіуса, Августъ Ѳедоровичъ, бывшій въ то время херсонскимъ губернаторомъ, взялъ на себя нѣкоторую часть издержекъ по перестройкѣ этого памятника «изъ уваженія и признательности его къ памяти Говарда» [1]).

[1]) Русская Старина, 1880, сентябрь, 382.

Отъ города Екатеринослава до деревни Капуливки.

ПРЕДПРИНИМАЯ одну изъ лѣтнихъ поѣздокъ по Запорожью и имѣя въ виду закрѣпить на бумагѣ нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, запорожскія мѣста и урочища, я рѣшилъ привлечь къ своему путешествію художника и фотографа и, разумѣется, остановилъ мое вниманіе на такихъ, которые, будучи по рожденію малороссы, живо интересовались всѣмъ, что касалось Запорожья.

Выборъ мой палъ на Артемія Юрьевича Ногайченка и Ѳому Ѳедотовича Полтавченка. Первый — художникъ-фотографъ, второй только художникъ.

Весело и радостно выѣхали мы изъ сѣверной и холодной столицы въ южныя и теплыя мѣста Запорожья. Изъ Петербурга нашъ путь лежалъ прежде всего до города Екатеринослава и оттуда внизъ къ днѣпровскимъ порогамъ, переправѣ Кичкасу, острову Хортицѣ, Чортомлыцкой Сичи и Сичи на вѣткѣ Днѣпра, Подпильной.

Высадившись въ городѣ Екатеринославѣ, мы рѣшили нанять въ немъ подводу и на той подводѣ изъ Екатеринослава первѣе всего спуститься до крѣпости Кодака, сооруженной въ XVII столѣтіи, по распоряженію правительства польской Рѣчи-Посполитой, противъ запорожскихъ козаковъ французскимъ инженеромъ Боплановъ и фигурировавшей въ исторіи Запорожья во все время его историческаго существованія, въ особенности же въ XVII столѣтіи.

Ничто, говорятъ не даетъ такихъ средствъ къ познанію характера человѣка, какъ совмѣстное и продолжительное съ нимъ путешествіе: тутъ, при различныхъ неожиданныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся въ пути, и при постоянномъ соприкосновеніи съ человѣкомъ, ясно опредѣляются и его вкусы, и его воззрѣнія, и его инстинкты, и его дурныя и хорошія качества. И это совершенно справедливое мнѣніе вообще, совершенно справедливымъ оказалось и въ частности: уже по прибытіи въ Екатеринославъ, въ особенности же по дорогѣ отъ Екатеринослава до Кодака, ясно обрисовались облики какъ Артемія Юрьевича Ногайченка, такъ и Ѳомы Ѳедотовича Полтавченка. Первый оказался человѣкомъ слишкомъ пунктуальнымъ, черезчуръ осторожнымъ, слишкомъ ко всему приматривавшимся, слишкомъ ко всему прислушивавшимся, всегда боявшимся того, какъ-бы и чѣмъ-нибудь не обидить человѣка, всегда приступавшимъ съ распросами какъ-то особенно деликатно и нерѣшительно, всегда озабоченнымъ мыслью о томъ, гдѣ избрать ночлегъ послѣ дневного путешествія и какъ бы поудобнѣе устроиться во время ночлега. Второй былъ человѣкъ совершенно беззаботный, весело и всегда съ хохотомъ относившійся ко всѣмъ путевымъ неудобствамъ, довольствовавшійся самымъ малымъ, приступавшій къ дѣлу сразу и безъ всякой робости, исполнявшій все, что нужно было, безъ всякихъ возраженій, но главное вѣчно перепутывавшій всѣ, предварительно и совмѣстно выработанныя, рѣшенія и вѣчно забывавшій гдѣ-нибудь то одну, то другую, изъ своихъ немногихъ ручныхъ вещей.

За послѣднее свое качество Ѳома Ѳедотовичъ Полтавченко получилъ прозваніе Хомы Забутнóго и съ такимъ прозвищемъ остался извѣстнымъ навсегда въ дружественномъ кружкѣ. И по лѣтамъ и по житейской опытности онъ былъ самымъ младшимъ членомъ компаніи, зато по теплотѣ своей души, по непосредственности натуры и въ особенности по страсти къ пѣнію малорусскихъ пѣсенъ самый первый и самый веселый членъ составившагося товарищества. Онъ обладалъ хорошимъ теноромъ и съ особенымъ увлеченіемъ распѣвалъ, на манеръ деревенскихъ парубковъ, народныя пѣсни, что́ ему не стоило ровно никакихъ усилій, такъ какъ онъ по происхожденію былъ крестьянинъ. Ѳома Ѳедотовичъ Полтавченко не имѣлъ съ собой почти никакого багажа, кромѣ небольшой шкатулочки съ рисовальными принадлежностями да записной книжечки. Артемій Юрьевичъ Ногайченко везъ съ со-

бой всѣ принадлежности фотографическаго аппарата и нѣсколько другихъ вещей; пишущій эти строки имѣлъ съ собой ручной саквояжъ и сверхъ того шерстяное, толстое грубой работы одѣяло. Послѣднее не мало вызывало остротъ и шутокъ со стороны другихъ спутниковъ: глядя на него, они не разъ съ усмѣшками и ироніей спрашивали:

— Для чо́го це вы, пане отамане, тягáете за собою одіяло?

— Такъ трéба, пано́ве молодци!

— Якъ — то трéба?

— Трéба, тай билышъ ничо́го!

— А чомъ жо вы ще й пуховыка́ съ собою не во́зыте?

— Пуховыка мени не трéба, а одіяло треба.

— А чомъ же вы ще й скрыни на колесахъ не ви́зьмете?

— Скрыня на колесахъ тутъ некчемна ричъ, а одіяло потребна ричъ.

— Такъ для чо́го жъ воно вамъ? Не вже жъ такы це поотаманськы? Отаманъ съ одіяломъ! Гм!..

— Для чо́го воно мени—побачите, а шо воно поотаманьскы—узнаете... Та вы краще скажить мени, Хома Хведотовичъ, чи все вы съ собою жъ города взялы́.

— А вже жъ шо все!

— А обдывитця лышень, козаче, округъ себе!

— Усе!.. Отъ хиба́ той... якъ ёго? Хиба́ ящикъ съ краскамы? Такъ и есть! А маттери ёго ковы́нька! Забувъ ящыкъ! Съ тымъ, шо забувъ! Ну, постривайте, панове: я якъ пыть дамъ, збигаю за нымъ.

— Отъ вамъ и ковинька: зъ отамана сміетéсь, а самы́ шо? Эхъ, вы, Хома Забутный!

Не раньше, какъ черезъ полчаса времени Ѳома Полтавченко возвратился изъ города, весь красный какъ ракъ, сильно запыхавшійся, съ ящикомъ въ одной рукѣ и со сверткомъ въ другой.

— Забувъ було ще й табакъ, та спасыби шо вернувсь за ящикомъ, а то такъ бы и загибъ безъ табаку.

— Ну, сидайте лышень та швыденько поидымъ до Кодака.

Ѳома Полтавченко усаживается въ бричку, и мы ѣдемъ прямо въ Старый-Кодакъ. Въ Кодакѣ осматриваемъ древнюю церковь, дѣлаемъ фотографическіе снимки со всѣхъ сохранившихся въ церкви козацкихъ древностей, снимаемъ копіи съ надписей на книгахъ и сосудахъ церковныхъ. Сильно интересуетъ насъ также въ Старомъ-

Кодакѣ земляная крѣпость, насыпанная въ XVII вѣкѣ инженеромъ Бопланомъ, находящаяся какъ разъ противъ перваго, Кодацкаго порога на правомъ берегу Днѣпра, и составляющая теперь собственность купца-раскольника. Когда крѣпость была осмотрѣна, измѣрена и снята на бумагу, то послѣ того возникъ вопросъ о посѣщеніи дома самого владѣльца крѣпости, у котораго, по слухамъ, имѣлась небольшая коллекція древностей, добытыхъ въ разное время на крѣпостномъ пепелищѣ. Мнѣ уже раньше было извѣстно, что владѣлецъ крѣпости не особенно дружелюбно встрѣчалъ туристовъ, которые пытались проникнуть къ нему въ домъ, и по этому поводу у насъ произошли жаркіе дебаты, идти ли намъ къ владѣльцу или проѣхать его домъ мимо. Заключеніемъ спора было то, что къ владѣльцу рѣшился отправиться только одинъ Артемій Юрьевичъ Ногайченко. Но результаты, вынесенные имъ отъ посѣщенія владѣльческаго дома, были неутѣшительны: не заставъ отца, онъ возвратился ни съ чѣмъ отъ сына.

Было еще довольно рано, когда мы оставили Старый-Кодакъ и двинулись по широкому шляху прямо въ село Николаевку, стоящее на томъ же, правомъ, берегу Днѣпра, противъ Нанасытецкаго порога. Но едва успѣли мы отъѣхать четверть версты разстоянія отъ Стараго-Кодака, какъ вдругъ Ѳома Полтавченко неожиданно закричалъ:

— Стой! Стой!

— Что тамъ такое?

Тутъ Ѳома Полтавченко, хватаясь то за правый карманъ своего пиджака, то за лѣвый, вдругъ заявилъ, что онъ забылъ въ церкви, на клиросѣ, свою записную книжку, куда занесъ точныя копіи съ надписей, сдѣланныхъ на церковныхъ книгахъ и сосудахъ.

— Отъ це маттери ёго хринъ, дыво, такъ дыво! Кныжку забувъ! Треба бигты назадъ.

И не успѣли мы осмотрѣться, какъ Ѳома Полтавченко уже мчался во весь духъ назадъ по шляху по направленію къ Старому-Кодаку, мелко перебирая своими изогнутыми въ дугу ногами и поминутно запахивая полы своего куцаго пиджака.

— Чисто тоби Хома Забутный! Це комедія зъ нымъ тай годи! Доведетця десь одибрать у нёго уси речи ёго та держать пры соби!

— Та тамъ и ричей тихъ якъ котъ наплакавъ, та бида зъ нымъ бидоласи Хоми: винъ десь скоро черезъ ныхъ и себе забуде...

Но Ѳома Полтавченко уже летѣлъ назадъ и уже издали помахивалъ въ воздухѣ своею бѣлою книжечкой въ знакъ того, что теперь она уже у него въ рукахъ и не уйдетъ никуда... Вотъ онъ, наконецъ, вновь въ бричкѣ, и мы съ веселымъ хохотомъ продолжаемъ нашъ путь дальше.

Оставивъ съ лѣвой стороны нѣмецкую колонію Ямбургъ, молдаванское селеніе Волошское и русское село Звонецкое, мы скоро прибыли въ село Николаевку и вмѣстѣ съ тѣмъ очутились у Ненасытецкаго порога, называемаго, по мѣстному, Дидомъ, гдѣ и расположились у самаго берега рѣки Днѣпра.

Уже издали, не доѣзжая до самаго порога, нашимъ глазамъ представилась такая грандіозная и такая величественная картина, передъ которой мы невольно остановились въ нѣмомъ восторгѣ и какъ бы на нѣсколько мгновеній застыли. Да и было отъ чего! Рѣка Днѣпръ, освободившись отъ четырехъ предшествовавшихъ пороговъ, Кодацкаго, Сурского, Лоханскаго и Звонецкаго, дойдя до пятаго, Ненасытецкаго, и вновь встрѣтивъ на своемъ пути громадныя, никѣмъ неодолимыя и никѣмъ несокрушимыя скалы, разбросанныя въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ по всему руслу, рѣка Днѣпръ съ страшной силой ударяется объ эти вѣковѣчныя твердыни, съ необыкновеннымъ шумомъ перекатываетъ черезъ нихъ свои необъятныя волны и вмигъ вся покрывается рѣчной, стале-жемчужнаго цвѣта, пѣной, клокочущей, бурлящей и вздымающейся, какъ клокочетъ, бурлитъ и вздымается пѣна въ какомъ-нибудь раскаленномъ, огромныхъ размѣровъ, чугунномъ котлѣ. Стремясь далѣе и, то поднимаясь на самую вершину скалъ, то снова опускаясь внизъ, громадные водяные валы чрезъ то разбиваются на неисчислимые милліоны свѣтлыхъ и легкихъ струй, и потомъ, врываясь въ промежутки между нѣсколькихъ, особенно высокихъ, скалъ, съ гнѣвнымъ и бѣшеннымъ ревомъ стремятся выбраться изъ своихъ страшныхъ тисковъ. Отъ всего этого во всемъ порогѣ стоитъ такой стонъ и гулъ, точно въ немъ безостановочно, день и ночь, работаютъ пятьсотъ тысячъ водяныхъ мельницъ, безпрестанно переливающихъ черезъ свои колеса огромную массу неудержимо несущейся впередъ воды. «Винъ, той Дидъ, такъ меле, шо ажъ гремыть усе, шо ажъ земля трусытця! На нёго, якъ тилькы подывышся, то й то у тебе духъ займа́етця»... Тутъ всякій отдѣльный звукъ, всякій, самый сильный крикъ человѣка исчезаетъ въ одномъ общемъ ревѣ рѣки, какъ ис-

чезаетъ ничтожная песчинка, подхваченная вихремъ съ земли и унесенная въ безконечную небесную высь. И во всемъ этомъ хаосѣ рѣчныхъ волнъ, во всемъ этомъ страшномъ и никогда несмолкаемомъ стонѣ рѣки слышится такая сила, чувствуется такая стихійная мощь, передъ которой всякій живой человѣкъ кажется нетолько безпомощнымъ, но даже самымъ жалкимъ, ничтожнымъ существомъ. Но вотъ эти-то, именно эти мѣста и были священны для всѣхъ низовыхъ козаковъ: тутъ они родились на свѣтъ; тутъ, въ этой страшной стихіѣ, они черпали себѣ сверхчеловѣческія силы; тутъ они получили свое названіе за-по-рож-цевъ и съ этимъ именемъ, т. е. съ именемъ непобѣдимыхъ рыцарей и никѣмъ неодолимыхъ героевъ, вошли на страницы не только русской, но даже міровой исторіи. И не одинъ изъ нихъ сиживалъ у этихъ дикихъ, но чарующихъ своимъ величіемъ мѣстъ, отдавая свои мысли, свои чувства, свои радости и свои тревоги бурнымъ и грознымъ волнамъ могучаго порога...

Бьють порогы; мисяць сходыть,
Якъ и перше сходывъ...
Нема Сичи, пропавъ и той,
Хто всимъ верховодывъ.
Вернитеся!..
Не вернутця сподиванни,
Не вернетця воля,
Не вернетця козатчына,
Не встануть гетьманы,
Не покрыють Украину
Червони жупаны...

Восхищенные и очарованнные этой величественной картиной, мы всецѣло отдались своему дѣлу и, забывъ о пищѣ и питьѣ, проработали нѣсколько часовъ подъ рядъ безъ отдыха, снимая и общіе и частные виды на весь порогъ, на его скалы, Монастырькó и Корабель, на водовороты, Пекло и Смоляръ, на старый и новый каналы.

Изъ села Николаевки мы выѣхали въ тотъ же день и къ полудню прибыли въ деревню Волниги, находящуюся противъ шестого порога, Волниговскаго. Подъѣхавъ прямо къ расправѣ, мы нашли ее запертою на «килокъ» и, вынувъ «килокъ» изъ дужки, вошли въ самую расправу. Расправа оказалась обыкновенною съ земляною «доливкою» хатой, раздѣленной неравномѣрно на двѣ

«кимна́ты», одну очень большую, другую очень маленькую. Такъ какъ въ тотъ день было воскресенье, то присутствія въ расправѣ не было; не было при ней и сторожа. Мы тотъ же часъ внесли наши вещи въ расправу, разложили ихъ по лавкамъ и отправили нашего кучера въ поиски за сторожемъ.

Вотъ скоро явился и сторожъ. Это былъ высокій, сухощавый дѣдусь, босой, въ широчайшихъ холщевыхъ бѣлаго цвѣта шароварахъ, крѣпко выпившій и оттого съ трудомъ державшійся на ногахъ. Войдя въ расправу и прислонившись спиной къ печкѣ, онъ отвѣсилъ намъ низкій-пренизкій поклонъ и потомъ едва-едва и съ большимъ трудомъ поднявши кверху голову, сталъ во фронтъ и сдѣлалъ серьезное-пресерьезное лицо, полузакрывъ свои маленькіе глазки и выдвинувъ впередъ свой короткій носъ. И во всей фигурѣ, и въ выраженіи лица дида было столько комизма, что мы, глядя на него, съ большимъ трудомъ удерживались отъ того, чтобы не разразиться гомерическимъ хохотомъ.

— Ты хто жъ будешъ, сторожъ, чи що?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Шо жъ це ты такъ стережешъ, шо у тебе росправа замкнута килкомъ?

— Та це мы, ваше благородіе, плоты черезъ порогъ пускалы, такъ, звисно, не безъ того, шобъ тіеи *паскуды* не выпыть.

— Це, диду, не порядокъ!

— Простить, ваше благородіе!

— Не порядокъ, диду! Не порядокъ и то, шо у тебе въ росправи парсуны царя-государя нема.

— Простить, ваше благо... чи то пакъ: ваше высокое благородіе, — на парсуну грошій нема.

— На парсуну грошій нема, а на ту *паскуду* такъ е?

— Вынуватъ, ваше высокое благородіе, — помылуйте!

Произнеся слово «помылуйте», дидъ еще болѣе закрылъ свои очи и еще болѣе высунулъ впередъ свой «куценькый» носъ, а все лицо свое точно сжалъ въ небольшой кулачекъ, отъ чего сдѣлался еще оригинальнѣй и еще смѣшнѣй. Въ общемъ получилась такая преуморительная фигура, которая такъ и просилась на фотографію.

— А добре бъ було знять его для типа!

— Тай знимить!

Дидъ, услыхавъ такое рѣшеніе и вообразивъ, что ему пред-

стоитъ нѣчто роковое, протянулъ впередъ свои руки и жалобно взмолился.

— Знять, знять его!

Но тутъ, когда Артемій Юрьевичъ сталъ наводить на дида объективъ и просунулъ свою голову подъ черное сукно, то дидъ до того «злякавсь», что съ перепугу присѣлъ «на доливку» и, выражаясь малороссійскимъ языкомъ, «упустывсь»... Вдругъ на эту сцену неожиданно явилась въ расправу жена дида, бойкая, живая, смѣлая, сухощавая и дробная старушонка, и вопрошающе остановилась на самомъ порогѣ «кимнàты».

— Шо доброго скажешъ, баба?

— Усе добре скажу! Смѣло отчеканила баба и потомъ, не говоря худого слова, схватила за рукавъ своего дида и помчала его прочь изъ расправы. Едва только баба скрылась за дверью расправы какъ мы, не будучи въ силахъ долѣе сдерживать себя, разразились громкимъ и дружнымъ хохотомъ... Хохотали мы до тѣхъ поръ, пока къ намъ не явился сельскій писарь и не сообщилъ о прибытіи лошадей, готовыхъ везти насъ до слѣдующаго селенія Федоровки.

Уже солнце совсѣмъ спряталось за горизонтъ, когда мы подъѣхали къ большой волости села Федоровки. Взойдя въ зданіе, мы нашли въ немъ писаря и, предъявивъ свою бумагу, просили доставить намъ лошадей съ тѣмъ, чтобы доѣхать намъ къ ночи въ Игнатьевку, гдѣ имѣли расположиться на продолжительный отдыхъ у землевладѣльца Игнатьевки, А. И. Алѣева.

Едва вошли мы въ волость и едва успѣли размѣститься возлѣ стола по лавкамъ, какъ тутъ въ комнату вошелъ дидъ-сторожъ, который въ одной рукѣ держалъ огромный пукъ только что сорваннаго съ корнемъ полыня, въ другой — коротенькую люлечку, такъ называемую зинькивку съ металическою красной мѣди крышечкой и съ такой же прòтычкой. И по выраженію лица, и по взгляду, который дидъ бросилъ на всю нашу компанію, я сразу опредѣлилъ, что это «знаючій» дидъ.

— А я знаю, диду, на шо це вы й полыню несете!

— А на шо?

— Шобъ блихъ выгонять!

— Правда! Шо правда, то правда!

— И знаю, звидкиля вы будете ихъ выгонять.

— А звидкиля?

— Изъ матни!

— Ха! ха! ха! И це правда! Одначе, по чомъ же вы знаете, шобъ васъ Богъ любывъ?

— Я бачу, шо вы запорожськый дидъ. а запорожци, якъ шо на ихъ нападалы блохы, тилькы й спасалысь видъ ныхъ тимъ, шо клалы соби въ матню полыню.

— И це спражня правда! Отъ яки богатыри булы,—земля не держала, а блихъ було безъ полыню не здоліють.

— А богатыри велыки булы?

— Куды жъ не богатыри? Ще й яки? У нёго, у того запорожця, спмъ пудивъ голова, — дидъ мій самы бачилы, божутця було, шо истынна правда. А вуса у нёго таки, шо, якъ визьме було винъ ихъ у рукы та якъ росправе, одного туды, а другого сюды, то и въ двери не влизе, хочъ бы ти двери булы таки, шо черезъ ныхъ и тройка коней зъ повозкою проскочила. Воны на дванадцаты языкахъ умилы балакать; воны изъ воды моглы сухымы выходыть; воны умилы, колы треба, и сонъ на людей насылать, и туманъ, на кого треба, напускать, и въ ричкы перелыватьця, и котамы перекыдатьця: оце перекынетця у кота зъ круглою, якъ кавунъ, пыкою та зъ цупкыми, якъ дритъ, вусамы, тай нявчить: ты думаешъ, шо воно и справди китъ, ажъ воно запорожець!.. Воны малы у себе таки верцадла, шо, дывлячись у ныхъ, за тысячу верстовъ бачилы, шо воно у свити й робытця. Оце якъ итты куды у походъ, то винъ, хто тамъ у ихъ бувъ за старшóго, чи ватажокъ якый, чи самъ кошовый, то винъ, кажу, визьме у рукы верцадло, подывытця въ нёго тай каже: «Туды не йдимъ, бо тамъ ляхы йдуть, и туды не йдимъ, бо тамъ туркы, або татары заходять, а сюды йдимъ, бо тутъ ажъ никогисенько нема»... Воны булы таки хымородныкы, шо було тилькы дочеркнетця который-небудь зъ ныхъ до замка, шо коло скрыни, то скрыня такъ сама собою и одчинетця. Онъ якый народъ бувъ! Вèлыть-люде, знаюкы, у, яки знаюкы! И мыслйвци велыки!

— И знаюкы, и мыслйвци велыки, а супроты блихъ тилькы, кажете, одынъ полынь и зналы?

— Гм, супроты блихъ! Воны, може, тимъ полынемъ не тилькы блихъ, а и нечистыхъ выгонылы изъ своихъ куренивъ...

— А хиба такы ти нечисти и справди есть?

— А тожъ скажете и нема?

— А не вже жъ такы есть?

— На це вже я й самъ скажу вамъ, що есть!

— Якъ такъ?

— А отъ якъ: оце я, бувайте здорови, якъ самы бачите, теперъ у волости за сторожа служу, и отъ то колысь жывъ за сторожа у цегельни; та оце зимою було улизышъ у сторожку та тилькы шо заберешъся на пичь та укынешъся въ сонъ, а винъ—простить за слово—чортяка, уже й тутъ, уже й коло тебе: пидберетця анахтымъ пидъ бикъ тай спыть, одному, бачъ, падлюци холодно спаты. А якъ колы, то не вспіешъ и заснуть, а винъ уже хапъ тебе за ногу. «Постій, постій, я ще не сплю! Тоди вже будешъ хапать, якъ захроплю! То винъ и втыхомырытця на якый тамъ ментъ...

— Онъ якъ!

— А такъ!

— Ну, а шо жъ вамъ, диду, не въ замитку, якъ винъ, той чортъ, чи хвостатый, чи куцый?

— Чорты бувають не въ одну миру; а цей чортъ, шо ходывъ до мене спать, такъ винъ бувъ куцый: у нёго хвистъ такъ шо, може, зъ палець завбильшкы, а тилькы дуже цупкый, такый цупкый, якъ дритъ.

— Ну, а видёмъ вамъ не доводылось бачить?

— Видёмъ? Чомъ не доводылось? Разъ, у литку, сплю я якось на погриби, у саняхъ, колы чую скризь сонъ, шо наче мене шось нюха; роскрывъ я очи — а на двори було мисяшно-мисяшно — глядь, ажъ воно собака, била-била, якъ снигъ; ото жъ воно й видьма.

— А, може-жъ воно то такы собака?

— Де тамъ вамъ собака?.. Такъ вона мене, кажу, й нюха, а я іи, паскуду, навидли якъ тельгыпну дрюкомъ, такъ вона ажъ на хвистъ прысила!.. На другый день пишовъ я до сусиды сокыры позычаты, а у неи уся пыка на бикъ звернута... Отъ вамъ и собака!.. Та ще добре, шо вона за носа не хапнула.

— А хапають хибà?

— Ще й якъ!

— Родыма видьма, то вона не хапá, а роблена видьма, то та хапá,—вона дуже зла.

— Що жъ це воно родыма и роблена видьма?

— Родыма—вона такъ и родытця уже видьмою,—у неи есть ззади коротéнькый хвостыкъ; якъ пóле вона на вгорóди, або перé

сорочкы́ на ричци, то ёго й выдко. Ця добра видьма. У робленои жъ видьмы хвоста нема,—іи уже робе видьмою родыма. А робе безпреминно у ночи, при мисяцю: оце у саму пивничь, якъ мисяць стане супроты хаты и якъ блидке́ одъ мисяця проминня пробьетця черезъ викна у саму хату та заграе по доливци, тоди родыма видьма устае́ зъ полу, бере въ рукы два ножы, стромляе ихъ середъ хаты въ доливку,—одного зъ одного боку, другóго зъ дру́гого, и по́тимъ ставе свою дочку́ мижъ ножамы зъ тимъ, шобъ вона трычи перекынулась черезъ голову. Тутъ якъ ухопе мате свою дочку́ за потылыцю та якъ скрутне-скрутне, то такъ и перекыне іи разъ! два! и тры!.. А у тіе́и ажъ пина изъ рота покажетця, уся коса роспустытця, очи такъ и запалаютъ огнемъ, а на ножахъ ажъ кровь выступе живцемъ... Отъ тоди вже вона и роблена видьма. Ця вже, якъ кусне́, ть й носа не стане.

— И не вже жъ таки цёму всёму правда, шо и чорты и видьмы на свити есть?

— Правда! Якъ прожыветé стилькы, скилькы я прожывъ, то тоди й повирыте, а теперъ ось вамъ и брычка гуркотыть.

Подъ окномъ дѣйствительно раздался стукъ отъ колесъ брички, и мы, простившись съ очень интереснымъ и занимательнымъ дидомъ, направились изъ Федоровки къ Игнатьевкѣ. На этотъ разъ Ѳома Полтавченко ничего не забылъ въ Федоровкѣ, и намъ не пришлось возвращаться назадъ за вещами. Зато намъ поданы были такіе отчаянные кони, которые, сдѣлавъ всего лишь пять верстъ отъ селенія, стали на одномъ мѣстѣ какъ вкопанные и дальше ни за что не хотѣли идти. Въ добавокъ къ тому на небѣ стали сгущаться темныя тучи и не въ далекомъ будущемъ могъ полить большой дождь. Намъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ выдти изъ брички и идти пѣшкомъ, тогда какъ наши кони поплелись въ слѣдъ за нами. Долго ползли мы черезъ какіе-то байраки, балки и выбалки и уже очень поздно добрались до Игнатьевки. Вся деревня уже давнымъ-давно спала, когда мы, измученные и усталые, доплелись, наконецъ, до нея. Простучавъ понапрасно подъ окнами одной, потомъ другой, потомъ третьей хаты и нигдѣ не добившись никакого отвѣта, мы рѣшили въ концѣ концовъ ѣхать въ усадьбу помѣщика А. И. Алѣева и, забывъ всякое приличіе, стучаться къ нему въ дверь до тѣхъ поръ, пока онъ не пуститъ насъ къ себѣ на ночлегъ. Никто изъ насъ не

былъ лично знакомъ съ владѣльцемъ Игнатьевки, и это-то обстоятельство и ставило насъ въ тупикъ.

Спустившись въ потьмахъ въ какую-то яму и потомъ изъ ямы поднявшись на какую-то гору, мы очутились въ обширномъ и полуразгороженномъ дворѣ помѣщика и тутъ встрѣчены были такимъ отчаяннымъ лаемъ собакъ, который заставилъ насъ всѣхъ моментально повскакивать въ бричку и въ ней, какъ въ неприступной крѣпости, искать себѣ защиты. Сидя въ бричкѣ, мы коекакъ добрались до людской избы, стоявшей въ одномъ изъ угловъ панскаго двора и, вооружившись, кто чѣмъ могъ, кнутомъ, зонтикомъ, подставками отъ фотографическаго аппарата, спустились у самыхъ дверей людской и заняли тамъ оборонительную позицію, спиною къ дверямъ, лицомъ ко псамъ. А псы, заливаясь на разные голоса, оскаливъ страшные зубы и сверкая своими гнѣвными глазищами, завѣшанными, точно забраломъ, длинною щетинистою шерстью, такъ и рвались, такъ и рвались къ намъ, готовые ежеминутно растерзать насъ на мелкіе куски. Безъ преувеличенія можно сказать, что если ихъ не было тамъ полной дюжины, то безъ сомнѣнія былъ цѣлый десятокъ. И все какіе псы! Не псы, а настоящіе звѣри! Это тѣ степныя овчарки, огромнаго роста и свирѣпаго вида, которыхъ боятся даже и степные волки.

Между тѣмъ въ то время, когда на дворѣ происходила такая отчаянная собачья атака и раздавался по всѣмъ угламъ двора невообразимый лай, въ это время господа и слуги мирно почивали по своимъ куткамъ и, казалось, вовсе не слыхали ничего того, что происходило во дворѣ. Простоявъ нѣсколько минутъ безъ движенія у дверей и не видя ни откуда себѣ помощи, мы вдругъ нажали, всѣ трое разомъ, двери людской, и когда онѣ внезапно распахнулись передъ нами, моментально вскочили въ сѣни и моментально захлопнулись. «А, будь же ты проклята, окаянна собачня! Отъ скажени, такъ скажени!..»

Изъ сѣней мы попали въ обширную избу и тутъ, освѣтивъ ее спичкой, поражены были не менѣе того, какъ и числомъ собакъ во дворѣ, безчисленнымъ количествомъ мухъ. Озаренныя внезапнымъ свѣтомъ, мухи бросились со всѣхъ оконъ, со всѣхъ угловъ, со всѣхъ полицъ и со всего потолка къ намъ на свѣтъ и подняли такое невообразимое жужжаніе, съ которымъ не могло сравниться жужжаніе цѣлаго десятка согнанныхъ вмѣстѣ, на одно дерево, роевъ пчелъ. По всей хатѣ отъ такого полета мухъ про-

неслась какъ бы цѣлая полоса вѣтра. И при этомъ невообразимомъ роѣ мухъ въ хатѣ стояла невообразимая духота, отъ которой свѣжаго человѣка сразу бросало въ жаръ и проливной потъ. Не смотря, однако, на такія не особенно благопріятныя удобства, на низкой «примосткѣ» или на низкихъ нарахъ хаты лежалъ какой-то человѣкъ и храпѣлъ, что называется, во всю ивановскую, то восходя отъ самыхъ высокихъ и густыхъ до самыхъ низкихъ и свистящихъ нотъ, то выводя въ одинъ пріемъ, безъ перерыва, длинные звуки, то обрываясь на каждомъ отдѣльномъ звукѣ и зато разражаясь самымъ могучимъ и ни съ чѣмъ несравнимымъ храпомъ. Приблизившись къ самой «примосткѣ» и освѣтивъ спящаго человѣка спичкой, мы начали пробуждать его разными способами отъ сна, но всѣ наши старанія оказались совершенно напрасны: какъ ни кричали мы, какъ ни толкали человѣка, онъ и знать никого не хотѣлъ. Онъ такъ крѣпко, такъ богатырски крѣпко спалъ, что до него рѣшительно не доходили ни крикъ, ни смѣхъ, ни толчки, ни разные эпитеты, которыми мы попеременно награждали его. Только подъ конецъ, когда Хома Забутный особенно энергично толкнулъ спящаго носкомъ сапога въ заднюю часть тѣла, спящій приподнялся съ наръ и, не раскрывая глазъ, скороговоркой произнесъ: «И якый тутъ чортяка товчетця! Овець, уже давно роспродавъ панъ, а кони пасутця у степу, — тамъ и купуй!..» Послѣ этихъ словъ спящій вновь повалился на примостку и еще сильнѣе и еще отчаяннѣе захрапѣлъ: «Тьфу ты, собачій сынъ, отъ спыть, такъ спыть»! выругался тотъ же Хома Забутный.

Не добившись ничего въ людской, мы вновь вышли во дворъ и, сѣвъ въ бричку изъ опасенія быть растерзанными озвѣрѣвшими отъ злости собаками, подъѣхали прямо къ господскому дому и начали стучаться въ главную его дверь. Долго на нашъ стукъ никто не подавалъ намъ никакого отвѣта; наконецъ, въ одномъ изъ оконъ дома отворилась форточка, и насъ спросили, кто мы и чего намъ надо. Тутъ я назвалъ мою фамилію и въ свою очередь спросилъ, могу ли говорить съ владѣльцемъ имѣнія, Александромъ Ивановичемъ Алѣевымъ. Мнѣ отвѣтили, что Александра Ивановича нѣтъ дома, что въ домѣ осталась одна его сестра съ прислугой, но что фамилію мою сестра Александра Ивановича очень хорошо знаетъ и проситъ пожаловать, нисколько не стѣсняясь, со всѣми моими спутниками въ домъ. Отъ такой любезности

мы сразу почувствовали большой приливъ радости и поспѣшили войти въ домъ. Скоро весь домъ освѣтился огнями, и мы поочередно представились гостепріимной хозяйкѣ, оказавшейся молодою и очень привлекательной барышней... Уже совсѣмъ свѣтомъ мы разошлись по назначеннымъ намъ комнатамъ, очарованные и восхищенные любезностью, радушіемъ и полною сердечностью хозяйки...

На слѣдующій день, по пробужденіи отъ сна, первымъ нашимъ дѣломъ было осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ мѣстность Игнатьевки, чего мы за темнотою не могли сдѣлать въ прошедшую ночь.

Мѣстность, гдѣ сидѣла Игнатьевка или Алѣевка, оказалась совершенно открытой, наклонной и постепенно спускавшейся къ рѣкѣ и по обыкновенію, прорѣзанная вдоль нѣсколькими балками, изъ коихъ самыя большія носятъ названія Бырдиной и Лишней. Усадьба помѣщика приходилась какъ разъ противъ порога Лишняго, и это послѣднее обстоятельство придавало ей особенную прелесть и привлекательность. Конечно, той грандіозности и того величія, какимъ поражаетъ туриста порогъ Ненасытецкій, на Лишнемъ порогѣ нѣтъ, но зато здѣшній ландшафтъ ласкаетъ зрителя необыкновенною мягкостью своего тона и какъ-то успокоительно дѣйствуетъ и на душу и на сердце человѣка. Казалось, вѣчно сидѣлъ бы противъ этого порога и вѣчно смотрѣлъ бы и не насмотрѣлся на него. И этотъ прекрасный уголокъ владѣлецъ опредѣлилъ продать, начавъ распродажу съ овецъ и лошадей...

Мы не особенно торопились нашимъ отъѣздомъ изъ Алѣевки. Особенную неторопливость выразилъ старшій членъ нашей компаніи, Артемій Юрьевичъ Ногайченко, но намъ доподлинно неизвѣстно было, что именно въ данномъ случаѣ дѣйствовало на Артемія Ногайченка, прелести ли степной природы, или же ни съ чѣмъ несравнимый блескъ черныхъ очей обворожительной хозяйки...

Только слѣдующимъ днемъ мы оставили плѣнительную Алѣевку и, сѣвъ въ лодку, перебрались съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра, въ село Андреевку, Иваненково тожъ. Явившись въ волость, мы предъявили тамъ требованіе на пару лошадей съ бричкой и, въ ожиданіи подводы, вошли въ разговоръ съ мѣстнымъ писаремъ. Писарь, прочитавъ губернаторское предписаніе, имѣвшееся въ нашихъ рукахъ и гласившее объ оказаніи намъ закон-

наго содѣйствія въ нашихъ археологическихъ изысканіяхъ, вообразилъ, что мы очень вліятельные люди, близко стоящіе къ особѣ губернатора, и сталъ, подъ самымъ строжайшимъ секретомъ, сообщать намъ о разныхъ злодѣяніяхъ, какія чинилъ въ селѣ мѣстный урядникъ: «Тутъ такый зло́дій, такый зло́дій, що никого мимо не пропуска; ни жинокъ, ни дивчатъ... Тутъ одна дивчина отъ нёго забигла геть изъ села. Навпосли найшлы, чувъ, ажъ геть за сто верстовъ... Одно слово, харцызъ не харцызъ, а настоящій харцымонъ»... Найдя въ насъ полное сочувствіе, писарь долго еще говорилъ намъ объ урядникѣ, передавая о многихъ другихъ его «паску́дствахъ, яки той харцымо́нъ завивъ на сели»...

Но вотъ намъ послѣ долгаго ожиданія подали лошадей, и мы, простившись съ писаремъ, повидимому заклятымъ врагомъ урядника, сѣли въ бричку и покатили вдоль лѣваго берега Днѣпра на Маркусову, Вознесенку и переправу Кичкасъ. Кичкасъ назначенъ былъ послѣднимъ пунктомъ нашего путешествія на тотъ день. У Кичкаса въ рыбальнѣ одного знакомаго мнѣ рыбака, по фамиліи Харченка, мы предполагали остановиться на нѣкоторое время нашимъ кошемъ и оттуда предпринять поѣздку на островъ Хортицу для осмотра въ западномъ берегу его, такъ называемой Высшей-Головы и находящейся въ этомъ же берегу пещеры Зміевой.

Уже вечеромъ мы выѣхали изъ села Андреевки по направленію къ Кичкасу и выѣхали съ предзнаменованіями не особенно благопріятными для насъ: на западномъ горизонтѣ стали собираться темныя тучи и изъ-подъ тучъ сталъ повѣвать влажный и порывистый вѣтеръ. Но я успокаивалъ моихъ спутниковъ, еще не совсѣмъ привыкшихъ ко всѣмъ неудобствамъ путешествія, тѣмъ, что мы ѣдемъ не въ какую-нибудь безлюдную степь, а къ берегу Днѣпра, гдѣ стояла рыбальня моего давняго пріятеля, Ивана Харченка, который съ большою радостью и пріиметъ насъ къ себѣ и укроетъ отъ дождя.

Между тѣмъ бричка наша, то опускаясь въ глубокія балки, то поднимаясь на длинные и высокіе кряжи или небольшіе пригорки, то выскакивая на открытую степь, пошла, наконецъ, все книзу и книзу, и скоро мы, взобрались на послѣдній пригорокъ, опустились въ очень низкую и довольно глубокую ложбину. Тутъ мы увидѣли впереди себя темную полосу Днѣпра и вмѣстѣ съ этимъ самую переправу Кичкасъ, указателемъ которой служилъ большой на-

ромъ, двигавшійся отъ лѣваго берега рѣки къ правому. Подъѣхавъ къ самому берегу Днѣпра и немного свернувъ вправо, мы остановились тутъ возлѣ небольшой деревянной будочки, которая была рыбальней Ивана Харченка. Не смотря на то, что рыбальня оказалась запертой на замокъ, мы, однако, тотъ же часъ сложили возлѣ нея весь нашъ багажъ, а своего извозчика отпустили домой.

Хотя я не видалъ Харченка уже болѣе двухъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе хорошо зналъ весь его образъ жизни и былъ увѣренъ, что онъ отправился куда нибудь на ловлю рыбы и что скоро — недолго онъ вернется къ своей рыбальнѣ, и тогда мы расположимся у него какъ дома. Но прошло полчаса, прошелъ и часъ, а Харченка нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ уже и сумерки. Вотъ, наконецъ и ночь, а Харченка все нѣтъ и нѣтъ. Съ наступленіемъ ночи изъ темныхъ тучъ полилъ давно уже собиравшійся дождь. Что было тутъ дѣлать? Видя, что весь лѣвый берегъ Днѣпра, на которомъ мы расположились, усыпанъ крупнымъ пескомъ и по мѣстамъ заваленъ огромными глыбами дикихъ скалъ, я, недолго думая, выбралъ себѣ одну, самую большую, съ навѣсомъ, скалу, разгорнулъ руками подъ ней песокъ, потомъ взялъ свое толстое шерстяное одѣяло, завернулся въ него съ головой, легъ въ приготовленную ямку подъ скалой и засыпалъ самъ себя по самую голову пескомъ, чрезъ что сдѣлался совершенно недоступнымъ для дождя. Мои спутники, видя то, какъ я отлично устроился въ пескѣ, подъ скалой, начали и себѣ приспособляться возлѣ меня.

— Слухайте, пане атамане, вы не знаете, який у мене ремонтысъ у руци?

— Ни, не знаю, пане Артемію! Що жъ мени зъ вашимъ ремонтысомъ робыть?

— Що робыть? Якъ бы мени такъ, шобъ пидгорнутьця зъ вашого правого боку пидъ ваше тепленьке одіяльце.

— А, якъ бида, такъ и до жыда! А хто сміявсь зъ атамана черезъ те, що винъ тягае за собою одіяло? Га? Хто сміявсь?.. Ну, та дармà, винъ зла не памьятае: лизьте уже та пидгортайтесь.

— Слухайте, пане атамане, а вы не знаете, який у мене рымантысъ у нози?

— Ни, не знаю, пане Хомо! А що жъ мени зъ вашимъ ремонтысомъ робыть?

— Та якъ бы мени такъ, шобъ прымостытьця коло васъ, хочъ уже пидъ ливый бикъ.

— А хто глузувавъ зъ атамана, якъ винъ зъ одіяломъ тягався?

— Та я таки, правду сказать, и забувъ, хто воно тамъ зъ нёго глузувавъ...

— Забувъ! Забувъ, мабуть, черезъ те, що Хома Забутный?..— Ну, якъ забулы, то лизьте уже и вы пидъ бикъ!..

И вотъ размѣстившись такимъ порядкомъ и залегши подобно бабакамъ въ пескѣ, мы почувствовали себя не только хорошо, а даже превосходно, не смотря на то, что дождь лилъ надъ нами какъ изъ ведра: находясь подъ толстымъ слоемъ песку, мы совершенно недоступны были для дождя и въ тоже время, припоминая, какъ намъ еще такъ недавно было и удобно и пріятно въ Игнатьевкѣ, смѣялись и хохотали отъ души вслѣдствіе внезапной перемѣны декораціи.

Прошелъ еще добрый часъ, и дождь, мало-по-малу прекращаясь, подъ конецъ совсѣмъ пересталъ. Скоро мы оставили наше убѣжище, нашли себѣ большую, но низкую скалу и усѣлись на ней всѣ трое подрядъ, оборотившись лицомъ къ Днѣпру. Хотя въ воздухѣ стояла еще большая сырость, тѣмъ не менѣе всѣ признаки указывали на скорое наступленіе хорошей погоды. По краямъ неба, то тамъ, то сямъ, все еще ходили темныя, насыщенныя влагой, тучи, но средина его уже начала понемногу проясняться и вмѣсто сѣрой стала постепенно принимать синеватый оттѣнокъ. Вотъ послѣдняя, огромной величины, темная туча вдругъ разорвалась на двѣ половины, и одна изъ этихъ половинъ, опускаясь все ниже и ниже, свалилась гдѣ-то за лѣсомъ, ниже острова Хортицы; а другая, ринувшись всею массою сразу внизъ, свалилась гдѣ-то далеко-далеко въ Днѣпръ, тамъ, гдѣ подходятъ къ рѣкѣ огромныя гранитныя скалы и гдѣ ревутъ и стонутъ грозные и шумливые пороги. Чрезъ это весь необъятный сводъ неба мгновенно очистился и мгновенно же засвѣтился безчисленнымъ числомъ звѣздочекъ, которыя мигали и переливались необыкновенно мягкимъ и необыкновенно нѣжнымъ блескомъ, казавшимся послѣ продолжительнаго дождя, особенно яркимъ и оттого особенно привлекательнымъ. Такъ бываетъ съ очаровательной красавицей, которая долго туманя слезами свои чудныя очи, вдругъ перестанетъ лить слезы и внезапно даритъ своего обожателя чудною и обворожительною улыбкою... Для полноты картины не доставало только луны: она

скрыта была темною стѣною лѣса, стоявшаго недалеко отъ Днѣпра въ нѣмомъ молчаніи и бросавшаго отъ себя длинную тѣнь на скалы, на берегъ рѣки, на самую рѣку. Но вотъ черезъ вершины деревъ прорѣзалась своимъ верхнимъ рожкомъ и молодая луна, и тогда вся окрестность заблистала и заискрилась голубымъ свѣтомъ, трепетавшимъ и разливавшимся по всему бѣлому песку, по темнымъ гранитнымъ скаламъ, по свѣтлымъ и чистымъ водамъ рѣки. Сама рѣка, протянувшаяся длинной и блестящей лентой, казалась до того спокойной, точно она замерла, точно она застыла и совсѣмъ остановилась въ своемъ теченіи. Въ ея спокойныхъ водахъ, какъ въ самомъ дорогомъ хрустальномъ зеркалѣ, отчетливо и во всѣхъ подробностяхъ отражались и поднявшаяся кверху луна, и мигавшія въ высотѣ звѣзды и самый сводъ темно-синяго и высокаго неба. Въ воздухѣ стояла тишина необыкновенная. Если кто и нарушалъ эту зачарованную, эту царственную, эту величественную тишину, то нарушала только рыба одна, игравшая въ водѣ: вотъ она мгновенно вывернется во всю свою длину изъ холодныхъ струй рѣки, сильно ударится по поверхности воды своимъ хвостомъ и также мгновенно исчезнетъ въ рѣчной глубинѣ, оставивъ послѣ себя только одинъ широкій кругъ на водѣ. Но и тотъ кругъ, двигаясь и расходясь во всѣ стороны и оставляя отъ себя нѣсколько другихъ круговъ, подъ конецъ также совершенно исчезаетъ и совершенно расходится вмѣстѣ съ другими кругами по застывшей водѣ. И тогда снова наступаетъ царственная, зачарованная и заколдованная тишина.

Но вотъ тамъ, гдѣ-то далеко, по тотъ бокъ рѣки, въ чистомъ и спокойномъ воздухѣ медленно и широко начинаетъ разливаться какая-то пѣснь. Она звучитъ сперва слабо, но потомъ, по мѣрѣ приближенія пѣвцовъ къ берегу рѣки, слышится все сильнѣе и сильнѣй и, наконецъ, разливается такой задушевной и такой очаровательной мелодіей, которая, наполняя всю окрестность своими дивными переливами и своею необыкновенною мощью, по истинѣ и поражаетъ и восхищаетъ слушателя, постепенно захватывая все его вниманіе и постепенно овладѣвая и его сердцемъ, и его мыслями, и его душой.

«А Самáра рѝчка неглыбóка,
И на перевóзи неширóка,
А лугы́ зъ берегàмы,
Берегы́ зъ берегàмы,
Не прохòдять зъ кораблямы».

— Стойте, панòве, стойте! Та цю писню и мы добре знаемъ. А, ну, починайте-ка, Хома Хведотовычъ, а мы пидхватымъ за вамы!

И Ѳома Ѳедотовичъ начинаетъ, а мы за нимъ подхватываемъ:

«А колысь було проходы̀лы,
И бурлàченькивъ провэды̀лы,
А тепéръ не проходять,
И бурлàкъ не провóдять,
Все за врáжимы панàмы.
Та віють же вѝтры все буйнѝи,
Та идýть дощи́ залывнѝи,
Та землю намочàють,
А травý розрущàють,
Все цвитàмы зукрашáють.

— Эге-ге-ге-ге! хлопци! хлопци! Перебырайтесь черезъ Нипро до насъ та будемъ умисти спивать писѐнь! кричатъ намъ съ противоположнаго берега пѣвцы, очевидно, принявъ насъ за деревенскихъ парубковъ.

— Эге-ге-ге-ге! Перебырайтесь вы до насъ, то тутъ и будемъ умѝсти спивать.

— А якъ же намъ перебратьця, якъ нема каюка?

— А якъ же намъ перебратьця, якъ у насъ нема и весла?

— Ну, такъ прощайте, молóдци-парубкы!

— Прощайте, молòдци-козакы!

И пѣсня снова, только еще звончѣй и еще сильнѣй зазвучала и разлилась по воздуху. Но, по мѣрѣ того, какъ пѣвцы удалялись отъ Днѣпра, она постепенно все ослабѣвала и ослабѣвала и подъ конецъ совсѣмъ растерялась въ необъятномъ пространствѣ необъятнѣйшихъ степей.

Но вотъ на смѣну пѣсни послышались тихіе и медленные всплески веселъ, сперва гдѣ-то вдали, вверху рѣки, а потомъ все ближе и ближе. Скоро на свѣтлой и спокойной поверхности рѣки показалась маленькая лодочка и въ ней обрисовались двѣ высокія фигуры пловцовъ, изъ коихъ одна, стоя назади, дѣйствовала весломъ, но такъ тихо и осторожно, что, казалось оно вовсе и не касалось воды; а другая, стоя напереди, быстро перебирала что-то руками, очевидно вытягивая изъ рѣки сѣти и вмѣстѣ съ сѣтями пойманную рыбу въ водѣ; возлѣ второй фигуры копошилась третья, небольшая фигурка, также что-то перебиравшая руками и очень низко наклонившаяся лицомъ къ водѣ.

— Козаки!

— А шо?

— Радуйтесь,—це Харченко!

— Правда?

— Правда! Я бачу по зросту, шо Харченко!

Скоро лодка причалила къ нашему берегу, и изъ нея вышли всѣ три фигуры. Впереди всѣхъ шелъ Харченко. Приблизившись къ своей рыбальнѣ и увидѣвши возлѣ нея трехъ неизвѣстныхъ ему людей, онъ немедленно подошелъ къ намъ и, пристально всматриваясь въ наши лица, спросилъ:

— Кого тутъ Богъ прынисъ до моеи рыбальни?

Вдругъ, увидя меня, Харченко всплеснулъ отъ удивленія руками и громко вскрикнулъ:

— Дывысь, та це Дмытро Ивановычъ! Такъ и есть! Оце гость, такъ гость!... Якъ це васъ сюды прынесло, чи човнычкомъ, чи весломъ? Ахъ, ты, Господи! Ахъ, ты-жъ, Боже мій! Та здоровенькы жъ булы, мій голубчику! Та якъ же жъ вы? Та звидкиля жъ вы? Та чого жъ вы въ рыбальню не йдете?

— А якъ же намъ у вашу рыбальню йти, якъ вона замкнута замкомъ?

— Оце такы не дай, Господи! Хиба жъ вы чужый чоловикъ, шо не знаете, де я вишаю ключъ?

— Положимъ, шо й не чужый, а все жъ такы уже два годы, якъ у васъ бувъ, то трошкы ставъ и забувать, де у васъ и ключъ, де що й другé.

— Марьянко! Марьянко! А, ну — лышень одмыкай рыбальню! скомандовалъ Харченко своей молоденькой дочери, бывшей вмѣстѣ съ отцомъ и съ другимъ человѣкомъ на ловлѣ рыбы.

Марьянка бросилась къ рыбальнѣ, достала подъ стрѣхой ея ключъ и отперла имъ замокъ. Тутъ я познакомилъ Харченка съ моими спутниками, а Харченко назвалъ мнѣ по имени дида, который рыбачилъ съ нимъ на Днѣпрѣ, и мы тотчасъ всѣ полѣзли въ рыбальню. Но рыбальня, однако, была такъ тѣсна и такъ низка, что мы могли въ ней только сидѣть, и то повосточному, поджавши подъ себя ноги. Обмѣнявшись еще разъ дружескими привѣтствіями и пораспросивши другъ друга о здоровьѣ, о дѣлахъ, о всякихъ предпріятіяхъ, мы подъ конецъ пришли къ такому рѣшенію: Марьянка разложитъ возлѣ рыбальни костеръ, дидъ достанетъ изъ лодки самой хорошей рыбы и приготовитъ «мудрои

юшкы», т. е. ухи, а самъ хозяинъ переправится лодкой черезъ Днѣпръ и добудетъ въ Кичкасѣ «оковытой».

Послѣ такого рѣшенія тотчасъ приступлено было и къ исполненію. Хозяинъ отправился въ Кичкасъ по горилку, Марьянка сложила костеръ, зажгла дрова и навѣсила на перекладинку казанокъ, а дидъ захватилъ изъ каюка самой лучшей рыбы и сталъ расчинять ее для ухи. Мы же, выйдя изъ рыбальни, приступили къ диду и размѣстившись на камняхъ, точно на самыхъ удобныхъ стульяхъ, тотъ же часъ завели съ дидомъ «бала́чку». Первый, впрочемъ, открылъ рѣчь самъ дидъ.

— А чи здалека, панычи, вы прыихалы сюды?

— Здалека, диду, дуже здалека, такъ, шо й не выдко звидциля.

— А звидкиля жъ ыменно?

— Изъ Петенбурху, диду! Чулы про такый городъ?

— А чомъ же й не чуть? Чувъ!

— На шестьсотъ верстóвъ дальше одъ Москвы! Чулы?

— Чомъ же не чуть? Чувъ!

— Славный городъ! Куды бильшъ, нижъ вашъ Катерыславъ. Тамъ жывуть уси цари, тамъ находятця сенатъ и сынодъ, тамъ и гвардія состоить! Чулы?

— Чувъ и це! И не тилькы чувъ, а й знаю! Знаю я и ричку Неву, и Петропавловськый соборъ, и Казанськый соборъ, и Васылёвскый острывъ и царськый дворець...

— Отъ тоби й на!.. Почóму жъ вы знаете?

— По тóму знаю, шо я въ тій самій гвардіи и служывъ, шо тамъ состоить, а потимъ ще по воли служывъ, та ажъ пьятнадцять годъ выжывъ у Петенбурзи.

— Гм, отъ тоби й штука, а мы думалы... Гм! Ну, а якъ же це воно такъ, шо, прожывшы пьятнадцять годъ у Петербурзи, вы балакаете не попетербургському, а поукраинському?

— Балакавъ я и попетербургському, та якъ выйшовъ у *чисту* отставку, то усе петербурське *чисто* й забувъ.

— Онъ якъ!

— Такъ!

— Ну, де жъ було вамъ лучче жыть, чи въ Петербурзи, чи на Украини?

— А вже жъ шо на Украини лучче: тутъ и сонечко свое, и люды свои, и мисця уси свои; тутъ же и батькы, и диды тай прадиды жылы.

— А хто жъ ваши диды та прадиды булы?

— Кажуть, шо будьто запрозськи козакы, а чи такъ воно, чи не такъ—того уже вамъ не докажу.

— А яка жъ у васъ, диду, хвамылія?

— Лупцюй.

— Це черезъ шо жъ вы соби таку хвамылію доскочылы?

— Не я ій доскочывъ, а ще дидъ мій доскочывъ.

— А черезъ шо жъ воно такъ?

— Та черезъ шо? Мій прадидъ живъ тамъ десь на Самари—прозывався винъ Макогонъ, — тамъ у нёго и хуторець бувъ, и жинка була, и худобчинка якась, и хлопчишка,—такъ, може годъ симъ, або висимъ; це, бачъ, мій дидъ. Ото якось наскочывъ на той хуторець татарськый загинъ; прадида дома не було, а прабабка зъ хлопчишкомъ сыдила въ куреньці. Баче вона, шо лыхо, та скорійшъ хлопчика засунула у пичь, а сама влизла въ коминь, стала тамъ тай стоить, стоить и въ рукахъ чавунъ окропу держыть. Отъ то якъ ускочывъ у хату татарынъ тай давай нюхаты скризь якъ та собака: нюхъ-нюхъ! та до печи, чи нема тамъ чого зъисты; а та прабабка, недовго думаючи, та якъ кыне ёму горячого окропу у вичи, то винъ такъ якъ скаженый прысь одъ печи! А вона ему въ друге якъ кыне па с...у, то винъ такъ и черкнувсь носомъ объ доливку, тай лазе по ній. А прабабка стоить у комини та ще й прыговарюе:

«Татарынъ с . . . у обпарывъ,
Въ хату увійшовъ,
Бабы не найшовъ»...

Хлопчишка жъ той, якъ винъ маненькій та прудкый бувъ, баче таке дило та якъ выскоче изъ печи, якъ ухопе въ рукы сокыру тай давай рубать того татарына.

— Лупцюй ёго, сынку, лупцюй проклятого татарюгу! прыговарюе ёму мате. Винъ и улупцювавъ ёго, та отъ того и прозвався съ тыхъ пиръ Лупцюй. Отъ якъ воно було! Бидовый же, кажуть, изъ нёго и парубокъ выйшовъ! Шо вже на выгадкы та на прызсказкы—такъ такого ридко де й найты. Оце, кажуть, захоче винъ горилкы выпыть, а грошій нема, заразъ зробе изъ яворыны скрыпчыну, злагодыть смычка тай у корчму до жыда. Увійде у корчму, сяде на лави тай давай грать:

«Жыдъ панъ, жыдъ панъ,
Жыдівка панянка,

Жыдынята панынята,
Бува̀йте здоро́ви»!

«А цуешъ, Хайко, каже жыдъ, якъ винъ добре грае! Дай ёму кусокъ хлиба та одынъ оселедець». То Хайка и положе ёму на стилъ и добрый шматокъ хлиба, и цилого оселедця. А винъ упьять за скрыпку та впьять грать:

«Жыдъ панъ, жыдъ панъ,
Жыдѝвка панянка,
Жыдынята панынята,
Бува́йте здоро́ви»!

— Ну, якъ же жъ винъ таки добре й грае! Дай ему, Хайко, ще й пивкварты горилкы, а на закуску грудку сахарю». То Хайка поставе на стилъ пивкварты горилкы и положе грудку сахарю. А винъ тоди покыне скрыпчыну, росправе хорошенько свои вуса, визьме въ рукы пляшку горилкы та такъ и перекыне ii одразу въ ротъ,—тилькы забулькотыть... Потимъ визьме хлибъ, умереже и ввесь хлибъ, дали ззисть оселедця, потрощить зубамы сахарь, обйтретця рукавомъ, зновъ визьме въ рукы скрыпчину, пидниме тонъ повыще и заведе уже инакшу письню:

«Жыдъ чортѣ, жыдъ чортъ,
Жыди́вка чортыця,
Жыдынята чортынята,
Шобъ вы поздыха́лы!...»

— «А, якъ же винъ погано ставъ играть! Выжены ёго, Хайко, геть изъ корчмы,— хай ёму грець изъ ёго музыкою»! То Хайка кынетця ёго гнать, а ёго уже и слидъ простыгъ.

— Кого це тамъ слидъ изъ корчмы простыгъ? Чи не дида Лупцюя? вдругъ неожиданно вмѣшался въ разговоръ Иванъ Харченко, только что возвратившійся самъ изъ корчмы съ доброю бутылью горилкы и внезапно очутившійся у самаго костра.

— Дида жъ Лупцюя.

— Це винъ вамъ уже розсказуе, якъ ёго дидъ та въ корчми на скрыпци жыдамъ гравъ?

— А тожъ!

— А про себе самого ничого не казавъ?

— Ни, про себе ничого не казавъ!

— Не казавъ, якъ разъ наи́вся винъ дынь та прыбигъ додому та шо зъ нымъ було?

— Ни, того не казавъ! А шо жъ зъ нымъ було?

— Та шо? Зъивъ винъ, значить, на баштани зъ десятокъ дынь та ще й холодною водою запывъ, потимъ прыйшовъ додому, а у нёго въ жывоти и тёе... Винъ до штанивъ, а въ штаняхъ очкуръ та такъ зашморгнувсь, шо винъ ёго и сюды и туды, а ни якъ ёго не розшморгнё. Бига тилькы по хати та шука, чимъ бы ёго очкуръ розризаты; бигавъ-бигавъ—нема такого ничого. Тоди якъ закрычыть не своимъ голосомъ: «Жинко! Диты! Несѝть сюды нижъ, ножныци, долото, сокыру! Скорійшъ тягнить, несить!» А ти дывлятця на него, та не знають, шо ёму й казать. Думалы, шо винъ, може, збожевиливъ, або що. Цокы воны догадалысь та покы прынеслы ёму те, шо було треба, то винъ уже и впустывсь... Упустывсь та тоди стоить, схылывъ на бикъ головку, маше рукамы тай каже: «Не-трё-ба!..»

Отъ таке зъ нымъ було! Такъ про це винъ и мовчо́къ... А не казавъ винъ вамъ про те, якъ винъ, колы выйшовъ изъ гвардіи, служывъ у одного пана за камендынера та якъ було поиде ёго панъ у кіятры, а винъ надине на себе ёго часы на вказію, визьме въ карманъ прытабакъ, такъ, якъ панъ робе, сяде за картоплясъ тай давай по нёму кулакамы выбывать наче молоткомъ по ковадлу. Не казавъ винъ про це вамъ?... Гм! Цей дидъ тоже стое за свого дида, шо жыдамъ на скрыпци у корчмы гравъ... Ну, та це вже давня давына, а теперъ отъ шо: я бачу, шо и юшка и рыба вже готови, — теперъ такъ, шо благословляйтесь, панове-молодци, за хлибъ, за силь систы. Чи такъ, дочко, кажуть на весилли?—«Такъ, тату!» То тожъ гляды та частійшъ прыговарюй, шобъ женыхы лизлы до тебе, якъ свыни до гарбуза. А вы, дидусь, зробить кубельце на писочку та знимайте казаночка зъ вогню.

И вотъ по слову Харченка дидъ снялъ кипящій казанокъ съ перекладинки и установилъ его въ удобное для трапезы мѣстечко, и вся компанія тотчасъ образовала вокругъ казанка правильный кругъ. Снявъ съ себя шапку и перекрестившись, потомъ взявъ въ одну руку бутыль въ другую чарку, хозяинъ сталъ прежде всего «частувàть» гостей горилкою.

— Ну, хай же усимъ нашимъ жывымъ родычамъ легенько згадаетця, а всимъ помершымъ — царство небесне и вичный покой!

— Царство небесне и вичный покой!

— А теперъ, дай же, Боже, намъ ще тай ще побачытьця!

— Дай, Боже!

Выпивъ до самаго дна по огромной чаркѣ, всѣ принялись за уху. Для того уху поставили прямо въ казанкѣ, а рыбу выложили особо на деревянные ваганки́ и присолили ее слегка крупной солью. Уха оказалась отмѣнно хороша: никогда во всю мою жизнь, ни раньше, ни позже, мнѣ не приходилось ѣсть такой «мудрой» ухи, и это находилъ не только я одинъ, но и оба сотоварищи мои, которые не разъ вспоминали о ней уже спустя нѣсколько лѣтъ. И не потому эта уха показалась намъ особенно вкусна, что мы были голодны — говорятъ, «лучшаго повара нѣтъ, какъ голодъ», а потому что она въ самомъ дѣлѣ была отмѣнно вкусна: уже наѣвшись вдоволь и едва переводя духъ, мы все таки никакъ не могли отстать отъ ухи и снова принимались за нее... Отъ ухи мы перешли къ рыбѣ, и рыба, посоленная слегка солью, сваренная съ лучкомъ, облитая немного уксусомъ, оказалась не менѣе вкусна, какъ и уха.

Нашъ ужинъ и дружеская бесѣда продолжались до самой поздней ночи. Послѣ ужина мы завели съ хозяиномъ длинную «балачку», и уже послѣ «балачки» перешли къ малорусскимъ пѣснямъ. Пѣсни пѣлись такія, какія только кто могъ припомнить. При этомъ Харченку съ его товарищемъ и дочкой очень нравились наши пѣсни, намъ всѣмъ особенно нравились пѣсни Харченка, его товарища и дочки... Только передъ самымъ разсвѣтомъ, когда въ Кичкасѣ пропѣли послѣдніе пѣтухи, мы всѣ, не исключая и дивчинки Марьянки, влѣзли въ рыбальню и, расположившись рядомъ другъ возлѣ друга, заснули богатырскимъ сномъ.

Когда мы пробудились на другой день ото сна, то солнце стояло уже выше скалъ, окружавшихъ лѣвый берегъ Днѣпра, и залило своимъ яркимъ свѣтомъ всю песчаную котловину, спускавшуюся къ самой рѣкѣ. Первымъ нашимъ дѣломъ было идти къ Днѣпру и омыться въ его холодныхъ водахъ. Пока мы спустились къ Днѣпру, пока освѣжились въ немъ, пока поднялись къ рыбальнѣ, тѣмъ временемъ Иванъ Харченко уже успѣлъ похлопотать о новой ухѣ и о новой бутылѣ «оковитой» для «снидання». Не прошло и одного часа, какъ и то и другое было уже готово. И на этотъ разъ уха оказалась также безподобна, какъ и въ прошлый разъ...

Тотчасъ послѣ завтрака мы рѣшили отправиться лодкой, взятой у Харченка, къ западной части острова Хортицы, гдѣ имѣлась пещера Зміева. Уложивъ въ лодку всѣ наши вещи, въ томъ числѣ фотографическій аппаратъ, и сѣвъ втроемъ, безъ лодочника, мы

пустились отъ Кичкаса внизъ по Днѣпру. Прежде всего мы пристали къ огромнѣйшимъ, стоявшимъ среди Днѣпра, въ виду сѣверо западнаго угла Хортицы, скаламъ Столпамъ, осмотрѣли и сняли съ нихъ фотографіи; потомъ остановились возлѣ двухъ, не менѣе громадныхъ, скалъ Стоговъ и, обозрѣвъ и облазивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, пустились такъ называемымъ Старымъ-Днѣпромъ до Высшей-Головы Хортицы. Высшая-Голова громадными массами своихъ скалъ прямо таки поразила насъ съ перваго же на нее взгляда. Это настоящее, если можно такъ сказать, каменное великолѣпіе, которое невольно плѣняетъ и умъ и воображеніе каждаго человѣка, но котораго не сравнить, ни уподобить рѣшительно ничему другому нельзя. Вся сѣверозападная сторона острова Хортицы, на сколько можетъ охватить ее человѣческій глазъ, состоитъ изъ сплошной стѣны массивнѣйшихъ темно-сѣрыхъ гранитныхъ глыбъ и эти глыбы по мѣстамъ стоятъ ровно какъ по струнѣ; по мѣстамъ нѣсколько отходятъ назадъ отъ рѣки; по мѣстамъ же страшно нависаютъ надъ самой рѣкой и грозятъ ежеминутнымъ паденіемъ въ Днѣпръ. И вотъ въ одномъ изъ выступовъ такихъ скалъ виднѣется Зміева пещера, которая поднимается отъ поверхности воды Днѣпра не менѣе, какъ аршина на три высоты и издали кажется какой-то дырой и расщелиной между двухъ скалъ. Къ этой-то пещерѣ мы и направили нашъ каюкъ. Такъ какъ противъ самой пещеры образовалась небольшая площадка отъ наноснаго песку, аршина въ три длины и стлько-же ширины, то мы, подойдя къ площадкѣ, прежде всего вытащили нашу лодку на песокъ и атаковались тамъ. Послѣ того двое изъ насъ, становясь поочередно на плечи третьему, повлазили во внутрь пещеры; послѣдній же взобрался въ пещеру уже при помощи весла, приставленнаго вплотную между отверстіемъ пещеры и выступомъ гранитной скалы. Уже раньше того, спускаясь отъ Стоговъ по Старому Днѣпру, мы видѣли, что на рѣкѣ начинали ходить небольшіе перекаты волнъ и, при совершенно ясной и жаркой погодѣ, начиналъ «подыхать» довольно сильный сѣверо-восточный вѣтерокъ. Не придавъ тому особеннаго значенія, мы спокойно оставили нашу лодку со всѣми вещами стоять на песку, а сами влѣзли во внутрь пещеры и стали осматривать ея помѣщеніе. Пробывъ въ пещерѣ около получаса и выглянувъ изъ нея на свѣтъ, мы были мгновенно поражены, и на время отъ удивленія совершенно онѣмѣли: на Днѣпрѣ свирѣпствовала настоящая буря, и наша лодка, снятая вѣтромъ съ песку и отне-

сенная далеко отъ пещеры въ открытый Днѣпръ, безпомощно качалась между огромныхъ волнъ, готовая каждую минуту опрокинуться вверхъ дномъ и выбросить изъ себя весь нашъ драгоцѣннѣйшій багажъ, т. е. прежде всего мое незабвенное одѣяло, потомъ всѣ наши снимки, записныя книжки и фотографическій аппаратъ. Намъ самимъ, съ уплытіемъ лодки, грозила опасность просидѣть нѣсколько часовъ, а можетъ быть, даже и дней между небомъ и водой и ждать счастливаго случая, когда какой-нибудь случайный пловецъ не заберется въ Старый Днѣпръ для ловли рыбы и не вызволитъ насъ изъ бѣды. Положеніе было, можно сказать, поистинѣ «крутическое». И вотъ въ эту-то минуту и сказалось, что значило имѣть въ своей компаніи такого съ виду беззаботнаго, но въ минуты опасности рѣшительнаго сотоварища, какъ Ѳома Полтавченко. Ѳома Полтавченко, онъ же Хома Забутный, недолго думая, спустился съ пещеры на площадку, моментально снялъ съ себя все платье и моментально же бросился вплавь по рѣкѣ за лодкой. А лодка уплыла въ Днѣпръ уже не менѣе, какъ на версту разстоянія и, все больше и больше раскачиваясь по волнамъ, положительно заставляла насъ дрожать за наше добро. Но Хома Забутный былъ не изъ послѣднихъ пловцовъ: отлично лавируя между подводныхъ скалъ и избѣгая большихъ волнъ, онъ все ближе и ближе подходилъ къ лодкѣ, но зато все дальше и дальше уходилъ отъ насъ.

— Колы бъ, не дай, Боже, ще не потону́въ!

— Э, ни, не такый козакъ!

Вотъ Хома Забутный доплылъ до песчаной косы и вылѣзъ на нее: скорчившись подобно обезьянѣ, онъ видимо отдыхалъ отъ страшной усталости и собирался съ силами для дальнѣйшей погони за лодкой. Не прошло и пяти минутъ, какъ Хома уже вновь разбивалъ своими руками высокія волны и вновь мчался въ слѣдъ за лодкой. Голая и смуглая спина его блестѣла яркимъ пятномъ на солнцѣ и служила для насъ издали главнѣйшей точкой, куда мы направляли все наше вниманіе. Вотъ Хома, наконецъ, возлѣ лодки; вотъ онъ уже схватилъ ее рукой за бортъ; вотъ онъ, наконецъ, подвелъ ее къ какой-то скалѣ и со скалы прыгнулъ въ самую лодку. Глядя на Хому черезъ бинокль, мы видимъ, какъ онъ, влѣзши въ лодку, сперва нашелъ въ ней шерстяное одѣяло, закутался въ него весь до самой головы, потомъ найдя оставшееся на днѣ лодки весло, сталъ дѣйствовать имъ и направлять

лодку къ мѣсту нашего сидѣнія. Прошло около часа времени и наконецъ, лодка стояла у площадки. Шумно и радостно привѣтствовали мы нашего драгоценнаго Хому Забутного и, бросившись къ нему со всѣхъ ногъ, едва не задушили его въ своихъ объятіяхъ. А онъ стоитъ весь нагой, какъ Адамъ, первозданный, смуглый почти какъ голенище, и добродушно заливается хохотомъ.

— Чуть бисивъ каюкъ не втикъ бувъ, такъ я его все-жъ таки піймàвъ!

— А не забулы ничого, якъ отдыхалы на коси?

— А шо жъ бы я тамъ и забувъ, якъ увесь голый бувъ?

И такъ: и наша честь и наше имущество спасены. Послѣ этого, осмотрѣвъ самыя достопримѣчательныя мѣста острова Хортицы, мы пригнали нашу лодку къ рыбальнѣ Харченка, а сами въ тотъ же день выѣхали изъ Кичкаса въ городъ Александровскъ.

Слѣдующимъ днемъ, утромъ, сѣвъ на пароходъ, мы направились изъ Александровска въ мѣстечко Никополь, бывшую Микитинскую Сичь, освященную пребываніемъ въ ней, въ 1648 году, гетмана Богдана Хмельницкаго; въ то время помѣщалась Сичь на Микитиномъ-Рогѣ; потомъ, въ 1848 году, къ великой скорби она снесена и разрушена была напоромъ весенней воды.

Высадившись въ Никополѣ со всѣмъ нашимъ багажомъ и расположившись на время въ заѣзжемъ дворѣ, мы тотъ же часъ, по прибытіи въ мѣстечко, представились мѣстному настоятелю древняго собора, протоіерею Іоанну Карелину, и, съ его разрѣшенія, занялись фотографированіемъ тѣхъ многочисленныхъ церковныхъ древностей, которыя сохранились до нашего времени въ соборѣ. Изъ всѣхъ церковныхъ древностей болѣе всего восхищалъ художниковъ прекрасный аналой, сдѣланный изъ арабскаго дерева съ инкрустаціей и подаренный запорожцамъ въ началѣ XVIII столѣтія константинопольскимъ патріархомъ. Когда этотъ аналой вынесенъ былъ изъ церкви въ ограду и когда на немъ заиграли лучи только что поднявшагося надъ плавнями утренняго солнца, оба художника положительно не могли отвести глазъ отъ прекраснаго произведенія искусства и, заходя къ нему то съ одной, то съ другой стороны, не находили словъ для выраженія своего восхищенія.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня мы уже катили изъ мѣстѣчка Никополя по направленію къ селу Покровскому, екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя запорожская Сичь, на рѣкѣ Под-

пильной, уничтоженная въ 1775 году, 4 іюня, на 3 день Троицы, по повелѣнію императрицы Екатерины II.

Прибывъ въ село Покровское, мы направились прямо къ дому старой матушки, вдовы Барышпольской, давней знакомой моей и, встрѣченные ею какъ родные люди, тамъ же и расположились нашимъ кошемъ. Къ вечеру тогоже дня ко мнѣ пришли всѣ мои старые знакомые, кто изъ мѣстныхъ крестьянъ, кто изъ служащихъ въ экономіи, и у насъ тотъ часъ же устроилась на зеленой плавнѣ, за рѣкой Подпильной, подъ одной изъ гигантскихъ вербъ, грандіозная каша...

Село Покровское съ его земляными укрѣпленіями, оставшимися отъ временъ запорожцевъ, съ его церковью, хотя и новою, но имѣющею въ себѣ не мало козацкихъ древностей, удержало насъ на долгое время; тѣмъ болѣе, что мы нашли себѣ самый радушный и самый теплый пріемъ у мѣстнаго оберъ-лѣсника, Митрофана Савича Моздалевскаго, и подъ конецъ провели съ нимъ и съ его семьей нѣсколько пріятныхъ и незабвенныхъ часовъ въ небольшомъ палисадничкѣ, противъ оконъ его квартиры. Поснимавъ фотографіи со всѣхъ, найденныхъ нами въ покровской церкви, древностей, мы подъ конецъ, сопровождаемые большимъ обществомъ, изъ села Покровскаго выѣхали въ деревню Капуливку, къ славной Сѣчѣ на островѣ Чортомлыкѣ и къ славной могилѣ славного кошевого Сирка.

У памятника Сирка, на самой вершинѣ могилы его, вся наша компанія составила небольшую группу, и эта группа снята была для пріятнаго воспоминанія, нашимъ художникомъ-фотографомъ. Сняты были также отдѣльно памятникъ и могила Сирка, общій видъ на Чортомлыцкую Сичь, зарисованы были всѣ каменные намогильные кресты и каменныя подставки подъ кресты, уцѣлѣвшія частію, на бывшемъ запорожскомъ кладбищѣ, частію отдѣльно, по дворамъ и огородамъ крестьянъ.

Уже поздно оставили мы деревню Капуливку и еще позднѣе вернулись въ Никополь. Въ Никополѣ мы простились другъ съ другомъ и разстались самымъ дружескимъ и самымъ сердечнымъ образомъ, послѣ чего одинъ изъ членовъ нашей компаніи направился въ Таврическую губернію, другой въ Полтавскую, а пишущій настоящія строки пустился внизъ по Днѣпру, къ Каменской и Алешковской Сичъ.

— Хома Хведотовычъ! Хома Хведотовычъ! Постойте! постойте на одну хвылыночку!

— А шо таке?

— Чи не забулы вы чого?

— Ни, не забувъ! Теперъ усё забравъ! Хиба отъ шо?..

— А шо?

— Душу забувъ!

— А де жъ вы ïи забулы?

— На Чортомлыци! Тило пойде у Полтавщину, а душа остàнетця на Чортомлыци, коло Сирка...

— Ну, це забутокъ добрый! Зъ тимъ и прощайте, козаче!

— Прощайте, пане атамане!..

На пепелищѣ Чортомлыцкой Сичи.

ЕЖЕГОДНО я предпринимаю поѣздки по разнымъ мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскихъ козаковъ и ежегодно я одобычиваюсь разнымъ, то археологическимъ, то этнографическимъ, матерьяломъ и тѣмъ пополняю и исправляю мои прежнія изъ этой области работы. Въ прошлое лѣто я посѣтилъ, кромѣ многихъ другихъ, болѣе или менѣе достопримѣчательныхъ запорожскихъ урочищъ, урочище славной изъ всѣхъ Сичей, Чортомлыцкой, прославившейся многими историческими событіями, происшедшими на ней, и прославленной знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ кошевыхъ атамановъ, атаманомъ Иваномъ Дмитріевичемъ Сиркомъ. Для того, чтобы видѣть урочище Чортомлыцкой Сичи, надо проѣхать въ мѣстечко Никополь, Екатеринославскаго уѣзда, и оттуда добраться въ деревню Капуливку, какъ она называется въ народѣ, или Капыловку, какъ она оффиціально пишется, въ 16—17 верстахъ къ западу отъ Никополя.

Было прекрасное утро 5-го сентября, когда я выѣхалъ изъ Никополя и направился черезъ Лапинку и Неплюево (Сулицко-Лиманское тожъ) на Капуливку. На передкѣ моего фаэтона сидѣлъ

молодой безусый парубокъ, еле сдерживавшій своихъ черезчуръ горячихъ коней, неудержимо рвавшихся впередъ.

— Тутъ и кони! Огнѐнни кони! Якъ бы не державъ, такъ занеслы бъ десь ажъ у Москву.

— Онъ воны яки у тебе!

— Оттаки воны у мене! Воны у мене ажъ у Гуляй-Поли куплени.

— А самъ ты звидкиля? Изъ Ныкыпо̀ля?

— Я зъ Нѐплюевой. У мене такъ шо ни батька, ни матери, ни дида, ни бабы — я одынъ сырота.

— А жинка жъ у тебе е?

— Яка тамъ жинка, якъ у мене й хаты нема? якъ тутъ у Бога й женытця.

— Такъ це ты, прямо сказать, бурлака.

— Та прямо шо бурлака.

— Ну, а якъ же тебе звуть?

— Ёсыпъ Зузуля.

— А призвыще у тебе, бурлаче, таке, шо наче бъ то ты изъ запорозцивъ?

— Богъ ёго зна, чи я изъ запорозцивъ, чи не зъ запорозцивъ, а тилько запорозци тутъ саме й жылы. Оце скризь, шо бачыте, могылы, одна за одною простяглысь, то все запорозьки.

— Не вже запорозьки?

— Запорозьки!

— А шо у тихъ могылахъ есть?

— Я такъ думаю, шо въ ныхъ добро яке-небудь есть. Отамъ, пидъ Чернышевою, стоить велыка могыла, а въ тій могыли лёхъ съ трёма дверыма. Балакалы, шо въ той лёхъ ходывъ одынъ чоловикъ; такъ черезъ двое дверей пройшовъ, а черезъ трети не пройшовъ: такъ на нёму усю чысто одежу и поризало, кровъ на тили такъ и выступыла, а кожа на лыци уся ажъ потрискалась. То, мабуть, запорозська могыла. Не безъ того, шо въ неи и кладъ лежыть: уже жъ воно не даромъ трое дверей тамъ зароблено.

— Може й кладъ, а може й мертвякъ лежыть.

— Мертвякъ то вже я знаю, шо лежыть: отутъ коло Солонои [1])

1) Солоная—притокъ рѣчки Базавлука.

найшлы якось чоловика зъ шаблею, — мать [1]) запорожець захованный: уже жъ никому тутъ буты зъ шаблею, якъ не запорозцю.

— Шо жъ воно за люды булы ти запорозци?

— Шо воно за люды булы ти запорожци — цёго вже я вамъ добре не докажу, бо я ще молодый для такого дила, — про те вамъ розскажуть у Капуливци: тамъ есть *великольпніи* диды.

На этомъ мой разговоръ съ Есыпомъ Зузулею и прекратился, и мы скоро въѣхали въ Неплюево. Перемѣнивъ въ Неплюевѣ лошадей, я направился дальше и къ часу дня прибылъ въ Капуливку. Подъѣхавъ ко двору престарѣлой бабуси Зиновіи Ивановны Нелипы, я тутъ и «атакувався» въ виду могилы кошевого Ивана Сирка. находящейся въ небольшомъ садку Зиновіи Ивановны. Вѣсть о моемъ пріѣздѣ немедленно разнеслась по всей деревнѣ, и ко мнѣ потянулись разные диды и дядькы, кто побесѣдовать, кто предложить какую-нибудь запорожскую древность, а кто просто посмотрѣть на новаго человѣка. Перекинувшись нѣсколькими словами со всѣми знакомыми и незнакомыми мнѣ лицами, я спустился ближайшимъ переулкомъ къ рѣчкѣ Чортомлыку, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ было запорожское кладбище. Мнѣ хотѣлось прежде всего поклониться останкамъ тѣхъ славныхъ и могучихъ рыцарей, которые цѣлыми вѣками боролись за православную вѣру, твердо стояли за свои права и вольности, мужественно, стойко и неуклонно оборонялн своей грудью цѣлый міръ славянскій отъ міра мусульманскаго... И я увидѣлъ это кладбище, но увы! уже болѣе, чѣмъ на половину обрушенное водами Чортомлыка и унесенное внизъ по теченію Днѣпра... Мнѣ подали два козацкихъ черепа, изъ коихъ одинъ вытащенъ былъ изъ рѣки Подпильной рыбаками и отъ дѣйствія на него воды сдѣлался чернѣе сажи. Тутъ же я узналъ, что недавно одинъ капуливскій дидъ, по фамиліи Онисимъ Палахъ, нашелъ у себя въ огородѣ скелетъ запорожца, лежавшій въ гробу; доски отъ того гроба дидъ забралъ себѣ на «лижко» и за то былъ страшно напуганъ явившимся къ нему ночью покойникомъ. На мое счастье я встрѣтилъ дида Палаха у такъ называемой Заборы, на правомъ берегу рѣчки Чортомлыка, и немедленно вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Чи правда тому, диду, шо вы найшлы десь-то запорозького мертвяка?

---

[1]) Мать сокращено изъ мабуть.

— Правда, истынна правда, пане. Це було весною. Оравъ я въ городи [1]), колы бачу, земля провалылась пидъ киньмы; дывлюсь дальше, ажъ воно могыла; ну, та якъ мени тоди дуже заниколылось, то я ии такъ и покынувъ. Ажъ то настало лито, прыйшлы й жныва. Писля жныввъ я взявъ лопату тай давай копать тамъ, де кони провалылысь. Копавъ-копавъ и выкопавъ труну, а въ тій труни — чоловика. Одкрывъ, ажъ воно здоровенный чоловикъ! Узявъ я оцей гомилокъ, шо одъ пьяты та до колина, та якъ прыложывъ до себе, такъ винъ дійшовъ ажъ до пояса. А труна уся, якъ есть, цила; дошкы таки мицны та крипки, шо ажъ онъ яки! Подывывсь я на ти дошкы тай думаю: дай я соби зроблю зъ ныхъ пилъ. Вытягъ тай зробывъ пилъ замистъ лижка. Пройшло скилько тамъ день. Сплю я на своёму лижку, колы чую скризь сонъ, шо наче шось пидійшло до мене тай каже: «На шо ты мою жысть потрывожывъ»? Я гулькъ! ажъ передо мною стоить здоровый та чорный чоловикъ, а на двори мисяшно та выдко такъ, шо хочъ голкы збирай. Схопывся я зъ лижка, перехрестывсь — нема никого... Пройшло ще скилько тамъ день. Сплю я зновъ. Колы це бачу, знову той чорный та здоровый чоловикъ стоить середъ хаты. Пидійшовъ до мене тай каже: «На шо ты мою жысть тривожышъ? Однесы на мисто те, шо взявъ! А потимъ якъ оперёже мене по заду, такъ я такъ и скотывсь зъ лижка на землю. Прокынувсь и бачу самъ, шо лежу на земли... Тоди бачу я, шо дило плохо, пишовъ до лавкы, купывъ гвиздкивъ, вынявъ изъ лижка дошкы, збывъ ихъ, якъ треба на труну, склавъ маслакы въ труну и закопавъ на тимъ мисти, де й вырывъ. Все такъ истынно и було, — хочъ побожытця. Отъ и въ лавци знають, шо я ходывъ по гвиздкы, шобъ збыты труну та закопаты мертвяка. Винъ ажъ два разы до мене прыходывъ и все казавъ, на шо я ему жысть тривожу тай ще якось казавъ, та тилько теперъ я ниякъ не згадаю.

Простившись съ дидомъ Палахомъ, я спустился ниже Заборы и очутился у рѣчки Подпильной, за которой возвышается высокій островъ Чортомлыцкій. Тутъ я сѣлъ въ стоявшій у берега Подпильной каюкъ и переправился на немъ на знаменитую Сичь. Эта Сичь просуществовала 57 лѣтъ, съ 1652 по 1709 годъ, и

[1]) То-есть въ огородѣ.

была разрушена полками Петра Великаго, предводимыми полковниками Петромъ Яковлевымъ и Игнатомъ Галаганомъ. Много разъ я бывалъ на пепелищѣ Чортомлыцкой Сичи, и всякій разъ меня охватывала при этомъ ничѣмъ неотразимая и ничѣмъ непобѣдимая грусть. Да и было отъ чего грустить? Сколько тутъ подвизалось славныхъ героевъ, сколько тутъ завязывалось и развязывалось событій, сколько тутъ было жизни, веселья, музыки и поэзіи! И теперь на мѣстѣ всего этого стоитъ унылый, покрытый горькимъ полынемъ, небольшой островокъ, скрывающій подъ своими развалинами чуть ли не цѣлую треть всей исторіи Запорожья.. Теперь на мѣстѣ «старой» Сичи осталось нѣсколько глубокихъ ямъ, да виднѣются остатки небольшого вала, а у береговъ кое-гдѣ валяются черепки разбитой посуды да обломки глиняныхъ изразцовъ, изукрашенныхъ различными узорами. Для меня не было сомнѣнія въ томъ, что то были остатки кафельныхъ печей, имѣвшихся при запорожскихъ куреняхъ, и потому я съ любовью подобралъ эти священныя реликвіи старины и наполнилъ ими всѣ свои карманы.

Обремененный добычею, я оставилъ Сичь, переправился черезъ рѣчку Подпильну и вновь очутился въ деревнѣ Капуливкѣ. Пройдя мимо такъ называемаго запорожскаго базарища, гдѣ дворъ Демьяна Хмеленка, я поднялся съ берега въ одну изъ улицъ деревни и скоро очутился во дворѣ дида Кондрата Дывныченка, о которомъ мнѣ передали, какъ о дидѣ очень «балакучемъ» и о такомъ, «що дуже кохаитця у древностяхъ запорозськихъ». Ко мнѣ вышелъ средняго роста дидусь, весь бѣлый какъ молоко, съ нависшими надъ глазами, точно низкая стрѣха надъ небольшою хаткою, сѣдыми бровями, съ маленькими, далеко ушедшими въ орбиты, но живыми и полными огня и веселья глазками и съ свѣжимъ, почти юношескимъ, цвѣтомъ лица. Его душа такъ и свѣтилась насквозь. И интонація голоса, и вся фигура дидуся сразу очаровали меня и, такъ сказать, спаяли мое сердце съ его сердцемъ. Этотъ въ высшей степени симпатичный и пріятный дидусь оставилъ у меня навсегда самое свѣтлое воспоминаніе какъ о самомъ себѣ, такъ и обо всемъ томъ, что мнѣ пришлось видѣть на этотъ разъ на мѣстѣ Чортомлыцкой Сичи. Фамилію мою онъ хорошо зналъ, какъ зналъ онъ и фамилію дорогого моему сердцу, теперь уже увы! покойника А. Н. Поля, и потому мнѣ не приходилось подходить къ дидусю «задами».

— Оце я, коханый мій дидусь, хотивъ васъ роспытать де-що про старовыну, а найбильше про кошового Сирка.

— Про кошового Сирка? Про того Сирка слава, слава и прослава... Сирко на тры часты захованный: перша ёго часть лежыть отутъ саме, де Чортомлыцька Сичь; друга—пидъ Крывымъ-Рогомъ, а третя—пидъ Полтавою. Винъ якъ умиравъ, такъ давъ таку заповидь: «якъ я помру, то отберить у мене правую руку и носить ии симъ годъ; хто буде мою руку носыть симъ годъ, то владитыме нею усе равно, якъ я й самъ владію; а де случытця вамъ яка прыгода,—де васъ нещасна волна спобижыть, чи на води, то бросайте руку у воду—волна утышытця, чи на земли—не буде вамъ ниякого случаю; а съ симы годъ уже поховайте въ могылу. И хто буде мою могылу штыть, братыме навкругы землю та буде могылу обсыпать, то я ёго самъ своею сылою буду дарыть. А на сёмому году хай мене жде, и хто выйде до могылы або на Риздво, або на Велыкдень, або на Зелену недилю, такъ нехай мене дожыда. Не бойся, шо я неправославный хрестіянынъ,—я есть православный хрестіянынъ Сирентій Іоанновичъ!» Отъ таку винъ, той Сирко, давъ заповидь! Якъ я бувъ ще молодымъ, то й я носывъ землю до могылы Сирка. Разъ противъ Велыкодня, въ субботу, у вечери, набравъ я земли у платочокъ тай пишовъ обсыпать могылу. Якъ обсыпавъ, такъ у велыку сылу зъ могылы спустывсь: такый на мене страхъ навалывся, шо я, якъ выскочывъ на шляхъ та якъ дременувъ, такъ не счувсь, якъ и за слободою опынывсь... А разъ пишовъ я якось до могылы зъ одною дивчыною. Я тутъ, бачьте, якъ разъ недалечко жывъ коло могылы Сирка. Отъ пишовъ я зъ дивчыною—звисно молодый бувъ!—тай лигъ коло могылы; трошкы й полежавъ. Колы такъ якъ у половыни ночи якъ выскоче изъ могылы жеребець та якъ зарже, такъ ажъ уся слобода затрусылась; а лона (sic) по плавняхъ тилько: го-го-го-го! такъ и покотылась... А воно було такъ тыхо-тыхо та мисяшно. Такъ мы такъ и роскотылысь якъ ти жукы... Такъ съ тихъ пиръ уже шкода ходыты до тіеи могылы Сирка.

— Може вы, дидусь, якъ прожылы стилько годъ коло Сичи, мали у себе яки-небудь древности, або находылы якого-нёбудь клада.

— Мавъ я тихъ древностей доволи, та де-яки попродававъ Полю,—винъ частенько до мене прыиздывъ изъ губерніи; э, панъ добрый бувъ!.. А де яки у мене жыды повыманювалы. А то ще

давно дило було: пасъ я отутъ у степу, де оце млынъ, овечатъ: колы бачу, пидъизжають до мене якись-то люды. «А шо, парныще, чи не можна коло тебе остановытця та попасты коней?»— Чомъ же неможна? Та съ продовольствіемъ». Воны сталы, роспрягли коней, вытяглы якійсь планокъ тай давай оглядать скризь мисто. Дывлютця у планокъ тай кажуть: «Оце тутъ такого була пасика, а це такого... А оце й землянка, оце й двери, оце смитныкъ, оце саме й викно було, отутъ и вулыкъ есть... Усе дывлютця планокъ та прымиряютъ, а мени воно й не въ шапку, для чого то воно робытця. Ну, братыще, шобъ же намъ попоисты»?

— Та шобъ же вамъ попоисты? Наварю я вамъ каши. Наварывъ я имъ каши молошнои. Наилысь воны, подякувалы мени. «Ну, спасыби тоби, братыще, шо ты насъ прывитавъ! Прощай, братыще, бо завтря раненько мы вже геть поидымъ соби».—Прощайте, добри люде». Полягалы воны спаты; лигъ и я. Колы вставъ я ранкомъ, а ихъ уже нема. Я на могылу, ажъ дывлюсь, тамъ шось чорніе. Дывлюсь, тамъ лежыть вулыкъ, лежыть и зализна плыта, а коло неи одынъ талиръ. Эге, якъ же воны мене обманылы! Хочъ бы штукъ десять покынулы таляривъ, а то тилько одного!..

Тутъ багато усякого добра заховано, та тилько треба знаты, якъ ёго узять. Отутъ, де у насъ теперъ Нечипиръ Бувалка, у Сэдлыщи, такъ жывъ колысь кошовый Кальчинськiй, а у нёго служывъ за кухаря хлопець Лысый,—фамылія така. Винъ прыйшовъ у Сичь ажъ изъ Самари. Такъ той Лысый, якъ уже старымъ ставъ, такъ частенько було розсказуе, якого добра навозылы соби запорозци зъ войны. Поидуть було оце у Польщу ляхивъ драть та якъ прыидуть назадъ, то понавозять скилько тамъ выокивъ юхтовыхъ зъ золотомъ та якъ почнуть дилыты, то кождому прыпаде по цилому юхтовому мишку. А той хлопець було пидмита куринь, найде золотого тай каже кошевому: «Батьку, ось я найшовъ золотого, куды ёго диты»?—«Озьмы, озьмы ёго соби на гостынець»... Винъ якъ прыйшовъ до кошового, то зовсимъ бувъ голый, тилько шо сорочка на нёму, а штанивъ Бигъ-ма. Та оце якъ поставе було бакиръ [1]) та насыпе туды пшона на кашу та якъ повернетця було задомъ до якого козака, то винъ ёго, шо есть у руци, чи люлька, то й люлькою, такъ и опере́же. Не по-

[1]) Бакиръ значитъ котелъ.

казуй, бачъ, задныцю запорожцямъ. А потимъ то́го якъ пожывъ той хлопець у Кальчинського, то кошовый зробывъ ёму каптанъ пырчовый, и якъ було захожуетця хлопець куховарыть, то пырчовый каптанъ скида съ себе и вишае на ключци, а въ просту одежу вбыраетця и куховарыть.

Э, то бидовый народъ бувъ ти запорожци! Гулякы велыки булы, а жилы якъ ченьци́,—жино́къ не любылы. Отъ тожъ недаромъ и писня спиваетця:

Ой, не ходы, Насте, тай на ту вулы́цю,
Сыды, Насте, зъ намы въ городочку,
Бо піймають хлопци-запорожци,
То по самый пупъ одрижуть сорочку.

Такъ какъ день уже склонялся къ вечеру, то я оставилъ привѣтливую хатку дидуся Дывныченка и направился къ хатѣ Зиновіи Ивановны Нелипы. Въ просторной хатѣ Зиновіи Ивановны, устланной свѣжей и пахучей травой и уставленной множествомъ иконъ и картинокъ, собралась крайне интересная для меня компанія, съ которой я провелъ время въ бесѣдѣ далеко за полночь. Тутъ были—Кондратъ Дывныченко, Трофимъ Лысый, Аврамъ Лысенко, Ѳедоръ Коваль, Микита Явтушенко, Иванъ Соломаха и нѣкоторые другіе. Скоро на столѣ передъ нами показалась горилка и вмѣстѣ съ горилкой явилась закуска, и тогда рѣчь полилась рѣкой.

Первый началъ рѣчь дидъ Лысенко. Онъ повторилъ разсказъ дида Давныченка о томъ, какъ его предокъ, Лысый, «набрякався уже въ совершенныхъ литахъ въ Сичь» и поступилъ кухаремъ до кошевого Кальчинскаго, а потомъ неожиданно спросилъ всѣхъ, знаетъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ, за что царица Екатерина II уничтожила Сичь. Такъ какъ на этотъ вопросъ никто не нашелся, что отвѣтить, то дидъ Лысенко самъ отвѣтилъ на свой вопросъ.

«Прыихавъ изъ Россіи полковныкъ зъ жинкою въ Сичь, шобъ смырыть запорожцивъ. Увійшла та жинка у церкву тай давай поклоны быть; а у неи було плаття зъ обручами; отъ вона стала навколюшкы, а плаття и пиднялось вгору. А одынъ козакъ пидъ плаття голову пидклавъ, пиднявъ жинку вгору, ходе по церкви тай крычить: «кыръ-кыръ!» А други запорожци соби: «кыръ-кыръ!» Отъ тоди царыця Катерына розсердылась, прыслала військо тай розигнала запорожцивъ».

Дружный хохотъ со стороны всѣхъ присутствовавшихъ былъ отвѣтомъ на такой разсказъ дида Лысенка. Компанія на всѣ лады повторяла слово «кыръ-кыръ» и долго никакъ не могла успокоиться. Когда всѣ наконецъ насмѣялись вдоволь, то я въ свою очередь предложилъ диду Лысенку вопросъ.

— Ну, а про Сирка жъ вы, диду, ничого не знаете?

— Про Сирка я знаю отъ шо: якъ Сирко помиравъ, то й сказавъ: однимите у мене руку, де у васъ буде стычка зъ непріятелемъ, то вы махнить навхрестъ моею рукою, то ище помичь буде.

— А я ще отъ що скажу вамъ про того козака Сирка, откликнулся на мой запросъ дидъ Дывныченко.

Давно-давно, ще якъ бувъ молодымъ, пошты ще за запорожцивъ, чувъ я про Сирка. Пройшло чи мало рокивъ съ того времья, якъ Сирко бувъ, а слава ёго и доси ве пропала: винъ бувъ на врага страшный, а для православныхъ мылостывый. Оце жъ я и хочу розсказаты, якъ одынъ разъ хрыстіянъ забралы у полонъ татары и якъ ихъ вызволывъ Сирко. Одынъ разъ запорожци пишлы кудысь у походъ, а татары ускочилы у Сичь тай ну хозяйнуваты тамъ! Якъ хотилы, такъ и хозяйнувалы: усихъ православныхъ хрыстіянъ забралы тай повелы у полонъ. А воны, бидны хрыстіяны, не хочуть иты, плачуть та рыдаютъ; а татары на плачъ не вдаряютъ та ногайкамы ихъ пидгоняютъ. Узнавъ про це Сирко та заразъ зибравъ своихъ козакивъ тай погнався за татарамы въ погоню, православныхъ людей вызволяты. Бачe Сирко, шо татаръ багато, а козакивъ мало, и летыть якъ птиця, а самъ хытрытця (sic). Сталы козакы догонять татаръ, спынывъ тоди Сирко коня тай крычить на козакивъ: «А постійте, братця, пидождить, не шевелитця!» Уставъ съ коня, отдавъ ёго якомусь козакови, а самъ кувырдь! тай зробывсь хортомъ,—такый ставъ красывый хортъ! Нагнавъ татаръ, а татары побачилы хорта, — подобавсь винъ имъ; узялы его, нагудувалы и напоилы. Отъ якъ прывыкъ до ихъ хортъ и якъ сталы воны десь виддыхать, то винъ имъ такъ поробывъ, шо воны вси поснулы. Тоди Сирко вернувсь до козакивъ, забравъ ихъ зъ собою, прыихавъ зъ нымы до татаръ тай вырубавъ ихъ усихъ сонныхъ, а хрыстіянъ забравъ назадъ. Хрыстіяны дуже радилы, шо вернулысь на слободу, подякувалы Сирка и поплылы Днипромъ додому, а Сирко поихавъ на Сичь зъ своими козакамы и ставъ гулять попрежнюму.

— Скажить же мени теперъ, диды, якъ воно такъ сталось,

шо москали забралы у такыхъ лыцарѝвъ, якъ запорозци, Сичь.

— Якъ сталось? А ось якъ. Воны сперше прòбувалы взяты Сичь сылою, такъ ничого не зробылы: оце якъ понакыдають у Сичь куль, то кошовый и каже козакамъ: «А пидить, хлопци, та повыкыдайте ти кули геть, — чого воны тутъ будуть качатыця»? Бачуть москали, шо дило ихъ плохо, пиднялысь тоди на хытрощи: обибралы десь церкву, забралы охресты та иконы и давай молебствовати та три дни молебствовалы. Дойшлы воны до ривчака, а тамъ башта стояла; тамъ и сталы. А у Сичи бувъ одынъ хлопчикъ, литъ дванадцяты. Винъ и каже кошовому: «Позволь, батьку, мени срибнымъ гудзыкомъ отъ того генерала у воко встрелыть,— а ёго треба було въ праве око улучать. Якъ позволышъ ёго вбиты, то не будешъ червоныхъ чобитъ носыты». А кошовый ему не позволывъ, бо москали зъ иконами та зъ охрестами йшлы. «Якъ не позволышъ, батьку, генерала вбыты, то позволь, батьку, хочъ шапку зъ него збыты». Кошовый позволывъ. Такъ той хлопець якъ стрѐльнувъ, такъ и шапкы не порунтавъ, а тилько збывъ ïи зъ головы... Тутъ москали зновъ давай молебствовать та охресты пидниматы. Козакы и впустылы ихъ въ Сичь. Тоди москали зазвалы до себе кошового та пысаря у гости та й давай неби-бъ то ихъ угощаты: посадылы ихъ на тоненьки лавкы, попрыкрывани сукномъ, а тамъ уже, ныжче тихъ лавòкъ, приготовлени булы ямы. Якъ воны сѝлы, такъ и провалылысь. Тоди москали кынулысь до кошового та до пысаря, облупылы имъ ногы по колина, а головы по вуха. А хлопчикъ бачe таку биду тай каже: «Я пиду та позову въ гости ще другыхъ». Иде тай спивае: «Наши братци—запорожци побралы по колино красни чоботы, а по вуха шапкы червони». А це винъ хотивъ упредыть другыхъ козакивъ. Такъ де жъ тамъ? Москали позазывали козакивъ до себе та давай ихъ горилкою поить, а тимъ часомъ солдатня попровирчювала вси чайкы, що запорожци було приготовылы соби. То котори запорожци булы здорови, то одлылы воду тай повтикалы, а котори слаби, то воны й зосталысь сыднями. Писля того уже москали кынулысь на Сичь и де шо було, то вже не мынуло ихъ рукъ.

Бралы-бралы москалыки
срибро-злото, войсковiи свичи,

Остаетця панъ кошòвый
зъ пысаремъ у Сичи...

Одновременно съ разсказами чарка дружно переходила изъ рукъ въ руки, и скоро компанія отъ преданій о Сиркѣ и запорожцахъ перешла къ пѣснямъ. Меня спрашивали, знаю ли я ту или другую пѣсню, но я, по всегдашнему обыкновенію своему, отвѣчалъ, что пѣсенъ никакихъ не знаю и просилъ пѣть мнѣ ихъ подъ рядъ, какую кто только вздумаетъ. Начали сперва съ козака Нечая.

Та козакъ Нечай та козацькый звычай
я не думае не гадае,
Зъ кумасéю та Хмельныцькою
медъ-выно кружляе.
Та посидалы та съ кумàсею
та щукы-рыбы исты,
Ой якъ гляне та на кватырòчку,—
десять тысячъ ляха вíйська.
Ой якъ крыкне козакъ Нечай
та на джуру малого:
«Сидлай, джуро, та сидлай, малый,
та коня вороного!
Та пидъ себе та, малый джуро,
та старого гнидого.
Та шобъ не вбывъ, та шобъ не вбывъ
та тебе молодого.
А чи це жъ тее та клынъ-дерево,
Шо ю гылочкы вьетця,
А чи це той та козакъ Нечай,
шо зъ ляхамы бьетця.
Якъ пробигъ же та козакъ Нечай
отъ башты до башты,
Начавъ ляхивъ та ще лядскихъ панивъ
якъ снопыкы класты.
Якъ пробигъ же та козакъ Нечай
одъ рынку до рынку,
Забравъ ляхивъ, забравъ панивъ
та всихъ за чупрынку.
Якъ оглянýвся та козакъ Нечай
та на джуру малого:
А справляетця та джура малый
ще й лучче за ёго.
А якъ оглянувся та козакъ Нечай
а на правую руку,

Не выскоче кинь ворòный
та съ-пидъ лядського трупу·
Ой, оглянувся козакъ Нечай
та на правее плéче,
Тече ричка та ще й кривовàя,
шо й конемъ не втече.
Якъ поихавъ та козакъ Нечай
бытымы шляхами,
Тай зустривъ же та козакъ Нечай
та Перебыйниса съ трёма шабелькамы.
Та не вспивъ козакъ, та не вспивъ Нечай
та трехъ словъ сказати,
Поблагословывъ же та Перебыйнисъ
зъ пличъ головку зняты.
Та збыралася та нашая браття
та въ новыхъ костёлахъ,
Одправылы службу, одправылы божу
въ церкви на престоли.

Послѣ козака Нечая вспомнили про козака Супруна, и тутъ Микита Явтушенко, славящійся на всю Капуливку, какъ лучшій пѣвецъ, «вывивъ Супруна на голосъ».

Ой, не знавъ козакъ, ой не знавъ Супрунъ
та якъ славонькы зажыты,—
Ой, зибравъ військо, славне запорозське
тай пишовъ винъ орды быты.
Ой, ю суботу рано пораненько
Супрунъ та зъ ордою стявся,
А въ недилю, въ обидню годыну,
та въ неволыньку попався.
Ой, зъязалы козака Супруна
назадъ рукы сырыцямы,
Ой, повелы козака Супруна
та вузькымы вулыцямы,
Ой, не ведите, превражіи ляхы,
я вузькымы вулыцямы,
Я поведите на Сàвуръ могылу
я зъ моими козакамы.
А зъ Савуръ-могылы та зъ запилъ-долыны
сызый орелъ вылитае,
Стоить військо, славне запоризське
а якъ сонычко сяе.

Микыта Явтушенко дѣйствительно обладаетъ прекраснымъ, очень высокимъ и сильнымъ, голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается большою страстью «лазить по деревьямъ», т. е. при·

способляться къ чужимъ «молодычкамъ», что отразилось нѣсколько на его носѣ. «Бачьте, взлизъ винъ на дерево та зачепывсь десь носомъ за крывый сучёкъ, отъ воно ёму трошкы носа и пидризало»... Тѣмъ не менѣе Микита Явтушенко поётъ вполнѣ чисто и вполнѣ свободно; послѣ пѣсни о козакѣ Супрунѣ онъ спѣлъ съ большимъ одушевленіемъ пѣсню о чумацкомъ атаманѣ.

Ой, ясно-ясно сонечко сходе,
я хмарнесенько заходе.
Ой, ходыть-ходыть я нашъ панъ отаманъ,
ходыть ще й говорыть.
Ой, винъ ходыть-ходыть мижъ возамы,
своихъ хлопцивъ розбужае.
Ой, вы, хлопци, вы вдали молодци,
юставайте, возы мажьте.
Ой, хлопци юставалы, возы помазàлы;
сири волы запрягалы.
Ой, шляхомъ идуть, нови возы рыплять,
сири волы румыgаютъ (sic)
Ой съ-пидъ лису, съ пидъ темного лугу
гайдамакы выгравають.
Нехай граютъ-выгрываютъ,
къ вальци блызько прыбуваютъ.
Якъ прыскочивъ превражій ватаганъ,
пытаетця: «де жъ вашъ отаманъ».
«Нашъ отаманъ сыдыть мижъ возамы,
юмываетця слёзами».
Якъ прыскочивъ превражій ватаганъ,
якъ ударывъ спысомъ ю груды.
Спысъ вдвое-вдвое изогнувся,
нашъ отаманъ осмихнувся.
Ой, вы, хлопци, юдали молодци,
я берите въ рукы друкы,
Быйте, хлопци, быйте, ще вьяжите,
на нови возы кладите.
Ой, якъ повеземъ ю городъ Полтаву,
я зробылю соби славу:
Гей, шо гайдамакъ сорокъ ще й чотыри
насъ десятка не побылы.

И голосъ пѣвца, и мотивъ пѣсенъ и самое содержаніе ихъ глубоко трогали слушателей, и каждый изъ нихъ по своему выражалъ свое душевное настроеніе: одинъ сидѣлъ, глубоко задумавшись и склонивъ голову на столъ; другой, поднявъ голову къ верху, гдѣ-то виталъ въ небесахъ; третій, вникая въ смыслъ пѣсни,

на столько проникался ею, что воображалъ себя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пѣсни и едва сидѣлъ на мѣстѣ; а дидъ Кондратъ Дывныченко, тотъ плакалъ старческими слезами и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ: «онъ якъ воно, пане, було, онъ якъ було»...

— Ну, заспиваймо панови ще нашу, капуливську, писню. Це якъ зигналы звидциля запорозцивъ, то тутъ котри зосталысь, зложыли соби писню,—такъ вона у насъ капуливською писнею и зветця.

Ой, шо жъ у насъ въ славнимъ горòди,
Я шо за дыво стало:
Шо пидъ горòдомъ, пидъ Горбатого,
Множество ляшкивъ пропало·
Ты, Панасе, ускокы,
Берить Кузьменка у бокы,
Бо Кузьменко знавъ—все позабиравъ,
Губенка за Десну загнавъ,
Ты, Пылыпъ Сытый, наився рыбы,
А Калюжный соломахы,
Капля зъ мушкета жарыть,
Лысого сердце вьяныть,
Гаврылко изъ страху вмыраить.
Ой, ты, Сычу, идь же ты на могылу,
Дывыся на Вкраину,
Гнатъ зъ коня впаде,
Добрунъ пропаде,
Лытвынкомъ покрые себе.
Ой, ты, Тимарку, нюхай запàхы,
А ты, Антыпе, воду,
Ой шобъ же ты та не забувавъ,
Лысый Гаврылко, на вроду.

Отутъ воны вси и жилы ти запорожцы: и Горбатый, и Панасъ, и Кузьменко, и Пилыпъ Сытый, и Калюжный, и Капля, и Лысый, и Гаврылко, и Гнатъ, и Добрунъ, и Лытвынокъ и Тимарко. То ото про ныхъ и писня така зложена.

— Постойте жъ коли такъ: я жъ вамъ прокажу писню про козака Сирка, обозвался дядько Иванъ Соломаха,—на голосъ незнаю, а словами прокажу̀.

— Кажы, хочъ и словами, якъ шо на голосъ не знаешъ.

Гей, якъ крыкнувъ та козакъ Сирко та на своихъ хлопцивъ:
Ой, сидлайте коней, хлопци, та поидымъ до Крыма ю гости!
Та туманъ поле покрывае, Сирко зъ Сичи выизжае.
Мы жъ думалы, шо то орлы злитаютця,

Ажъ то війско славне запорожське на крымську дорогу зъизжаетця.
Мы жъ думалы, шо то сокилъ летыть,
Ажъ то козакъ Сирко на крымську дорогу конемъ бижыть,
Мы жъ думалы, шо то мисяць зійшовъ,
Ажъ то козакъ Сирко по крымскій дорози зъ козакамы пишовъ.
Мы жъ думалы, шо то мисяць сяе,
Ажъ то Сирко зъ козакамы та на конькахъ грае.
Якъ дійшовъ козакъ Сирко та до крымськой засады,
Якъ крыкнувъ козакъ Сирко козацькой громады:
«Гей, вы, хлопци, та добри моло́дци, наступайте жъ вы смило,
Берить копья въ рукы та рубите вы превражую сылу»!
Якъ пишли жъ хлопци—та помижъ ордою шататьця,
Стала орда та скризь по-за нымы якъ снопы валятьця.
Мы жъ думалы, шо то дубъ та у лиси вьетця,
Ажъ то козакъ Сирко изъ ордою бьетця.

— А я знаю тилько шматокъ писни про Сирка, тай то не на голосъ, а на слова, откликнулся дидъ Дывныченко. Ось якъ ти слова кажутця:

Витеръ зъ моря повивае, орелъ зъ поля вылитае,
Козакъ Сирко зъ козакамы товарышивъ загрибае.
Та козацьки сылы та въ землю зарылы,
Та въ землю зарылы, клынъ-древо садылы,
Клынъ-древо сажалы, шобъ зузуленькы сидалы,
Шобъ зузуленькы сидалы—жалибненько кувалы,
Жалибненько кувалы—козацькымъ костямъ жалю завдавалы.

Было уже далеко за полночь, когда я всталъ изъ-за стола и сталъ прощаться со всѣми моими пріятными собесѣдниками.

— Ну, диды и дядькы, спасыби жъ вамъ за ваши старовынни розсказы та за ваши щири писни. Назавтря добудьте самои луччои рыбы въ Чортомлыци та зварымо доброи юшкы та помьянемъ на могыли нашого славетного и вично памьятного кошового Ивана Дмытровича Сирка.

— Оце ричь, такъ ричь! Це добрая ричь!

На слѣдующій день, едва только показалось изъ-за плавенъ и легкаго утренняго тумана привѣтливое солнышко, какъ я уже былъ у могилы Сирка. Прежде всего я распорядился смыть съ памятника, поставленнаго на могилѣ знаменитаго кошевого, весь мохъ и пыль, которые облѣпили его со всѣхъ сторонъ и проникли во всѣ буквы, вырѣзанныя на западной сторонѣ

памятника. Когда весь памятникъ былъ очищенъ, тогда я прочелъ на немъ слѣдующія слова:

Р҆Б҆ АХПМАѦД
ПРЄСТАВИСѦ РАБЪ Бож
ИОАНЬ СѢРЬКо ДМИШ
РОВИЧАШАМАНЬ КОШо
ВИЙ ВО҆СКА ЄАПОРоКОГо
ЄА ЄГ··Н П В ФЄѠДОРА
АЛЄѮЕВИЧА И ПАМѦТ ПР
АВЄДНАГО СО ПОХВАЛАМИ.

Это значитъ: «Року божого 1680, мѣсяца августа 1-го дня, преставися рабъ бож Иоань Сѣрько Дмитрович атамань кошовий войска запорозского за его ц. п. в. Ѳеодора Алексѣевича и памят праведнаго со похвалами».

Пока я разбиралъ и копировалъ надпись на памятникѣ Сирка, тѣмъ временемъ ко мнѣ стали сходиться вчерашніе собесѣдники съ прибавленіемъ новыхъ лицъ. Въ это же время принесены были столъ, нѣсколько низенькихъ скамеекъ, казанокъ съ горячей ухой, деревянные ваганки съ жареной рыбой и вмѣстѣ съ этимъ нѣсколько бутылокъ горилки изъ «монополя». Когда я покончилъ съ надписью и когда принесенная «страва» разложена была по надлежащимъ мѣстамъ, тогда всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна на могилѣ Сирка, и самый старѣйшій изъ всей компаніи, сѣдой какъ лунь, дидусь Кондратъ Дывныченко, прочиталъ въ слухъ Господню молитву «Отче нашъ» и сказалъ «Вѣчную память» Сирку: «Вичная памьять славному кошовому, Ивану Дмытровычу Сирку»!--«Вичная памьять славному лыцарю, шо боровся за виру, за волю и за правду святу̀»! отвѣтили всѣ другіе въ разъ. Послѣ этого я налилъ большой стаканъ горилки и опрокинулъ его на могилу Сирка, который въ дни веселья «любилъ, какъ и всѣ запорожцы, выпить и закусить». Послѣ Сирка слѣдующій стаканъ предложенъ былъ дидусю Дывныченку. Дидусь Дывныченко всталъ со своего мѣста, поднялъ вверхъ стаканъ, «похиталъ» головою и сказалъ: «А я ще сёгодня и не будывъ своеи души... Дай же оце я ій розбужу!... Ну, вичная памьять славетному кошовому Ивану Дмытровычу, а на многая лита

Дмытру Ивановычу»!... И съ этими словами дидусь медленно и сладко потянулъ въ себя «добру горилчѝнку». Пріемъ дидуся повторили и всѣ другіе.

Поминки по Сиркѣ продолжались съ утра и почти до полудня, при чемъ одни посѣтители уходили, другіе приходили и тутъ кто приносилъ какую-нибудь древность для продажи, кто являлся съ какимъ-нибудь разсказомъ, а кто просто съ тѣмъ, чтобы «поскоромить свою душу горилчѝною». Одинъ изъ пришедшихъ подалъ мнѣ запорожскую люльку, и по этому поводу началась бесѣда.

— У мене тежъ була одна люлечка, замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Тамъ же жъ и бородочка въ неи, — така, шо хто ёго зна й яка! Луччои и быть ненадо! Така хорменна та обмережена, шо мать ёго ковинька! Воны вже не любылы изъ поганыхъ курыть.

— И скилько ихъ тутъ було валяетця! замѣтилъ отъ себя дидусь Дывныченко. Мы було малымы поназбираимо ихъ коло Сичи та давай бытьця имы: такъ було и улучаешъ люлькою по макушци якого-небудь голомозого та чубатого хлопця.

— А хиба вы ще зазнаете, дидусь, якъ и чубы носылы?

— Э, а якъ же! Ця поведенція довго у насъ була. Якъ у якого така довгенна чупрына була, шо ажъ двичи округъ головы обмота. А то вже якъ сталы мы казённымы та понаихалы до насъ управляющи, то якъ побаче якый-небудь на голови у хлопця чупрыну, то заразъ и крычить: «А сукынъ сынъ, запорозькои юхы держытця, — одрижьте ему»! То такъ по саме тимья и одхватють иродовы сыны.

— Ну, воно й панамъ тоди незовсимъ-то добре тутъ було, бо якъ нагрюка якый гайдамака которого пана у степу, то вже держысь, голубе сывый!

— Хто це такъ каже?

— Кузьма Лысый, на масть рыжій.

— А хиба жъ тутъ, Кузьмо, и гайдамакы булы?

— А де жъ имъ и буть, якъ не тутъ? Про цихъ гайдамакъ я таку прычту чувъ. Десь-то воно було, чи пидъ Самарью, чи ще дальше Самари. Осталысь братъ та сестра одъ батька та одъ матери. Жылы-жылы—нычимъ годуватысь: зоставсь у ихъ одынъ хлибъ на двохъ. Отъ воны взялы той хлибъ, выйшлы на шляхъ, роздилылы ёго пополамъ тай подалысь геть—одно туды, друге туды. А тутъ у степу жылы гайдамакы, де одынъ, де другый, а де й

третій. Воны такъ шо, може, у пьять годъ разъ и заиздылы одынъ до другого. То хлопець прыбывсь до одного гайдамакы, а дивка—до другого. Жывуть воны уже скилько годъ, жывуть и не знають, де и въ кого воны находятця, однымъ словомъ сказать, зовсимъ забулы одынъ одного. Уже хлопець той зробывсь и парубкомъ. Отъ бере ёго гайдамака якось зъ собою и йде до другого гайдамакы у гости, до того, до якого дивка прыбылась. Прыихалы. Бачуть, шо у того парубокъ, а у того дивка, давай свататьця. Звелы ихъ до купы. Тоди парубокъ и пыта дивку, звидкиля вона взялась у степу. «Звидкиля? каже дивка. Насъ було двое—братъ та я, осталысь мы одъ батька та одъ матери сыроты; оставсь у насъ одынъ хлибъ; такъ мы взялы той хлибъ, выйшлы на шляхъ, подилылы ёго пополамъ та одно пишло туды, а друге туды, та я, бачъ, ось де опынылась, а мій братъ, Богъ ёго зна, де й есть».—«Ось тоби и братъ твій»! каже тоди парубокъ. Оттакъ воны роспыталысь тай розъихалысь. Писля того той гайдамака поихавъ зъ парубкомъ до третёго въ гости. Прыихавъ до нёго, а винъ уже мертвый лежыть. «Ну, шо жь, хлопче, треба ёго поховать. Такъ отъ шо: я буду галушкы мишать, а ты окрипъ вары, шобъ було чимъ обмыты и помьянуть покойныка». Узялысь воны одынъ галушкы мишать, а другый окрипъ варыть. А мертвый лежыть ныцъ на лави, и одна рука его на нему, а друга помижъ лавы. А у тыхъ, шо прыихалы, та була собачка. Пидбигла та собачка пидъ лаву, а мертвый якъ ухопе ій за вухо та якъ скрутне, то вона якъ заскавучыть! Тоди той, шо мишавъ галушкы, побачивъ те тай дума соби: «Э, добрый оце мертвякъ». Пидизвавъ до себе парубка тай шепче ему на вухо: «Сидлай ты мерщій коней, пидтягай попругы кисно и держысь на кони крипко, та робы все те такъ, шобъ ныхто й не бачивъ, а потимъ я буду тебе пытать, чи готовый окрипъ, то ты кажы, шо готовъ». Отъ той парубокъ осидлавъ обохъ коней, сивъ верхы и жде. А хозяинъ его и пыта тоди парубка: «А шо готовъ окрипъ»?—«Готовъ»! Такъ винъ тоди якъ выскоче изъ хаты, якъ скоче на коня та тикать, а мертвякъ за нымы... То ото якъ стане вже добре мертвякъ ихъ догоняты, то воны тоди й кажуть на свого собаку: «Беры ёго»! То собака и почне рвать того мертвяка. Такъ добиглы воны до моста на Чортомлыку, ажъ тутъ пивни и крыкнулы: «кукурику»!.. Такъ винъ тамъ же й ляснувъ на землю. Тоди хозяинъ той отдавъ парубку коня, давъ грошей, одежу и

одпустывъ ёго одъ себе: «Иды соби, парубче, куды хочешъ, а я вже самъ буду ховаты того мертвяка: умисти товарышувалы, такъ мени ёго и ховаты, хочъ уже прыйдетця, може, и загынуты, такъ одному мени, а билышъ никому». Такъ отъ такыхъ то гайдамакъ тутъ кисно було и панамъ.

Между тѣмъ компанія наша все увеличивалась, и къ намъ подошелъ еще Демидъ Коваль, принесшій козацкое стремя, найденное имъ въ запорожскомъ «базарыщѣ». Всѣ присутствовавшіе, кромѣ Кузьмы Лысаго, набросились на него съ разными вопросами, гдѣ и какъ онъ добылъ стремя.

— Э, такъ неможна чоловика туркать, замѣтилъ Кузьма Лысый. Хай винъ сяде сперше, выпье чарку, закусе, а тоди вже ёго и пытай. Отакъ и у запорожцивъ було. У ихъ якъ прыйшовъ оце якый чоловикъ, то воны спершъ посадють ёго тай кажуть: «Здрастуй, хлопче»!—Здрастуйте, добри молодци»! «Може ты хочешъ исты»?—«Тай хочу». «Ну, сидай». То винъ и сяде. Поставлють воны коло нёго стравы тай дывлютця: такъ якъ винъ исть та мовчыть, то воны й кажуть: «Ну, наивсь, то й зоставайсь у насъ». А якъ винъ исть та балака, то воны дадуть ёму наистысь, а тоди й кажуть: «Ну, наивсь, теперъ иды соби геть, бо якый зъ тебе идець, такый и стрилець».

Въ пріятной бесѣдѣ, у подножья могилы Сирка, подъ сѣнью тополей и кудрявыхъ шелковицъ, я не замѣтилъ, какъ и время пролетѣло, и мнѣ грустно было покидать всѣхъ моихъ собесѣдниковъ, доставившихъ мнѣ столько истинно отрадныхъ и счастливыхъ часовъ. Изъ всей компаніи всѣхъ больше мнѣ пришлись по душѣ дидусь Кондратъ Дывныченко да Кузьма Лысый, еще молодой мужикъ, но очень симпатичный, разумный, ласковый и чрезвычайно привѣтливый. Но тяжелѣе всего мнѣ было разставаться съ Сиркомъ: точно что оборвалось у меня въ груди, когда я въ послѣдній разъ бросилъ прощальный взглядъ на высокую могилу и на памятникъ; скрывающіе подъ собой дорогіе останки могучаго бойца. Мнѣ предстояло ѣхать изъ Капуливки обратно на Никополь. «Якъ будете въ Ныкыполи, то найдить тамъ Грыцька Безштанька, на Мыкытыному,—у нёго есть запорозськы древности». Такое указаніе далъ мнѣ на прощанье Иванъ Соломаха.

Въ тотъ же день, 7 сентября, я былъ уже въ Никополѣ, а на другой день утромъ отправился на Микитино розыскивать

Грыцька Безштанька. Едва спустился я въ одну изъ улицъ, какъ увидѣлъ у воротъ старичка, средняго роста, сухощаваго, уже значительно ослабленнаго прожитыми годами.

— Чи не знаете, диду, де тутъ живе Грыцько Безштанько?

— Тутъ живе Грыцько, та тилько не Безштанько, а Таранъ, по призвыщу Слабый.

— Такъ це вы и есть?

— Це я и есть.

— За шо жъ васъ прозвалы Слабымъ?

— Мій дидъ та боровсь зъ запорожцемъ тай п.....въ. Э, якый же ты, братъ, слабый на втòры, сказавъ ему запорозецъ; та съ тыхъ пиръ и прозвалы его Слабымъ...

Я долго хохоталъ отъ такого объясненія и со смѣхомъ вошелъ къ Слабому во дворъ. Мы присѣли подъ какимъ-то навѣсомъ и тутъ я обратился къ диду съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ была запорожская Сичь, гдѣ бы я могъ найти козацкихъ древностей.

— Сичь була тамъ, да теперъ стоитъ Капуливка; тамъ же есть и могыла Сирка.

— Хто жъ воно бувъ той Сирко?

— Кошовый такый. Винъ такый бувъ, шо де-що знавъ. Оце бувало выйде изъ куриня тай гукà на своёго хлопця: «А ну, хлопче, возьмы пистоль, стань отамъ та стриляй мени въ руку.» Той хлопець визьме пистоль та тилько бухъ! ёму въ руку. А винъ визьме въ руку кулю, здаве іи та назадъ и кыне. Воны, ти запорожци, вси булы знаёвыти... Сирко три разы умиравъ у симыдесяты годахъ, а всёго ему було 210 годовъ. Винъ якъ умира було, той каже: «Оце вамъ тры пузырькы зъ водою,—першымъ пузырькомъ спрысныте — ожыву; другымъ пузырькомъ спрысныте — стану дывытыця, а третимъ спрысныте — устану и пиду у трыдцяты годахъ». Тоди травы таки сыльни булы; ото и вода зроблена була изъ такихъ травъ. Такъ якъ умре, то ёго клалы у гной и на трети суткы отгрибалы та спрыскувалы водою. Якъ изъ першого пузырька спрыснулы—ожывъ; зъ другого спрыснулы—ставъ дывытыця, а зъ третёго спрыснулы—уставъ и пишовъ. Отъ такъ до трёхъ разъ винъ робывъ. А въ послидній разъ винъ якъ умеръ, то веливъ себе спалыть и попилъ геть пустыть, а руку веливъ одрубать и носыть тры годы, а потимъ тòго положыты у могылу. Ото та могыла и естъ у Капуливци.

— То въ Капуливци могыла, а у васъ же на Микитиному не було ни якыхъ запорозскыхъ могылъ?

— Булы и у насъ, та у сорокъ пьятому годи вода одмыла у насъ одъ берега запорозське кладовыще и знесла геть его въ Днипро. Тоди сотъ пьять запорозськыхъ гробивъ упало въ воду.

— Такъ и тутъ жылы запорозци?

— Жылы воны и въ Капуливци, и тутъ жылы.

— И шо воно за народъ бувъ?

— Народъ воёвытый, бравый народъ; его уже зразу можно було пизнать, шо воно запорозець.

— А якъ же ёго пизнать?

— По одежи.

— А яка жъ на нёму одежа була?

— Каптанъ кармазыновый, довжынй на четверть нижче колинъ, зъ закаврашамы, зъ воротныкомъ и зъ карманамы,—и те все—закавраши, воротныкъ и поясъ — обложени булы шнурками, або червонымы, або зеленымы. Потимъ поясъ чотыри аршины довженй, а 6 вершкивъ ширины. Шапка двохпалубна зъ смушевою околыцею, дви четверти зъ околыцею уверхъ.

— И вы все те бачылы своима очима?

— Бачывъ, голубчику, та ще й онъ якъ бачывъ, бо и мій батько тежъ бувъ изъ запорозцивъ. Таранивъ тутъ багато було,—та все запорозци.

— А окримъ Таранивъ ще хто—небудь тутъ у васъ есть изъ запорожцивъ?

— Есть; ось сусидъ мій, черезъ вулыцю, Дмытро Степановычъ Быковскій [1]); тому ажъ висимдесятъ-два годы; той багато чого балака про запорозцивъ.

Выспросивъ у дида Тарана все, что онъ зналъ о запорожцахъ, я перешелъ отъ него къ диду Быковскому и увидѣлъ передъ собой очень высокаго, съ густой бородой, худощаваго, нѣсколько сутуловатаго, съ одышкой старика. Войдя къ нему въ хату, я прямо объявилъ ему, что пришелъ съ тѣмъ, чтобы разспросить кое-что про старину, про запорожскихъ козаковъ, а главное про кошевого Сирка. Дидъ Быковскій сѣлъ противъ меня на лавѣ и сразу впалъ въ легкое раздумье.

— Кажете, прыйшлы спытать про Сирка?

---

[1]) Въ III-мъ томѣ Исторіи запорожскихъ козаковъ (СПБ. 1897, 614) ошибочно напечатано вмѣсто „Быковскій“—„Барановскій“.

— Про Сирка, диду.

— Сирко велыкій воинъ бувъ. Той знавъ, хто шо й подума. Ото тамъ по тимъ боци Днипра [1]), булы татары, Магометъ живъ; та якъ задумають воны було воювать, то Сирко и каже козакамъ: «Собирайтесь докупы, бо на насъ уже орда пиднемаетця». Винъ сильный такый бувъ, шо єго якъ хто шаблею ударыть по руци, такъ и кожы не розруба,—тилько сыне буде. Не то шо кулею, а шаблею. Уже татары яки миры противъ нёго робылы, такъ ничого не зробыли. Воны ёго шайтанòмъ такъ и прозвалы. Винъ якъ умиравъ, то сказавъ такъ: «Якъ будете ротомъ до схидъ сонця воду носыть изъ ричкы, шо коло Сичи, и якъ обмочите тіею водою усю мою могылу, такъ будете знать те, що й я»... Такъ нихто не змигъ,—дуже велыка могыла. «А якъ буде велыка потуга на Россію, то раскопайте мою могылу, одрижьте мою руку, то буде вамъ защыта». Такъ ото якъ хранцузъ найшовъ на Москву, то руку Сирка взялы и повезлы въ Москву, а потимъ прывезлы и упьять положылы на мисто. Бувъ у запорожцивъ ще кошовый Чалый, добрый воинъ бувъ! та тилько проты Сирка не було. Цей якъ брань, такъ винъ самъ тамъ постоянно, тамъ уже и кладе,—безъ нёго не було нияκои стычкы. Винъ таки молытвы знавъ. Винъ побожому, не то шо чары яки.

— Звидкиля винъ узявся тутъ? и чи булы у него жынка та диты?

— Не знаю, чи винъ уже зъ горы де взявся, чи зъ другого якого миста, а жынкы и дитей у него не було,—одынъ якъ есть. Ото у насъ въ церкви и кружка Сиркова есть, — пивкварты, якъ есть, улазе. Такъ Сирко кошовый пывъ на тощакъ горилку зъ тіеи кружкы. Тамъ и карбованьци позалывани на чотыри стороны. Мабуть при нему на заказъ и зроблено... Такъ оце мени розсказувала про Сирка моя баба, а ій було тоди сто двадцять пьять годъ; якъ вона умерла, то мени було шиснадцять литъ.

— А окримъ Сирка про запорозцивъ вамъ ваша баба ничого не розсказувала?

— Розсказувала вона багато чого; разсказувавъ и дидъ мій про запорозцивъ де—що. Воны сперше давалы дань полякамъ: шо тилько не плодылось, — третю скотыну. А посли того воны якъ пидкупылы короля, такъ винъ и позволывъ имъ отутъ жыть.

---

[1]) То-есть, по лѣвому берегу Днѣпра.

Отъ то въ Капуливци була у ихъ сама главна Сичь; сперше якъ спустылысь воны съ порогивъ, то вона була на Городку, пидъ Чернышевою, та тилькы ненадовго; а вже у Капуливци була ажъ двисти годъ. А ихъ було сорокъ тысячъ. Отъ тоди вже воны и почалы роскошувать! Прогналы геть ляхивъ ажъ по Случъ ричку: «Оце жъ, ляше, по Случъ наше»! Тоди вже воны й завелы соби Сичь; ото якъ волость теперъ—такъ у ихъ Сичь. Де хто находытця, то тамъ, въ Сичи, звисно; де хто шкоду зробывъ—тамъ звисно. «Отъ такого-то и такого куриня козакъ тамъ шо зробывъ». Про такого козака отамана заразъ и пытають. А у ихъ на двадцять—пьять чоловикъ бувъ отаманъ: якъ двадцять-пьять чоловикъ, такъ и отаманъ. И де вже козакъ одъижжаить погулять, то вже довжéнъ отамана спытатьця. Мижъ ными булы и жонати, такъ тилько таки жылы на степу, скотыну плодылы тамъ: ты оры, сій и косы, за те на службу не ходы. Ото называлысь сыдни, — имъ и помичь дадуть козакы, тилько робы. А въ Сичи то вже бурлакы, нежонати. Землею владилы обтомъ; земля була войськова. Онъ де Коржевы могылы, а то жъ усе ихъ було! Табуны коней, рогата скотына такъ и ходе у ихъ по воли безъ пастуха; тилько вивця зъ постухомъ ходыла. А на степу було така трава росте, шо й на зиму ии ставало.

— Съ кимъ и за шо воны былысь?

— Былысь зъ ляхамы за виру, бо ляхы отдавалы на откупъ жыдамъ церквы; былысь зъ татарамы за Крымъ та за перевозы, шобъ получить пропускъ за силью; былысь и за другу здобычъ, бильшъ усего за коней. Оце поидуть у Польщу, позаймають тамъ коней та продадуть туркамъ; а въ Турцію поидуть, позаймають коней, ляхамъ продадуть. У ихъ добра було! Оце пьють-пьють тай кажуть: «А шо, хлопци, штаны порвалысь, треба ихать на здобычъ». Поидуть, займуть табунъ коней и есть на штаны. Тоди прыиде изъ Сичи въ степъ, збере людей, хочъ двадцять чоловикъ, накупе горилкы, напое всихъ, сяде тай поиде до Сичи. Здоровенный та сильный народъ бувъ! Чарку склянну возьме въ ротъ, та такъ усю зубамы и покусае; теперъ ничимъ и хлиба укусыть, а винъ чарку склянну всю покуса. Одынъ тутъ чоловикъ двери кочергою пидперъ, такъ винъ (запорожець) лобомъ двери одчинывъ и кочергу погнувъ. Ото знаете на Днипри есть Бизюкивъ манастырь; тамъ, коло нёго, балкы есть, одна Куца, а друга Довга; ныжче Куцои воны сядуть тай сыдять тамъ, а туркы съ кораблямы

йдуть у верхъ по Днипру, пидъ Сичу и стережутця запорожцивъ. А винъ,—одынъ запорожець,—возьме пушку, посаде ïи на плече, переберетця черезъ Днипро на другый берегъ, сховаитця у плавню тай сыдыть по другій сторони Днипра. То туркы бережутця правого берега та держутця ливого, а винъ тутъ прыспособытця коло вербы, та якъ выстриле изъ пушкы у корабель, то такъ и пусте ёго въ Днипро.

— Якъ вашъ дидъ бувъ запорожець, то чи не зосталось у васъ якыхъ-небудь древностей козацкихъ?

— Ни, нема ажъ ничогисенько. У дида моёго Сергія Быковського було дви чаркы золотыхъ,—такъ зъ осьмушку завбильшкы. Такъ одна до сына, бачъ, до моего батька, перейшла, а друга до дочкы. Такъ, якъ батько було гостей заведе, то й поштуе изъ чаркы, и згадують запорожцивъ. Теперъ уже тіи чаркы давно нема. Булы и люлькы запорозськи, такъ тежъ попропадалы десь. А люлькы вже вси запорожци курылы. Ото жъ и писня така була:

Вражи сыны запорозци не добре робылы,
Шо въ недилю до схидъ сонця горилочку пылы,
Шо въ недилю до схидъ сонця горилочку пылы,
До церквы йшлы, въ боже свято, та люлькы курылы.

Э, булы колысь запорозци, та теперъ ихъ нема и не буде! Це все паны такъ пидвелы царыцю, шобъ у запорозцивъ землю одибрать: кажуть, шо воны разбойныкы, ну и розибралы землю. Хотилы ихъ у салдаты повернуть, такъ воны зибралысь, та на дубахъ и пишлы пидъ турка. Ото тамъ есть Козачьи лагери, коло Олешокъ, то всны тамъ и стоялы, ажъ покы турокъ прынявъ. Тилько де-яки зосталысь и тутъ; воны булы за вольныхъ матросивъ. Отъ якъ мій дидъ та дидъ Грыцька Слабого, Таранъ. Тутъ у насъ, на Мыкытыному, була и запорожська камплычка, до сорокъ пьятого году, а то вже ïи въ 1845 году ричка завалыла. И церква святои Покровы була,—ще нова стояла, такъ ïи перенеслы въ Шолохову. И кладовыще запорозське було, и скилько було на нему запорозськихъ головъ валяитця, а теперъ уже и тихъ головъ нема,—усе чысто перевелось.

Грустно было слушать слова дида Быковскаго, грустно было и смотрѣть на него. Оборвавъ внезапно свою рѣчь, дидъ Быковскій молча всталъ съ лавы, молча вышелъ въ сѣни и потомъ, вернувшись минутъ черезъ пять въ хату, подалъ мнѣ

древнюю бумагу, завернутую въ какой-то лоскутокъ. Я развернулъ поданный мнѣ лоскутокъ и прочелъ на старомъ пергаментѣ слѣдующія слова:

«По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской и проч. и проч. и проч. Объявитель сего казакъ Сергей Быковскій служилъ въ бывшемъ запорожскомъ воиске, ныне же во уваженіи оказанныхъ имъ въ прошедшую турецкую воину въ деиствіи противу непріятеля заслугъ какъ отъ общественныхъ тягостей, такъ за имеющеюся болезнию отъ службы уволенъ на его собственное пропитание въ губернию новороссійскую, въ засвидетельствование чего данъ ему сеи пашпортъ за подписаниемъ моимъ и съ приложениемъ герба моего печати въ санктъ петербурге Марта 24-го дня 1783 года. Ея Императорского величества всемилостивѣйшеи государыни моеи отъ арміи генералъ аншефъ командующіи легкою конницею войскомъ донскимъ и всеми иррегулярными войсками, государственнои и военнои коллегіи и вице президентъ новороссіискій, азовскій, астраханскій и саратовскій, генералъ-губернаторъ воискъ тамо поселенныхъ и днепровской линіи главный командиръ, Ея императорскаго величества генералъ адъютантъ деиствителный камеръ геръ, леибъ гвардіи преображенскаго полку подполковникъ, ковалергардскаго корпуса порутчикъ, новотроицкаго кирасирскаго полку шефъ, орденовъ россійскихъ с-го апостола Андрея первозваннаго, с-го Александра невскаго, с-го великомученика и победоносца Георгия болшого креста, с-го равноапостолнаго князя Владимера перваго класса, королевскихъ пруского чернаго орла, датскаго слона, шведскаго серафима, полскихъ белаго орла с-го Станислава, и великокняжескаго голстинскаго с-я Анны коваleръ князь Потемкинъ. [мѣсто печати] № 731».

Прочитавъ подлинный документъ, списавъ себѣ документъ, утверждающій запорожское званіе дида Дмитра Степановича Быковскаго и списавъ съ него копію, я уже поднялся было съ мѣста, чтобы распроститься съ моимъ собесѣдникомъ, какъ онъ внезапно остановилъ меня такими словами:

— «Ну, колы жъ такъ, то я вамъ прокажу ще про козака Саву».

— «А чи я жъ не вморывъ васъ своимъ пытаннямъ, диду»?

— «Э, ни!.. Такъ слухайте жъ. Прыбигъ звидкилясь одынъ молодыкъ на Запорожжа. Куды жъ ёго опридилыть? Кошовому.

Ну, винъ пожывъ у кошового, може, годъ, може, й два. А кошовый бувъ старый, немочій. «Ну, товарыство, каже винъ на ради, поставте оцёго хлопця за кошового, то будете такъ жыть, якъ и зо мною». А винъ ёго всему вже навчывъ. Ну, воны оставылы старого кошового, а того хлопця изобралы замистъ нёго. Винъ же шо зробывъ? Поихавъ до ляхивъ тай каже: «Прыймите мене за короля, то я буду вамъ у защыту». Воны й прынялы ёго, женылы и ставъ винъ тамъ за короля. Отъ поихалы якось запорожци у Польшу, а винъ пійманъ ихъ та позалывавъ у кайданы. Ждуть ихъ въ Сичи, — нема ихъ. Идуть други запорожци въ Польщу, виньъ и тыхъ лове. И шо жъ винъ имъ робе? Облупе кожу на голови, положе вздовшъ спины дрюкъ, намота за чупрыну тай пустыть. Тоди козакы бачуть таку шкоду та до старого кошового. «Ты, кажуть, звеливъ того Саву постановыть замистъ себе, ты и прыбырай ёго до рукъ». Отъ зибралысь на раду.

«Ой, якъ крыкне старый сидый та на запорозцивъ:
Ой, хиба жъ нема мижъ вамы та вдалыхъ молодцивъ?
Обизвався Гнатко-братко, та ни на шо вбратьця:
Ой, знаю я того Саву, знаю, якъ мени й добратьця».

Далы ёму справу. Винъ найшовъ соби товарыша Кравчину, узявъ за чобитъ земли запорозькои, а въ руку кущъ тернины тай махà. А той Сава сыдысь дома та вороже: «Идуть, каже, на своій земли та пидъ такымы тернамы». А шобъ не въихалы въ Польщу, поставывъ gардоны. А ти gардоны заихалы въ шынкъ, коній поставылы коло шынку, а самы сыдять, пьють та выхваляютця проты запорозцивъ: «Я бъ пьять ихъ рунбавъ»!—«А я бъ десять ихъ рунбавъ»!.. А запорозци зъ пистоливъ якъ выстрилылы, то, може, чоловикъ десять закололы, а потимъ тихъ коній, шо стоялы коло шынку, позвязувалы тай маху до Сичи. «А шо, хлопци»? пыта кошовый. — «Та це коній на дорози наихалы та позабиралы, а теперъ пидымъ по Саву». А Сава соби и не гадкы. Поихавъ десь у гости, потимъ прыихавъ додому тай давай дывытьця у книгу: «Идуть, та ще на своій земли, пидъ такымы-то тернамы». А воны вже давно тутъ; ждуть тилько свитла.

А ще не свитъ, а ще не свитъ, а ще не свитае,
А вже Гнатко зъ Кравчиною конькивъ сидлае.
Есидлавши коныченькивъ—силы водкы пыты.
Де взялася зла хортуна—хоче Саву вбыты.

«Попидъ ручча, попидъ ручча сховай мене, нéне,
Та взялася зла хортуна тепера на мене»!
«Ой, не мусю, мій сыночку, я тебе ховаты,
Якъ заробывъ тай заслужывъ—треба одвичаты».

Нудно стало Сави;ославъ винъ свого хлопка по пыво. Якъ ось хлопокъ пишовъ по пыво и йде назадъ до кимнаты; а воны заразъ за нымъ и вскочылы. Тоже хлопци не промахи, — заразъ заступылы ти двери, де була ёго̀ зброя, тай кажуть:

«Здоровъ, здоровъ та, панъ Саво, ой якъ себе маешъ!
Издалека гостей маешъ, чимъ ихъ прывитаешъ»?
Якъ кынувся жъ та панъ Сава до яснои зброи,
Его взялы та пиднялы на рàтыща въ гору.
«Було бъ тоби, пане Саво, та такъ не робыты,
Було бъ тоби запорозцямъ головъ не лупыты,
Було бъ тоби у кайданахъ та ихъ не водыти»!
Якъ кынувся та панъ Сава та до свого мéча,
Покотылась пана Савы головонька съ плéча.

Такъ воны и скопіёвалы того Саву, и тоди впьять настала воля въ Запорожжи.

На этомъ словѣ я и оставилъ моего собесѣдника, Дмитра Степановича Быковскаго, а на слѣдующій день оставилъ и самый Никополь, отложивъ розыски Грыцька Безштанька до будущаго лѣта.